«В ТЕНИ ЛУБЯНКИ...»

О судьбах настоятелей церкви
Святого Людовика Французского в Москве:
воспоминания Леопольда Брауна
и обзор материалов следственных дел

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Основу сборника «В тени Лубянки…» представляют воспоминания американского католического священника-ассумпциониста Леопольда Брауна: подлинный рассказ о его служении настоятелем церкви Святого Людовика Французского в Москве в экстремальных условиях террора и сталинских чисток; о тяжелейших временах Второй мировой войны; о неизвестных до сих пор и неоднократных ограблениях этой церкви и осквернениях Пресвятых Даров. Описание же мало известных страниц его столкновений с советскими чиновниками и представителями иностранных посольств является бесценным свидетельством реалий той страшной эпохи. В воспоминаниях Леопольда Брауна дана также яркая картина быта советских людей периода 30-40-х годов, увиденная глазами иностранца, разделившего с ними все тяготы жизни. Воспоминания написаны с искренней любовью к русскому народу — главной жертве коммунистической утопии, с глубокой симпатией к простым россиянам и восхищением русской культурой.

Вступительная статья — «Судьба настоятелей и прихожан церкви Святого Людовика Французского в Москве. 1917–1950» — написана по материалам групповых процессов католиков в этот период, когда главной задачей следствия на допросах был сбор компромата на священников данной церкви. Это рассказ о судьбах настоятелей, пастырей верующих в стране большевиков, главным лозунгом политики которых был девиз — «Взять религию на штыки». Материалы следствия дали также информацию о трагической судьбе их верных прихожан, отправленных в тюрьмы и лагеря за верность Господу.

- В ТЕНИ ЛУБЯНКИ…
  -
  - Предисловие
  - Вступление. Судьба настоятелей и прихожан церкви Святого Людовика Французского в Москве. 1917-1950
  - Леопольд Браун. В тени Лубянки. Воспоминания католического священника о сталинской Москве[104]
    - Глава I. «С вашего позволения, господин посол, попрошу не финтить!»
    - Глава II. О золотых и бумажных рублях
    - Глава III. Первый ассумпционист в России[115]
    - Глава IV. Москва: взгляд в прошлое
    - Глава V. Нетрудовые элементы, паразиты и

служители культа в одной категории
- Глава VI. Сторонний взгляд на пролетарское счастье
- Глава VII. Поездки «крупных шишек» и благополучное жилище
- Глава VIII. Бескрылые ангелы-хранители
- Глава IX. Неправославное богослужение в Советской России
- Глава X. Ликвидация «реакционного духовенства»
- Глава XI. Государственное планирование и религия
- Глава XII. Это что — пропуск?
- Глава XIII. Так что же такое МВД — КГБ?
- Глава XIV. Я имею дело с НКВД
- Глава XV. Я слышу и вижу странные вещи
- Глава XVI. «Ленин ведь был великим человеком?»
- Глава XVII. Церковь Святого Людовика, пятикратно обворованная
- Глава XVIII. Меня приняли за «красного» испанского агитатора
- Глава XIX. Другие аспекты антирелигиозной деятельности Советов
- Глава XX. Я напоминаю о договоре Рузвельта — Литвинова
- Глава XXI. Спланированная «авария» и прочие подобные случаи
- Глава XXII. «Моя матушка научила меня»
- Глава XXIII. Как Кремль проиграл войну с Богом
- Глава XXIV. «Крестовый поход» Гитлера против советского атеизма
- Глава XXV. Уступка религии, сохранившая лицо Кремля
- Глава XXVI. Советский геноцид и странное заблуждение США
- Глава XXVII. Транспорт НКВД для меня и моей собаки
- Глава XXVIII. «Собирайтесь в отпуск, отец Браун!»
- Глава XXIX. Кремль меня просит
- Глава XXX. Генерал де Голль посещает церковь Святого Людовика
- Глава XXXI. Я предстаю перед судом в качестве

обвиняемого
- Глава XXXII. Встреча после Ялтинской конференции
- Глава XXXIII. Не надо лететь на этом самолете!
- Глава XXXIV. Эпилог

- Послесловие
- Приложение I. Биографические справки упоминаемых лиц, подвергшихся репрессиям
- Приложение II. Биографические справки упоминаемых лиц, высланных из Советского Союза
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164

- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203

В ТЕНИ ЛУБЯНКИ…
О судьбах настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве: воспоминания Леопольда Брауна и обзор материалов следственных дел

В ТЕНИ ЛУБЯНКИ…

О судьбах настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве: воспоминания Леопольда Брауна и обзор материалов следственных дел

Москва
БРАТОНЕЖ
2012

Предисловие

Основу сборника «В тени Лубянки…» представляют воспоминания американского католического священника-ассумпциониста Леопольда Брауна: подлинный рассказ о его служении настоятелем церкви Святого Людовика Французского в Москве в экстремальных условиях террора и сталинских чисток; о тяжелейших временах Второй мировой войны; о неизвестных до сих пор позорных неоднократных ограблениях церкви и осквернениях Пресвятых Даров. Описание же мало известных страниц его столкновений с советскими чиновниками, а также с представителями иностранных посольств, его едкие оценки дипломатов, наплевавших на здравый смысл и честность, является бесценным свидетельством реалий той страшной эпохи. В воспоминаниях Леопольда Брауна дана также яркая картина быта советских людей периода 30-40-х годов, увиденная глазами иностранца, разделившего с ними все тяготы жизни. Воспоминания написаны с искренней любовью к русскому народу — главной жертве коммунистической утопии, с глубокой симпатией к простым россиянам и восхищением русской культурой.

Эти воспоминания были закончены отцом Леопольдом Брауном в 1961 году, незадолго до его смертельной болезни, но так и не были опубликованы при его жизни. Рукопись под названием «12 лет в России, которые надо помнить» была обнаружена Гэри М. Гилбертом в архивах ассумпционистов в Брайтоне и издана в США в 2006 году.

Стоит отметить, что отец Леопольд Браун в некоторых случаях переоценивал роль западных союзников в разгроме гитлеровской Германии, возможно, в противовес активной позиции советских историков, в своих трудах сводивших ее к минимуму с преувеличением роли Красной армии в этой победе. Также некоторые суждения отца Леопольда о религиозной политике Гитлера на оккупированных территориях не подтверждаются последними научными исследованиями.

При переводе в отдельных главах воспоминаний пропускались предложения, абзацы либо части; в связи с такими пропусками короткие предложения или абзацы там соединялись. Заметим также, что полные названия всех Церквей даны заглавными буквами, как это принято в России.

* * *

Начинается сборник вступительной статьей — «Судьба настоятелей и прихожан церкви Святого Людовика Французского в Москве. 1917–1950», — написанной по материалам групповых процессов католиков в данный период. Это рассказ о судьбах настоятелей, пастырей верующих в стране большевиков, главным лозунгом политики которых был девиз — «Взять религию на штыки». Служение священников в атмосфере постоянного давления, непрекращающихся угроз и неоднократных провокаций, их тесные контакты с католиками из разных регионов Советского Союза, приезжавшими в Москву для принятия Святых Таинств, а также с монахинями общины русских католиков дали пастырям уникальную возможность понять, каким видели режим верующие, как оценивали возможность исповедовать свою веру в атмосфере непрекращающихся гонений. Материалы групповых дел духовенства и мирян как в Москве, так и в регионах Советского Союза, когда главной задачей следствия на допросах был сбор компромата на настоятелей церкви Святого Людовика Французского, дали возможность подробно рассказать о трагической судьбе их верных прихожан, отправленных в тюрьмы, лагеря и ссылки лишь за верность Господу.

В *Приложении I* приведены биографические справки упоминаемых лиц, подвергшихся репрессиям.

В *Приложении II* приведены биографические справки упоминаемых лиц, высланных из Советского Союза.

Все цитируемые тексты приводятся по новому стилю, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, за исключением специально оговоренных случаев. Приведенные в сносках выдержки из следственных дел или личного дела заключенного выделены курсивом.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ А. Б. Рогинскому.

Пользуюсь случаем передать глубокую благодарность отцу Бернару Лё Леаннеку АА, настоятелю церкви Святого Людовика Французского (с 1991 по 2007 год), — за неоценимую поддержку нашей работы и помощь в получении фотографий. Приношу искреннюю благодарность исследователю Гэри М. Гамбургу — за

помощь в получении разрешения на русский перевод воспоминаний отца Леопольда Брауна и искреннюю поддержку нашей работы.

Приношу глубокую благодарность отцу Евгению Гейнриксу ОР за неоценимые советы и исправления, полученные от него при подготовке к изданию перевода воспоминаний Леопольда Брауна.

Приношу благодарность за помощь в работе с материалами следственных дел работникам Центрального архива ФСБ РФ.

Особая признательность **Фрэнсису Грину**, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Вступление. Судьба настоятелей и прихожан церкви Святого Людовика Французского в Москве. 1917-1950

В 1789 году проживающие в Москве французы подали прошение о разрешении им строительства католической церкви. После получения разрешения от московских властей и его одобрения императрицей Екатериной II была построена небольшая деревянная церковь. Освящение церкви во имя французского короля Людовика IX Святого состоялось 30 марта 1791 года. В XIX веке было осуществлено строительство современного здания церкви на месте прежней. Строительство было начато в 1833 году, а закончено двумя годами позже. Церковь была сооружена по проекту известного архитектора А. О. Жилярди, но лишь 17 июня 1849 года состоялось ее освящение.

Пастырская служба ее настоятелей определялась российскими законами, принятыми в отношении Католической Церкви, богослужения проводили католические священники французского происхождения. При церкви Святого Людовика Французского существовали две гимназии — мужская гимназия Святого Филиппа Нери и женская гимназия Святой Екатерины; а также благотворительный приют Святой Доротеи. Более ста лет церковь Святого Людовика Французского в Москве была для верующих французов, проживающих в России, духовным центром, с 11 января 1913 года настоятелем прихода был Жан-Мари Видаль[1]; к 1917 году число прихожан насчитывало 2700 человек.

«Уже в первом кровавом побоище, учиненном коммунистами в конце октября в Москве, были жертвы среди католиков: 30 октября 1917 года настоятеля прихода Жан-Мари Видаля информировали, что один из его прихожан смертельно ранен, священник тут же поспешил прийти, но живым он его уже не застал. Торжество Всех Святых, отмечавшееся через два дня, напомнило настоятелю эпоху катакомб»[2]. С провозглашением большевиками Декрета «Об отделении Церкви от государства» у причта возникли сложности: настоятель Жан-Мари Видаль и так называемая «двадцатка» приходской общины были иностранцами, сотрудниками французского посольства. Именно тогда председателем «двадцатки» и старостой церкви была назначена Алиса Бенедиктовна Отт[3], француженка, после своего замужества получившая российское подданство. В результате

этого назначения приходской общине удалось решить многие проблемы.

17 июля 1918 года церковь Святого Людовика Французского посетил архиепископ Могилевский Эдуард фон дер Ропп, который преподал таинство миропомазания некоторым детям. «Визиты епископа в католические приходы невероятных размеров Могилевской епархии были событиями исключительнейшими, и многие приходы удостаивались подобного не чаще чем раз в полстолетия». Церковь Святого Людовика Французского ждала епископа более десяти лет, и все прихожане в этот июльский день были тронуты ободряющими словами своего пастыря. Никто не знал еще, что вскоре их архиепископу придется навсегда покинуть страну.

5 августа 1918 года наступил для прихода день суровых испытаний. Ночью произошли массовые аресты французов и англичан как представителей враждебных большевистской России стран Антанты, среди них, конечно же, было много католиков.

Все они сначала были размещены на Тверском бульваре в здании милиции, затем военнослужащие[4] переведены в Бутырскую тюрьму. Женщины-заложницы[5] были отправлены в основном в Андроньевский и другие монастыри, где были устроены концлагеря. «Их семьи, родные, друзья каждый вечер собирались в церкви Святого Людовика Французского, чтобы молиться за них, читать новенну Богородице к празднику Успения».

17 августа 1918 года[6] был убит председатель Петроградской Чрезвычайной Комиссии М. С. Урицкий[7], 30 августа на заводе Михельсона совершено покушение на В. И. Ленина. В ответ на эти два теракта советская власть объявила о начале масштабной кампании террора. При этом объектом массовых казней были названы целые слои населения, а именно все, кто не относился к рабочему классу или беднейшему крестьянству; например, только 2 сентября в Петрограде было расстреляно 512 заложников, в основном офицеров русской императорской армии. Все это не сулило заложникам-католикам ничего обнадеживающего, а советские тюрьмы и концлагеря, конечно, были закрыты для посещения священников.

«В результате вмешательства посольства Франции была достигнута договоренность об освобождении заложников, 25 января 1919 года были освобождены французы-военнопленные. Начался массовый выезд французов из Москвы; в обмен на это французские власти не препятствовали никому из российских военных, оказавшихся на территории Франции во время войны, свободно вернуться в красную Россию. Но многие из тех, кто не

мог покинуть Москву по самым разным причинам, остались, находя духовное утешение в храме Христовом. Все здания, принадлежавшие приходу, включая помещения гимназий, к весне 1919 года были уже конфискованы». Оставалась лишь сама церковь.

«В мае 1919 года, накануне праздника Вознесение Господне, в церковь Святого Людовика Французского вошла группа чекистов с семнадцатилетним парнем во главе и учинила тщательнейший многочасовой обыск. Нагрянувшим коммунистам пригрезилось, что между храмом и соседними зданиями существуют подземные ходы, а в подземельях сокрыто оружие и боеприпасы. Обследовав подвалы, чекисты не нашли, естественно, ничего. Тогда в голову им пришла идея, что вход в мифические катакомбы находится под… главным алтарем, используемым лишь „для маскировки“. Несмотря на протесты, юный шеф чекистской группы отодрал мраморную плиту; понятно, что и там не были обнаружены склады с оружием. Все последующие протесты также не дали никаких результатов. Новый обыск последовал 22 июля. На сей раз интересовались жильем священника, но не сообщили о предмете своих поисков».

В 1920 году французское посольство покинуло Россию, в начале 1921 года настоятель церкви Святого Людовика Французского Жан-Мари Видаль был также арестован и заключен в Бутырскую тюрьму[8]; очевидно, таким образом советские власти пытались надавить на правительство Франции. После трех месяцев тюремного заключения Жан-Мари Видаль был демонстративно выслан из России, так что церковь Святого Людовика Французского осталась без настоятеля. Перед отъездом настоятель вручил старосте Алисе Отт ключи от церкви и поручил ей заботу о приходе[9]. С тех пор для совершения воскресных и праздничных богослужений в церкви Святого Людовика Французского приглашались священники из храмов Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии и Святых Апостолов Петра и Павла.

Несколько раз большевики пытались закрыть приход Святого Людовика Французского, но всякий раз верующие отстаивали его. В 1922 году, в процессе изъятия церковных ценностей «для помощи голодающим», прихожане смогли спасти церковную утварь: «они собрали все свои нехитрые драгоценности, нажитые за многие годы, — серебряные кофейники, чайники, фамильные сервизы, сережки. Сдав, таким образом, серебро, в полтора раза превышающее по весу то, что собрались конфисковать коммунисты, прихожане спасли храм от разорения». В тяжелые времена начала 1920-х годов староста прихода Алиса Отт

организовала поддержку продуктами и промышленными товарами нуждающихся французов через польское посольство, позднее денежную помощь им осуществляло вернувшееся в Москву французское посольство.

* * *

5 декабря 1922 года властями были закрыты все католические церкви Петрограда, разнеслись слухи о предстоящем групповом процессе католического духовенства. В конце декабря экзарх русских католиков Леонид Федоров[10], предвидя уже свой скорый арест, в своем письме в Москву предупреждал о возможной участи и Анну Абрикосову[11], игуменью общины сестер-монахинь: «Петроградское правительство предъявило свое veto, основываясь на том, что Католическая Церковь — это ячейка контрреволюционных организаций. Чтобы оправдать этот поклеп против нас, устраивается громкий процесс. Мы обвиняемся: в контрреволюции, злостной агитации, в устройстве организаций для свержения советской власти, в использовании религиозных предрассудков народных масс для этой же цели»[12]. Далее он сообщал о кодовых словах в будущих телеграммах из Петрограда: слово «да» в первой из них означает, что он арестован, слово «приезжайте» во второй — нужны деньги.

4 марта 1923 года группа католических священников с архиепископом Яном Цепляком[13] во главе и экзарх русских католиков Леонид Федоров прибыли в Москву и сразу же были заключены в тюрьму. 23 марта начались судебные заседания, подсудимых, как «*участников контрреволюционной организации церковников*», обвиняли в выступлениях против декретов советской власти и контрреволюционной агитации. Все пять дней процесса шло открытое издевательство над ними, их веру старались оскорбить, а самих священников — унизить, особенно часто атаковали архиепископа Яна Цепляка и прелата Константина Будкевича[14] как «руководителей контрреволюционной организации». Прокурор Н. В. Крыленко демонстративно обращался к обвиняемым на «ты», выражался цинично и богохульно, заявляя: «Власть Папы? — предрассудок, мыльный пузырь, пустой звук»[15]. Он высмеивал их веру в кару Божию и вечную жизнь, старался представить священников низкими и подлыми людьми, почти ворами.

25 марта 1923 года обвиняемые были приговорены: Ян Цепляк и Константин Будкевич — к расстрелу; пятеро

священников, включая Леонида Федорова, — к 10 годам тюремного заключения; остальные восемь священников — к 3 годам заключения. 29 марта 1923 года расстрел архиепископу Яну Цепляку был заменен на 10 лет тюремного заключения, а Константин Будкевич был расстрелян[16]. Тюремная изоляция на долгие годы активнейших священнослужителей привела к почти полному разгрому Католической Церкви, главной цели этой акции. Да еще на следующий день после приговора в центральной газете «Правда» была опубликована статья, подписанная рабочим Ф. Федоровым, с призывом к революционному Трибуналу о предании суду Папы Римского, так как именно он и был виновником сопротивления католических священников советской власти.

Отметим, что суровый приговор экзарху Леониду Федорову был вызван его поведением на суде, когда он твердо заявил, что «*хотя мы и подчиняемся советской власти вполне искренне, но смотрим на нее как на наказание Божие за грехи наши*»[17]. Это вызвало гневную отповедь прокурора Крыленко: «*Это он собрал вместе православных и католиков для противодействия власти. Это он устраивал общий фронт против коммунизма*». Заметим, что после процесса отношение местных властей к русским католикам стало более жестким, чем к католикам-латинянам. Летом 1923 года все ранее опечатанные католические церкви Петрограда открылись, кроме приходской церкви русских католиков во имя Сошествия Святого Духа. Неоднократные просьбы верующих были безрезультатны, власть категорически заявила, что церковь будет ликвидирована, якобы Леонид Федоров слишком опасный человек, а «*в подлую федоровскую церковь пойдут миллионы, пойдут в католическую интернациональную организацию!*»[18]

Как и предсказывалось, с 12 по 16 ноября 1923 года в Москве было арестовано тринадцать участников общины русских католиков, среди них священник Николай Александров[19] и игуменья монашеской общины Анна Абрикосова. Эта операция чекистов в рапорте начальника секретного отдела ОГПУ была представлена так: «*Ликвидацию мы произвели на основании имеющихся агентурных сведений о том, что Московская община имеет тесную связь, во-первых, с Абрикосовым, находящимся в Риме, как представителем Папы, а во-вторых, с кругами, собирающими материалы о положении в Советской России, которые должны служить как обвинительный материал против СССР*»[20].

С 17 по 29 ноября прошли аресты и в общине русских католиков в Петрограде, среди арестованных были священники

Иоанн Дейбнер и Епифаний Акулов[21]; все они для дальнейшего следствия были отправлены в Москву. С марта по апрель 1924 года аресты русских католиков продолжались как в Москве, так и в Петрограде, причем шесть женщин-католичек осудили там же, не привозя в Москву. В качестве доказательства обвинения, что в Абрикосовской общине «*печатались и распространялись письма нелегального характера*», были предъявлены найденные при обыске, во-первых, «Открытое письмо тридцати русских католиков», где подробно описывались преследования верующих в России, и, во-вторых, многочисленные вырезки из газет об арестах как католиков, так и православных. И обвиняемые не отрицали, что все было предназначено «*для отправки Римскому Папе*». От арестованных православных священников, посещавших ранее квартиру Абрикосовых, следствие добилось нужных им показаний против католиков: «*Беседовавшие с нами католические богословы не скрывали своего желания подчинить нас иезуитам (или что то же — Папе Римскому), уже одно это, по моему разумению, означало, что они хотели втянуть и нас в политику*».

19 мая 1924 года обвиняемые были приговорены: Анна Ивановна Абрикосова как «*руководительница Московской контрреволюционной организации, имевшей связь с Высшим монархическим Советом за границей*», три священника[22], три активных сестры-монахини и два мирянина — к 10 годам тюремного заключения; остальные сестры — к 3–5 годам ссылки. Ни одна из сестер-монахинь не подписала отречения от католичества; общее настроение соединенных перед этапом в пересыльной камере сестер передают слова их игуменьи Анны Ивановны Абрикосовой: «*Вероятно, каждая из вас, возлюбив Господа и следуя за ним, не раз в душе просила Христа дать ей возможность соучаствовать в Его страданиях. Так вот, этот момент теперь наступил. Теперь осуществляется ваше желание страдать ради Него*»[23].

* * *

Антицерковная политика большевиков все более ужесточалась[24], катастрофически ухудшалось положение и Католической Церкви в России. А с высылкой из страны в апреле 1924 года архиепископа Яна Цепляка почти двухмиллионная католическая паства осталась без духовного руководства. Советское правительство не давало разрешения на въезд в страну нового епископа, пока Ватикан официально не признает Россию. Все попытки Папы Римского договориться с большевиками

кончались провалом. С начала 1925 года Ватикан, используя дипломатические каналы, вновь продолжил попытки договориться с советским правительством, которое не давало разрешения на въезд в страну нового епископа, требуя от Ватикана официального признания СССР. Больше года тянулись мучительные и безрезультатные переговоры в Берлине, но надежд на заключение договора не было. Тогда в Ватикане рождается план восстановления католической иерархии в России через тайное посвящение в сан епископа священника, официально служащего в стране. После возобновления дипломатических отношений с Францией[25] и возвращения французского посольства в Москву в январе 1925 года по договоренности с Ватиканом оно взяло церковь Святого Людовика Французского под свое покровительство, и это давало возможность осуществить тайные планы именно в этой церкви, в случае благоприятного исхода решался вопрос назначения и нового настоятеля.

Приезд в Москву отца Мишеля Д'Эрбиньи в Великую среду — для участия в службах Страстной седмицы — вызвал большое волнение прихожан. В церкви Святого Людовика Французского на Великий четверг собралось множество верующих, чтобы приветствовать священника, которого они видели в октябре 1925 года. В последующие дни он, приходя в храм к половине девятого утра, редко уходил раньше трех часов дня. На Пасху он совершил торжественную Мессу[26], произнес проповедь на французском, закончив ее несколькими словами на русском языке. Все это время он служил как простой священник, ничем не выдавая своего епископского сана[27].

Посол Франции в Москве был информирован о том, что Ватикан хотел бы иметь в России епископа-француза при условии, что его посвящение будет проведено тайно. Посвящаемым был избран священник Пий Эжен Неве, настоятель французского прихода в Макеевке Донецкой области[28]. Он прибыл в Россию в 1906 году с горячим желанием служить Господу именно здесь и двенадцать лет прослужил в приходе общины французских рабочих в Макеевке, снискав искреннюю любовь своей паствы. С началом Гражданской войны французская колония покинула Россию, но отец Эжен остался в большевистской России и продолжил священническую службу для остальных прихожан, но теперь уже только на русском языке[29].

После пережитых ужасов Гражданской войны, бесконечной смены властей, террора и насилия и, наконец, установления советской власти Эжен Неве пришел к убеждению, что только дипломатическое признание большевиков Ватиканом даст шанс Католической Церкви выжить в России, поэтому в своих

посланиях именно к этому он призывал Ватикан, убеждая ускорить переговоры. В 1921 году он познакомился со священником русских католиков Потапием Емельяновым[30], служившим в селе Нижняя Богдановка под Луганском; они подружились и стали переписываться. Именно отцу Потапию стал поверять в письмах свои тревоги и размышления о судьбе русского народа Эжен Неве: «Что превосходит мое понимание — это непоколебимое терпение и покорность народа»; «За столько страданий воздастся, не может быть, чтобы Господь позволил вынести такие тяжкие испытания без очень милосердной цели»[31].

Весной 1923 года отец Эжен узнает от Потапия Емельянова об аресте экзарха русских католиков Леонида Федорова, о сложном положении верующих, желающих принять католическую веру с сохранением православных традиций, но не имеющих духовных наставников. Он сообщает об этом митрополиту Андрею Шептицкому; 1 мая 1923 года отец Эжен Неве получает от владыки Андрея широкие полномочия при обращении верующих в католическую веру с оформлением соответствующего документа и сопроводительным письмом: «Мы также приказываем тебе, дорогой отец Неве, принимать с любовию, и это по заповеди Божией, служителей и верующих, желающих вступить в общение со Святейшим Престолом в Риме, и сохранить с большой заботой и во всей силе их церковные организации. Обо всем случившемся ты поспешишь нас информировать. Да благословит Бог тебя, а также твои труды и твой народ»[32].

Положение Католической Церкви было особенно тяжелым из-за активного наступления большевиков на религию в России. Но, несмотря на жестокие приговоры по завершившемуся в Москве групповому процессу над католическим духовенством, расстрел после суда генерального викария Константина Будкевича, отец Эжен решает частным порядком попытаться навести мосты между Ватиканом и советской властью. 1 июля 1923 года он обратился к председателю Совнаркома Украины Х. Х. Раковскому с письмом: «Мысль, которая преследует меня и которую я сообщаю Вам без предосторожностей, а просто и открыто, состоит в том, что было бы полезно и знаменательно для республики Советов восстановить дипломатические отношения с Папой Римским». «Для человека не стыдно, не унизительно разговаривать открыто с отцом многих тысяч миллионов христиан, с человеком, голос которого раздается так громко по всему свету, и с самым большим нравственным авторитетом, который имеется где-либо еще в мире». «Вполне вероятно, что Святейший Отец Пий XI не откажется достойно прийти к соглашению с русским

правительством». «Примите выражение моей безграничной преданности делу русского народа, который я люблю всей душой»[33].

Письмо, несомненно, было получено, но ответа на него не последовало. Однако отец Эжен не оставлял своих стараний и в апреле 1924 года в письме своему духовнику в Париж снова утверждал, что других путей к выживанию католиков в СССР нет: «Каждый день все более меня убеждает в том, что это соглашение все более и более необходимо: в противном случае мы все умрем от истощения». «Никто не просит у Папы отпускать грехи коммунизму, но если бы существовало средство для того, чтобы договориться с коммунистами для общего блага и для высшего духовного блага, искупленного кровью Иисуса Христа!»

Для Ватикана постоянная подробнейшая информация отца Эжена Неве о положении католиков в России была неоценима, а его непоколебимая убежденность, что только в переговорах возможно решение всех проблем, вызывала уважение и надежду Папы Римского — именно такой епископ сможет восстановить и возглавить разгромленную большевиками иерархию Католической Церкви. Посол Франции срочно вызвал в Москву священника Эжена Неве, и посланец Ватикана, епископ Мишель Д'Эрбиньи сообщил ему о предстоящем событии. 21 апреля 1926 года отец Эжен Неве полчаса провел в молитве, стоя на коленях у престола Лурдской Богородицы в церкви Святого Людовика Французского, затем епископ Мишель Д'Эрбиньи тайно посвятил его в сан епископа и назначил Апостольским администратором Московского деканата[34]. Позднее в его юрисдикцию вошел и экзархат восточного обряда, кроме того, он считался первенствующим среди других администраторов.

Впервые в Москве рукополагали католического епископа; впервые совершалась хиротония в храме Святого Людовика Французского. 10 мая там же были совершены тайно епископские хиротонии священников Александра Фризона[35] и Болеслава Слоскана, викария храма Святой Екатерины Александрийской в Ленинграде[36]. Последнюю тайную операцию посланец Ватикана совершил в Ленинграде: прелат Антоний Малецкий, генеральный викарий Могилевской архиепархии[37], 13 августа был хиротонисан во епископа и поставлен главой Ленинградской апостольской администратуры.

Обо всех событиях, происходящих в Советском Союзе, Пий Эжен Неве сообщал в своих посланиях Д'Эрбиньи, ставшему референтом Комиссии «Про Руссиа»[38], с марта 1927 года их стал читать и генеральный настоятель Конгрегации ассумпционистов, отец Кенар, ставший советником этой Комиссии. О тайном

событии чекистам вскоре стало известно от сексотов, «работавших» в церкви: «*В Россию приехал представитель из Рима епископ Д'Эрбиньи, который ведает делами католичества в СССР. Приехал он неофициально и провел реорганизацию среди католичества в СССР, назначил ряд епископов и разделил весь СССР на администраторства, назначив администраторов. В частности, Д'Эрбиньи назначил Неве администратором Московского округа и посвятил его в епископы*»[39].

В июне 1926 года епископ Пий Неве, вернувшийся на Украину для передачи дел будущему настоятелю прихода, отцу Давиду Майяну, был вызван в Юзовское управление ОГПУ и обвинен в том, что во Франции опубликованы его «Мемуары о времени воинствующего коммунизма» с антисоветскими выпадами. Действительно, под этим заголовком в парижском журнале были напечатаны его письма о событиях Гражданской войны на Украине. Свой вызов к местным чекистам он прокомментировал в письме к епископу Мишелю Д'Эрбиньи так: «Воинствующий коммунизм закончился в 1919 году, поскольку то, что происходит сейчас, я называю фашизмом красным»[40].

3 августа 1926 года епископ Мишель Д'Эрбиньи вновь прибыл из Рима в Москву, 14 августа в церкви Святого Людовика Французского он предстал перед изумленными прихожанами в епископском облачении. На следующий день, в день Успения Божией Матери, он открыто совершил епископскую торжественную Мессу и объявил верующим, что они «получат вскоре пастыря, который постоянно будет помогать душам доброй воли». 22 августа Мишель Д'Эрбиньи совершил епископскую Мессу в церкви Святых Апостолов Петра и Павла, а 23 августа там же прошла церемония конфирмации молодежи. Новость о епископском служении в Москве мгновенно распространилась среди католиков, и даже с далеких берегов Волги приезжали верующие для получения епископского благословения и таинства миропомазания, состоявшегося в праздник святого Людовика 25 августа.

Французское посольство вызвало в Москву епископа Пия Эжена Неве, но тот смог выехать из Юзовки лишь 2 сентября, да еще в Туле был задержан на двенадцать часов (власти хотели помешать его встрече с Мишелем Д'Эрбиньи). 4 сентября 1926 года епископ Неве наконец прибыл в Москву. В начале сентября монсеньору Мишелю Д'Эрбиньи было приказано властями покинуть территорию СССР. 5 сентября после воскресной Мессы, отслуженной Пием Эженом Неве, епископ Мишель Д'Эрбиньи официально представил его прихожанам как нового пастыря[41]. О рукоположении Неве уже знали ассумпционисты во Франции и

в одном из своих бюллетеней для внутреннего пользования сообщили новость о епископской хиротонии своего собрата. Из-за этой неосторожности тайна была раскрыта, так что теперь епископ Пий Неве мог больше не скрывать своего сана.

3 октября 1926 года в приходе Святых Апостолов Петра и Павла он совершил свою первую Мессу в полном епископском облачении. Сообщив о своем официальном вступлении в должность Апостольского администратора Московского, епископ Пий Эжен Неве закончил Мессу обращением к прихожанам: «Поскольку мы живем в среде великого русского народа, который оказывает нам гостеприимство, мы должны быть, и мы признательны ему и желаем ему мира, процветания и славы. Мы считаем русских нашими настоящими братьями, которые связаны с нами узами католической веры. Воздать Богу Богово, кесарю кесарево, любить врагов своих, прощать тех, кто злобствует на нас, молиться о тех, кто нас преследует и обижает, если такие люди встречаются нам, — вот наша единственная политика, потому что это политика Евангелия».

О своем новом назначении епископ Неве с волнением поведал в письме другу, отцу Потапию Емельянову, поделившись радостью и сомнениями: «Я так чувствую свою слабость! Одно только радует меня: на своем новом месте, Бог даст, буду иметь возможность доказывать делами и, если будет угодно Богу, добрыми услугами, что я глубоко люблю Россию и ее народ»[42]. 6 октября епископ написал в Ватикан о прошедшей торжественно первой Мессе и хорошем впечатлении на духовенство и верующих его обращения, а также о готовящейся передаче пожертвований заключенным священникам Суздальского политизолятора, сообщив о нахождении там отца Иоанна Дейбнера и его состоянии: «*Отец Иоанн постарел и похудел, но стал очень терпеливым и мужественным. Он предпочитает оставаться один в камере, так ему лучше думается, и он имеет возможность молиться*».

* * *

18 октября епископ Пий Эжен Неве был вызван в ОГПУ, где ему было сказано или прекратить священнослужение, или в течение трех дней покинуть страну, так как по новому законодательству только советские подданные могут заниматься религиозной пропагандой. Посол Франции, узнав об этом, выразил протест и сообщил о вызове в Париж. МИД Франции пригрозил Советам принятием соответствующих мер в отношении

церковных деятелей и советских граждан во Франции. 21 октября посол получил ответ из МИДа, что Пию Неве разрешено остаться в стране, но при условии, что он будет исполнять обязанности священника лишь в отношении французских граждан.

С этого времени Апостольским администратором Московского деканата официально стал Карл Лупинович, настоятель прихода Святых Апостолов Петра и Павла[43]. С первых же дней служения епископа Пия Эжена Неве в Москве чекисты стали собирать компромат на него, ведь для официальной высылки посольского священника из страны нужны были серьезные основания. Так что в течение десяти лет его пребывания в Москве, с 1926 по 1936 год, вся деятельность епископа Пия Неве и его контакты с духовенством и верующими находились под пристальным наблюдением чекистов, в его ближайшее окружение и в приходскую общину церкви была внедрена агентура.

Она собирала на него компромат, выявляя многочисленные связи католиков друг с другом и через Неве — с Римом: через переписку, встречи, посещения богослужений, исповеди. И вскоре один из «добровольных помощников» чекистов доносил, что «*несмотря на то, что Неве формально по предложению НКВД сдал свои полномочия Лупиновичу, он продолжал и продолжает сейчас руководить управлением Московской и Смоленской епархиями*»[44]

* * *

14 февраля 1927 года в Москве вновь был арестован священник Михаил Цакуль, настоятель храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии[45]. После многочасового допроса он был освобожден, вынужденно подписав написанные следователем показания «*о шпионской деятельности Неве*». До осени 1927 года Неве не был знаком с отцом Михаилом, но следствием заранее были написаны его будущие показания. «Свидетель» якобы «догадывался» о «*разведывательной деятельности*» Неве еще в Макеевке; «вспомнил» также, что во время Гражданской войны «*Неве имел весьма близкие связи с белым командованием и французскими генштабистами, состоящими при штабе Деникина*».

Связующим звеном он назвал Франсуа Пари[46], «*одного из акционеров заводов в Макеевке*», бывшего еще во Франции «*большим другом Неве*». Судя по «воспоминаниям», в 1919 году инженер Пари «*был при штабе Деникина*» и через Неве получал разные сведения о заводах, а позднее оставил ему же

«*соответствующие поручения и директивы и финансировал его*».

По окончании допроса «свидетель» подписал версию следствия, что «*Неве не столько занимался там духовными вопросами, сколько главным образом разведывательной работой*», продолжая и после окончания Гражданской войны через французское посольство «*информировать акционеров в Париже о положении на заводах*». Он же дал подробнейшие показания и о тайной миссии епископа Мишеля Д'Эрбиньи как представителя Ватикана, что тот «*приехал неофициально и провел реорганизацию среди католичества в СССР, назначил ряд епископов и разделил весь СССР на администраторства, назначив администраторов*». Для органов ГПУ не составило труда вскоре определить имена этих тайных епископов[47] и к концу 1927 года изолировать их от паствы: Антоний Малецкий был выслан, Болеслав Слоскан отправлен в лагерь, а Александру Фризону сначала запретили выезд из Симферополя, а затем арестовали.

Позднее, 20 февраля 1929 года был арестован и настоятель прихода Святых Апостолов Петра и Павла отец Карл Лупинович по подозрению «*в шпионаже и участии в контрреволюционной организации*», но после многочасового допроса освобожден, вынужденно подписав составленные следствием показания о епископе Пие Неве, практически не отличавшиеся от выше приведенных обвинений «*о шпионской деятельности*» посланника Ватикана, епископа Неве.

* * *

Следующим шагом чекистов стала изоляция отца Потапия Емельянова, одного из последних оставшихся на воле католических священников восточного обряда. Он был арестован в своем приходе в селе Нижняя Богдановка Донецкой области 27 января 1927 года. При обыске у него изъяли главный компромат — письма священника, затем епископа Пия Эжена Неве, в последние годы отправляемые им лишь с оказией. Многие выдержки из писем послужили серьезным основанием для обвинения отца Потапия в «*контрреволюционной деятельности*». Доказательством вины стали, например, такие строки из писем, вошедшие в материалы следствия: «Этим Папа доказывает свое внимание к русскому народу, свое миролюбие и желание, чтобы не было причин для недоразумений»; «Пусть все усердно молятся за меня, дабы Господь дал мне разумение и силу!»; «Всего лучшего, дорогой отец Потапий, посылаю от всего сердца архипастырское благословение Вам, всем знакомым».

Вменялось в вину отцу Потапию также и многократное получение через Эжена Неве материальной помощи от Ватикана в начале 1920-х годов. Причем признание Потапием Емельяновым этого факта с объяснением, что деньги и продукты он получал для своих прихожан-крестьян именно в годы страшного голода в начале 20-х годов, следствием квалифицировалось как подкуп православных с целью обращения их в католическую веру, что и подтвердили «свидетели» из его села: «*За переход в католичество Емельянов обещал и раздавал денежные ссуды, покупал одежду и обувь, и хозяйственный инвентарь*»; «*По заданиям Неве Емельянов различными способами старался проповедовать унию и католизировать православных*»[48].

20 августа Потапия Емельянова обвинили и в том, что он «*распускал слухи о скором падении советской власти и о том, что коммунисты занимаются грабежами*»; что «*всячески старался дискредитировать в глазах населения синодальную церковь*»; что по просьбе епископа Пия Неве распространял «*секретные инструкции из Ватикана*»[49]. «Добровольный помощник» чекистов в Москве подписал заполненные следствием показания о том, что епископ Неве «*занимался и занимается экономическим шпионажем*».

12 сентября 1927 года Потапий Емельянов был приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, где уже томилась большая группа католических священников. В октябре 1927 года, по случаю десятой годовщины Октябрьской революции, послы Франции и Германии официально обратились к властям с просьбой о помиловании тридцати католических священников, арестованных ранее и отправленных в Соловецкий лагерь особого назначения, но успеха не добились.

* * *

В Макеевке чекистами были инициированы судебные процессы над активными прихожанами, помощниками отца Эжена Неве, причем материалами для них послужили доносы сексотов и «признания» свидетелей: «*Уезжая из Макеевки, Неве оставил там своего послушника, которого он рукоположил в священники в Москве, несмотря на то, что этот послушник не имел подготовки, отвечающей этому сану*». Результатом доноса стал вызов в апреле в местное ГПУ отца Давида Майяна[50] как «*доверенного лица для связи Неве с оставшимися в Макеевке доверенными лицами, от которых он получал все сведения и сообщал Неве*». После серьезных угроз и давления отца Давида вынудили подписать обязательство не совершать мессы, но после

вмешательства и протеста посла Франции на какое-то время его оставили в покое.

8 марта 1928 года по подозрению в шпионаже был арестован Элиас Вуцинас, бывший служащий коммерческого отдела французских заводов в Макеевке и греческий подданный. После увольнения новой администрацией он получил визу для возвращения во Францию 7 марта, но выехать не успел. Чекисты не сомневались, что от этого арестованного они получат нужные им показания о шпионской деятельности епископа Пия Неве в период его служения в Макеевке. В конце ноября 1928 года в Харькове начался судебный процесс над Элиасом Вуцинасом, причем в отсутствие защитника и с использованием показаний «свидетелей», не явившихся на суд. В показаниях на допросах отсутствующих «свидетелей» и в «Обвинительном заключении», зачитанных на суде, постоянно звучало имя французского подданного, бывшего священника местного прихода Эжена Неве как тайного агента Ватикана. По этому поводу посол Франции заявил протест в НКИД СССР, и, опасаясь дипломатического скандала, соответствующие органы власти отступили, но ненадолго.

В июне 1929 года были арестованы, отправлены в Москву и заключены в Бутырскую тюрьму Станислава Панкевич и Сергей Клочков. Ранее оба работали в доме отца Эжена Неве, позднее стали помощниками отца Давида Майяна: Станислава работала в аптеке, Сергей — в конторе. Станиславу хотели заставить «признаться» в том, что епископ Пий Неве якобы завербовал ее «*для контрреволюционной деятельности*», причем основанием для таких подозрений служило письмо Неве. В нем он, зная ее характер, по поводу ссоры с Сергеем Клочковым, на которого она жаловалась, писал ей: «Держите язык за зубами». От обоих добивались компрометирующих Неве показаний, но сломить арестованных следствию не удалось. Осенью 1929 года они были приговорены к 3 годам ИТЛ и отправлены в Соловецкий лагерь особого назначения. Потрясенный такой несправедливостью епископ Пий Эжен Неве хотел даже обратиться к Сталину, но в посольстве его убедили в бессмысленности подобного шага. В «Докладной записке» на имя посла Франции он писал: «Нас считают шпионами, мы приносим горе нашим друзьям»; «Все те, кто имел с нами дело, осуждены. И если мы еще не в тюрьме, то только потому, что ожидается большой дипломатический инцидент между Францией и Советами по нашему поводу. Со всех сторон нас травят, даже в нашей церкви»[51].

* * *

Тем временем кампания против католического духовенства охватила всю страну, причем особый размах она приобрела на Украине и в Поволжье. Арестованных священнослужителей неизменно обвиняли в «шпионаже» в пользу иностранной державы, и, надо сказать, чекистам удавалось получать признательные показания арестованных. Используя материалы следственных дел по католическому духовенству и монашеству, а также донесения секретных сотрудников, чекисты доказывали необходимость расширения агентурной работы в католических приходских общинах и увеличения расходов на вербовку священников и верующих. В представленной на рассмотрение Москвой «Смете расходов органов ГПУ по обслуживанию религиозных и сектантских группировок» на первое полугодие 1928 года и только по графе «Содержание секретных сотрудников по инославному духовенству» на Украине значилось:

«а) По польскому Римско-Католическому духовенству и костелам: 20 агентов ксендзов по 25 рублей ежемесячно, на каждого 450 рублей, на 6 месяцев 2700 рублей».

«По 1 с/с[52] на обслуживание 100 костелов религиозных общин и религиозных кружков из числа наиболее важных объектов обслуживания.

Всего 100 по 20 рублей в месяц — 2000 рублей, на 6 месяцев 12000 рублей.

б) По немецкому католическому духовенству и костелам: 10 с/с ксендзов по 25 рублей, в месяц 250 рублей, на 6 месяцев 1500 рублей.

По 1 с/с на каждый церковный совет в числе 21 церковного совета.

Всего 21 с/с по 29 рублей, в месяц 420 рублей, на 6 месяцев 2520 рублей.

По униатскому духовенству и борьбе с унией 3 с/с униатов-священников по 50 рублей, в месяц 150 рублей, на 6 месяцев 900 рублей.

По 2 осведомителя в каждом из 3-х униатских приходов 60 рублей, на 6 месяцев 360 рублей.

Итого 19980 рублей».

Но уже в апреле 1928 года чекисты, получив доносы о материальной поддержке верующих епископом Пием Неве, требовали увеличения расходов по смете, обосновывая это так: «*В последнее время мы располагаем неопровержимыми данными о том, что Ватикан занялся усиленной работой по распространению*

унии в СССР, ставя себе, как конечную цель, соединение православной и католической Церквей для того, чтобы создать единую контрреволюционную Церковь. Свою работу Ватикан проводит через специально назначенного нелегального епископа, ассигновывая для этой цели колоссальные средства, которыми священнослужители оперируют в виде раздачи денежных средств»[53]. Кроме того, чекисты стали вербовать в сексоты и православных для активизации их борьбы против католиков — «*этим преследуется цель соблазнять православное духовенство и верующих и заинтересовать их материально*».

Справедливость этого тезиса органов ГПУ «с блеском» подтвердилась в ходе следствия по групповым делам приходских общин католиков в Москве. Хотя прежние попытки чекистов выслать со скандалом из страны епископа Пия Неве кончились неудачами, он продолжал оставаться их постоянным объектом наблюдения. «Свои люди» были везде — прислугой в доме, горничными в посольстве, среди прихожан в храме, — и все они регулярно докладывали о встречах и разговорах епископа Неве, обо всех посещающих его в храме и. на квартире священниках и верующих, а главное, о постоянной поддержке им верующих. Приведем цифры о размере денежной помощи, оказанной им священству и прихожанам за три года, с 1927 по 1929 год:

Расходы (рубли)	1927 год	1928 год	1929 год
Помощь латинскому духовенству	2650	3181	3031
Помощь русским католикам	1430	480	1600
Помощь сиротам, з/к и ссыльным	2870	2954	4293
Помощь неимущим католич<*еским*> семьям	516	1043	768[54]

Источник: Wenger A. Rome et Moscou. C. 289.

С точки зрения советского законодательства епископ Пий Неве совершал нарушения закона: тайная переписка с заграницей, распределение валюты, полученной из-за рубежа. Но это было естественное и неотъемлемое право епископа: свободное совершение культовых действий, моральная и материальная помощь, которую епископ обязан оказывать своим священникам, поскольку они, как лишенцы, не могли иметь хлебных карточек, а верующие не имели права оказывать им помощь под страхом ареста, так что приходилось рисковать самому Пию Неве. И,

конечно, раздача денег нуждающимся в материалах следственных дел интерпретировалась соответствующим образом — оплата шпионажа в пользу Ватикана, а необходимые подтверждения этого прослеживаются в материалах последующих групповых дел католического духовенства и прихожан.

* * *

С января по февраль 1930 года были арестованы десять немецких католических священников, среди них был и Апостольский администратор Поволжья Августин Баумтрог[54]. Сначала они обвинялись «*в сборе шпионских сведений в пользу Германии*»[55], и после первых допросов, дав признательные показания, они были отправлены в Москву для дальнейшего следствия. В середине февраля прошли аресты второй группы священников, кому-то удалось вовремя скрыться, и они были объявлены во всесоюзный розыск. Среди перешедших на нелегальное положение был священник Алоизий Каппес[56], о нем ранее был отправлен рапорт в Москву: «*Сообщаем, что нами от нашего агента получены данные о том, что Каппес является информатором Ватикана по СССР*». В рапорте также утверждалось, что «*Каппес является организатором связей с зарубежными центрами*».

Лишь в августе 1930 года отец Алоизий был арестован и стал давать развернутые показания о своей «*контрреволюционной деятельности*». Прежде всего следствие интересовали его поездки за границу за сбором средств в пользу голодающих Поволжья в 1922 и 1924 годах. В материалах дела они были представлены как поездки в Рим для отчета «*о проделанной шпионской работе и получения директив Ватикана для дальнейшей работы*». И это подтвердил на допросах сам отец Алоизий: «*В Риме мы составили меморандум, который подали Папе. В меморандуме было 4 раздела: церковь, школа, духовенство, народ… С одной стороны, мы подчеркнули политику репрессий по отношению к Церкви и к нашему народу со стороны советской власти, с другой стороны, указали на активную политическую позицию, которую занимало духовенство против власти и в борьбе с нею*».

Далее он показал, что Папу Римского «*особенно интересовала жизнь католического духовенства*», и он задал много вопросов: сколько священников арестовано и сколько еще осталось на свободе; какие обвинения предъявлялись им. Папа также интересовался: в каком материальном положении находятся церкви; каков размер налогов на церкви; сколько церквей

закрыто. На вопросы — сколько неверующих в стране и каково влияние коммунистов — отец Алоизий ответить не мог. Завершил он свои показания утверждением, что «*Папа одобрил те твердые, непримиримые позиции, которые занимало католическое духовенство*», и подтвердил, что «*Папа обещал свою поддержку и дал благословение*».

«*Созданию контрреволюционной фашистской организации католического духовенства Поволжья, имеющей своей целью свержение советской власти*», посвящены многие страницы материалов группового дела, по которому было арестовано 37 человек, среди них двадцать католических священников. Руководителем-идеологом был назван отец Августин Баумтрог, практиком-организатором — отец Алоизий Каппес. Оба подтвердили, что связывались с представителями посольства Германии в Москве, что получали «*для ведения контрреволюционной работы директивы, указания и деньги из-за границы от Папы Римского и от германских фашистских и религиозных организаций*».

Контактов епископа Пия с этими руководителями доказать не удалось, поэтому компромата на самого Неве в материалах дела нет. Но заключенный, сидящий вместе с отцом Августином Баумтрогом в камере, донес, что «*у Баумтрога есть близкий знакомый, Соловьев Сергей, о чем он умолчал при допросах в ОГПУ, который является главным деятелем Католической Церкви в Москве по вербовке русских в католицизм*». Доносчик утверждал, что в 1928 году отец Сергий Соловьев приезжал в Саратов, встречался со священником Августином Баумтрогом и «*тайно совершил службу в Саратовском костеле*».

* * *

После арестов прихожан общины русских католиков в Москве на свободе остались лишь три сестры, и они делали все необходимое, чтобы облегчить участь осужденных, посылая деньги и продукты в политизоляторы, в Соловецкий лагерь особого назначения и в места ссылок и поселений. В сентябре 1926 года епископ Пий Неве посетил их, сообщив позднее о своем визите в Рим Владимиру Абрикосову, мужу Анны Ивановны: «Я нашел их в хорошем настроении, преданными Католической Церкви, самоотверженно облегчающими участь сирот и узников Христа, которые, как мы знаем, счастливы пострадать за дело Папы. Мы всенародно молились о них»[57]. Позднее Пий Неве постоянно следил и помогал освобождающимся из мест

заключения сестрам-монахиням, они всегда посещали богослужения в церкви Святого Людовика Французского при кратковременных приездах в столицу из провинции.

В Москве около тридцати оставшихся на свободе русских католиков объединились вокруг священника Сергия Соловьева[58], официально не зарегистрированного, как и его община. Но отец Сергий был достаточно известен в церковных кругах: его приглашали совершать богослужения, на его службах часто присутствовали епископы, ему исповедовались многие верующие. До закрытия храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии его настоятель Михаил Цакуль позволял ему совершать литургию по восточному обряду на боковом престоле храма. Епископ Пий Неве познакомился с отцом Сергием в 1926 году, о первой встрече с ним написал в Рим: «*У меня сложилось хорошее впечатление от его первых высказываний*». Они стали переписываться, а после переезда Неве в Москву встречались в церкви Святого Людовика Французского. 18 октября 1926 года отец Сергий был назначен вице-экзархом русских католиков ввиду отправки экзарха Леонида Федорова на Соловки. Позднее он даст показание о том, что епископ Пий Неве «*выдвинул перед Римом мою кандидатуру и после санкции, полученной из Рима, предполагаю через французское или итальянское посольство, передал мне о моем назначении*»[59].

Летом 1928 года, после провозглашения митрополитом Сергием (Страгородским) знаменитой декларации о лояльности Русской Православной Церкви власти большевиков, непримиримые иерархи категорически не приняли ее, отказавшись провозглашать на богослужениях моление за богоборческую власть. У отца Сергия Соловьева возникла идея объединения русских католиков с православным духовенством, отошедшим от митрополита Сергия. Для осуществления замысла он составил по этому поводу обращение и распечатал его во множестве копий на пишущей машинке, о чем позднее показал на допросе: «*Свою декларацию к „иосифовцам“*[60] *я составил с призывом к присоединению „иосифовцев“ к Риму… Я рассчитывал, что именно это враждебное отношение и Рима, и „иосифовцев“ к советской власти может их объединить для общей борьбы с советской властью… Это обращение я понес на санкцию к епископу Неве, но тот счел, что обращение является несвоевременным и опасным лично для меня, а также и для других*»[61].

Действительно, епископ Пий Неве расценил действия отца Сергия как безрассудство, забрал у него все копии и сжег, но он не подозревал, что последний сохранил у себя два экземпляра. Один из этих экземпляров, найденный при обыске у его

знакомых, и станет позднее обвинением отцу Сергию «*в контрреволюционной деятельности*». Но пока отец Сергий продолжал служить по восточному обряду на боковом престоле храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, хотя уже в мае 1929 года, после кратковременного ареста, а затем и освобождения Михаила Цакуля, настоятеля храма, им было запрещено совершение богослужений для русских католиков, очевидно, по указанию чекистов. Отец Сергий со своей общиной оказался в сложном положении, служить в православных церквях он не решался, так как могли пойти разговоры о его возвращении в православие, а первое же богослужение в храме Святого Людовика могло закончиться арестом. Оставался единственный выход — совершать службы в православных церквях его знакомых священников, бывших студентов, под Москвой, но это создавало большие трудности для членов общины. Так что редкие встречи членов общины на квартире отца Сергия — единственная возможность духовного общения — были так важны для них.

15 февраля 1931 года два священника: Сергий Соловьев и Александр Васильев[62], — и восемь членов общины были арестованы. Прежде всего следствие интересовали вопросы финансовой помощи из Ватикана, и отец Сергий не отрицал факта получения денег для общины, показав, что епископ Пий Неве «*давал нам средства ежемесячно, систематически, из заграничных источников*». Получение денег от представителя Ватикана давало следствию возможность разыграть карту шпионажа и интервенции, поэтому так важны были показания арестованных, что деньги передавались в обмен на шпионскую информацию в пользу Ватикана и Франции.

И нужные показания об отце Сергии Соловьеве дал сексот: «*Соловьев в беседах со мной проявлял исключительную осведомленность о важнейших политических фактах в СССР… Он имеет интересные знакомства среди инженеров и профессуры… Эти знакомства Соловьев использует в целях получения ряда сведений и передачи их Неве, а от Неве получал исчерпывающие указания… Вся эта община восточников рассматривалась Неве как одна из вспомогательных сил, долженствующих помочь Франции в ее деятельности против СССР*».

С самого начала следствия отец Сергий стал подписывать тяжелейшие обвинения против себя и членов общины, что объяснялось, как вспоминали позднее сестры-монахини общины, постоянными угрозами следователя арестовать его дочерей, а также лживыми уверениями о расстреле епископа Пия Неве[63]: «*Одним из исходов из создавшегося тяжелого положения Католической Церкви в СССР, мне представлялась интервенция, о*

которой я беседовал с моими единомышленниками». Очевидно, в таком же состоянии 6 августа 1931 года им было написано письмо-отречение: «*Я, Соловьев Сергей Михайлович, вице-экзарх Восточно-Католической Церкви в СССР, не желаю иметь связи с епископом Неве, иностранным подданным, ибо епископ Неве, которого я всегда уважал и считал как человека высокой духовной жизни, кроме этого играет определенную роль как представитель буржуазной Франции*».

Обращение в католическую веру молодых девушек-евреек, тайное принятие католичества православным священником Александром Васильевым, постоянная связь с епископом Пием Неве— все эти обвинения подтвердил на допросах отец Сергий. Подписанные им протоколы следователи предъявляли на допросах его духовным чадам, что ставило их в сложное положение, ибо они отрицали любые обвинения в адрес своего пастыря. Отец Александр присутствовал на многих встречах отца Сергия с епископом Неве, часто бывал в храме Святого Людовика на службах, знал многих членов Соловьевской общины, как явных, так и тайных католиков, но их имена уже были известны чекистам по доносам «добровольных помощников».

От отца Александра добивались нужных показаний на епископа Пия Неве, и он их подписал: «*Во время многочисленных визитов к епископу Неве меня крайне поражала его отличная осведомленность в делах Православной Церкви. Такая осведомленность могла являться только результатом наличия у Неве информаторов из среды православных священников. Предполагаю, что такими информаторами являлись настоятель Петровского монастыря епископ Варфоломей и Соловьев С. М.*

Неве, говоря об этих лицах, неизменно отзывался о них с большой похвалой и одобрением».

В материалах дела есть также документ, написанный самим отцом Александром, как «отречение от веры», которого упорно добивались чекисты, гарантируя при этом заменить расстрел лагерным сроком: «*Я задаю себе первый вопрос: в той исполинской борьбе — меньшинства богатых, сытых, праздных и огромного подавляющего большинства, имеющих лишь руки для добывания хлеба, — где мне быть? Против кого я стану? Для меня вопрос решен так. Навозом, пушечным мясом, как хотят сделать меня иностранные буржуа, духовенство всех религий, я не хочу быть*».

1 августа 1931 года всем арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение», 18 августа они были приговорены: к 10 годам лагерей — священник Александр Васильев, к 3–5 годам лагерей — остальные члены общины. Священник Сергий Соловьев был приговорен к 10 годам лагерей с заменой на

высылку в Казахстан, но 7 октября 1931 года на основании акта медицинской комиссии от 30 августа — «*как душевно больной хроник должен быть направлен в психиатрическую колонию для лечения и содержания*» — был освобожден и 23 октября передан родственникам. Извещенный о болезни отца Сергия епископ Пий Неве 31 августа писал в Рим: «Да будет Господь милостив к нему. Это был мужественный человек! Единственный священник, который был предан мне»[64].

* * *

18 февраля и 13 апреля 1931 года по групповому делу «*контрреволюционной организации католиков*» были арестованы настоятели польских храмов Карл Лупинович и Михаил Цакуль, а также несколько мирян. Священники обвинялись «*в связях с отдельными сотрудниками польского посольства*» и информировании их о настроениях и арестах польских католиков, а также «*в воспитании детей в антисоветском духе*»[65]. Следствие интересовали их постоянные контакты с епископом Пием Неве, они дали необходимые следствию показания. Отец Карл показал: «*Неве черпал широчайшую информацию через большой круг знакомых ксендзов, приезжавших в Москву из Уфы, Перми, Калуги*». «*Неве очень пессимистически был настроен в возможности существования религии в СССР*». Завершал он свои показания утверждением, что роль епископа в СССР «*несомненно и безусловно контрреволюционна*» и что он действительно «*разведчик и агент Ватикана*».

Ему вторил отец Михаил: «*Неве имеет свое влияние на руководство в Ленинграде, на Кавказе и в Татарской республике и получает оттуда обширную информацию о состоянии костелов на приходах, активности верующих, о репрессиях советской власти по отношению к духовенству*». «*Неве имеет сведения об огромном недовольстве и брожении среди рабочих и крестьян в особенности, итогом которых могут стать восстания и другие формы протеста в виде стачек, забастовок*». Завершал он свои «признания» утверждением, явно написанным под диктовку следствия: «*Неве постоянно подчеркивал неизбежность интервенции, говоря, что другие государства не могут смотреть на все то, что происходит в СССР. Говорил, что возглавит интервенцию Франция, которая объединит под своим руководством остальные государства и сумеет найти способы вовлечь в этот блок Германию*».

В материалах этого дела очень важным является показание обвиняемого о том, что епископ Пий Неве «*имеет связь с*

заключенными в Соловках и неоднократно подчеркивал, что ни в коем случае он не может выехать из СССР, так как он обязан нравственно помогать заключенным, кроме них и другим лицам, которые в случае его отъезда погибнут». Так же показательно утверждение обвиняемого об «*особом конспиративном методе иезуитских действий в вопросе распространения католицизма среди православных*», на который дал свое согласие Ватикан: «*Православным попам, принимающим католицизм, разрешается скрывать это и под видом православных попов продолжать действовать, как раньше*». Тайный переход в католичество православных священников и мирян давал им возможность избежать ареста, но, по версии следствия, этот «*конспиративный метод*» был «*непосредственно связан с подготовкой интервенции*», что, конечно, подтвердили обвиняемые на допросах. Отметим, что в последующих групповых делах следователи уделяли много времени на допросах для выявления имен всех, тайно перешедших в католичество: мужчин и женщин.

18 ноября 1931 года Карл Лупинович и Михаил Цакуль были приговорены к 3 годам ссылки и отправлены в Казахстан.

* * *

9 августа 1932 года, после отбытия девяти лет в заключении, Анна Ивановна Абрикосова была освобождена досрочно после хирургической операции в Бутырской больнице. Получив запрещение проживать в столицах и крупных городах, она вместе с сестрой Раисой Крылевской поселилась в Костроме. В первых же поездках в Москву для консультаций с врачами она с волнением встретилась с освободившимися из ссылок сестрами общины и убедилась в том, что «*они остались при своем старом мировоззрении*»[66]. Показывая так, Анна Ивановна имела в виду их верность Католической Церкви, которой и сама оставалась верна. Именно об этом 15 августа 1933 года писал епископ Пий Неве, передавая в Рим свое впечатление от знакомства с Анной Ивановной: «Эта женщина — настоящая исповедница веры, очень мужественная; чувствуешь себя ничтожным перед людьми такой закваски. Она еще плохо выглядит, у нее действует только правая рука, левая парализована»[67]. Поездки в Москву и общение с сестрами вызвали недовольство властей, и Анну Ивановну предупредили через Е. П. Пешкову, что ее переписка и встречи с сестрами рассматриваются как «*контрреволюционная деятельность*». Тогда же Пешкова настойчиво советовала ей добиваться визы на выезд к мужу за границу, но Анна Ивановна

ответила: «*Я абсолютно не намерена покидать Россию*».

Но в России ее ожидали только тюрьмы и лагеря. 7 июля 1933 года начались аресты сестер-монахинь и студенческой молодежи по групповому делу русских католиков. О тяжкой атмосфере допросов 1933 года и своем состоянии во время следствия позднее дадут показания сестры общины, достойно прошедшие следствие 1923–1924 годов, но не выдержавшие давления в этот раз и подписавшие обвинения против себя и других. И даже твердость на следствии некоторых сестер также сыграла на руку следствию, например, заявление Раисы Крылевской[68]: «*Я высказывала контрреволюционные взгляды, направленные против политики партии и советской власти. При своих контрреволюционных взглядах я остаюсь и теперь, их не меняю и менять не собираюсь. Я являюсь убежденнейшей сторонницей папской теократии и ставила и ставлю своею целью осуществление теократии в России*»[69]. — обернулось против епископа Пия Неве, который якобы и внушил ей эти мысли при встречах в Москве.

О своих неоднократных встречах с епископом Пием Неве показала активная прихожанка Камилла Крушельницкая[70]; на допросе от 30 июля 1933 года она показала, что часто беседовала с епископом Пием Неве, рассказала ему о молодой студентке, которая «*мечется между атеизмом и существованием Бога и, несмотря на мои старания, не может придти к Богу*»; о посещающих ее молодых девушках, которых «*не удовлетворяют идеи марксизма*», и они «*заинтересовались вопросом существования Бога*». Далее она показала, что епископ Пий Неве с большим интересом отнесся к ее встречам с молодежью, и это дало ей «*еще большую уверенность и силу*», при этом категорически утверждала, что «*никаких политических советов я от него не получала*». Но позднее, очевидно после соответствующей обработки, ее показания изменились, и она подписала нужные следствию показания: «*Последнее время беседы наши у Неве приняли политический антисоветский характер. Я сообщала Неве о том, что политические партии и советская власть в области сельского хозяйства привели население и крестьянство к голоду и нищете.*

Я сообщала ему о массах голодных крестьян, наводнивших Москву и бежавших с Украины и Северного Кавказа».

Обвиняемая Ольга Фицнер[71] признала на допросе в августе 1933 года, что перешла в католичество под руководством епископа Пия Неве, о чем она давно мечтала: «*Обряд перехода в католичество я приняла в декабре 1932 года у епископа Евгения Неве во французском костеле. Мною был подписан акт; принята я*

в католичество по восточному обряду». Далее она показала, что при французском храме Святого Людовика есть группа католиков восточного обряда, которые посещают богослужения в этом храме «*в силу отсутствия собственной церкви и своей немногочисленности*», что после осуждения священника Сергия Соловьева их ведет епископ Пий Неве.

По позднейшему признанию Ольги Фицнер, «*во время следствия я подписывала, не читая, все документы, которые давали подписывать, в том числе и протоколы допросов… Кроме того, следователь, ведший дело, заставлял подписывать протоколы допросов, у которых выше моей подписи оставалось по половине листа чистого места, где можно было дописать все, что угодно*». Такое же давление следствия позднее подтвердила и обвиняемая Софья Эйсмонт[72], показав, что во время ночных допросов, «*сознавая свою полную беспомощность и беззащитность, вынуждена была подписывать протоколы, содержание которых о наличии антисоветской организации и моей принадлежности к ней не соответствует действительности*».

Очевидно, более жесткое давление испытал обвиняемый Рувим Пропишин[73] из Краснодара, он под руководством сестер-монахинь, находившихся там в ссылке, в начале 1930-х тайно был принят в католичество епископом Пием Неве. Следствие добилось от него признания в подготовке террористического акта, к которому его якобы готовила ссыльная монахиня Мария Комаровская[74]: «*Она культивировала во мне чувство жертвенности и готовности к смерти во имя большого дела. Все это выработало из меня фанатически настроенного исполнителя любого акта, к исполнению которого они хотели бы меня предназначить*», — причем организатором этого террористического акта следствие, очевидно, хотело сделать епископа Пия Неве и, конечно, по указанию Ватикана.

Самые нужные показания для следствия были получены от бывшей монахини Абрикосовской общины, Веры Хмелевой[75], нарушившей в ссылке монашеские обеты и родившей без мужа ребенка. Очевидно, на ее страхе за малышку сыграло следствие, обещая ей минимальный приговор, так что на допросе 16 ноября она подробно показала «*о контрреволюционной деятельности организации*», перечислила всех ее участников в разных городах, подтвердила постоянную материальную помощь епископа Неве сестрам-монахиням Абрикосовской общины. Но, главное, она дала показания о «*контрреволюционных настроениях*» епископа Пия Неве и практической деятельности его в их организации: именно Неве убеждал их всех «*крепко стоять на той платформе, на которой они стоят*».

Мало этого, Вера Хмелева подписала более серьезные показания: что «*у нас существует живая, действительная связь с Римом, и эта связь налажена через епископа Неве и Абрикосову А. И., а практически она осуществляется при посредстве дипкурьера французского или итальянского посольства*»; что фактически Неве являлся «*идеологическим и идейным вдохновителем нашей контрреволюционной деятельности*». Именно Неве рассказал ей, что «*во французском посольстве находят много подброшенных неизвестно кем анонимных записок, в которых просят „Европу помочь избавить Россию от большевиков“*». Она подтвердила, что, «*получая из Ватикана антисоветские печатные произведения, епископ Пий Неве распространял их среди прихожан, причем чтение их происходило индивидуально, с передачей после прочтения следующему лицу*».

Но именно в этих многостраничных показаниях Веры Хмелевой есть точные свидетельства о подлинных размышлениях и переживаниях епископа Пия Неве, приведенные ею на допросах. Она упоминала, что епископ однажды сказал ей: «*Россия — несчастная страна. Но на ее примере Бог хочет дать урок всему миру, что значит забыть религию. Народ страдает и мучается, но он не виноват, виноваты правители*». Она же подтвердила также, что епископ Пий Неве при встречах в храме «*всегда советовал мне терпеть, и все трудности отдавать за свои прошлые грехи и за спасение России. Он обычно всегда призывал молиться за Россию, говоря, что я должна любить свою Родину*». И они тогда вместе молились.

От освобожденной после тяжелой операции из Бутырской тюремной больницы Анны Ивановны Абрикосовой следствие требовало после предъявления ей протоколов допросов свидетелей лишь одного — подтверждения всех обвинений против нее. Она не отрицала, что летом 1932 года встретилась в Москве с освобожденными сестрами своей общины и убедилась в том, что «*они остались при своем старом мировоззрении*»; что приезжала из Костромы для консультации с врачами и пять раз встречалась с сестрами и молодежью; что руководила этой молодежной группой[76]. Но следствию этого было мало, от нее добивались показаний против епископа Пия Неве и Ватикана. Тогда она «вспомнила» о выдуманной Николаем Бердяевым[77] после Февральской революции «Партии русской интеллигенции»: «*На одном из собраний у Бердяева было решено создать „Партию русской интеллигенции“, которая должна была бы возглавить русский народ в борьбе с большевизмом*». «*Я и Абрикосов ставили своей целью подчинить руководство Партии русской интеллигенции влиянию Ватикана, в частности, обращением в католичество и*

внесением договоренности о соединении церквей под верховным руководством святого отца, Папы Римского».

Все нужные следствию показания обвиняемых были приведены в «Обвинительном заключении»: «*ОГПУ ликвидирована контрреволюционная террористическая монархическая организация, ставящая своей задачей свержение в СССР советской власти и установление монархического строя. Организация создана и возглавлялась настоятельницей тайного католического доминиканского ордена Абрикосовой Анной Ивановной. Руководилась и финансировалась Русской комиссией „Конгрегации восточной церкви“, осуществляющей свое руководство при посредстве католического епископа Евгения Неве, французского подданного*».

В настоящее время невозможно судить, была ли хоть какая-то часть этих показаний правдой. Однако надо отметить, что следователи, ведущие дела русских католиков, имели четкие инструкции по ведению групповых дел, что доказывают последующие процессы. Например, дело об участниках «*Националистической фашистской организации, именовавшей себя „Партией Возрождения России“*», по которому в июле 1933 года была осуждена группа профессоров и научных работников, в их числе Павел Флоренский, Павел и Сергей Каптеревы[78]. Так или иначе, но как в первом деле 1923–1924 годов, так и во втором деле Абрикосовской общины и в деле профессуры в 1933–1934 годах в «Обвинительных заключениях» о целях организаций значилось стандартное: «*свержение в СССР советской власти и установление монархического строя*». «*Руководящие указания и средства на работу получали от Папы Римского и Русской комиссии „Конгрегации восточной церкви“*».

1 января 1934 года были приговорены первые участники процесса: Камилла Крушельницкая — к 10 годам лагерей, Анна Ивановна Абрикосова — к 8 годам, Ольга Фицнер — к 5 годам. 19 февраля 1934 года были приговорены остальные обвиняемые: сестры, отказавшиеся сотрудничать со следствием, — к 8-10 годам лагерей, сестры, вынужденно подписавшие все обвинения либо активно сотрудничавшие со следствием, — к 3–5 годам лагерей или ссылок. В Бутырской тюрьме скончались: 29 января 1934 года — во время следствия Мария Комаровская, 23 июля 1936 года — Анна Ивановна Абрикосова.

* * *

В августе 1933 года были арестованы на Украине последние

оставшиеся на свободе католические священники вместе с активными прихожанами. Среди арестованных были Апостольский администратор Житомирской епархии Болеслав Блехман и священник Иосиф Воронин[79]. Отец Болеслав, последний священник в Киеве, викарий приходов, постоянно передавал через польское консульство сведения о преследованиях верующих и страшном голоде на Украине, о чем доносили сексоты; так что, с точки зрения чекистов, он «законно» обвинялся «*в информировании польского консульства и представителя Ватикана о политико-экономическом состоянии Украины, в проведении националистической агитации среди польского населения, а также в подготовке верующих к вооруженной борьбе с советской властью*». Отец Иосиф, кроме «*шпионской работы*», обвинялся также «*в воспитании польского населения в духе ненависти к советской власти и в подготовке кадров для вооруженной борьбы с советской властью*».

Не забыт был и епископ Пий Неве, в «Обвинительном заключении» о нем было записано: «*Блехман также связался с представителем Ватикана епископом Неве, проживавшим в Москве, которому систематически посылал информацию шпионского характера и перед которым отчитывался в своей контрреволюционной деятельности*». «*Воронин на протяжении ряда лет систематически информировал представителя Ватикана — французского епископа Неве о политико-экономическом состоянии известных ему населенных пунктов, за что получал вознаграждение*». 24 февраля 1934 года все священники были приговорены к 3 годам ИТЛ и отправлены в лагеря.

* * *

Матери одного из католических священников, посетившей сына на Соловках, было передано коллективное прошение арестованных председателю ВЦИКа Калинину. В прошении, написанном химическим карандашом на двух кусках мокрой материи, перечислялись имена всех живых и умерших на Соловках католических священников, «*описывались страдания заключенных и беззакония, жертвами которых они явились*»[80]. Письмо было передано епископом Пием Неве дипломатической почтой в Ватикан и позднее напечатано в английских газетах.

14 мая 1934 года епископ Пий Неве выехал на отдых во Францию, а заменившего его на время священника Леопольда Брауна он серьезно предупредил: «Вы должны хранить молчание в отношении местных властей и режима в делах, которые не

касаются священника. Будьте осторожны в переписке и в отношениях. Воздерживайтесь высказывать суждения или даже проявлять интерес к вопросам — это лишь укрепит и обезопасит ваше священнослужение»[81]. 31 мая прибывший в Рим епископ Пий получил первую аудиенцию у Папы Римского. Он передал Пию XI в дар от архиепископа Варфоломея (Ремова) икону, подаренную тому старцем Алексием Соловьевым[82]. В 1928 году незадолго до смерти старец Алексий сказал, что «*желает союза Церквей*».

Первый вопрос Пия XI был о судьбе епископа Варфоломея, и епископ Неве рассказал о вызовах его в ГПУ, допросах и обязательном вопросе, который в ГПУ задавался и православным, и католикам: подчиняетесь ли вы Риму и каким образом? В связи с «крестовым походом», объявленным Папой Римским против СССР, епископ Неве попросил: «Большевики везде употребляют слово „крестовый поход“, чтобы убедить своих в том, что Ваше Святейшество и католики выступают за контрреволюцию в политике, хотя речь шла о молитвенном „крестовом походе“. Было бы полезным, чтобы при том или ином случае Ваше Святейшество опровергло этот вымысел и объяснило истинный смысл своих слов».

Во время второй аудиенции 28 июня епископ Пий Неве задал Пию XI вопрос, который давно его мучил: «Святой Отец, дайте мне директиву. Иногда я спрашиваю себя с волнением, не должен ли я, естественно, соблюдая всю осторожность, пытаться протянуть руку людям Советского Правительства, чтобы добиваться облегчения мер преследования?» — «Этим людям нельзя доверяться. Подождите, пока они не проявят доброй воли с искренностью, и да хранит Вас до того времени Господь».

17 сентября епископ Неве вернулся в Москву и в первом же письме после приезда сообщал в Рим: «Продолжают разрушать православные церкви: я слышал, что во всей Москве их осталось только 60, естественно, их не хватает, и во время богослужений на улице собирается толпа верующих, уже многие русские приходят молиться в католические церкви». После убийства Кирова в письме от 4 декабря сообщал, что «на протяжении двух дней газеты задыхаются от ненависти, от жажды мести… и от плохо скрываемого страха». «В России события принимают трагический характер. Кажется, что наша погибель уготована. Милостивый Господь, замысел которого непроницаем, пользуется большой баней Революции для расчистки большого поля для будущих апостолов страны».

30 апреля 1935 года, следуя указаниям Папы Пия XI, епископ Пий Эжен Неве совершил епископскую хиротонию священника

Жана Мориса Амудрю[83]. Хиротония, как и ранее, была совершена тайно, но этот «секрет» был очень быстро раскрыт властями, и служивший в Ленинграде новый епископ уже в августе был вынужден покинуть страну.

* * *

Завершив процесс по делу Абрикосовской общины, чекисты не успокоились; для окончательного разгрома движения русских католиков оставалось «обезвредить» последнюю, тайную общину при нелегально существующем Высоко-Петровском монастыре в Москве, о которой узнали от секретного сотрудника органов ОГПУ в начале 1930 года. Но чекисты не спешили, надо было выяснить имена тайных монахинь и монахов, активных членов монастырской общины. Осенью 1934 года руководству было доложено, что в Москве «*существует русско-католическая контрреволюционная организация церковников, созданная по директивам русской комиссии при Ватикане негласным представителем последнего в Москве*»[84]. Весной 1935 года прошли массовые аресты духовенства и мирян, причем как православных, так и тайных католиков. Среди арестованных был православный архиепископ Варфоломей (Ремов)[85]; о нем еще ранее сексот сообщал: «*Епископ Варфоломей завербован епископом Неве в качестве шпиона, в чем мне сознался лично сам епископ Варфоломей*».

В начале 1930-х годов владыка Варфоломей был тайно принят в католичество восточного обряда епископом Пием Неве. 25 февраля и 3 июля 1933 года Ватиканом были приняты два документа: об учреждении титулярной кафедры Сергиево-Посадской в юрисдикции Рима; постановления на нее «*уже облеченного епископским саном в восточном обряде*» владыки Варфоломея (Ремова), а также о назначении его викарием Апостольского администратора в Москве для католиков восточного обряда. При церкви Рождества Богородицы в Путанках он организовал нелегальный монастырь с монашескими общинами при тайных пострижениях в монашество как православных, так и католиков. Владыка Варфоломей через епископа Пия Неве постоянно ставил в известность Запад о продолжающихся преследованиях духовенства и верующих, «*передавал неоднократно Неве письма ссыльных церковников, которые и стали доказательством гонений в СССР*». Он же сообщил епископу Неве о том, что «*вся деятельность митрополита Сергия протекает в соответствии с органами*

государственной власти»; именно передача этих сведений стала позднее главным доказательством его обвинения в «*измене Родине и шпионской деятельности в пользу Ватикана*».

Судя по переписке епископа Пия Неве с Римом, его неоднократные встречи с архиепископом Варфоломеем (Ремовым) не очень одобрялись в Ватикане. Сам факт обсуждения владыкой Варфоломеем с архиереями РПЦ условий их перехода в католичество, а также обсуждение идеи избрания нового Патриарха были явно инициированы органами НКВД. Об этом говорит осуществление данной идеи — с письменным голосованием известных православных архиереев, находящихся в ссылках или лагерях, по кандидатам на Патриарший престол и последующей передачей этих документов в Ватикан. Затем названный кандидат с двумя достойными архиереями[86] должны были прибыть в Рим, чтобы провозглашение Патриарха произошло именно там. Тогда такой Патриарх, имеющий большой авторитет в России и на Западе, сможет договориться о союзе с Ватиканом.

Удивительно, что епископ Пий Неве, к этому времени прекрасно знавший обстановку в стране, предупрежденный владыкой Варфоломеем об архиереях, активно сотрудничавших с чекистами, не только поддержал эту идею, но и горячо обсуждал ее с православным епископатом. Ответ большинства архиереев был естественен, — как только начнется сбор подписей, это сразу же станет известно чекистам, и все участники будут арестованы, — так что эту идею пришлось отставить. Во время следствия владыка Варфоломей дал подробные показания о встречах с Пием Неве, назвал всех тайных монахинь, как православных, так и католических. 10 марта после предъявления ему показаний «свидетелей» и очных ставок с ними Варфоломей (Ремов) вынужден был признать и подписать серьезное обвинение: «*Начиная с 1933 года я был действительно, не по форме, а по существу активным помощником Неве, являлся негласным представителем Ватикана и, исполняя его поручения, вместе с ним боролся с советской властью*».

В «Обвинительном заключении» о роли владыки Варфоломея (Ремова) в деятельности «организации» значилось, что он «*неоднократно встречался в Москве с неофициальным представителем Ватикана в Москве Пием Эженом Неве, систематически сообщал ему устно и письменно основанные на сплетнях и провокациях информации, превышая, таким образом, свою служебную компетенцию. Ремов передавал Неве сведения о якобы имеющих место в Советском Союзе гонениях на Церковь, зная, что Неве передает эти сведения за границу с целью создания*

антисоветской кампании».

14 апреля 1935 года следствие было закончено, причем дело владыки Варфоломея было выделено в отдельное производство. 17 июня 1935 года владыка Варфоломей был приговорен «*к высшей мере наказания, расстрелу, с конфискацией имущества. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит*».

После ареста владыки Варфоломея епископ Пий Неве сообщил об этом в Ватикан: «Не подлежит сомнению, что епископ Варфоломей был арестован по причине ненависти к вере и что он до конца сохранил верность Католической Церкви, Святому Отцу, которого любил и повеления которого был готов выполнить любой ценой»[87]. Очевидно, епископ Неве после ареста Ремова обсуждал это с сексотом, который сразу же донес: «*Об аресте епископа Варфоломея епископ Неве сообщил иностранным журналистам с целью дать материал для антисоветской печати*».

* * *

Пройдя тюрьмы, этапы и ссылки, четыре сестры Абрикосовской общины в 1932 году поселились в Тамбове. Привлечь их к следствию по групповому делу русских католиков 1933–1934 годов чекистам не удалось, но им было известно, что епископ Пий Неве постоянно помогает сестрам деньгами, не давая им умереть от голода. Тогда их попытались привлечь к следствию по групповому делу католического духовенства в Воронеже, тем более что серьезные показания против сестер общины дал один из арестованных священников, о чем сестры предупредили епископа Пия Неве: «*Он показал, что получил от вас задание заниматься антисоветской пропагандой и сбором для вас шпионских сведений*»[88]. 1 февраля 1935 года три сестры-монахини — Вера Городец, Валентина Кузнецова и Галина Енткевич — были арестованы и девять месяцев провели в одиночках Воронежской тюрьмы[89].

Епископ Пий Неве, невольно ставший причиной ареста сестер-монахинь и переживавший за их дальнейшую судьбу, писал в Рим: «Весь процесс происходит вокруг моего имени, а я один на свободе. Мое французское гражданство не позволяет им открыто нападать на меня, они делают это за спиной и весьма жестоко, поскольку преследуют невинных и исповедников веры». Пий Неве проявлял пристальный интерес к ходу судебного процесса в Воронеже и попросил сестру Раису Крылевскую «подробно описать весь ход этого процесса и материал передать

ему». Сестра Вера Городец выполнила просьбу и «*в письменном виде подробно изложила все*». Составленный ею подробный отчет о ходе следствия и судебного процесса епископ Пий Неве отправил в Ватикан. Из этого отчета видно, что вопросы, которые с неизменным постоянством задавались сестрам на протяжении всех девяти месяцев, были связаны с оказанием им материальной помощи: «Когда вы привезли деньги от Неве? Сколько? Что он передал священникам? Какие сведения они ему посылали?»

В начавшемся в ноябре 1935 года в Воронеже судебном процессе над тремя католическими священниками и тремя монахинями Абрикосовской общины, сосланными в Тамбов, главным обвинением против них стало обвинение в шпионаже. Как видно, чекисты из года в год, от процесса к процессу настойчиво набирали компромат на епископа Пия Неве, добиваясь от подследственных уличающих его показаний. Об этом же сообщала сестра Вера Городец, описывая выступления свидетелей на суде: «Х. отреклась от католичества и рассказывала самые невообразимые вещи. На судебном заседании она почти ничего не отрицала. Она рассказывала о вас настоящие глупости, утверждая, что вы силой заставляли ее исповедоваться». Далее сестра-монахиня Вера Городец подтверждала: «*Все их усилия были направлены на то, чтобы заставить нас признаться, что вы являетесь шпионом, что у вас есть организация, активными членами которой мы являемся и активно помогаем вам*».

Арестованные священники были вынуждены признать на суде факт получения денег от епископа Пия Неве: «Все священники растерялись — и это ошеломило нас. В их показаниях речь шла только о деньгах и о долларах, никто из них не настоял на том, чтобы в протоколе допроса было записано „для совершения богослужений“». Только когда Вера Городец объяснила на суде, что это за деньги и с какой целью их передают, «положение изменилось, и исчез преступный характер[90] этой передачи денег». На суде обвиняемые священники категорически, перед всеми, отказались от всех своих показаний, которые они вынужденно подписали под диктовку следователя. О своем состоянии после того, как на первом же допросе ей зачитали показания священников, «признавших» тяжелейшие обвинения против себя и других, Вера Городец позднее написала Неве: «Сестры и я, монсеньор, испытали лишь чувство глубокой жалости, увидев в зале этих священников, столь жалких, столь несчастных, столь непоследовательных. Мы прекрасно понимали, что они это сделали незлонамеренно, ибо потеряли голову и запутались». «Но как было ужасно в эту первую ночь думать о том, что священники, которых мы называли отцами, предали нас

и продали своего епископа».

Обвиняемые священники были приговорены к 8-10 годам тюремного заключения. От самих сестер-монахинь следствию так и не удалось добиться признания вины; а на суде они решительно отвергли все обвинения, в результате их вынуждены были оправдать и освободить из-под стражи в зале заседаний. 30 января 1936 года, сообщая в Рим о завершении судебного процесса в Воронеже, оправдании на суде сестер-монахинь и приговоре к тюремному заключению четырех священников, епископ Пий Неве писал: «Все наши монахини-доминиканки — русские женщины, героини, достойные восхищения. Они добавляют славную страницу к истории нашей Матери — Святой Церкви и являют сокровища добродетели, чистоты, мужества и любви к нашему Господу, хранящиеся в русской душе, принявшей истинность католической веры».

* * *

1936 год стал последним для епископа Пия Неве в СССР, он все чаще уставал, но продолжал информировать Ватикан обо всех событиях в стране. 30 января он писал о возвращении верующим костела в Саратове, что в Киеве нет ни одного священника и верующие на Рождество собрались в церкви и пели под орган, что «*гонение, причем еще более изощренное и лицемерное, продолжается*»[91].

К тому времени в НКВД была составлена «*Справка на Неве Евгения Евгеньевича, 1887 года рождения, Франция, бывшего епископа католического костела в Москве*»[92], в которой высылка из страны неугодного епископа «*за организацию нелегальных католических групп и использование их в шпионских целях*» была названа уже свершившимся фактом и обосновывалась тем, что Неве, «*проживая длительное время на территории СССР под видом миссионера и религиозного деятеля, занимался разведывательной деятельностью против Советского Союза и сбором клеветнической информации о советской действительности*». Справка справкой, но, несмотря на собранный компромат, на открытый скандал власти не отважились, и епископ Пий Неве не был официально выслан из страны; решено было действовать иначе.

К середине 1936 года у епископа Неве возникли серьезные осложнения со здоровьем, так что 31 июля он вынужден был покинуть Москву, так как нуждался в срочной операции. Епископ уезжал на поезде вместе с послом Франции Шарлем Альфаном, которого пришел проводить народный комиссар иностранных дел

М. М. Литвинов. Рукопожатие этого верного слуги сталинского режима стало последним приключением епископа на советской земле. Он не переставал надеяться, что вернется к своим любимым всей душой прихожанам, ведь это было гарантировано послу Франции при его выезде. Но сердце подсказывало другое… въездной визы епископ Пий Эжен Неве не получил.

Ватикан наградил епископа Пия Неве за его подвижническую деятельность в России, отметив, что «информация Святейшего Престола зависела исключительно от докладов Неве и его корреспонденции из Москвы»[93]. Заметим, что за все время служения в России в своих письмах в Ватикан епископ Пий Неве назвал «около 1500 имен епископов, священников, монахов, мирян, женщин и мужчин, католиков, православных, реже лютеран, о страданиях которых он рассказал с момента ареста и до их смерти».

* * *

1 марта 1934 года в Москву прибыл священник-ассумпционист Леопольд Браун[94]: он был блестяще образован, говорил на нескольких европейских языках, изучал теорию музыки в Лондоне, а до выезда в СССР преподавал немецкую литературу в американском колледже. Когда его направили в Москву, он растерялся, ведь ни русского языка, ни советской политической системы не знал. К счастью, первые два года он не только окормлял персонал американского посольства, но и помогал Апостольскому администратору Пию Эжену Неве в пастырском служении в храме Святого Людовика. За это время он выучил русский язык и близко соприкоснулся с советской действительностью.

В декабре 1933 года в Москву вернулся после трехлетней ссылки отец Михаил Цакуль и стал настоятелем двух храмов: Святых Апостолов Петра и Павла и Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. 3 мая 1937 года отец Михаил был вновь арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь[95].

21 июля 1938 года был закрыт храм Святых Апостолов Петра и Павла, а 30 июля — Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. Все имущество храмов было конфисковано, а списки членов приходских советов и тех, кто вносил пожертвования, легли на стол чекистам (для грядущих арестов). Итак, церковь Святого Людовика Французского осталась единственной действующей католической церковью в Москве, а отец Леопольд Браун — единственным священником для более чем двадцати

пяти тысяч католиков, неожиданно для себя оказавшись в центре католической жизни. К тому времени были закрыты католические храмы по всей России, помимо московского, осталась открытой лишь церковь Лурдской Божией Матери в Ленинграде, где служил настоятелем прихода и главой Апостольской администратуры французский священник Мишель Флоран[96].

В будние дни отец Леопольд служил восьмичасовую Мессу, по воскресеньям служил дважды: сначала Мессу, включавшую чтение Евангелия и проповедь на английском языке для дипломатического персонала американского и британского посольств; затем — Мессу на французском языке для издавна живших в Москве французов и франкоговорящих дипломатов. Во время подготовки к празднику Тела Христова отец Леопольд в течение двух дней по семь часов подряд слушал исповеди прихожан закрытой польской церкви, а во время Мессы они же заполнили храм для получения причастия. Для новых прихожан отец Леопольд регулярно читал Евангелие по-русски. На Пасху 1937 года, следуя примеру епископа Пия Неве, отец Леопольд прочел проповедь на русском языке и традиционно на русском языке произнес пасхальное обращение, о чем сразу же было сообщено властям.

Во время всесоюзной переписи населения прихожане спрашивали совета настоятеля храма Святого Людовика отца Леопольда, как отвечать на вопрос о вере. Положение духовного наставника было достаточно щекотливым, ведь, давая совет, он как бы принимал участие в политической жизни страны и мог быть обвинен в антисоветской агитации, от чего его перед отъездом предостерег епископ Пий Неве: «Вы должны хранить молчание в отношении местных властей… Воздерживайтесь высказывать суждение или даже проявлять интерес к вопросам — это лишь укрепит и обезопасит ваше священнослужение»[97]. Кроме того, давая совет по такому вопросу, он рискует навлечь на прихожан и наказание. И все-таки пастырь решается помочь своим верующим: старым прихожанкам он советует писать — да, а остальным — по совести. И это также стало известно властям от сексотов.

Надо иметь в виду, что при отъезде епископа Пия Неве отец Леопольд получил в наследство от него и сексота, «господина профессора», как величал его Неве, — писавшего доносы на священника Сергия Соловьева, архиепископа Варфоломея (Ремова), старосту Алису Отт. И сексот активно продолжил свою провокаторскую деятельность в храме, позднее подтвердив, что «*по заданию НКВД я через епископа Неве установил связь с ксендзом Леопольдом Брауном. Передавая меня Брауну, Неве заявил*

тому, что я являюсь одним из самых просвещенных католиков, которого можно использовать для популяризации католичества в академических кругах»[98]. Отец Леопольд, ни о чем не подозревая, считал «господина профессора» своим помощником, обсуждал с ним многие вопросы, передавал ему католическую литературу для распространения среди католиков, а тот, по его словам, «*доставлял ее в органы НКВД*».

В 1937 году уполномоченный по делам культов Московской области потребовал предъявить ему записи о крещениях, совершенных в церкви Святого Людовика, так называемые метрические книги, отец Леопольд предоставил списки только подданных Франции, которым аресты не грозили. Крещеных поляков и тайно крещеных или перешедших в католичество русских он заносил в отдельные списки, которые хранил в американском посольстве. Алиса Отт позднее подтвердила на допросе, что власти оказывали на отца Леопольда сильнейшее давление, «*пытаясь принудить его выдать приходские книги церкви Святого Людовика, особенно регистрации крещений. Отец Браун категорически отказался*». Отец Леопольд в письме к епископу Пию Неве рассказал об этом и привел свой ответ властям: «Вас это не касается. Эти документы не имеют никакой гражданской или судебной силы. Они обладают чисто сакраментальным характером; а все, что касается совершения таинств, никоим образом не подлежит компетенции правительства после Декрета»[99].

Моральную позицию Леопольда Брауна поддержали послы Франции и США, обратившись к министру иностранных дел М. М. Литвинову, и чиновники отступили. Положение Католической Церкви в СССР усугублялось с каждым годом. 5 сентября 1938 года в письме епископу Пию Неве отец Леопольд сообщал: «Преследования ведутся с еще большим ожесточением и еще более лицемерно… Для меня очень печально говорить вам о том, что во всей стране на своем месте нет ни одного священника, за исключением священника Флорана и вашего слуги… Чудо состоит в том, что в этих условиях даже среди русских имеются верующие, которые еще ходят в церковь».

В конце 1938 года о деятельности Леопольда Брауна и работе заведующей храмом Святого Людовика Алисы Отт сексот доносил: «*Леопольд Браун в одно из моих посещений французской церкви говорил мне, что Отт привлечена им к конспиративной работе. И он дает ей ряд поручений по сбору материалов*»[100]. Позднее это сообщение, по словам сексота, якобы подтвердилось тем, что в 1941 году именно отец Леопольд через американское посольство оказал Алисе Отт содействие «в вопросе освобождения

из-под стражи ее дочери». Далее сексот утверждал, намекая на свои якобы антисоветские настроения, о которых якобы знал Леопольд Браун, именно поэтому ему и доверял, что они «*совпадали целиком с его установками о необходимости всеми средствами вести работу против советской власти*».

Именно сексот сообщал чекистам о материальной помощи отца Леопольда сестрам-монахиням общины русских католиков. К тому времени в Малоярославце после отбытия лагерных сроков и ссылок постепенно собралась небольшая группа сестер-монахинь из Абрикосовской и Соловьевской общин. Положение их было тяжелейшим — ни денег, ни работы, и единственным человеком, который время от времени оказывал им материальную помощь, был Леопольд Браун. Периодически кто-то из сестер ездил в Москву, посещал храм Святого Людовика, чтобы получить у него деньги и продукты для всей общины. И, конечно же, об этих посещениях сразу же сообщал либо «господин профессор», либо кто-то из «добровольных помощников» чекистов: преподавательница русского языка, домработница, другие добровольные помощники, которыми чекисты наводнили храм. Сексот докладывал: «*Леопольд Браун имел обширный круг связей (более 700 человек) из числа католиков, граждан СССР, большинство из которых посещали его в костеле*». И далее он перечислял всех знакомых ему сестер-монахинь из этих общин, все они будут вновь арестованы и отправлены в лагеря, но это будет позднее.

Осенью 1939 года он же сообщил, что в храме «*имел продолжительную беседу с Леопольдом Брауном, который в восторженных тонах говорил мне о работе Алисы Бенедиктовны Отт, которой удалось реализовать очень важное мероприятие*». Речь шла о подготовленном ею «Обращении» к Папе Римскому группы католиков, как доносил сексот, «*по поводу якобы гонения на Католическую и Православную Церкви в СССР*». Он же сообщил, что осенью 1939 года заведующая храмом Алиса Отт вместе с группой прихожан «*составила Обращение на имя Папы Римского*». В нем было освещено «*тяжелое положение религии в Советском Союзе, отмечено трагическое положение католиков, для которых в Москве имеется лишь один храм*». «Обращение» заканчивалось ходатайством о поддержке христианских церквей в СССР и было направлено через французское посольство епископу Пию Эжену Неве, а тот через католического кардинала передал его в Ватикан.

В начале 1940 года Моссовет потребовал от Алисы Отт, как председателя «двадцатки» церкви Святого Людовика Французского, предоставить к 25 мая 1940 года список верующих, посещающих храм, за исключением французов и лиц, имеющих

иностранные паспорта, так как среди советских граждан нужно было избрать исполнительный комитет и ревизионную комиссию с предоставлением подробных анкет. Она обратилась за помощью к французскому послу, и посольство Франции выразило властям свое недовольство, пояснив, что подобная просьба Моссовета к старосте церкви, прихожане которой в большинстве это работники посольства, затрагивает вопросы, входящие в юрисдикцию только МИДа СССР.

Предвидя гитлеровское нашествие на Советский Союз, Леопольд Браун весной 1941 года написал в Ватикан о том, что он «готов, с Божьей помощью, оставаться на своем посту, что бы ни случилось». Папа Римский одобрил его намерение и послал особое благословение для его прихожан. С началом войны и разрывом дипломатических отношений с правительством Виши положение католиков стало отчаянным. Если к Православной Церкви с началом Великой Отечественной войны стали относиться как к защитнице Отечества, то Католической Церкви в еще большей степени отвели роль внутреннего врага. Органы НКВД арестовывали всех вызывающих сомнение католиков, и малейшее подозрение в «шпионаже» кончалось отправкой на долгий срок в лагерь.

21 июля 1941 года Мишель Флоран, настоятель церкви Лурдской Божией Матери в Ленинграде, сообщал епископу Пию Эжену Неве: «В течение нескольких месяцев здесь производятся многочисленные аресты и высылки. Ведется наблюдение за церковью, моим домом, моими перемещениями. Те, кто приходит ко мне, немедленно становятся подозреваемыми, кто очень часто входит в ризницу, также подозревается. Я знаю, что в каждую минуту меня подслушивают»[101]. Все указывало на то, что служить отцу Мишелю Флорану осталось недолго, действительно, с ним не церемонились, и 27 июля без объяснения причин он был выслан из Советского Союза.

О периодически устраиваемых провокациях против отца Леопольда Брауна, обысках и погромах в самом храме позднее покачала на следствии заведующая Алиса Отт: «*В период между 1939–1941 годами церковь Святого Людовика пять раз подвергалась взлому и дважды были осквернены Святые Дары*»[102]. Отец Леопольд не сомневался, что все это дело рук чекистов: обычные уголовники никогда бы не рискнули посягнуть на иностранную собственность, к тому же находящуюся рядом с Лубянкой. Во время налетов немецкой авиации на Москву именно Алиса Отт с дочерью охраняли церковь Святого Людовика Французского от пожаров, подтвердив на допросе: «*За все время бомбардировок Москвы я ежедневно дежурила всю ночь, оберегая*

здание церкви от зажигательных бомб».

В августе 1941 года была арестована Алиса Альбертовна Отт, дочь Алисы Бенедиктовны, и отправлена в Саратовскую тюрьму. Лишь активное вмешательство отца Леопольда Брауна и помощь английского посольства способствовали освобождению девушки и возвращению ее в Москву. Но именно этот факт позднее станет основанием мерзейшего доноса «господина профессора» «*о близкой связи*» обеих женщин с отцом Брауном и серьезным обвинением для них во время следствия — «*о полном доверии и расположении к ним*» священника-иностранца.

Позднее «господин профессор» в показаниях на следствии в качестве свидетеля «вспоминал» о донесениях чекистам во время войны: «*Когда Красной армии приходилось временно отступать, Браун интересовался у меня — нет ли у советского правительства намерения начать секретные переговоры с Германией относительно сепаратного мира. Когда наметился разгром Германии, то Браун просил меня выяснить о планах советского правительства относительно большевизации тех стран, на территории которых будут находиться советские войска*».

Тогда же сексот утверждал, что отец Леопольд, «*будучи опытным разведчиком, соблюдал максимальную осторожность в своей работе*», поэтому, опасаясь установленных микрофонов, «*для бесед со мной на сугубо конспиративные темы он уводил меня или на хоры, или в те места, где происходит исповедь верующих*». Сексот вдохновенно фантазировал, что Леопольд Браун не раз заявлял ему в беседах, что верующий человек не может принять «*антихристианский советский режим, а потому должен стремиться к свержению советского строя*». Но и этого «господину профессору» было мало, и он утверждал, что «*Браун настойчиво хочет узнать — можно ли поднять народные массы Советского Союза на новую войну, которая может вспыхнуть неожиданно между Советским Союзом и англосаксонским блоком*».

Бывшая горничная отца Леопольда, работавшая позднее во французском посольстве и изгнанная оттуда за воровство, утверждала: «*Браун не скрывал своего враждебного отношения к советскому строю и в беседах со мной возводил различную клевету на советскую действительность… Браун, высказывая мне свои антисоветские суждения, возводил клевету на советское правительство, якобы оно обирает свой народ и создает для него тяжелые жизненные условия, говорил, что в советской стране процветает воровство… Через своих знакомых он собирал различную информацию о Советском Союзе, он интересовался экономическим и материальным положением населения, жилищными условиями, отношением населения к мероприятиям*

партии и советского правительства».

Студентка исторического факультета МГУ вынуждена была подтвердить, что с 1940 года она была «*привлечена к шпионской работе против Советского Союза ксендзом Брауном, через которого поставляла американской разведке шпионскую и клеветническую информацию*». А студентка Института иностранных языков показала, что она стала посещать храм Святого Людовика с 1943 года и с тех пор стала сообщать отцу Леопольду «*интересующие его сведения о количественном составе студентов института иностранных языков, об успеваемости студентов и о распределении их на работу*».

Уборщица в храме, работавшая на чекистов, утверждала, что заведующая храмом Алиса Отт «*имела определенное задание — следить за прихожанами, вести наблюдение и чтобы в костел не проникли, на их взгляд, подозрительные лица*». Позднее она жаловалась, что когда стало известно о ее связи с органами, то именно мадам Отт «*восстановила против меня всех посетителей, сообщила об этом Брауну, который отказался меня исповедовать*». Еще один «добровольный свидетель» утверждал, что католиков, обращавшихся к отцу Леопольду для исповеди, он «*использовал для сбора информации о настроениях населения, продовольственном положении в стране и другим вопросам, обрабатывая их в антисоветском духе*».

Учительница русского языка подтвердила, что Брауном были собраны «*точные данные относительно закрытия церквей в СССР*»; и эти данные были переданы им епископу Неве и затем в Ватикан. Завершила «свидетельница» свои показания категорическим утверждением, что отец Леопольд «*в период своего пребывания в Советском Союзе помимо службы в костеле занимался разведывательной работой и через своих знакомых и приближенных лиц собирал нужную ему информацию о советской действительности. Браун в церкви встречается с прихожанами и подробно расспрашивает каждого об условиях его жизни, работе, материальном положении, интересуется, не арестован ли кто-либо из членов семьи, за что именно, сочувствует им и оказывает материальную помощь*».

Благодаря передаваемым Брауном сведениям о преследованиях и арестах священнослужителей и верующих Ватикан имел на руках аргументы для возражений правительству США, которое считало, что позиции Сталина в отношении религии изменились. Отец Леопольд считал, что, распуская слухи о свободе вероисповедания, Сталин лишь намеревается использовать религию в политических целях, поэтому Браун был убежден, что именно сейчас тот самый благоприятный случай для

осуществления давления на советское правительство в отношении свободы совести и вероисповедания. А теперь, когда СССР уже аннексировал более пятнадцати миллионов католиков, контакт между Католической Церковью и Советами совершенно необходим.

Для ускорения процесса высылки из страны католического священника Леопольда Брауна чекисты готовили материалы для «*Справки по архивному делу № 300414 на Брауна*», куда вошли показания вышеупомянутых лиц и где обосновывалась его высылка из страны: «*Браун превратил костел в центр миссионерской и антисоветской работы… Обращавшихся к нему для исповедания католиков из числа советских граждан Браун использовал для сбора информации о настроениях населения, продовольственном положении в стране и других вопросах, обрабатывая их в антисоветском духе. В период Отечественной войны через прихожан-католиков распространял различные провокационные слухи о возможном „перевороте“ в СССР, а затем о неизбежности войны между Англией, США и СССР*»[103].

Леопольд Браун. В тени Лубянки. Воспоминания католического священника о сталинской Москве [104]

Глава I. «С вашего позволения, господин посол, попрошу не финтить!»

«В России мы сделаем из вас хорошего коммуниста!» Эти слова полушутливо, полусерьезно были обращены ко мне через несколько минут после вступления на советскую землю. Их произнес человек в форме пограничника, работник наводящей ужас секретной полиции, и это было время, когда Сталин ускорял процесс уничтожения духовенства. Вторжение Гитлера произойдет еще только через семь лет. «Крестовый поход» фюрера против коммунистического атеизма еще не заставил Кремль принять новую религиозную политику, как это случилось позже.

Но в то время, много лет назад, когда я пересек советскую границу, все, что хоть отдаленно имело отношение к религиозному богослужению, вызывало неодобрение. И вот я стою здесь, на старом пограничном пункте польско-советской границы, облаченный в свою церковную одежду. И само мое появление здесь являлось вызовом материалистической идеологии послереволюционных российских лидеров. Целью моей поездки в Россию, разумеется, не было бросить вызов Кремлю или как-то его провоцировать. Однако в течение всего времени моего пребывания в стране, называемой когда-то Святой Русью, на меня смотрели так, как будто я приехал именно с подобными намерениями. Я никогда не забуду улыбку и лукавый взгляд офицера, который предсказывал, возвращая мне паспорт, что я стану хорошим коммунистом.

В Советской России я представлял образ жизни, расходящийся с советской системой, а также и с той Россией, которая, как я знал, была глубоко проникнута религиозными традициями.

Моя деятельность в качестве священника автоматически должна была превратить меня в постоянный объект нападок. Благодаря Богу и моему американскому гражданству мне удалось продержаться целых двенадцать лет.

До публикации этой книги я никогда не рассказывал трагическую историю моего выезда из России целым и невредимым. У Берии были другие планы — отправить меня в загробный мир досрочно. Но указующий перст Провидения позволил мне вернуться в Соединенные Штаты совершенно неожиданным образом. К концу 1945 года Кремль был «сыт мною по горло» и захотел окончательно стереть меня с лица земли. Я уже собирался покинуть страну, но получил секретное

предупреждение о грозящей мне опасности, если я полечу на советском самолете. Обычно летали только самолеты «Совфлота». И если я не взорвался в воздухе вместе с пассажирами и командой, то только потому, что летел самолетом, на котором не было людей Берии. Тогдашний госсекретарь Джеймс Ф. Бирнс невольно спас мне жизнь, предложив полететь на его Skymaster C-54, транспортном самолете, предоставленном в его распоряжение Госдепартаментом США. Бирнс и его сопровождающие, а также несколько человек из американского посольства в Москве возвращались в США на том же самолете АТС с американским экипажем, который прилетел в Москву в виде исключения.

Эта книга откровенно повествует о моем многолетнем опыте пребывания в СССР. Мое исключительное положение давало мне уникальную возможность ощутить пульс этой земли благородных людей, что вряд ли было доступно другим иностранцам.

Утром 27 декабря 1945 года я чувствовал себя в полной безопасности, слушая, как все четыре двигателя нашего АТС ровно гудели над Альпами, направляясь к Неаполю, нашей первой остановке на длинном путешествии назад в США. Самолетом управлял американский экипаж, который вежливо, но твердо отказался от помощи советских пилотов и штурмана при вылете из Советского Союза. Впервые за много лет я передвигался в пространстве в обществе моих соотечественников, свободный от нежелательно близкого и даже удаленного присутствия ангелов-хранителей из НКВД. Для меня это было странным ощущением.

Я все время напоминал себе, что больше не являюсь объектом их вездесущей бдительности. Меня больше не рассматривали в полевые бинокли и телескопы, и никто меня больше не пытался фотографировать. Мои телефонные разговоры не будут больше прослушиваться и записываться. Отныне почтовые отправления будут доходить до меня невскрытыми. Не будет больше провокаторов, подосланных ко мне в исповедальню или в ризницу. Мой автомобиль больше не станут преследовать, как во время моих поездок по вызову к больному или на одно из пяти московских кладбищ для последнего благословения над свежей могилой. Тот полет вернул мне забытое чувство физической и моральной безопасности. И это несмотря на то, что мы находились на высоте четырнадцати тысяч футов, пролетая над Чехословакией и Югославией на пути в Италию. Я летел домой и был в надежных руках. Этот прекрасный экипаж не нуждался в ориентировании по вершинам деревьев, железнодорожным путям или по течению рек. Последний этап нашего полета, проходивший в ужасных метеоусловиях от Нью-Фаундленда до

Национального аэропорта в Вашингтоне, продемонстрировал выдающиеся навигационные способности американских летчиков[105].

Все началось в 1933 году, почти через месяц после установления дипломатических отношений между США и СССР. Незадолго до этого я был рукоположен в сан священника в Лувене в Бельгии, где прослужил лишь полтора года. После моего возвращения из Европы в 1932 году меня назначили преподавателем Колледжа Успения в Вустере, штат Массачусетс, моей альма-матер. Я был далек от мысли о назначении в Россию, хотя миссионеры Конгрегации ассумпционистов, членом которой я был, служили там начиная с 1903 года.

16 ноября 1933 года в Вашингтоне произошло событие исторического значения. Оно должно было сыграть важную роль в последующих двенадцати годах моей жизни, хотя в то время я и не подозревал об этом. Между Соединенными Штатами и Советским Союзом было официально подписано дипломатическое соглашение. Это событие отложилось в моей памяти, но я не придал ему большого значения. Мое внимание было поглощено подготовкой к экзаменационной сессии в Колледже Успения, где я преподавал.

Декабрьским утром 1933 года я просматривал оркестровую партитуру, когда меня неожиданно вызвали в офис президента Колледжа Успения. Там собрался Совет, на котором было зачитано письмо от нашего генерального настоятеля в Риме: он спрашивал, могут ли американские ассумпционисты найти возможность отправить капеллана в Москву. Просьба была связана с недавно подписанным религиозным соглашением между США и СССР. И тут я узнал, что для этого исключительного назначения выбор пал на меня.

В то время в России все еще находился один из ассумпционистов — епископ Пий Эжен Неве, последний из членов нашего братства, находившихся в России с дореволюционных времен. Парижскими ассумпционистами были предприняты напрасные попытки послать священника-француза в качестве помощника епископу Пию Неве. Генеральный настоятель попросил епископа Неве рассмотреть возможность принять представителя американской ветви ассумпционистов.

Религиозное соглашение гарантировало абсолютную свободу вероисповедания для американцев, живущих в Советской России. Максим Литвинов, в то время советский посол, занимающий также пост наркома иностранных дел, по настоянию Рузвельта был вынужден подписать это официальное соглашение. В этом смысле Америка имела завидное преимущество, будучи

единственной страной из тех, что установили дипломатические отношения с СССР, которая добилась религиозных гарантий для своих граждан.

Именно на основании этого соглашения мне предложили отправиться в Россию капелланом для американских католиков, а также в качестве помощника и секретаря епископа Пия Неве. Всем известно, как трудно получить советскую визу для длительного проживания, в отличие от туристической, иностранцам, сохраняющим свое гражданство, не считая персонала дипломатической службы, небольших групп корреспондентов газет и нескольких иностранных инженеров.

Предложение о поездке в Россию повергло меня в смятение, но не из-за страха или предубеждения против СССР. Я был тогда еще очень молодым священником, и неудивительно, что я пришел в замешательство от одной мысли о поездке в Москву. Мои сведения о внутреннем положении в СССР, и особенно о ситуации с религией, были хотя и далеко не полными, но основанными на надежных источниках. Я не полагался только на газетные репортажи[106]. Я приложил все возможные усилия, чтобы прибыть в эту страну с непредвзятыми представлениями несмотря на то, что прежде, чем я добрался до места назначения, против меня было предпринято два бойкота.

Новое назначение означало для меня существенное изменение той практики служения и преподавания, к которым я готовился. Мои настоятели полностью одобряли специальные занятия музыкой во время летних каникул, пока я изучал богословие в Европе. Мне пришлось довольно неожиданно расстаться с жизнью в студенческом городке и обучением американской молодежи с их здоровым и веселым образом жизни, который всегда привлекал меня. У меня были все основания полагать, что в России меня не ждет слишком радушный прием.

И хотя мне дали понять, что пока не известно, как долго продлится моя миссия в России, я без колебаний согласился. Моя смятенная реакция на неопределенное будущее была естественной: мои мысли обратились к родителям, с которыми я совсем недавно был разлучен на целых шесть лет. В то время моя мать только что перенесла третью пневмонию, в таких обстоятельствах перспектива нового долгого расставания была не слишком обнадеживающей. Мать я больше так никогда и не увидел; Бог призвал ее преданную душу к вечному покою через шесть лет после моего отъезда. И после ее смерти я был вынужден еще более шести лет оставаться в Советской России, полностью отрезанный от родной страны и всего, что было мне

дорого. Но спешу прибавить, что эти жертвы были полностью вознаграждены. Я получил много доказательств настоящей любви и привязанности в этой стране, где мне предстояло монашеское послушание. Если советское руководство явно смотрело на меня как на представителя «реакционного духовенства», то скоро я оценил, как и многие ассумпционисты до меня, высокие духовные и душевные качества русского народа.

Итак, я был готов ехать, но у меня еще не было въездной визы. Я связался с Госдепартаментом не только для того, чтобы получить новый паспорт США, но и для того, чтобы добиться поддержки американского правительства при обращении за советской визой[107]. Так я первый раз встретился с недавно назначенным послом США в СССР, его превосходительством Уильямом С. Буллитом, готовившимся ехать к месту назначения. Я также узнал, что весь штат посольства США в скором времени намеревался отправиться в путь.

Моя первая встреча с послом Буллитом состоялась в Нью-Йорке в отеле «Плаза». Буллит был очень рад, что повезет с собой в Москву американского католического капеллана. Он спросил меня, воспользовались ли представители других вероисповеданий религиозным соглашением, чтобы послать своих священников в Россию. Мы ничего не знали об этом, а позже выяснилось, что я был единственным американским священником, призванным подвергнуть это соглашение проверке. Буллит проявил неподдельный интерес, сказав: «Теперь мы посмотрим, готово ли советское правительство выполнять это соглашение».

Персонал американского посольства планировал отправиться морем из Нью-Йорка 15 февраля 1934 года. Времени было мало, а я все еще преподавал в Колледже Успения. Экзаменационная сессия была в полном разгаре, по пути в столицу я проверял переводы с немецкого в поезде. Оценки за них отправил уже по почте; так я закрыл короткую главу моей жизни, связанную с преподаванием.

Мой визит в советское посольство был подготовлен послом Буллитом. Но я пошел туда один на следующий день после телефонного разговора Буллита с советским послом Александром Трояновским: «У меня здесь находится отец Браун из Конгрегации ассумпционистов, американский католический священник, который обратится в ваше посольство за советской визой. Господин посол, мы рассматриваем это как первую проверку выполнения религиозного соглашения». Следующие слова Буллита рассмешили меня: «С вашего позволения, господин посол, попрошу не финтить!» Конечно, это было сказано в шутливом дружеском тоне, тем не менее в его голосе была

твердость. Он очень хотел, чтобы я отправился вместе с ним на том же корабле.

Так я был представлен советскому чиновнику, пусть и в шутливой форме. Поскольку я собирался в Советский Союз на длительный срок, а не в короткую туристическую поездку, я знал, что мое заявление будет рассматриваться особенно тщательно. Моя родословная, сведения об образовании и публичные заявления о Советском Союзе будут скрупулезно исследоваться. Советских чиновников будет интересовать, не высказывался ли я ранее против советского режима. По этому поводу я чувствовал себя спокойно. В то же самое время у меня было сильное предчувствие, что «веселье» начнется с момента моего появления в советском посольстве, и не ошибся. Секретарь по фамилии Гохман принял меня вежливо и предложил длинную папиросу, вариант русской сигареты, сделанной из очень хорошего кавказского табака. Товарищ Гохман засыпал меня вопросами. Почему я хочу ехать в Советский Союз? Знаю ли я там кого-нибудь? Долго ли я намереваюсь там оставаться? Бывал ли я там прежде? Когда я объяснил, что еду капелланом для американских католиков, а также в качестве секретаря и помощника епископа Пия Неве, он слегка нахмурился. Затем стал применять ко мне диалектические методы. Уверен ли я, спрашивал меня советский чиновник, что епископ Неве согласится, чтобы я был его помощником? В качестве доказательства я показал телеграмму, которой предусмотрительно запасся. Тогда Гохман выдвинул другой аргумент: он посоветовал мне подождать, пока епископ уедет из России, а уже затем отправиться в Москву. На это я возразил, что не смогу быть секретарем и помощником епископа, если он уедет, когда я приеду. Мне показалось, что это рассуждение поставило его в тупик. Я заранее изложил все ответы в письменной форме в официальной анкете, отпечатанной на русском и английском языках. В последующие годы я никогда ни на йоту не отклонялся от ответов, изначально изложенных, особенно в ответе на вопрос: «С какой целью вы желаете приехать в Советский Союз?» Даже когда в 1936 году епископ был фактически изгнан из СССР, я продолжал писать: «В качестве капеллана для американских католиков и помощника епископа Неве».

Я упоминаю об этом факте по причине, которая будет изложена в соответствующем месте этой книги. Здесь скажу только, что со временем я заменил епископа Пия Неве на посту Апостольского администратора, когда Советы не допустили его возвращения из Франции, хотя перед этим официально обещали предоставить ему въездную визу. Тогда я возложил на себя

пастырские обязанности в его церкви, поскольку больше было просто некому. Позднее по поводу этого грустного положения дел американский чиновник, по-видимому, не слишком хорошо знакомый с советскими законами, сказал: «Мы не любим американцев, которые приезжают сюда и уже здесь меняют свой статус». Я же сделал это, чтобы предотвратить закрытие церкви Святого Людовика Французского. Это происходило в период реализации политики «сверхдружественности», проводимой во время Второй мировой войны ответственными чиновниками США в Москве. Таким образом, мое присутствие стало раздражающим фактором не только для Советов, но и для некоторых моих соотечественников. Я могу только предполагать, что это происходило из-за того, что я собрал большое количество достоверной информации, подрывающей престиж нашего «доблестного союзника». Факты о событиях происходящей войны, полученные мной из первоисточников, резко отличались от сводок «Совинформбюро». В результате меня стали рассматривать как «антисоветчика». Мое присутствие мешало тем американским официальным лицам, которые придерживались политики примирения. Следует подчеркнуть, что многим американцам не нравилась такая политика снисходительности и соглашательства, но они не могли свободно выражать свою точку зрения и таким образом защищать интересы США.

Однако я не хочу заходить слишком далеко вперед. Вернемся в Вашингтон, к разговору с секретарем, который безуспешно пытался задержать мой отъезд в Россию. В конце концов он сказал: «Я должен сообщить вам, что у меня нет полномочий предоставить вам въездную визу до тех пор, пока это не будет разрешено Наркоматом иностранных дел в Москве». Я покинул посольство СССР, получив заверение, что буду извещен телеграммой о разрешении на въезд в страну, как только оно будет получено.

Прождав несколько дней в Вашингтоне, я вернулся в Вустер и затем отправился в Нью-Бедфорд штата Массачусетс, мой родной город, чтобы провести несколько дней с родителями. Там и была получена телеграмма из советского посольства о выдаче мне визы. В результате я отбыл из Нью-Йорка на пароходе «Вашингтон» вместе с персоналом американского посольства. Я начал рискованное предприятие, подобное которому редко выпадает человеку на коротком отрезке его жизни.

Перед лицом неизбежных испытаний я мог полагаться только па Божественное Провидение. Друзья спрашивали меня, чего же я надеюсь достичь в стране, где от Бога официально отреклись. Что я мог сказать кроме того, что намереваюсь сделать все, что в моих

силах. Всегда возникает внутренняя умиротворенность от сознания, что ты делаешь все, что можешь, выполняя свой долг послушания. Я чувствовал себя достаточно защищенным своим американским гражданством, я был горд тем, что правительство США было единственным, которому удалось договориться о подписании религиозного протокола, а в какой степени он будет соблюдаться — это совсем другой вопрос.

В данном случае была еще и другая форма безопасности, более осязаемая и заметная: шесть крепких морских пехотинцев, сопровождающих персонал американского посольства на борту судна, направляющегося в Москву для открытия нового посольства. Военный департамент выделил этих замечательных парней по просьбе посла Буллита. В их обязанности входило обеспечение сохранности дипломатических шифров США; и я был уверен, что ни один нескромный взгляд не смог удовлетворить своего любопытства, пока эти ребята выполняли порученное им дело. За время плавания я возобновил свои занятия русским языком. И хотя по прибытии в Москву я еще не мог хорошо говорить, но был счастлив, что уже мог читать вывески и названия улиц[108].

Все нижеследующее — это неприукрашенный рассказ о многочисленных уникальных ситуациях, в которых я жил. Замечательный русский народ в отличие от горстки советских работников МВД — КГБ, религиозная стойкость нации, якобы несуществующие *Коминтерн — Коминформ*, красноармейцы, колхозы и совхозы, советское образование, искусство, жизнь простых людей — эти и другие неожиданные аспекты каждодневной русской жизни станут содержанием последующих глав.

Глава II. О золотых и бумажных рублях

Путешествие с тяжелым багажом из Нью-Йорка в Москву в те годы было не очень приятным занятием. Дело даже не столько в материальных трудностях путешествия, сколько в моральных волнениях, которых мне, конечно, тоже не удалось избежать. Зная о заявленной Советами антипатии ко всем проявлениям религиозности, я не принимал всерьез знаки вежливости, продемонстрированные в посольстве в Вашингтоне. Но и не мог забыть, что хотя и с трудом, но моя въездная виза все-таки была получена. Вспоминая о настойчивости советского секретаря, усиленно пытавшегося заставить меня отказаться от поездки, я все равно не испытывал предубеждения против режима, что было бы вполне оправдано в данном случае.

В то время, когда я отправился в Россию, религиозные гонения на верующих, как физического, так и морального свойства, были там в особо тяжелой фазе. Поэтому у меня не было причин надеяться на особое гостеприимство со стороны советских официальных кругов. Многие из моих сомнений были развеяны за время морского путешествия благодаря постоянному вниманию и участию, проявляемому ко мне всеми членами американской посольской команды. Начиная от посла Буллита до последнего матроса, я был объектом искренней заботы. Накануне прибытия нашего судна в Гавр весь персонал собрался в большом салоне нашего парохода «Вашингтон», и посол неожиданно предложил тост за успех моей миссии. Я почувствовал уверенность, что американский флаг и моя вера будут мне защитой.

По прибытии в Гавр американцы разделились. Посол с несколькими членами своей команды отправились в Париж, и я тоже, но отдельно от них. Оставшаяся часть группы продолжила морское путешествие до Гамбурга. Кроме посла, который должен был официально прибыть в Россию неделей позже, мы все встретились снова вечером 26 февраля на вокзале на Фридрихштрассе в Берлине для предпоследнего этапа нашего путешествия в Москву.

Хотя мне очень повезло сопровождать посольскую группу, я к ней не имел официального отношения и не фигурировал в официальном списке. Моим удостоверением личности был обычный паспорт США, только что выданный мне и проштампованный всеми необходимыми визами, в том числе советской консульской печатью. Этот официальный въездной документ удостоверял, что мне разрешено въехать в Советский

Союз в любом пункте западной границы с 7 февраля по 15 марта 1934 года.

Во время моей короткой остановки в Берлине в ныне разрушенном отеле «Алдон» я заказал железнодорожные билеты до Москвы через советское агентство путешествий «Интурист». Мой чемодан ждал меня на германской таможне. Я посчитал необходимым забронировать одноместное купе от станции Негорелое, бывшего советского пограничного пункта на другой стороне польской границы, прямо до Москвы. Ночью в поезде я чуть было не был задержан германской железнодорожной полицией, которая потребовала у меня сертификат рейха, разрешающий мне «экспорт» иностранной валюты, имевшейся у меня. По непонятной причине на пути из Страсбурга в Берлин немецкие пограничники забыли совершить необходимые валютные формальности при моем пересечении немецкой границы в Карлсруэ. Но все вскоре выяснилось, и мне вернули документы, сопроводив это военным приветствием.

До советской границы на территории Польши было еще два паспортных контроля при въезде и выезде из страны и одна остановка в Варшаве. На моем портативном «ундервуде» я написал последнее письмо своему викарию в Нью-Йорк за пятнадцать минут до пересечения советской границы за станцией Столпце. Это было последнее письмо, присланное из свободной страны. Затем, как известно, Польша стала «свободной и независимой» в стиле сталинской семантики.

Когда длинный экспресс Берлин — Москва подошел к станции Негорелое, он затормозил, проходя под разукрашенной аркой, на которой можно было прочитать лозунг Коминтерна, заимствованный из коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Это пропаганда приветствовала нас при въезде в Советский Союз. До полной остановки (возможно, чтобы рассеять наши сомнения относительно того, куда мы прибыли) во все вагоны еще движущегося поезда, от первого до последнего, вторглись вооруженные солдаты отряда НКВД. Они сразу же завладели всем поездом, залезая на крышу и заползая под вагоны. В своих длинных зимних шинелях и с ружьями наперевес с насаженными штыками солдаты осмотрели весь поезд от паровоза до самого последнего вагона. Это была моя первая встреча с внушающей страх организацией, с которой мне пришлось познакомиться ближе в последующие годы. Из купе я мог видеть этих солдат с суровыми лицами в краснозвездных шлемах со свисающими наушниками, лазающих по вагонам и осматривающих каждый квадратный сантиметр. Вскоре в поезде появились офицеры НКВД, они были одеты более аккуратно, чем

рядовые. На их фуражках была пятиконечная звезда, как на всех воинских головных уборах в Советском Союзе. Они отличались зеленым сукном своих фуражек, это указывало на то, что они принадлежали к пограничным войскам Народного комиссариата внутренних дел.

Нас всех вежливо пригласили выйти из вагона для проверки паспортов и пройти в большую приемную. Не считая персонала посольства, в небольшой группе прибывших были я, единственный иностранец, и русская семья с ребенком, ждущие досмотра. Эти русские не выказывали ни малейших признаков ликования по поводу возвращения в пролетарский рай: помимо ручного багажа они несли сумки со свежими фруктами. Впоследствии я понял, почему репатрианты привозили с собой еду.

Служащий НКВД попросил меня подождать, пока американские сотрудники без каких-либо формальностей пройдут через демаркационную линию. А так как я был лишь приложением к моим соотечественникам, то не увидел ничего необычного в этой процедуре. Я был здесь только благодаря религиозному соглашению, подписанному между президентом Рузвельтом и наркомом иностранных дел Литвиновым. После нескольких минут ожидания подошедший ко мне офицер спросил, как моя фамилия. Я наблюдал, как он докладывал офицеру, по виду начальнику; последний кивал головой, просматривая список фамилий, и распорядился, чтобы мне было позволено незамедлительно проследовать за американцами. По-видимому, через Иностранный отдел была послана особая инструкция, скорее всего в результате переговоров в Вашингтоне между послом Буллитом и послом Трояновским[109].

Таможенники тоже оказались в высшей степени обходительными, позволив мне пронести без досмотра мой ручной багаж и портативную пишущую машинку. Американская группа с интересом наблюдала за происходящим по другую сторону барьера. В присутствии американцев советские сотрудники старались проявить вежливость даже к тому, кого они скоро назовут «проповедником мракобесия» — одним из их обычных определений духовенства.

Меня даже не спросили, сколько я везу валюты. И хотя у меня было лишь несколько сотен долларов и несколько французских франков, я настоял, чтобы мне выдали официальную квитанцию, на всякий случай, чтобы показать, что я ввез в страну эту сумму законно. Документ мне выдали неохотно, позднее он оказался необходимым для вклада денег в Государственный банк. В те годы вклады в иностранной валюте поощрялись, но лишь для

нерусских, за них платили 6 % дивидендов в той же валюте. Однако требовалось подтвердить источник происхождения денег, в противном случае возникали неприятности с Наркоматом финансов.

Перед посадкой в московский поезд мы пообедали в привокзальном ресторане. За один американский доллар нам подали картошку, хлеб и чай. Складывалось впечатление, что русские деньги их не интересовали. После сигнала на отправление поезда произошло нечто неожиданное. В мое купе вошла женщина, представитель «Интуриста», с сообщением, похожим на военный приказ, что мне придется разделить остаток ночного путешествия до Москвы в купе с гражданкой! Почему-то этой внезапно появившейся персоне требовалось ехать в том же направлении, в том же поезде и в моем купе. Это могло быть как случайностью, так и намеренно спланированным актом, поскольку этой новой попутчицы не было среди пассажиров, прибывших из Германии и Польши. Я активно запротестовал: я имел право ехать один, поскольку заплатил «Интуристу» полностью за все купе. Многие иностранцы, едущие в Советский Союз, сталкивались с подобными инцидентами, проверяющими степень их реакции. За все время пребывания в этой стране я не раз встречался с ситуациями такого рода, которые, конечно, не были случайными.

Мой первый завтрак на советской земле был в вагоне-ресторане поезда. Такие вагоны, очень напоминающие пульмановские, были остатками дореволюционного подвижного состава международных спальных вагонов, конфискованных Советами во время революции. Они были исключительно хорошего качества, поэтому выдержали все передряги предшествующих лет, эти реликты царской эпохи были обиты полированным красным деревом с отделкой из латуни. Более широкая колея железнодорожного полотна в России делала пространство вагона просторным и комфортным, однако скорость этого замечательного поезда редко превышала 80 км/час.

Мы прибывали в Советский Союз во время строгого нормирования продовольственных товаров, связанного с последствиями голода 1933 года. Тем не менее всем сидящим за столом предложили изысканное меню, напечатанное на русском и французском языках. Перечень блюд был там куда более длинным, чем оказалось в действительности. Нам дали немного ветчины, очень свежей икры, черного хлеба и традиционного чаю. В «бесклассовой» Советской России железнодорожные вагоны дальнего следования первого класса были снабжены специальным купе для проводника. Он был одет в темно-коричневую форму,

которой нет у сотрудников более низкого класса пассажирских поездов. Русский проводник поезда класса «люкс» не только собирал билеты, на него была возложена забота о комфорте пассажиров, которые могут «купить» на поездку дополнительную подушку или одеяло. Большую часть времени проводник находился в своем маленьком купе, занимаясь большим самоваром, который он разжигал приятно пахнущими сосновыми шишками. За незначительную сумму на всем протяжении монотонного пути он всем приносил горячий чай в стакане в металлическом подстаканнике. Традиционное русское чаепитие предполагает прихлебывание чая с кусочком сахара.

Пролетариев, путешествующих третьим классом или в так называемом жестком вагоне, то есть на деревянных полках без мягких сидений, всегда можно видеть с чайниками; русские никогда не отправляются в путь без этой необходимой утвари. На любой станции, где бы ни останавливался поезд, есть кипяток, и всегда видишь бегущие толпы мужчин, женщин и детей с чайниками, выстраивающихся в очередь к крану с горячей водой. В вечной тревоге, что поезд тронется в путь без них… Иногда это действительно случается без предупреждения.

В том поезде Негорелое — Москва за все нужно было платить в рублях, но стоимость рубля к золоту устанавливалась искусственно. Насколько мне известно, никто на границе не обменял свои американские доллары на бумажные деньги по тогдашнему нелепому курсу 5,5 рубля за доллар. Мы должны были оплачивать счета американскими деньгами, каждый раз занимаясь сложными арифметическими операциями. Было забавно наблюдать, как официант щелкал туда-сюда костяшками на счетах; вычисляя сумму. Каждый раз сумма проверялась и перепроверялась по нескольку раз, прежде чем он убеждался в отсутствии ошибок. Сдачу мы получали в трех или четырех разных валютах, кроме советской. Американские монеты просто таяли на глазах. Мы были несколько удивлены этой необычной процедурой — вот уж поистине самая безобидная форма «интернационализма». Те из нас, кто остался в России на длительное время, впоследствии привыкли к таким странным манипуляциям при покупках товаров в ныне исчезнувших Торгсинах.

Торгсин — это одно из множества советских сокращений, означающее торговлю с иностранцами. В начале тридцатых годов в больших городах было много таких магазинов, от обычных они отличались разнообразием и качеством товаров. Являясь, как и остальные, государственным магазином, Торгсин принимал все виды иностранной валюты, но только не советскую, несмотря на

то что на всех банкнотах было указано их соответствие золотому запасу. Любой человек, в том числе и русские, обладающие платиновыми, золотыми и серебряными предметами, мог делать покупки в этих магазинах.

Персонал американского посольства, в придачу со мной, прибыл в Москву на Белорусский вокзал в 9 часов утра 1 марта 1934 года. Как только поезд остановился, он сразу был запружен целой армией носильщиков мужского и женского пола, среди которых преобладали высокие крепкие мужчины. Стоит посмотреть, как русские силачи переносили сундуки, чемоданы, чемоданчики и другие дорожные вещи, используя всего две руки и замысловатую систему кожаных ремней и перевязей, перекрещивающихся на плечах. На них было подвешено неимоверное количество багажных вещей, помимо того что они несли в руках. Наверное, теперь русские носильщики уже используют тележки и другие средства на колесах для облегчения своего труда. В качестве отступления стоит добавить, что отсутствие «безработицы», хвастливо используемое в советской пропаганде, частично может быть объяснено практикой широкого использования ручного труда. Особенно это было заметно на строительных работах, где строительные материалы переносились на носилках двумя мужчинами или женщинами с каждой стороны, вместо того чтобы использовать тачку[110].

Гиды «Интуриста» повели нас в здание вокзала, построенного еще при Александре III. Все пять действующих железнодорожных вокзалов Москвы построены в царское время. И здесь нас, прибывших, поразило зрелище, противоречащее нашим западным меркам. Толпа типичных русских с удивлением глазела на нас, иностранцев. Стояла зима, и люди были одеты кто во что горазд, лишь бы согреться. Однако меня поразила манера милиции и железнодорожной охраны, сдерживающей эту пеструю толпу строгими командами и свистками. Это был мой первый опыт наблюдения методов сдерживания стихийно возникшей толпы. Прибытие нашей группы как-то привлекло внимание нескольких людей, стоящих за сложной системой загородок. К ним присоединились другие любопытные, образовав толпу. Стоявшие совсем близко от нас тайком от охраны дотрагивались до нас, пробегали руками по рукавам пальто с выражением умильной нежности и детским восхищением на лицах. Многие из этих несчастных с восхищением разглядывали нашу обувь. Конечно, они собрались здесь не для того, чтобы приветствовать нас. Сотрудники НКВД делали все, чтобы держать их подальше. Судя по. бородатым лицам мужчин, это были крестьяне; и мужчины, и женщины были одеты в валенки, доходившие до колен. Их багаж

состоял из забитых до отказа заплечных сумок, сшитых из мешковины. Головы женщин были покрыты теплыми платками.

При виде этого зрелища мое сердце сильно забилось. Иностранцы, ставшие свидетелями этой неожиданной коллективной бедности, в оцепенении молчали. Ежедневное лицезрение этих обычных сцен за годы пребывания в России могло бы стереть те первые впечатления. Но как бы ни привыкал человеческий глаз ко многому, я так никогда и не привык к виду этой всеобщей нужды.

Затем нашу группу вывели из здания вокзала. Кавалькада открытых «линкольнов» уже поджидала нас с несколькими переводчиками «Интуриста». И тут выяснилось, что мне не хватило места. Я вернулся на вокзал, другого автомобиля не было. Но так как моя фамилия была в списке прибывших, я был уверен, что за мной обязательно приедут.

В то особенное утро епископ Пий Неве, к которому я приехал, служил специальную Мессу в церкви Святого Людовика Французского по случаю гибели бельгийского короля Альберта во время горного восхождения, и весь дипломатический корпус присутствовал на поминальной службе в честь погибшего монарха.

В ожидании я осматривался по сторонам. Как я и думал, все разительно отличалось от других стран, в которых я бывал ранее: лица людей, их одежда и прежде всего язык. Поначалу русский язык показался мне резким для моего уха, его звуки не имели ничего общего с саксонскими или латинскими корнями.

Теперь я мог без пропагандистских фотографий непосредственно наблюдать людей, уже семнадцать лет живущих при советском режиме. В своей грубой зимней одежде они казались ужасно непропорциональными, и мужчины, и женщины. Большинство носили неуклюжие ватники, валенки и громоздкие шапки. Зима длится в России целых восемь месяцев, хотя термометр не всегда опускается ниже нуля. В этой меняющейся толпе были и немногочисленные хорошо одетые люди. Скоро я узнал, что комиссары (это уровень министров), верхушка партии, некоторые художники и другие привилегированные персоны отличаются от так называемого «правящего класса» своей одеждой. Новая советская элита одета с такой же, а может быть, даже с большей элегантностью, чем многие европейцы.

В Советском Союзе все зависит от категории, к которой принадлежит гражданин. Коммунизм, провозглашенный как равенство для всех и бесклассовое общество, не существует нигде в стране. Новый лозунг, приспособленный к природе человека, которую материалистический большевизм рьяно пытается

изменить, следующий: «От каждого по способностям, каждому — по потребностям». Он ясно показывает, насколько фальшива русская пропаганда за рубежом, побуждая рабочий класс поверить, что коммунизм приносит равное счастье для всех без исключения. Нет сегодня страны на земле с таким бьющим в глаза неравенством между нищенской бедностью и богатейшей роскошью, какие существуют в Советском Союзе.

В конце концов за мной на вокзал приехала молодая женщина из «Интуриста» в том же открытом «линкольне». Меня легко было опознать в толпе по меховому пальто и такой же шапке, сшитым для меня в Париже[111]. По моей просьбе гид повезла меня в тот же отель, где остановились американцы, это был «Савой», где мне предоставили номер на третьем этаже. Как и все остальные, я сдал свой паспорт на регистрацию в Бюро виз, отдел для учета проезда иностранцев по стране, руководимый НКВД. В СССР ни одно более или менее длительное путешествие не обходится без немедленного уведомления об этом НКВД.

По дороге в отель я получил свою первую порцию пропаганды; девушка-гид заученно рассказала мне о текущей пятилетке. К счастью, расстояние до отеля было небольшим, как и идеологическая обработка, которую мне пришлось выслушать. Единственной возможностью сравнить условия жизни здесь и за пределами России для моего двадцатилетнего гида было пребывание в Шанхае в течение двух лет, где она довольно хорошо выучила английский язык[112]. Ее идеи о западной цивилизации и ужасах капитализма, ежедневно описываемых в «Правде» и «Известиях», основывались на этом опыте, полученном на Дальнем Востоке.

Когда мы ехали по Тверской улице, мое внимание привлекли две вещи: первое — это исключительная чистота улиц и второе — нескончаемые очереди людей, стоящих на холоде в ожидании, когда они смогут войти в продовольственный магазин, где они получат свой паек. Я видел, как некоторые люди стояли рядом с хлебными магазинами с протянутой рукой. Этот жест означал одно и то же и в капиталистической, и в социалистической стране, но не в СССР, где попрошайничество было объявлено несуществующим. Гиды на это имели готовое объяснение: некоторые люди отказываются работать, считая для себя более приемлемым добывать пропитание таким образом!

Правда, конечно, заключалась в том, что целой категории российских граждан было отказано в продовольственных карточках. Не в состоянии платить на черном рынке безумные цены, особенно за хлеб и другие необходимые продукты, эти несчастные были вынуждены рассчитывать на

благотворительность других. Для этих людей, которым по закону было запрещено покупать хлеб по официальным ценам, лучшей милостыней был маленький кусочек черного хлеба. Для этих отверженных был придуман термин лишенцы, обозначающий лиц, лишенных их гражданских прав. В это время в одной только Москве находились тысячи таких лишенцев. Подобная ситуация была и в других советских городах.

На следующий день после нашего приезда я решил получить свой багаж на московской таможне, но мои знания русского языка в это время были таковы, что я мог пытаться говорить только наудачу. Я нанял в «Интуристе» автомобиль с шофером, чтобы привезти свой багаж после необходимых официальных процедур. Досмотр моих вещей занял четыре часа. Интересно, что чиновников больше всего заинтересовали книги. Собрания по догматике и нравственному богословию поставили их в совершенный тупик; так же как и том Канонов и, конечно, мой бревиарий[113] — все на латыни. Все это потребовало долгих объяснений, но они, по-видимому, были удовлетворены, поскольку все пропустили.

Когда подошло время оплачивать их услуги размером в один рубль пятьдесят копеек, я вдруг вспомнил, что у меня нет ни одной советской копейки. Я уже так привык платить за все в золотом выражении, что не подумал о такой ситуации. В это время по официальному обменному курсу 1 доллар был равен 1,14 рубля (золотом). Я предложил заплатить в иностранной валюте, чиновники немедленно начали совещаться и в конце концов согласились. Принесли счеты, и мне снова, как в поезде, был продемонстрирован точный, но утомительный расчет, обнаруживший, что мой долг советскому правительству немного превышает 10 золотых копеек. Это был самый маленький счет, который мне пришлось оплатить за все годы моего пребывания в России. Я был рад заплатить два доллара, оставив им сдачу на чай. Самый длительный таможенный досмотр, которому я когда-либо подвергался, был не слишком неприятным. Пятеро чиновников были вежливы, но все-таки требовали объяснений по каждому печатному тексту, найденному в моем багаже. Когда позднее я рассказал нескольким американским журналистам об этом моем опыте, они поздравили меня: «Только четыре часа, святой отец? — удивились они. — Обычно на это уходит четыре дня!»

Я порадовался тому, что все обошлось. Но не прошло еще и недели моего пребывания в «Савое», когда мой энтузиазм был несколько притушен. Меня вызвали к заведующему отелем на беседу, во время сухого и краткого разговора мне было сказано:

«Время вашего пребывания в Советском Союзе как туриста закончено. Мы надеемся, что вам понравилось. Вот ваши документы. Пожалуйста, примите меры по вашему возвращению в Соединенные Штаты!» Это было сказано со всей серьезностью. Но ведь я же подписывал официальную декларацию в советском посольстве в Вашингтоне, заявляя о своем намерении остаться в России на неограниченный срок. Объяснив все это, я отдал свой паспорт заведующему для продления регистрации. В обмен на 5,5 рубля золотом меня зарегистрировали еще на три недели.

Было ли это трюком для выкачивания долларов или попыткой отбить у меня желание остаться в России? Мне это осталось неизвестно. Но скоро я узнал, что они использовали любой предлог для добывания валюты. В «Савое», как и в других отелях, любой предмет или услуга, проданные иностранцу, должны были оплачиваться в золотом эквиваленте: еда, почтовые марки, телеграммы, парикмахерские услуги. Кроме мелких услуг, таких как стрижка, которая стоила 30 золотых копеек, все остальное было несоизмеримо с их ценой.

Позже я узнал, что иностранная валюта, так жадно собираемая советскими чиновниками: доллары США, фунты стерлингов Великобритании, рейхсмарки Германии и тому подобные — используется для содержания шпионов, работающих за пределами страны. И не считайте, что мне это просто наивно померещилось.

В то время, когда я приехал в Россию, и до начала Второй мировой войны иностранных путешественников, покупающих что-либо в твердой валюте через «Интурист», систематически обирали. Театральные билеты, например, для иностранцев стоили в 40–50 раз дороже обычной цены в бумажных рублях. Особый билет по цене «втридорога» считался привилегией и давал возможность посмотреть физкультурный парад на Красной площади. Были организованы специальные охотничьи туры для иностранцев, готовых потратить золотые рубли за выстрел в медведя. Конфискованные предметы искусства, иконы, картины, фарфор, книги, предметы культа и огромное количество церковной утвари, отобранной государством у арестованных владельцев, а также при закрытии церквей и монастырей, продавались за марки, франки, доллары и так далее[114].

В заключение этой главы читатель узнает, что случилось с послом Буллитом в день его официального прибытия в СССР. Сам посол с удовольствием и юмором рассказывал об этом происшествии. Посол также пересек границу на станции Негорелое через неделю после прибытия персонала посольства в советскую столицу. Когда его поезд затормозил, он увидел, что

весь вокзал украшен флагами США и СССР. Это был первый приезд полномочного посла в Советский Союз; чтобы приветствовать его, накануне из Москвы на пограничную станцию прибыли две делегации. Одна состояла из сотрудников его посольства, а другая была представлена группой Наркомата иностранных дел. После обмена приветствиями посол был препровожден в комнату, украшенную национальными флагами: провозглашались здравицы за процветание Америки; зазвучали тосты за советско-американскую дружбу. Все присутствующие присоединились к застолью. Кроме официального приема, каждый на своем месте, от начальника вокзала до последнего привратника, тоже выпил за здоровье посла. Посол вспоминал даже, что вся команда поезда, включая инженера с кочегаром вместе с носильщиками, одетыми по этому случаю в белые фартуки, поднимала тосты за вновь прибывшего американского посла. Все весело пировали, когда был дан сигнал к отправлению поезда. Тут же с низким дореволюционным поклоном к послу подошел старший официант и представил ему счет. На нем фигурировала стоимость в рублях за веселую вечеринку, данную в его честь! Веселый юмор и нрав посла быстро справились с естественным замешательством. А так как у него не было советских рублей, дело было быстро улажено солидной суммой американских долларов, после чего посол продолжил свое путешествие в Москву.

Вскоре после этой невероятной, но правдивой истории имел место другой подобный случай, но уже не на этой пограничной станции, а в морском порту. Эта история имеет свою особенность, поэтому для контраста будет вкратце рассказана со слов главного действующего лица. Исполняющий обязанности посла прибыл по морю в Ленинград, возвращаясь из отпуска. Его тоже встречала особая комиссия, и после нескольких рюмок водки, выпитых в его честь без его на то желания, ему представили рублевый счет. Не моргнув глазом, дипломат, к огромному удивлению официанта, спокойно вытащил из кармана рубли. Теперь читатель должен узнать, что советские рубли нельзя было ни ввозить, ни вывозить, по крайней мере иностранцам. Как советское правительство поступало в этих случаях — это уже другая история. Известно, что в середине тридцатых операции по обмену рублей проводились по выгодному курсу секретными советскими агентами в нескольких столицах Европы и Азии.

Поначалу я чувствовал себя некомфортно в этой новой для меня среде, но не терял времени, готовясь к новой жизни. Часы, недели и месяцы я занимался только русскими склонениями, спряжениями, синтаксисом, ни разу не пожалев об усилиях,

затраченных на изучение русского языка. Я вращался в среде нормальных русских людей, изучая их речь и образ мыслей. Кроме уроков русского, у меня была прекрасная практика в фонетике этого необычайно красивого языка: я слушал радио, хотя и не воспринимал информацию всерьез. Будучи в молодости радиолюбителем, я никогда не терял интереса к азбуке Морзе, поэтому у меня была возможность проверять и по необходимости корректировать сообщения ТАСС и новости, опубликованные в «Правде» и «Известиях».

Такая интенсивная подготовка оказалась очень кстати в последующие годы, и гораздо раньше, чем я мог себе представить.

Глава III. Первый ассумпционист в России [115]

Епископ Пий Эжен Неве уехал из родной Франции в 1906 году, еще при царском режиме, когда въездные визы предоставлялись неправославным иностранным священникам довольно просто. В те годы ассумпционисты имели успешно работающие миссии в Санкт-Петербурге, Одессе, Киеве, Макеевке и Вильнюсе. В России и ранее существовали разные миссии, созданные иезуитами, доминиканцами, францисканцами. Мне хотелось бы познакомить читателя с необыкновенной личностью, каким был епископ Пий Неве, по чьей инициативе я приехал в Москву.

Прослужив год в качестве капеллана женского монастыря (ныне осквернённого) для монахинь, преподававших в Санкт-Петербурге, следующие двадцать лет своей пастырской службы, с 1907 по 1926 год, епископ Неве посвятил организации церковного прихода и строительству церкви в Макеевке, важном угольном и металлургическом центре Донецкого бассейна на Украине. В те годы там существовала довольно большая колония французских и бельгийских инженеров. Вместе с многочисленными выходцами из Польши, Литвы, Белоруссии они образовали довольно большую общину. До сих пор Макеевка занимает видное место в экономике Советского Союза. Угледобывающая и металлургическая концессии, прежде управляемые иностранцами, сейчас, конечно, полностью упразднены.

В связи с необычайными обстоятельствами, вызванными безжалостными арестами католической иерархии, отец Пий Неве, все еще приходской священник, в 1926 году был вызван в Москву для посвящения в епископы. На фоне нарастающей волны гонений и угасающей надежды на апостольскую преемственность в России Папа Пий XI решил возвести Неве в епископский сан. После той исторической церемонии, вынужденно происходившей за закрытыми дверями, епископ Неве возвратился в свой приход на Украине, чтобы завершить дела, а затем приступить к новым обязанностям в столице.

В Макеевке дом епископа двадцать два раза обыскивали сотрудники ЧК и ОГПУ. Несколько раз его ставили к стенке перед расстрельной командой, и совершенно необъяснимо, как он уцелел в то время, когда человеческая жизнь ничего не стоила. Прежде чем вернуться в Москву и принять настоятельство в церкви Святого Людовика Французского, он был уполномочен

Верховным Понтификом осуществить необычное рукоположение. Специальным указом французский ассумпционист Дэвид Мейланд, разделивший с епископом его многолетнюю добровольную ссылку, был рукоположен в сан священника. Это была особая срочная мера, предпринятая Папским престолом, чтобы не лишать верующих Макеевки Святых Таинств, когда епископ Пий Неве отбудет в Москву. В предшествующие годы отец Дэвид Мейланд готовился стать священником и был хорошо знаком с богослужебными обрядами. Этот шаг обеспечивал прихожанам Макеевки отправление религиозных обрядов, которых в противном случае они были бы лишены. Следует подчеркнуть тот грустный факт, что это рукоположение в 1926 году было последним в России. Священники, еще остававшиеся в различных приходах, умирали или были арестованы ОГПУ. Еще некоторое время Макеевка оставалась последним форпостом католического богослужения в России. В соседних городах — Таганроге, Херсоне, Запорожье, Полтаве, Екатеринославе (ныне Днепропетровск) — католическое богослужение было упразднено. Священники, раввины и муллы были арестованы, а церкви, синагоги и мечети закрыты. После отъезда епископа в Москву власти в Макеевке сделали абсолютно невозможной жизнь отца Дэвида Мейланда, и в конце концов он, уже тяжело больной, был вынужден вернуться во Францию, где вскоре и умер.

Отец Пий Неве продолжал жить в России, сохраняя свое французское гражданство даже тогда, когда Франция не имела дипломатических отношений с Советским Союзом. Можно себе представить, в каких тяжелых условиях приходилось ему жить в России в годы Гражданской войны и вторжения стран Антанты. Он проявил удивительное мужество и самопожертвование, полностью посвятив себя духовному благополучию своей паствы. Недаром по окончании Первой мировой войны руководители Американской ассоциации помощи при президенте Гувере и Папской миссии помощи сочли необходимым консультироваться с отцом Пием Неве о поставках продовольствия и одежды. Если бы такие же меры предосторожности были предприняты во время Второй мировой войны, можно было бы предотвратить многие катастрофические последствия, связанные с систематическим незаконным присвоением товаров, поставляемых в Советскую Россию Американским Красным Крестом и Администрацией ООН по оказанию помощи и реабилитации (UNRAA).

Около года отец Неве жил на собственные средства, сдавая сначала одну, а затем другую свою квартиру, что ему было позволено как французскому гражданину. Но советские власти не оставляли его в покое, перехватывая приходящие ему письма и

поселив по соседству с ним двух агентов ГПУ. Каждого его посетителя начинали преследовать, задавать вопросы и всячески ему досаждать, что обычно заканчивалось арестом. Он, как и другие священники, не имел права на получение продовольственных карточек, пережил несколько голодоморов, многие из которых были умышленно организованы государством, чтобы навязать коллективизацию.

Однажды во время его поездки из Макеевки в Ростов-на-Дону ГПУ выбрало его жертвой подстроенной ловушки. Женщина-агент, воспользовавшись станционной толкучкой, так как толпы простых людей целыми днями ожидали на провинциальных станциях прибытия поезда, подбросила епископу пакет. Его сразу же арестовали, обыскали и, естественно, нашли сверток, содержащий компрометирующие его сфабрикованные документы.

Отца Пия спасло только хладнокровие и присутствие духа. Бессчетное число раз его приводили в местное отделение ГПУ на Украине, управляемой тогда Хрущевым, и часами допрашивали. Эта практика продолжалась не один год, с тех пор как несчастный Феликс Дзержинский ввел ее в тюремных подвалах московского ГПУ[116].

Чтобы избавить епископа от этого изматывающего давления, посол Франции Жан Эрбетт предложил ему убежище и защиту в своей резиденции сразу после восстановления дипломатических отношений между Францией и Советским Союзом. В этом экстерриториальном приюте епископ занимал комнату с остатками своих пожитков, которые состояли в основном из старославянских и русских книг. Наконец-то его оставили в покое, больше не подвергая ни нежелательным визитам, ни вызовам в секретную полицию, как это было в Макеевке, где офицеры ГПУ врывались даже в алтарную часть храма в поисках свидетельств контрреволюционной деятельности. Его ценнейшие книги сбрасывались с полок полуграмотными работниками секретной полиции, с трудом разбиравшими даже заголовки. Во время длинных ночных обысков они заворачивали табак в вырванные страницы из его книг для своих самокруток. Таково краткое описание жизни епископа Пия Неве, в течение двадцати двух лет жившего в добровольной ссылке. Таким был человек, к которому я приехал в качестве помощника и кому желал предложить свою дружбу.

Снежным вечером 2 марта 1934 года я впервые встретил епископа в холле отеля «Савой» в Москве. Спускаясь по лестнице из своей комнаты, я увидел довольно высокого человека с окладистой бородой. Во всем мире миссионеры обычно носят бороду. Расспрашивая ветеранов, которые много лет провели в

арабских странах и на Ближнем Востоке, я узнал, что в этих краях борода является необходимым признаком мужественности, что может показаться странным для западных людей. На импровизированном прощальном вечере накануне моего отъезда в Россию мои коллеги собрались у меня дома пожелать мне удачи. Одним из подарков, преподнесенных ими, был бритвенный прибор Shick, которым я пользуюсь до сих пор. Мои друзья боялись не узнать меня по возвращении, если мне вообще суждено было вернуться[117]. Большинство миссионеров-ассумпционистов в Африке и в нашем представительстве в Маньчжурии тоже отпускали бороду. Епископ Пий Неве носил бороду более сорока лет, и я должен сказать, что она очень подходила к его почтенной внешности.

Прежде я никогда не встречался с епископом. Его исключительный пост Апостольского администратора в Москве выделял его среди других представителей ассумпционистов в двадцати трех странах. Его фотографии появлялись в различных изданиях, поэтому я сразу узнал его, когда спускался по лестнице тем мартовским вечером. Я никогда не забуду его теплое приветствие и братское объятие, как будто мы были давно знакомы: хотя мы никогда не встречались, мы все же принадлежали к одной монашеской конгрегации. Достопочтенный основатель нашей Конгрегации ассумпционистов отец Эммануэль Д'Альзон, обладавший необыкновенным даром провидения для своего времени, предвидел важную роль России в последующей мировой политике. Именно поэтому он пожертвовал несколькими монахами из своей только еще создающейся Конгрегации для развития миссионерской работы на Балканах, что было шагом в сторону России. Епископ Пий Неве был одним из этих пионеров, служа тогда в качестве священника в Филиппополисе (Пловдив) в Болгарии, где ассумпционисты построили соборную церковь, ныне экспроприированную.

Передо мной стоял святой человек, чья крупная фигура казалась еще более объемной из-за огромной сибирской шубы, в которую он был одет. Ему было тогда пятьдесят семь лет, к этому времени он уже двадцать восемь лет прослужил священником в России, пережив революционные годы при всех быстро сменяемых временных правительствах. Шесть лет назад при трагических обстоятельствах уехал во Францию его последний соратник, отец Дэвид Мейланд. Я был первым приехавшим к нему после стольких лет одиночества, его долгое терпеливое одинокое существование подходило к концу — для нас обоих это был радостный день.

Епископ Пий Неве был одним из тех немногословных

скромных людей, отмеченных святостью и мудростью, чей огромный опыт и знания много дали мне для освоения моих новых обязанностей. Его знания церковно-славянского и русского языков, а также многих наук были поразительны. У русских есть особое слово, обозначающее того, кто обладает абсолютными знаниями в области науки, искусства, языка, всего того, что требует обучения и овладения профессиональным мастерством, — такой человек называется знатоком. Это понятие в полной мере относится к епископу Неве. Я унаследовал его книги и рукописи: пометки в них указывают на его старания глубоко овладеть вдохновенным русским языком.

Отель, в котором я жил вначале, находился в Рождественском переулке недалеко от старой Китайгородской стены. Эта улица перпендикулярна одной из самых оживленных улиц Москвы и одна из немногих сохранила старое название. В своих решительных попытках стереть из памяти религиозное прошлое Москвы Советы переименовали многие из улиц и площадей столицы. От Арбатского бульвара идет улица, которая прежде называлась Пречистенкой, а теперь стала улицей Кропоткина, в честь революционера, который, как ни странно, принадлежал к аристократии. Однако исчезли не все религиозные и библейские названия. Парадоксально, но центральная штаб-квартира Союза воинствующих безбожников находилась на улице Сретенка, названной в честь праздника Сретенье. Ильинские ворота по-прежнему напоминают об Илье-пророке, на улице Покровка все еще стоит прекрасная церковь, посвященная Покрову Богородицы. Как и многие другие церкви, она частично превращена в склад задолго до моего приезда в Москву, а частично используется под разные конторы. Эти замечательные постройки стоят теперь как безмолвные свидетели неискоренимой российской веры в Бога. Во время моих походов на кладбище я часто видел, как русские осеняли себя крестом, проходя мимо этих осквернённых храмов.

Церковь Святого Людовика, расположенная в центре города, вблизи основных отелей, стала быстро известна всем американцам, живущим в Москве. Она была открыта для всех верующих без различия национальности. Так как в России не было другой церкви, где говорили бы по-английски, ее часто посещали американцы и англичане других вероисповеданий.

Каждую неделю на застекленной доске объявлений я вывешивал календарь богослужений на неделю, который сам же печатал на русском и французском языках. В то время не было других «печатных публикаций» религиозного содержания, которые власти потерпели бы на территории Советского Союза. В храме служилась Святая Месса и проводились чтения из Ветхого

и Нового Завета. Молитвы и проповеди на воскресных Мессах в девять утра были на английском языке — а исповеди до или после Мессы. Время от времени венчания и крещения проходили либо в американской колонии, либо в дипломатическом корпусе. Для желающих принять католичество проводилось обучение катехизису. Но никогда ни в стенах церкви, ни вне ее не было попыток прозелитизма, обращения местных жителей в свою веру. Однако всегда были люди, которые желали обучаться и быть принятыми в лоно Церкви.

В этом смысле иностранцам больше повезло, чем русским, у которых немедленно возникали серьезные неприятности, когда они пытались использовать свои права на свободу вероисповедания, «гарантированные» им советской конституцией. Традиция американского богослужения в церкви Святого Людовика набирала обороты и продолжалась без перерывов более пятнадцати лет, то есть все то время, пока американские священники имели доступ в этот храм.

Мне была удобна близость отеля «Савой» к церкви. Но поскольку епископ проживал во французском посольстве, находящемся в полутора километрах от нее, мы виделись только в церкви и не могли жить той общей братской жизнью, о которой оба мечтали. Но эта проблема была вскоре благополучно разрешена, и пока епископ оставался в России, у меня была возможность учиться у него. Тем временем я всепоглощающе погрузился в изучение русского языка. Я думал, что годы моей преподавательской деятельности закончились с моим отъездом из Колледжа Успения. Но я ошибался — в мою комнату стал приходить один из управляющих отеля с просьбой помочь ему в изучении английского языка. Однако это продолжалось недолго, я полагаю, что этот человек приходил ко мне, не имея на то специального разрешения, он чувствовал себя неловко, как будто опасался, что за ним следят, хотя его опасения не снижали его интереса к английскому языку, который постепенно улучшался. В конце концов он перестал приходить, может быть, его перевели на другую работу, так как я его больше не видел.

В «Савое» я мог непосредственно наблюдать методы подглядывания и подслушивания со стороны НКВД. В первое время меня не слишком беспокоили, видимо, Советы смотрели на меня как на чудака (я имею в виду власти, а не русских людей). Должно быть, в их глазах я выглядел странно: в те годы я был относительно молод, не женат, жил уединенно, не появляясь ни в холлах отеля, ни в театрах, ни в других местах развлечений, интересных самих по себе, но едва ли приемлемых в жизни священника. Вставал я всегда рано, уходил в церковь, когда все в

отеле еще спали, включая швейцара в униформе, который неуклюже вскакивал и вытягивался по струнке, когда я проходил мимо.

Моя главная обязанность состояла в прислуживании епископу во время утренней Мессы у алтаря Пресвятой Девы. В этой церкви, которой было уже 145 лет, на белых мраморных плитах, прикрепленных к стенам, были выгравированы золотом надписи, молитвы и благодарности прихожан, чьи молитвы были услышаны. В будни епископ Пий Неве служил Мессу у этого бокового алтаря, поскольку две другие римско-католические церкви Москвы еще не были закрыты тогда и прихожане еще могли бывать в этих церквах, хотя и подвергаясь риску привлечь внимание НКВД, как и другие верующие. И хотя сам епископ Пий Неве и я имели разрешение на службу по византийскому обряду, церковь Святого Людовика всегда следовала римскому обряду.

В то время пресса, радио, развлекательные и лекционные учреждения и даже «парки культуры и отдыха» вносили свой посильный вклад в антирелигиозную кампанию. Телевидения тогда еще не было, так как американские инженеры еще не прибыли, чтобы установить первый на территории СССР телевизионный передатчик. Общество воинствующих атеистов держалось отдельно, имея в своем распоряжении все доступные средства для влияния на массы. К этому времени их наступательная активность уже накопила девятнадцатилетний опыт. При правительственной поддержке эта группа агитаторов демонстрировала, до какой степени государство могло вмешиваться в личные религиозные дела своих граждан. Это было полным пренебрежением первого пункта Декрета 1918 года, установившего отделение Церкви от государства. После революции Наркомат просвещения занимался при обучении неискушенных детей и подростков формированием их сознания в духе безбожия.

Я был обязан посвятить себя преимущественно духовным потребностям моих соотечественников, помня также, что официально я еще и помощник епископа. Поэтому изначально моя деятельность ограничивалась духовной помощью в основном иностранцам. И хотя я находился в самой гуще открыто объявленной войны против Бога, я лично не был мишенью для их атак на религию. Это видимое ограничение моей деятельности кругом иностранцев в Москве, разумеется, устраивало советскую власть. Когда же пришло время зарегистрировать меня в качестве «служителя культа» в соответствии с советским законом, нельзя было предвидеть, что скоро настанет время, когда я буду в одночасье вовлечен в самую гущу страшной борьбы, в которой я в

силу обстоятельств стану центральным объектом.

Задолго до резкого поворота кремлевских лидеров в отношении религии в Моссовете существовал отдел под названием Москультотдел, контролирующий религиозные общества, приходы и братства, которым до этого удавалось держаться. Декрет от 8 апреля 1929 года требовал, чтобы все «служители культа» были зарегистрированы в этом отделе и получили разрешение заниматься своим делом[118]. Когда я регистрировался, местные власти не возражали против признания меня в качестве помощника епископа Пия Неве в церкви Святого Людовика. Но нельзя не признать, что, служа в этом качестве, я пренебрег некоторыми исходными условиями, благодаря которым я прибыл в страну. Несмотря на необычность моей ситуации, вначале мне не чинили ни прямых, ни косвенных препятствий в выполнении моих обязанностей, требующих расширения контактов с российскими прихожанами. Но в последующие годы мне пришлось в полной мере столкнуться с административными ограничениями, направленными либо лично против меня, либо против большой общины русских верующих, которых я неожиданно «унаследовал» в качестве паствы.

Епископ Пий Неве, говоривший на русском языке как на родном, был одним из тех, кто привлек внимание властей. Его обязанности Апостольского администратора требовали общения с прихожанами, прибывавшими со всех уголков страны; в церковь Святого Людовика постоянно приезжали люди из Крыма, Украины, Белоруссии, отдаленных районов Сибири и Кавказа. В середине тридцатых годов за путешествующими еще не было такого надзора, как позднее, особенно после заключения в 1939 году Пакта о ненападении между СССР и нацистской Германией. Задолго до введения военного положения в годы войны решением Совнаркома ограничения по передвижению были наложены на все население.

Подвергая себя лишениям, верующие предпринимали дорогостоящие поездки в Москву не только ради крещения, но чтобы обсудить также свои моральные или семейные проблемы. Они были вынуждены ехать в столицу, потому что их приходские священники один за другим исчезали и о них больше никогда не было известий. Статья 124 советской конституции, несмотря на красноречивые комментарии кабинетных экспертов, абсолютно ничего не меняла в продолжающемся уничтожении духовенства. Гонения на православных священников были более массовыми, чем на католических, и гораздо менее, чем на последователей мусульманства и иудаизма.

Закрытие церквей, мечетей и синагог продолжалось с

открытым пренебрежением к советским законам и до, и после принятия Конституции 1936 года. Иностранные корреспонденты почти не имели возможности узнавать о продолжающихся трагедиях и арестах священников, мулл и раввинов, так как советская пресса полностью обходила эти факты молчанием. Регулярные сводки ТАСС и пресс-релизы на религиозную тему Советского информационного бюро начались только тогда, когда Кремль испугался того, что оккупационные власти на русских территориях в первую же неделю стали открывать церкви. А до этого времени если и были упоминания о религии в «Правде» и «Известиях», то либо высмеивались религиозные лидеры, либо приводились богохульные высказывания Ленина и Сталина о Боге и бессмысленности веры в сверхъестественное.

Местные власти смотрели на меня как на приложение к дипломатическому корпусу и, вероятно, думали, что, как это бывает с персоналом иностранных служб, я буду освобожден от работы самое большее через два-три года. Без малейшего чувства ложной скромности могу добавить, что я был готов повторить, если не побить, двадцатидвухлетний рекорд, установленный епископом Пием Неве. Но, насколько я знаю, этот рекорд до сих пор еще никем не побит[119].

В моих отношениях с властями все проходило спокойно, за исключением того момента, когда я должен был обновить разрешение на мое постоянное проживание. Я не был ни служащим посольства США, ни его представителем, не получал зарплату от государства или кого-либо еще. Несмотря на это, Советы с самого начала потребовали, чтобы мое заявление на продление пребывания в стране сопровождалось письмом от посольства США. Невзирая на тот факт, что в США Церковь отделена от государства, Советы постоянно отказывались признать, что это отделение действительно существует. Советский закон тоже провозглашает отделение Церкви от государства, но он был с самого захвата Лениным власти «мертвым» законом. Все время моего пребывания в России на меня упорно смотрели как на человека, официально или полуофициально связанного с правительством США[120]. Ни Госдепартамент в Вашингтоне, ни посольство США в Москве не могли разубедить советское правительство в его ошибочном убеждении, что американское духовенство якобы контролируется государством.

Ежедневно в семь часов утра я открывал церковь Святого Людовика. И скоро я узнал, что каждый день, когда открывались двери и входили верующие, среди них находились один или несколько шпионов. Обнаружить их было не всегда просто: одеты

они были, как обычные граждане, и притворялись, хотя и не всегда удачно, простыми прихожанами. Многие из них садились в передние ряды, чтобы лучше видеть, что происходит, и слышать то, что будет сказано с кафедры, но самое главное, замечать людей, которые проходили в ризницу, чтобы поговорить с епископом или со мной. Это было неуклюже и слишком заметно, походило на милицейский пост внутри церкви. Внешняя религиозная свобода особенно соблюдалась в присутствии иностранных дипломатов, тогда русским прихожанам позволялось безнаказанно заходить в ризницу и даже уходить домой без какого-либо заметного преследования. Однако через две-три недели человека, замеченного в церкви, вызывали либо в местное отделение милиции, либо в НКВД, задавали запугивающие вопросы и заканчивали прямыми угрозами.

В разгар этого морального давления, о котором не подозревали ни дипломаты, ни иностранные газетчики, нас с епископом они все же не трогали. В первый год пребывания в Москве у меня иногда выдавалось время для знакомства с городом, несколько раз я прогуливался по его окраинам. Обычно я это делал в компании с чудесной сибирской собакой епископа по кличке Флип. Мы стали друзьями с самого первого дня, когда я увидел это замечательное существо, глядящее через окно комнаты епископа во двор резиденции французского посла. Флип был великолепным экземпляром собачьей породы с пушистой шерстью и черно-белыми пятнами, его большая черная голова с острыми ушами делала его похожим на медведя. Он не был комнатной собакой и жил исключительно во дворе, а зимой при самой низкой температуре часами лежал, свернувшись клубком, прямо на снегу, положив морду на вытянутые передние лапы. Иногда его хвост вмерзал в лед, и он долго тряс им, перед тем как начать свой рабочий день. Флип не был поставлен на посольское довольствие, так же как и епископ и я. Но у него была работа, кроме отпугивания бездомных кошек: по утрам двор часто посещала стая огромных кремлевских ворон. Я думаю, что эти птицы пользовались особой неприкосновенностью, так как они спокойно сидели на деревьях Александровского сада и летали над Кремлем, не боясь выстрелов солдат гарнизона. Никакому другому существу не дозволялась такая свобода перемещения над самой охраняемой территорией страны.

Глава IV. Москва: взгляд в прошлое

Москва выросла из группы деревень

Из всех городов Советского Союза Москва — самый населенный город, насчитывающий более шести миллионов жителей. Несколько лет назад город пышно отпраздновал свое 800-летие. Считается, что город был основан князем Юрием Долгоруким. Одна из его наследников, княгиня Стефания Семеновна Долгорукая умерла в Нью-Йорке несколько лет назад.

Через большую часть города протекает извилистая Москва-река, в конце 30-х годов преобразовавшая столицу в «морской» порт. Это стало результатом грандиозного инженерного проекта, соединившего Волгу и Москву-реку. Строительство началось под управлением НКВД с использованием труда сотен тысяч политических заключенных, с некоторыми из них я был лично знаком. Среди этой огромной массы людей было много священников, университетских профессоров, врачей, простых русских граждан, в том числе женщин, которых как скотину загоняли в бараки, спешно построенные на расстоянии нескольких километров один от другого на всем протяжении этой грандиозной стройки. Я часто видел, как эти рабочие батальоны гнали по проселочным дорогам в любое время года под охраной военизированных отрядов НКВД.

Нельзя сказать, что Москва — хорошо спланированный город, как, например, Ленинград (Санкт-Петербург), Париж, Мадрид и некоторые другие европейские столицы. Однако старые боярские семьи и растущая аристократия прочно осели в этом городе, и он постепенно стал центром Российской империи. Москва всегда была центром Православной Церкви, здесь находилась резиденция патриарха, пока царь Петр не упразднил патриаршество, заменив его Святейшим Синодом. В старые времена Москва блистала пышными приемами, которые давались в честь послов, в том числе и представителей Папского престола.

Сегодня Москва — оживленный административный и промышленный город, но невероятно перенаселенный: жилищных площадей недостаточно даже для половины населения. В обычной квартире для одной семьи теперь проживает несколько семей — по одной в каждой комнате. Одной уборной, одной ванной комнатой и одной кухней пользуются двадцать-тридцать человек — трудно описать царящие там вседозволенность и нечистоплотность. В этой общей ситуации безразличия к

положению рядовых русских исключения бывали редки. Разумеется, это относилось только к «трудящимся массам». Важные персоны, партийные руководители, директора предприятий и комиссары высшего ранга в отдельных случаях затмевали роскошью своей жизни бывшую российскую аристократию.

Власти делали похвальные усилия для разрешения жилищной проблемы, проводя обширную программу по строительству жилья. Но, как часто повторяли добрые русские люди, хотя планы всегда перевыполнялись, самых необходимых вещей для жизни никогда не хватало. Не хватало не только квартир, но также обуви, тканей, посуды и основных товаров потребления — этого всего в Советском Союзе производилось поразительно мало относительно потребностей населения. Приоритет в промышленном производстве принадлежал продукции для военных целей. Первые три пятилетних плана, нацеленные главным образом на подъем тяжелой промышленности, были направлены на военное производство, очевидно, в ожидании Второй мировой войны. При теперешнем режиме все осталось по-прежнему, и я могу засвидетельствовать, что ничего не изменилось и после войны.

В Москве находится правительство Советского Союза, а также все тридцать шесть министерств и тридцать два департамента федеральных представительств. Это составляет многие тысячи государственных служащих различной степени важности, заполонивших город, не подготовленный к приему и расселению их всех. В царское время быть государственным служащим считалось престижно, такой служащий назывался чиновником. Сегодня советская бюрократия, на которую часто жалуются даже в прессе, еще более многочисленна, еще тяжелее ее давление сверху, делопроизводство еще более замедлено бумажной работой, бюрократизмом и нескончаемыми проверками и перепроверками. Каждый десятый человек в России так или иначе связан с государственной службой.

В городе хорошо развивается транспорт, с мая 1935 года работает метро. Я наблюдал начало строительства метро и присутствовал при пуске первых поездов. «Правда» написала тогда, что «метро — это гениальное изобретение некого господина Метро из Парижа». Московская подземка, хорошо спроектирована и удобно построена для обслуживания главных железнодорожных вокзалов столицы и удаленных окраин.

И если Москва оставляет желать лучшего в смысле комфорта и нормальных жизненных условий, то она может заявить о своем праве первенства в сфере развлечений по сравнению со многими

мировыми столицами. Создается впечатление, что Советы переняли у древних римлян их политику «хлеба и зрелищ». Во времена голода, кроме хлеба, и то в небольших количествах, другой еды практически не было. Хотя во время последней войны властям всегда удавалось снабжать население этим главным продуктом питания, хлебный рацион варьировался в соответствии с той или иной категорией населения. Это был черный хлеб, более питательный и сытный, он выдавался по карточкам, но был хлеб и в свободной продаже.

Что же касается развлечений, Советский Союз и особенно Москва известны во всем мире своими театрами, массовыми представлениями и другими формами развлечений. Кремлевские лидеры всегда придавали большое значение законам социальной психологии, которая рекомендует обеспечивать массы развлечениями и приятным времяпрепровождением.

Знаменитые русские балет, театр, фильмы, музыка, спорт и различные «спонтанные» демонстрации представляют собой, так сказать, арсенал советских лидеров в общей стратегии воздействия на массы. Классические русские пьесы, написанные до революции, являются непревзойденными шедеврами. Великолепие театрального искусства в этой стране — это российская традиция, и нет ничего советского в любви русского народа к искусству и ко всему прекрасному. Поддерживая эту чисто русскую традицию, действующий режим заслуживает похвалы. Тот факт, что власти извращают художественные произведения, приспосабливая их к своим политическим целям, — это уже другое дело.

Все в Советском Союзе подчиняется главенству государства над личностью. Обширные спортивные программы прежде всего удовлетворяют потребностям скрытой военной подготовки. Вторая по важности задача — развлечения народных масс, которые устраиваются на площадях российских городов. Энтузиазм спортивных мероприятий подогревается Агитпропом, который внушает молодежи военную истерию. Агитпроп — это отдел пропаганды Коммунистического Интернационала, его цель — пробудить у населения ненависть к капиталистическому окружению. И это идет в противовес выступлениям Маленкова и Хрущева, призывающих к сосуществованию двух диаметрально противоположных систем: с одной стороны, бескомпромиссного социализма, а с другой — умеренного капитализма. Обе системы противостоят друг другу с огромной силой, и, в отличие от параллельных сил в механике, рано или поздно они обязаны столкнуться.

«Реконструкция» Москвы для создания образцовой столицы стала предметом постоянного обсуждения в советской прессе и пропагандистской литературе, распространяемой по всему свету на всех возможных языках.

За сорок четыре года своего существования новый режим воздвиг в Москве сравнительно мало заметных новых зданий для размещения своей администрации. Основные — это Главпочтамт и Центральный телеграф, Министерство обороны, Совнарком, где размещается Совет Министров, и Военная академия имени Фрунзе. К этой же категории относятся Библиотека имени Ленина и Московский университет. И, наконец, штаб-квартира МВД — КГБ, бывших комиссариатов внутренних дел и государственной безопасности, включающая в свой состав несколько зданий. Большая часть этого комплекса состоит из дореволюционных строений, конфискованных еще чекистами Ленина. В начале 20-х годов они были заняты под жилые помещения и офисы секретной полиции. Здание центрального офиса КГБ — МВД, организации, пользующейся дурной славой во всем мире, — это самое важное и прочное сооружение из построенных где-либо в России.

Гигантская работа была проделана в Москве для расширения главных улиц города. Четырех- и пятиэтажные здания на улице Горького отодвинули назад по обеим сторонам, превратив ее в московскую Пятую авеню, очень широкую магистраль на всем протяжении от Ленинградского шоссе до Красной площади.

Москва окружена двумя очень широкими бульварами. Один из них — Большое кольцо «Б», окаймляющее внешнюю периферию города, другой — кольцо «А», меньший внутренний круг[121]. Расширение улиц было предпринято отнюдь не с эстетическими целями. Главные уличные артерии теперь расположены так, что обычному дорожному движению не мешает военная подготовка гражданских лиц, проходящая в самом центре. Маршировку, физкультурную и строевую подготовку можно наблюдать здесь и днем, и ночью.

Специалисты, занимающиеся планировкой города, рассказывали мне, что некоторые проспекты, ведущие к стратегическим пунктам, спроектированы с учетом размещения там артиллерийских и минометных орудий, а также для приземления и взлета самолетов. Позже я узнал, что такая скрытая подготовка проводилась не столько в ожидании нападения врагов, сколько против возможных восстаний и бунтов. Мятежи, бунты и всевозможные протестные выступления всегда являлись угрозой для нынешнего режима, несмотря на его

кажущуюся стабильность.

Красная площадь всегда была сценой для грандиозной советской пропагандистской машины. Здесь проходят различные представления, от государственных похорон до демонстрации военного могущества и замечательных массовых физкультурных парадов. Главное празднество происходит 7 ноября (25 октября по старому стилю) в честь годовщины революции. Это советский День независимости, и отмечается он по команде по всей стране. Следующий по значению праздник — Первое мая, Международный день труда. Он имеет целью активизацию международной коммунистической деятельности, несмотря на «подавление» организаций Коминтерна — Коминформа. По этому случаю советское правительство, неотделимое от Коммунистической партии, как гостеприимный хозяин принимает делегатов со всего мира. Яркие впечатления, привезенные домой этими иностранными коммунистами, симпатизирующими Советам, работают как прекрасный пропагандистский механизм. Когда в дополнение к зрительным впечатлениям устраиваются приятно возбуждающие бесконечные банкеты с обильными возлияниями и гастрономическими яствами, эта зрительная и идеологическая анестезия увеличивает желаемый эффект. И, наконец, физкультурные парады, в которых участвуют специально отобранные юноши и девушки из всех республик СССР, — это одно из самых красочных представлений, когда-либо созданных в мире.

Во всех этих представлениях народ участвует «добровольно» после долгих недель тренировок и репетиций на широких проспектах, предназначенных и для этой цели. Мужчины, женщины и дети собираются по приказу о гражданской мобилизации, исходящему от районных руководителей и доносимому во все квартиры управдомами и жилищными комендантами. В домовых комитетах ведутся списки всех жителей, зарегистрированных под их ответственность. Приказы о мобилизации развешиваются в общих коридорах и также передаются устно управдомами и дворниками, которые стучатся во все двери и собирают всех способных к физическим упражнениям. Этих людей также собирают для участия в государственных похоронах и разных парадах, фотографируемых или снимаемых на кинопленку в качестве «народной демонстрации». Уклонение от таких сборов требует убедительного объяснения во избежание наказания. Такие тоталитарные методы массового контроля в западном мире еще неизвестны, иностранных зрителей, наблюдающих эти грандиозные торжества впервые, поражает их организованность.

Красная площадь все еще, так сказать, дышит древним византийским духом, который когда-то отличал Москву. Но ради искусственного современного вида было пожертвовано многим, если не сказать всем византийским стилем города. На протяжении многих лет я наблюдал разрушение памятников старины под предлогом новых градостроительных планов и украшения города. У вновь прибывшего зрелище этих разрушений, преобразований и новостроек в сочетании с разрозненными остатками старой Москвы вызывает недоумение. Для людей, которые однажды видели Москву в прежнем великолепии, ее настоящий вид вызывает просто шок. Старые москвичи чувствуют себя потерявшимися в своем родном городе.

Конечно, для тех, кто придерживается материалистической точки зрения, кажется естественным безжалостно разрушать, уничтожать, предавать забвению все то, что придавало Москве ее неповторимый вид. Соборы, церкви, монастыри и святыни остаются первыми в списке на разрушение. Прямо на Красной площади, рядом с Гостиным двором, с южной стороны, находилась жемчужина византийской архитектуры — Казанский собор, датируемый XVII веком. Я видел, как в середине 30-х годов этот освященный веками памятник старины разобрали на кирпичи, чтобы на этом месте построить киоск с безалкогольными напитками. Российская молодежь даже не подозревает, что на этом месте стоял знаменитый собор. Между музеем Ленина и Историческим музеем находилась часовня Иверской Божией Матери, от которой теперь не осталось и следов. На северной стене музея Ленина многие годы красовалось изречение Карла Маркса: «Религия — опиум для народа». И то, что сейчас этот агрессивный лозунг устранен, — еще не является свидетельством прекращения войны против религии. «Новая Москва», как политический символ утилитарного образа жизни, желала избавиться от этих свидетельств прошлого. Обычное разрушение казалось недостаточно быстрым. И тогда стали чаще применять динамит, чтобы одним ударом расправиться с религиозными архитектурными ценностями, которые в прошлом в изобилии создавались на Святой Руси.

«Матушка Москва» — это традиционное выражение любви к городу теперь во многом потеряло свое значение из-за его безжалостного разрушения. Благодаря стечению обстоятельств Советы сумели подвести мир к убеждению, что именно германская армия ответственна за уничтожение этих религиозных памятников. В кампании ложного обвинения против вермахта и Люфтваффе появились странные противоречия. После неоднократных утверждений в западном мире, что германские

летчики не могли летать над столицей во время войны, иностранным делегациям, посещающим Россию, были показаны руины церквей с объяснением, что это следствие бомбардировок Люфтваффе. Я знаю, что это абсолютная ложь, так как видел собственными глазами, как эти святыни уничтожались или саморазрушались вследствие полного пренебрежения к их состоянию задолго до того, как германские летчики стали летать над городами Советской России и над Москвой.

Теперь гости Москвы редко видят сверкающие купола прежде многочисленных церквей, монастырей и святых мест. Но, к счастью, не все они разрушены. За кремлевскими стенами все еще находятся исторические соборы Успенский, Архангельский и Благовещенский. Эти сокровища XIV и XV веков были осквернены и стояли закрытыми с самых первых лет революции, богослужение в этих церквах не проводилось уже несколько десятилетий. Но неожиданно в 1945 году во время первого периода новой религиозной политики купола этих московских церквей были вновь покрыты позолотой — это событие было замечено многими жителями, в том числе и мной. Колокольня Ивана Великого высотой около 100 метров также была подновлена. Многие иностранцы, посещающие Москву в то время, ошибочно думали, что кремлевские соборы вновь используются по своему назначению. Наверное, советские атеисты хотели, чтобы так думали в мире. Но, увы, это была только обманчивая часть «нового облика» Москвы.

Американские пионеры в Москве

Как известно, в 1918 году советские власти перенесли столицу из Санкт-Петербурга обратно в Москву. Город был вынужден предоставлять здания посольствам, дипломатическим миссиям, консульствам и представительствам всех стран, аккредитованным советским правительством. Прибывшие первыми устроились лучше других; жилищные удобства иностранных посланников и сопровождающих их многочисленных сотрудников были незавидными.

Германия, первая установившая дипломатические отношения с Россией в соответствии с Брест-Литовским договором, имела до начала Второй мировой войны прекрасное здание. После убийства Дольфуса и последовавшего аншлюса австрийская дипломатическая миссия попала под начало посольства германского рейха. Во время войны все эти здания были, конечно, отобраны. Часть германского посольства использовалась

агентством Совинформбюро, а резиденция посла Германии в результате внезапного всплеска политической заботы передана Московскому патриарху!

Иностранные дипломаты были вынуждены оставить роскошные здания своих посольств в Санкт-Петербурге и занять те, которые им смогли предоставить в Москве. Я видел в бывшей столице эти великолепные здания, стоявшие пустыми и заброшенными.

Надо напомнить, что Договор официального признания между США и СССР был подписан 16 ноября 1933 года, через шестнадцать лет после того, как Ленин пришел к власти. За это время Советы признали Германия, Италия, Иран, Великобритания, Франция, Польша и другие страны. У всех у них была возможность выбрать себе здания в Москве. По условиям комфорта они были далеки от тех, в которых располагались советские дипломаты в соответствующих странах. Когда в 1934 году в Москву прибыл персонал американского посольства, для них не нашлось подходящего здания. Была предоставлена только резиденция для посла, названная впоследствии Спасо-Хаус. Это название происходило от стоявшего по соседству в руинах бывшего Спасского монастыря.

Резиденцию посла срочно готовили к его приезду. До этого здание было занято сотрудниками Министерства иностранных дел, в том числе там жили Литвинов и Карахан. Большая часть персонала американского посольства временно разместилась в отеле «Савой», а также в «Национале», «Метрополе» и «Гранд-отеле». Только несколько американцев жили тогда на квартирах.

Много лет офисы и жилые помещения сотрудников американского посольства находились в новом здании на Моховой улице, в самом центре Москвы. Здание выходило на большую площадь, окаймленную старым Московским университетом, огромным Манежем (бывшая школа верховой езды) и Александровским садом, расположенным вдоль северо-восточной части кремлевской стены. С 1953 года американское посольство располагается на внешнем кольце «Б», недалеко от Смоленской площади, в новом десятиэтажном здании, тем не менее оно требует постоянного ремонта. Здание на Моховой никогда не было приспособлено для нужд посольства, оно было построено для каких-то привилегированных художников, но за неимением лучшего Соединенные Штаты взяли его в аренду. «Временное» проживание на самом деле продлилось целых девятнадцать лет.

В США был разработан проект комплекса зданий в колониальном стиле для строительства в Москве нового здания

посольства. Место, выбранное послом Буллитом, было великолепным, сразу за городом, там, где сейчас возвышается Московский университет. Во времена подписания Договора о признании Советы были согласны на все строительные планы. Посол Буллит показывал их мне до того, как мы отплыли в Москву. Советы также тогда согласились признать долги, сделанные Временным правительством Керенского. Но, как только договор был подписан, Литвинов решительно заявил Буллиту в Москве, что Советы признают только долги, сделанные ими самими. То же самое произошло и с проектом строительства американского посольства. Министерство иностранных дел отказалось от предыдущего соглашения, поскольку Советы были против использования американских рабочих и американских строительных материалов.

Передача здания на Моховой происходила в такой спешке, что в июле, четыре месяца спустя после прибытия американцев, здание, считающееся завершенным по советским строительным стандартам, все еще пустовало. Тем временем посольство США и консульские службы работали в отеле «Савой», куда было доставлено офисное оборудование, прибывшее из Америки. Это нестерпимое положение настолько раздражало посла Буллита, что он приготовился перебраться в обещанный дом с пишущей машинкой и одним охранником и объявить посольство открытым. В конце концов в здание на Моховой была перевезена вся офисная мебель тем же Союзтрансом. После длительного ожидания несколько тонн американского оборудования, остававшегося нераспакованным, было перевезено в жилую часть здания. И как только американцы въехали туда, на стенах и потолке появились трещины. Все обитатели дома нервничали. В результате жалоб был произведен осмотр фундамента этого уже построенного дома, который показал, что здание частично стоит на песчаных плавунах.

В ходе установки в доме телефонов для внутренней и внешней связи были обнаружены подслушивающие устройства. Резиденция посла, естественно, была отдельно подключена к городской сети. И все шло нормально до тех пор, пока дежурный электрик из службы Военно-морского флота США не поймал на месте преступления телефонистов из НКВД, подключающих линию посла к линии секретной полиции. Подобная же «прослушка» была обнаружена во вновь заселенном здании на Моховой. Один опытный американский электрик нашел противодействие, установив хитроумное размыкающее устройство, автоматически разъединяющее все лишние внешние подключения. В Советском Союзе не существует

неприкосновенности телефонных разговоров, и приходилось предпринимать исключительные меры предосторожности для ее обеспечения.

Я, разумеется, не претендую на роль официального историка американского посольства в России. Тем не менее эти воспоминания могут быть впоследствии полезными. Здание на Моховой было передано американцам только при условии, что две квартиры должны быть предоставлены двум советским гражданам, естественно, специально отобранным. Одним из них был несчастный Флоринский, начальник протокола. Подобно многим своим коллегам, этот сотрудник исчез во время одной из политических чисток; среди его бумаг был найден блокнот, содержащий длинный список имен женщин, предоставляющих интимные услуги. Я упоминаю об этой нездоровой ситуации, чтобы выразить протест против похвальных слов о добродетельности советского образа жизни, о которой рассказывают некоторые наивные иностранные туристы. Туристы обычно прогуливаются поблизости от Театральной площади, надеясь увидеть «ночную» московскую жизнь. Здесь, в самом центре города, рядом с главными театрами, отелем «Метрополь» и в нескольких шагах от Красной площади собираются уличные проститутки для ловли иностранцев, ищущих эротических впечатлений.

В потоке всего написанного о России есть много шокирующих страниц, в которых люди из-за рубежа, к сожалению, дают волю своему воспаленному воображению, описывая распущенность нравов москвичей: свободная любовь, множество разводов и общий отход от элементарных правил приличия. Рассказывая о России, эти исследователи-любители не находят в ней ничего более интересного. И хотя в этом аспекте Москва мало отличается от Парижа, Лондона или Нью-Йорка, не надо думать, что подобные проявления присущи всей России. Славный народ этой страны и особенно москвичи могли бы обидеться, став объектами для таких фантастических историй. Живя в стране без удобств и комфорта, находя радость в простой жизни, русские в большинстве своем настолько добродетельны, что это могло бы сильно удивить многих людей с Запада.

Изоляция иностранцев в советской столице

В Советском Союзе иностранцы, сами того не желая, представляют особый класс. Хотя это ненормальное положение существует в отношении всех нерусских, в большей степени оно

относится к особой категории людей, включающей дипломатов, военных атташе, иностранных корреспондентов. В меньшей степени это касается инженеров и специалистов, приглашенных в качестве консультантов. Туристы и частные приезжие всегда подвергаются массированной программе развлечений, практически исключающей какие-либо несанкционированные контакты с русскими гражданами, — в результате их впечатления крайне поверхностны. Как правило, из-за языковых трудностей все контакты с русскими происходят через переводчиков. Все советские гиды, секретари и переводчики, работающие с иностранцами, волей или неволей являются агентами секретной полиции. Абсолютно все они через каждые две недели должны являться на беседу, происходящую обычно в главном здании НКВД. Содержание этих бесед-допросов, проводимых специально обученными работниками, представляет собой государственную тайну, защищаемую статьей 58 Уголовного кодекса РСФСР. Разглашение этой тайны карается арестом с последующей ссылкой, изгнанием или приговором без судебного разбирательства. Даже после хрущевской «десталинизации» и расстрела Берии в этом плане ничего не изменилось, в Советском Союзе смотрят на соблюдение секретности как на основное условие обеспечения государственной безопасности.

Как это ни покажется странным, Москва — единственный город Советского Союза, в котором достаточно большой процент нерусского населения. Врожденная подозрительность чиновников, в отличие от простых людей, вынуждает иностранцев вести замкнутый образ жизни, чего не существует нигде, кроме разве что стран-сателлитов Кремля.

В 30-х и 40-х годах практически все иностранцы были вынуждены иметь дело с Бюро обслуживания иностранцев (Бюробин), относящимся к Министерству иностранных дел, но контролируемым КГБ. Сейчас оно называется Управлением по делам дипломатического корпуса (УПДК), однако его функции и цели остаются теми же. Оно продолжает обеспечивать всех аккредитованных иностранцев едой, жильем, автомобильным и ремонтным обслуживанием, одеждой и так далее. С разной степенью эффективности УПДК удовлетворяет или не удовлетворяет клиентов, которые не имеют других возможностей контакта с населением. Каким бы невероятным это ни показалось, ни одно посольство или дипломатическая миссия не могут нанять водопроводчика, электрика или какого-либо рабочего, минуя УПДК. Если вы хотите арендовать автомобиль, УПДК сделает это за вас. Если вы имеете собственный, вы не можете нанять русского водителя или раздобыть бензин и масло, не обращаясь в

УПДК. Если ваша крыша течет, только УПДК позволит отремонтировать ее. Только УПДК нанимает для иностранцев столяров, штукатуров и других рабочих. Между прочим, в речи Хрущева о пересмотре шкалы заработной платы проскользнула информация, что сегодня россияне рабочих специальностей — самые эксплуатируемые и плохо оплачиваемые в мире.

УПДК имеет собственное отделение секретной полиции, отслеживающее контакты населения с иностранными представительствами в Москве. Хотя их юрисдикция и выходит за пределы столицы, в этом нет нужды, потому что каждый иностранец, выезжающий из Москвы, оказывается под опекой агентов КГБ, работающих по всей стране. Качество обслуживания УПДК зависит от отношений, существующих между СССР и той или иной страной. Директор УПДК официально входит в дипломатический корпус, он так же, как Громыко, Соболев, Малик и другие официальные лица, на официальных приемах появляется в дипломатическом мундире с золотым шитьем. Это красочное протокольное великолепие появилось только в 40-х годах, когда Советы представали перед восхищенным миром как спасители современной цивилизации. Теперь они затмили своим блеском приемы царских времен, Прошли те времена, когда официальные лица МИДа встречали послов в аэропортах и на вокзалах, одетые в обычную одежду, что я лично видел.

Иностранные корреспонденты, инженеры и техники также обязаны иметь дело с УПДК по поводу любой мелочи. За этим департаментом остается абсолютный контроль над всеми жизненными мелочами. В одном случае шеф УПДК будет улыбаться и обеспечит хорошее обслуживание, а в другом случае будет вежлив, но оставит ваши проблемы без внимания. Шеф этой якобы независимой службы действует по указаниям КГБ, как, впрочем, и любое министерство или управление в СССР.

Не за всеми иностранцами, приезжающими в СССР, присматривает только УПДК. Художники, поэты, драматурги, знаменитости и пропагандистские делегации берутся на «буксир» специальной организацией, называемой Всесоюзное общество культурных связей (ВОКС). Работа сотрудников ВОКСа состоит в том, чтобы следить за потребностями и удобствами знатных гостей и незаметно оказывать на них влияние так, чтобы они этого не поняли. Потенциальная легкая или тяжелая пропагандистская артиллерия, направленная на таких гостей, тщательно подготавливается на основе докладов, отсылаемых в Москву «талантливыми скаутами» ВОКСа, работающими за рубежом под защитой дипломатического иммунитета. Например, Поль Робсон, безусловно, настоящий талант, в качестве гостя

Советского Союза принял значительную дозу восторженной инъекции. Как и ожидалось, сразу же после его возвращения в США этот прекрасный певец мощным потоком пропагандировал достоинства советской системы.

КГБ обращает особое внимание на работу ВОКСа, ожидая политических результатов от его деятельности за рубежом. Настоящая цель ВОКСа — использование управляемого культурного и научного фронта в качестве передового отряда для проникновения идей коммунизма, особенно в области развлечений. В США ВОКС является прообразом многих подрывных организаций, входящих в список Министерства юстиции. ВОКС — это двусторонняя организация, направляющая советских деятелей культуры в разные страны и принимающая их из других стран. Безусловно, польза от таких обменов была бы замечательной, если бы не атмосфера давления, которая отравляет все.

Советские артисты самого высокого уровня и блестящих достижений, такие как выдающийся пианист Эмиль Гилельс и скрипач Давид Ойстрах, были достойными посланниками большого искусства. Однако яркие впечатления от выступления были затуманены грустным видом выходцев из России, посетителей концерта, окруживших Гилельса во время его первой гастроли в США. Они подходили к нему со смешанными чувствами радости и опасения, спрашивая по-русски о своих близких и друзьях, бесследно исчезнувших в России. Эту душераздирающую сцену я наблюдал в Карнеги-холле в Нью-Йорке, где Гилельс играл в 1955 году. Советские агенты, находящиеся в Вашингтоне в качестве дипломатов, сопровождали артиста на концерт. После концерта толпа, желающая поздравить артиста, была такой большой, что пришлось выстроить всех в очередь. Гилельс всем пожимал руки, а рядом с каменным лицом стоял советский посол, ныне покойный генерал Зарубин из МВД — КГБ, который следил за тем, чтобы неудобные вопросы оставались без ответа.

ВОКС является этаким успокоительным средством для свободомыслящих наивных либералов, доведенных до интеллектуального бесчувствия во время их визитов в СССР. Почти так же эффективно ВОКС действует и на тех, кто никогда не был в Советском Союзе, но, не задумываясь, верит полуправде и просто лжи, читая журналы с привлекательными иллюстрациями, издаваемые ВОКСом на многих языках.

Такой была и остается общественная атмосфера за пределами узкого круга дипломатов и вообще иностранцев, в которой они должны жить и работать. Им приходится исполнять свои

представительские и журналистские обязанности в условиях все более ужесточающихся моральных и физических ограничений. Когда дипломаты и иностранные специалисты возвращались в свои страны, некоторые из них откровенно рассказывали обо всем, но большинство помалкивало. Нормальные отношения в атмосфере репрессий, подозрений, сомнений и навязанной изоляции были просто невозможны. Приезжающие знаменитости проходили через репертуар «культурных отношений» с такой скоростью, что у большинства просто не хватало времени прийти в себя.

В то время, когда я приступил к своим новым обязанностям, Москва готовилась к Седьмому конгрессу Коминтерна. Он оказался последним, не считая внеочередной ассамблеи 1960 года. Несмотря на роспуск Коминтерна в 1943 году, революционные агитаторы толпами приезжали в политическую Мекку так называемой диктатуры пролетариата. В 1935 году оставалось еще четыре года до нацистско-коммунистического пакта о ненападении, подписанного Сталиным и Гитлером. Именно тот странный съезд внес большой вклад в полную реорганизацию коммунистической политики во всем мире. Недавний съезд 1960 года дает нам повод вспомнить шедевр мирового обмана, начатого Сталиным в 1943 году и продолженного Хрущевым в 1960–1961 годах.

Тем временем я устраивался в Москве как мог, не имея никаких отношений с официальным Бюро обслуживания иностранцев.

Слава Богу, помощь посольств Франции, Америки, Британии и Турции позволяла мне выполнять мою миссию и удовлетворять мои скромные потребности. Что касается ВОКСа, то ни разу за все двенадцать лет моего пребывания в России я не получил от них ни малейшего знака внимания или признания.

Теперь пора перейти к сути моей истории. Я думаю, что некое вступление было необходимым для предварительного объяснения фона, на котором происходили описываемые события. В следующих главах будет рассказано о моих необычных испытаниях.

Глава V. Нетрудовые элементы, паразиты и служители культа в одной категории

Заголовок этой главы — не свидетельство дерзости или фривольности, он лишь отражает ту советскую атмосферу, в которой я оказался. Слово «советский» я использую как противопоставление слову «русский». Верующие в России, которые составляют большинство населения, никогда не одобряли выражений непочтительности и высмеивания по отношению к священникам. Русские люди первыми приносили извинения за организованную государством кампанию поношения Церкви, но выступить публично, устно или в печати в знак несогласия с проводимой кампанией было невозможно.

При Сталине или без него, несмотря на разоблачение Хрущевым бывшего диктатора, несмотря на все признания, сделанные в процессе «разоблачения культа личности», контрреволюция до сегодняшнего дня является самой распространенной фобией коммунизма. Пересмотр Уголовного кодекса РСФСР ни в коей мере не уменьшил страх высших советских кругов перед ростом скрытых национальных настроений освобождения от советизма, зреющих в Советском Союзе и в так называемых странах народной демократии.

Свободное выражение общественного мнения, которое можно услышать или прочитать в любой нормальной стране, в СССР абсолютно невозможно. Многие простые русские люди из всех слоев общества признавались, что им стыдно и они испытывают чувство вины за все совершаемое лидерами государства. Университетские преподаватели из Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы часто говорили со мной об этом, чего они бы никогда не позволили себе ни с кем другим. А такие знаменитые гости, как Герберт Уэллс или либерал Вендел Вилки, поддавшись пропаганде, одурачивали миллионы читателей, рассказывая о том, что они ошибочно принимали за «мнение человека с улицы».

Врачи с дореволюционным образованием, школьные учителя, инженеры, директора предприятий, крестьяне, загнанные в колхозы против своей воли, и даже невольные агенты КГБ говорили со мной об этом без страха, зная, что я их не выдам. Их рассказы никак не совпадают с теми, что появляются в советской прессе и некоторых зарубежных изданиях в качестве выражения народной воли.

Официальные бланки, такие как налоговые декларации, бланки для переписи населения или другого государственного

назначения, перечисляют девять категорий населения. Сторонним наблюдателям, которые упорствуют в своей уверенности, что Советский Союз стал раем пролетарского равенства, стоило бы приехать и пожить здесь вместе с русскими.

В списке этих категорий священнослужители официально отнесены к «сброду». В соответствии с советскими стандартами нетрудовые элементы, лица с неопределенными занятиями и служители культа объединены в одну категорию. Но парадоксальным образом, когда подходило время брать подоходный налог со священников, они оказывались в высшем разряде. При этом не имелось в виду, что священнослужители или какие-либо другие граждане живут на прибыль от вложения капитала или акций: такого во всей стране просто не существует. В антирелигиозных изданиях советская терминология была еще более оскорбительной и агрессивной. В газетах, журналах, учебниках, на плакатах священнослужителей называют не иначе как «дьявольскими плутами, проводниками обскурантизма, торговцами райским блаженством».

С момента, когда я получил визу для въезда в СССР, я автоматически был помещен в категорию лишенцев. Еще до того, как я покинул берега Америки, я получил «черную метку» в соответствующих папках. Я уверен, что мое персональное дело раньше меня достигло России. Благодаря строгой паспортной системе для русских и регистрации для иностранцев персональное дело сопровождает человека при всех его передвижениях по стране. Местные отделения КГБ всегда имеют эти сведения или могут очень быстро получить их. Я видел эту информацию, используемую для шантажа, угроз или запугивания дипломатов.

Ленин и его последователи выбросили за борт традиционные принципы человеческого поведения. Стал насаждаться «новый образ жизни», где нравственность, честность, понятия добра и зла были полностью поставлены на службу государству. Шкала человеческих ценностей теперь размечена по новым стандартам, где прежде всего должны защищаться интересы государства. Ленин пытался достичь этого, пренебрегая законами природы, не говоря уже о Божественных заповедях. Естественно, я задавался вопросом, каково мое место в этих обстоятельствах. С их точки зрения, я ничего не «производил»; в понимании диалектико-материалистической философии я был нетрудовым элементом со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

Не желая забегать далеко вперед, я лишь упомяну, что только в начале Второй мировой войны Советы были вынуждены изменить если не свое отношение, то, по крайней мере, тактику в

отношении религии. И произошло это только потому, что Гитлер неожиданно вернул полную свободу остаткам Православной Церкви на территориях, занятых вермахтом. Мало кто может сегодня оценить, какой шок испытали кремлевские атеисты, когда здания для богослужений, простоявшие закрытыми двадцать пять лет, были открыты германской армией. Так было в Малороссии, Украине, Белоруссии, в глубинке России, более двух лет находившихся под немецкой оккупацией.

Может показаться парадоксальным, но в самый тяжелый период 1941 года во время германского вторжения Советы получили неожиданную возможность укрепиться политически. Резкая смена политики по отношению к религии позволила им извлечь политическую выгоду из жизнестойкости систематически подавляемых религиозных убеждений русских людей. Кремль сумел сделать это, не потеряв лица. Обманчивое впечатление, созданное во всем мире непрошеными комментаторами советского законодательства по вопросам религии, необходимо опровергнуть. Данное повествование также внесет некоторую лепту в это дело. Процесс промывания мозгов в сфере религии усилился настолько, что мир потерял ощущение реальности: советское правительство никогда не отказывалось ни от единого слова из своих антирелигиозных заявлений. Это очень важно помнить для ясного понимания истинных тенденций Кремля в решении религиозных проблем внутри России и за ее пределами.

Прибыв в Россию в начале 30-х годов, я оказался в категории «социальных паразитов» и не имел права на продовольственные карточки. Пока я жил в отеле «Савой», это не создавало особых проблем, я мог там столоваться, заплатив за еду золотыми рублями. Для людей с неиссякаемым источником иностранной валюты карточной системы не существовало. Так называемый «общедоступный» обеденный зал в «Савое», как и во всех других отелях «Интуриста», было запрещено посещать простым русским людям, за исключением тех, у кого были специальные пропуска. Все знали, что стоимость одних и тех же блюд в меню была различной: в твердой валюте — для иностранцев и в бумажных советских рублях — для привилегированных русских.

В то время, как и сейчас, был в ходу лозунг: «Кто не работает, тот не ест». Это изречение было выгравировано на каменной стене здания около типографии «Правда». Этот лозунг красовался на антирелигиозных памфлетах, в газетах и школьных учебниках. Кажется странным и нелепым, что профессиональные атеисты заимствовали для борьбы с религией цитату из Библии. И очень может быть, что советским академикам, в отличие от настоящих членов старой Академии наук, неизвестно, что их лозунг —

искаженный плагиат. Это заимствование у Святого Павла: «Если человек не работает, пусть и не ест». Если бы их просветили на этот счет, они не постыдились бы отыскать следы марксизма даже у Святого Павла! «Философы» из большевистской академии, сегодня слитой с Академией наук СССР, пытались продемонстрировать, что Аристотель и Платон были основателями диалектического материализма. Однако каждый знает, что из всех древнегреческих философов, которым не было знакомо божественное откровение, именно Платон пришел к высшему философскому понятию Бога только на основании своих рассуждений.

Вначале мое непосредственное общение с русскими людьми было нечастым и только в связи с моими функциями священника. Я проводил службу в моем маленьком приходе для американцев и других англоговорящих католиков в церкви Святого Людовика Французского, находящейся неподалеку от моего отеля. Эта церковь, имеющая историческое значение, была построена на средства когда-то многочисленной французской колонии в Москве. Ее основание относится к 5 декабря 1789 года (по юлианскому календарю), когда Екатерина Великая подписала императорский указ, разрешающий ее постройку для французской колонии и других франкоговорящих иностранцев. Официальные документы, которые я лично изучил, свидетельствовали, что это здание и другие строения, смежные с церковью, юридически принадлежали французскому государству, вплоть до конфискации церковной собственности в самом начале захвата власти большевиками. В этой незаконно конфискованной Советами в 1921 году церкви все еще служил французский священник[122], позднее высланный, с 1926 года — епископ Пий Неве, Апостольский администратор[123]. Следует также упомянуть, что три римско-католические епархии в Могилеве, Тирасполе и Каменце были вскоре закрыты Советами. В середине 20-х годов в попытке спасти то, что еще не было разрушено, были созданы апостольские администратуры. В Москве была самая крупная из них.

Остатки французской колонии, а также персонал посольства и католики дипломатического корпуса были прихожанами церкви Святого Людовика. Большая часть французской колонии Москвы, насчитывающей более двух тысяч человек, плюс несколько сотен французов, разбросанных по России, были репатриированы из страны в 1921 году. Они были выдворены потому, что Франция вместе с другими западными странами участвовала в интервенции против России.

В 1934 году в церковь Святого Людовика приходило всего

несколько русских людей, так как она считалась церковью для иностранцев. И, что более важно, в то время в Москве было более 23 тысяч католиков римского обряда, которые могли удовлетворять свои духовные запросы, посещая также две другие еще открытые церкви. Одной из них была церковь Святых Апостолов Петра и Павла в Милютинском переулке, в одном квартале от церкви Святого Людовика. Другой была церковь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, строительство которой было завершено в 1918 году, — последняя католическая церковь, построенная в России. В начале 20-х годов для русских католиков византийского обряда на Гоголевском бульваре была открыта католическая часовня. Ее священники были почти сразу арестованы большевиками и отправлены в ссылку. Несмотря на «гарантии», заявленные в советской Конституции 1924 года, члены этого прихода были либо сосланы, либо разогнаны.

Билл Лоуренс, бывший московский корреспондент «Нью-Йорк тайме» и мой добрый друг, написал по возвращении на родину, что церковь Святого Людовика служила «подачкой» для иностранцев со стороны советской пропаганды. Москва всегда была витриной режима, и этому режиму было выгодно показать иностранцам и особенно важным гостям действующие церкви, синагогу и молельные дома. Церковь Святого Людовика служила «свидетельством» свободы вероисповедания для католического населения, продолжавшего существовать в Советском Союзе. Немногие знают, что церковь Святого Людовика была последним оплотом католического богослужения во всей России, оставшимся открытым к 1941 году[124]: последняя из полутора тысяч католических церквей римского обряда, все остальные были закрыты вопреки желанию прихожан.

После 1937 года церковь Святого Людовика приобрела особое значение: поскольку две другие вышеназванные католические церкви были насильственно закрыты, их прихожане переместились к нам, так что церковь Святого Людовика была всегда переполнена, что вызывало большое раздражение Советов. Таким образом, этот храм стал представлять собой нечто большее, чем подачка для иностранного общественного мнения, о чем свидетельствуют пять «краж» и два ужасных осквернения, совершенных между 1939 и 1941 годами. Трудно переоценить значение этой церкви, которую посещали многие сотни россиян не только из Москвы, но и со всех концов страны. Когда каждый второй католический священник был арестован, сослан или отстранен от исполнения своих святых обязанностей, русские прихожане все же имели возможность слышать Слово Божие, проповедуемое на их собственном языке. Если бы она была

просто знаком примирения и орудием влияния на международное мнение, Советы оставили бы ее в покое.

Забегая вперед, я хочу подчеркнуть это абсолютно уникальное явление в российской истории церквей. Насколько мне известно, за последние сорок четыре года в России не было построено ни одной церкви, ни одной синагоги, ни мечети, ни иного здания для богослужений, я имею в виду изначальные тринадцать республик Советского Союза. Никак нельзя считать советскими те «аннексированные» территории, например балтийские республики, которые были втянуты в орбиту Советов только хитростью, коварством и в результате военной оккупации. Таковы были исторические обстоятельства времени и места моего вступления в должность.

Число американских и других англоязычных католиков в Москве было недостаточным для права на отдельный храм. Жесткие условия советского религиозного законодательства требовали минимум двадцати постоянных прихожан не моложе 18 лет одной и той же веры для получения разрешения от государства на создание независимого «религиозного объединения» или прихода, что практически было невозможно выполнить. Люди в посольстве все время менялись, приезжали и уезжали, так что было трудно обеспечить стабильность церковного совета, как требовалось по Декрету 1929 года. А так как французский епископ предложил готовые условия для работы в его церкви, было решено, что я буду вести в ней службу для своих прихожан. Такое решение было вполне разумным, так как наши богослужения на английском языке не мешали обычной работе прихода. Более того, наши прихожане в немалой степени способствовали укреплению церковного совета, президентом которого по традиции был французский консул.

Когда я начал постепенно знакомиться с материальными и правовыми аспектами управления делами церкви Святого Людовика, я был немало удивлен, узнав, что все рубли и копейки от добровольных пожертвований шли исключительно на оплату счетов за электричество. Лишь потому, что это была церковь, мы платили за свет в 22 раза больше установленного тарифа. Советские граждане в то время платили 25 копеек за киловатт-час, а церковь Святого Людовика и другие церкви выкладывали немыслимую сумму: 5 рублей 50 копеек за тот же самый киловатт-час! По обменному курсу Госбанка это соответствовало 1 доллару за киловатт-час, это был только один из скрытых методов подрыва религии и организованной церкви. Но даже в этом смысле мы были в лучших условиях, чем другие религиозные сообщества столицы. Например, если православная

церковь превышала положенный ей лимит электроэнергии, она должна была платить огромный штраф в рублях, кроме того, им на месяц или два отключали электричество. До принятия Кремлем новой религиозной политики иностранцы, которые приходили в церкви вечером или рано утром, всегда изумлялись, почему они так плохо освещены. А это таким способом государство «брало за горло» приходские советы.

Только потому, что церковь Святого Людовика посещалась дипломатическим корпусом, превышение нами лимита потребляемой энергии не облагалось штрафом. Это не означает, однако, что нашу церковь оставили в покое. Московская служба газа и электричества (МОСГЭС) несколько раз направляла своих агентов с готовым письмом от имени нашего приходского совета, который якобы просил, чтобы для нас был установлен лимит электроэнергии. Каждый раз я наотрез отказывался подписывать это письмо. И все-таки мы были вынуждены принять такой дискриминационный тариф, чтобы не остаться вообще без электроэнергии.

Советский закон априори отказывал нам в юридической защите в соответствии со статьей 12 Декрета 1918 года «Об отделении Церкви от государства», которая гласит: «Церкви и религиозные сообщества не имеют права обладать собственностью. Они не обладают правом юридического лица».

Когда президент Рузвельт перечислил Максиму Литвинову некоторые аспекты религиозных свобод, которые должны будут быть предоставлены американцам в СССР, советский комиссар лживо заверил в этом правительство США, цитируя выдержки из статьи советского закона. Разумеется, Литвинов опустил цитату из статьи 12, воспроизведенную выше. Чтобы проиллюстрировать неправду, в которой заверяли нашего президента, ниже приводится торжественное уверение Литвинова. В свете всего сказанного вероломство советского правительства становится еще более очевидным. Вот отрывок из письма Литвинова Рузвельту:

«Вашингтон, 16 ноября 1933 года.

Уважаемый господин Президент!

В ответ на Ваше письмо от 16 ноября 1933 года имею честь сообщить Вам, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик в рамках пунктов, которые вы упоминали, предоставляет гражданам Соединенных Штатов на территории СССР следующие права:

1. Право независимого выражения свободы совести и религиозного богослужения, а также защиту „от правонарушений и преследований вследствие их религиозного вероисповедания

или богослужения“.

2. Это право поддерживается соответствующими законами и законодательными актами, существующими в различных республиках Союза: каждый человек может исповедовать или не исповедовать ту или иную религию. Все ограничения прав, связанные с вероисповеданием и верой, исповедуемой или не исповедуемой, аннулируются. (Декрет от 23 января 1918 года, Статья 3.)

3. „Право и возможности арендовать, возводить и использовать в соответствующих ситуациях“ церкви, молельные дома и другие здания, подходящие для религиозных целей. Это право подкрепляется следующими законами и правилами:

Верующие, принадлежащие к религиозному сообществу, имеют право на бесплатную аренду помещений для целей богослужения и предметов, предназначенных исключительно для исполнения религиозного культа, в соответствии с контрактом, заключенным с районным Исполнительным Комитетом или с городским Советом (Декрет от 8 апреля 1929 года, Статья 10).

…Более того, я желаю заверить Вас, что права, перечисленные в вышеуказанных параграфах, гарантированы американским гражданам немедленно после установления отношений между нашими двумя странами. В заключение имею честь проинформировать Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик, оставляя за собой право отказа в визе американским гражданам, желающим въехать в СССР на личной основе, не будет применять это право на основании духовного статуса соответствующего лица.

…Остаюсь, уважаемый Президент, искренне Ваш, Максим Литвинов, Народный Комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик.

Господину Франклину Д. Рузвельту, Президенту Соединенных Штатов Америки.

Белый Дом».

Достаточно сказать, что Литвинов в этом официальном документе солгал президенту США. При обмене письмами были опущены тексты о преследовании по закону. Но желающие могут ознакомиться с ними.

Однажды, когда посол Буллит пригласил на ланч епископа Пия Неве и меня, я объяснил ему оскорбительную ситуацию с тарифами за пользование в церкви электроэнергией. Посол был возмущен, предложив поговорить с Литвиновым. Единственное, что остановило епископа и меня от того, чтобы согласиться на данное предложение, это тот факт, что опека над церковью была в

ведении французского посольства. И я посчитал, что надо быть более осторожным, передав дело в их руки. Спустя двенадцать лет, когда я покидал Москву, ситуация в этом деле оставалась неизменной. Американцы и другие иностранные прихожане были по-прежнему в дискриминационных условиях и лишены законных прав. В этом смысле Религиозный протокол Рузвельта — Литвинова постоянно нарушался Советами.

Но это еще не все. Государство отказывалось продавать нам уголь и топливо. Мы обращались за помощью во французское посольство. Мы им платили, они покупали для нас топливо и доставляли его на своих грузовиках. По контракту с Московским отделом культов (Москультотдел) ответственным за содержание церковных зданий в хорошем состоянии был церковный совет. Но ни одна государственная организация при государственной монополии на строительные и ремонтные материалы ничего не продавала нам. Французское посольство поддерживало нас и в этих ситуациях.

К концу 30-х годов огромная железная крыша церкви Святого Людовика сильно нуждалась в ремонте. Но мы не могли раздобыть листовое железо для починки. В то время, как и теперь, строительные материалы можно было купить на «черном» рынке по фантастическим ценам. Однако мы не могли рисковать русскими членами нашего приходского совета; Советы не упустили бы случая арестовать их. Благодаря пожертвованию в сто долларов я смог заказать требуемое количество листового железа из Финляндии. Облачась в рабочую одежду, я влез на крышу и измерил квадратные метры поверхности, в то время как офицеры КГБ через улицу наблюдали эту необычную церковную гимнастику. Благодаря французскому посольству материалы из Финляндии на ремонт крыши были доставлены без пошлины. К большому удивлению инспекторов, пришедших проверить происхождение металлических листов, они убедились, что все было сделано по закону. С того времени и до начала войны, когда противовоздушный зенитный снаряд пробил крышу, нам уже не приходилось во время дождя собирать воду из прохудившейся крыши в тазы и кастрюли.

Официально Литвинов сказал президенту Рузвельту, что верующие в СССР имеют гарантированное законом право бесплатно арендовать здания по договору с местными властями. Это была ложь. На самом деле от нас и всех других культовых учреждений требовали оплаты земельного и домового налогов; в нашем случае общая сумма составляла 377 долларов.

Большинство людей за границей верили, что религиозные проблемы в СССР полностью решены в соответствии со статьей

124 советской Конституции 1936 года. Об этом написаны горы публикаций при полном игнорировании фактического положения дел в стране. А эта статья гласит: «Чтобы обеспечить гражданам свободу вероисповедания, Церковь в СССР отделена от Государства, а Школа от Церкви. Граждане имеют право на свободу религиозного богослужения и свободу антирелигиозной пропаганды».

Конституция СССР является просто основным законом. Но без преувеличения можно сказать, что многие свободы, перечисленные в ней, остаются лишь на бумаге. Многие из моих русских прихожан были арестованы по обвинению в том, что их видели в моей церкви. И было это и до, и после того, как эта конституция была провозглашена и росчерком пера Сталина стала законом. Но и после того, как об этом раструбили на весь мир как о беспрецедентном примере пролетарской свободы и памятнике марксистско-социалистической законности, аресты продолжались. Мои прихожане пытались возражать при аресте, что конституция позволяла им верить в Бога. Но в ответ офицеры НКВД бросали им: «Вы разве не знаете, что конституция написана, чтобы задурить голову иностранному общественному мнению?»

В Советском Союзе было два разных закона, предписывающих нормы жизни, управления и хозяйственной деятельности для церквей, храмов, мечетей и синагог. Религиозный кодекс состоит из 78 статей. К этому добавляются многочисленные директивы, циркуляры и местные постановления НКВД — МВД — КГБ, Комиссариата юстиции, а также указы, принятые городскими и местными Советами. Кроме того, были особые положения в Уголовном кодексе РСФСР, распространяемые на всю страну. И это еще не все: в программе Коммунистической партии был раздел, посвященный идеологической задаче полного уничтожения религии. Но особая открытая и бесстыдная агрессия отличала «Союз воинствующих безбожников», который якобы закрыли во время Второй мировой войны. Правда же состоит в том, что эта организация и сейчас продолжает свою деятельность под новым помпезным названием — «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний».

Документы свидетельствуют о публичных антирелигиозных заявлениях таких лидеров, как Ленин, Сталин, Крупская, Ярославский, Калинин, и множества писак, внесших свой вклад в атеистические публикации. Каждое из таких заявлений подтверждало государственное одобрение антирелигиозной пропаганды. На советском жаргоне это отлакированное выражение означало настоящее и явное преследование. Все это

свидетельствует, до какой степени Церковь «отделена» от государства. И по этой причине накануне официального признания Советов Белый дом был буквально завален письмами и телеграммами от американских верующих, требующих, чтобы правительство США приняло меры для обеспечения американцам, собирающимся ехать в Россию, абсолютной свободы совести. Под их давлением Рузвельт предусмотрительно представил советскому посланнику список обычно принятых религиозных свобод, вместо того чтобы ограничиться общим заявлением. «Я глубоко озабочен, — писал президент Литвинову, — желая, чтобы американцы, работающие в России, имели такую же полную свободу совести и вероисповедания, какую они имеют на родине».

Во время беседы с И. В. Полянским, ответственным по делам неправославных религий, я спросил, есть ли какие-либо изменения в советском религиозном законодательстве. Наша встреча в кабинете Полянского происходила после внезапного изменения отношения Кремля к религиозным делам. И мне было официально заявлено, что Декреты о религии 1918 и 1929 годов все еще имеют силу.

Послы, руководители миссий, официальные лица, аккредитованные корреспонденты и иностранные специалисты предоставляют право своему персоналу заниматься соответствующими дорожными документами и прописками. Когда, например, Министерство тяжелой промышленности импортирует станки и вызывает для их установки экспертов, они берут на себя всю бумажную работу. Как правило, иностранным экспертам не приходится заниматься всяческими формальностями. Сложные перипетии бюрократической волокиты в Советском Союзе происходят на официальном уровне с помощью штампов, печатей и подписей.

Однако частное лицо, постоянно проживающее в СССР, ничего не добьется, не имея печати от местной официальной конторы, с которой оно имеет дело. Правительственные документы обретали законность только при наличии треугольной печати, предназначенной исключительно для дел большой важности. Обычные документы, письма и деловая переписка подкреплялись круглой печатью меньшей важности. Использование этих знаков степени государственной важности строго регламентировано и контролируется КГБ.

У меня не было ни печати, ни официального штампа для подкрепления апелляций в правительственные организации. По Декрету 1918 года я был как бы «вне закона», не имея права использовать такую печать. Священники, раввины, муллы и другие служители религии были объединены понятием

«реакционеры». Это классовое отличие, установленное Сталиным, осталось неизменным и при Маленкове, и при Хрущеве. Оно означало отказ по всем вопросам всем служителям культа.

Тем не менее я не делал попыток скрыть свою профессиональную принадлежность. С первого до последнего дня моего пребывания в России я носил духовное одеяние. Конечно, мое неофициальное общение с дипломатами вообще и с американским посольством в частности объясняло внешнее уважение, выказываемое мне в некоторых советских кругах. Но у меня не было иллюзий на этот счет. Вне моих церковных дел я встречал советских официальных лиц только на приемах, куда меня время от времени приглашали. В таких местах я сталкивался с теми, кого русские полушутя, полунасмешливо называют шишками; очень важные персоны назывались крупными шишками. На приемах для иностранных дипломатов мне часто приходилось видеть Молотова, Кагановича, Буденного, Литвинова, Деканозова (вскоре расстрелянного) и многих других. Но я ни разу не был приглашен на приемы, устраиваемые советским правительством.

Советы внесли меня в список для другого рода развлечений. В моей памяти остались три таких официальных приглашения для встречи. Одна произошла в Налоговой инспекции, вторая — в Офисе иностранных дел по поводу хитроумной ловушки, приготовленной Таможенной службой, а третья — в Министерстве юстиции в форме вызова в суд. Все три приглашения, к счастью, закончились благополучно для меня, но они добавили еще более волнений в мою и без того бурную жизнь в СССР.

Мои бедные русские коллеги по духовному сану не имели никакой другой защиты, кроме советского гражданства, которое скорее влекло за собой попрание прав «реакционных» служителей культа. Справедливости ради я должен добавить, что после принятия Конституции 1936 года служителям культа было позволено «голосовать», то есть участвовать в видимости выбора подобранных партией кандидатов.

В те годы большая часть православных священников скрывала свое истинное лицо, но милиция вычисляла их довольно быстро. Священники не хотели становиться мишенью для глумления и оскорблений фанатичных комсомольцев. Возможно, во всей Москве было только два или три очень пожилых священника, осмеливавшихся выходить на улицу в традиционной одежде православного духовенства. Если бы их было больше, я бы их увидел: в течение многих лет моего пребывания здесь я часто ездил по вызовам к больным во многие уголки столицы и далеких

окрестностей.

Еще остававшиеся лица духовного сана жили в постоянном страхе ареста. Но гораздо больше священников и монахов из закрытых приходов и разгромленных монастырей были приговорены к ссылке без всякого судебного разбирательства. Некоторые были зверски расстреляны, как, например, один лютеранский епископ в Москве. После казни его одежда была отправлена его вдове, так позже поступали и нацисты после своих кровавых злодеяний. Ни один человек, посвятивший себя Богу, не был в безопасности, более того, любой человек, причастный к обслуживанию церкви, храма или мечети, находился под политическим подозрением и мог быть арестован НКВД под любым предлогом.

Помимо невозможности приобретать еду по приемлемым ценам, поскольку священники и их семьи были лишены продуктовых карточек, они также не имели права на получение карточек на одежду, выдаваемых дважды в год гражданам, не лишенным гражданских прав. Духовным лицам любого вероисповедания не полагалась «жилплощадь» в обычных домах, самое большее, на что они могли рассчитывать, — это субаренда угла в комнате того, кто рискнул дать приют «паразиту». Были, однако, исключения для тех священнослужителей, которые присоединились к так называемой «обновленческой» церкви, возглавляемой Александром Введенским, митрополитом этой группировки. И пока эта группа раскольников от истинной Православной Церкви увеличивала свое распространение внутри традиционного православия, они пользовались преимущественными правами у государства в соответствии со старым принципом «разделяй и властвуй». Любое движение, направленное на ослабление Церкви, тайно поощрялось атеистическим государством.

У священников отобрали их приходские дома, которые теперь заняли совершенно посторонние люди, а священники были вынуждены жить в отдаленных местах. Добрые люди, пытающиеся приютить этих стариков, постоянно запугивались сотрудниками НКВД. Несколько священнослужителей, которые оставались верны своим пока еще открытым церквям, тратили многие часы на дорогу из своего временного жилища. Единственным священником, кроме меня, имевшим автомобиль, был псевдомитрополит Введенский.

В самом начале моего пребывания в России я заменил заболевшего епископа на погребальной церемонии на загородном иноверческом кладбище. Была поздняя осень, когда темнеет очень рано. Пока продолжалась церемония, я заметил странные

человеческие фигуры, прятавшиеся среди могил недалеко от места, где стояла семья усопшего. Призрачные фигуры были едва различимы в сумерках. Это были первые похороны, на которых я совершал отпевание. Вскоре я узнал, что представляли собой эти странные перемещения в сумерках. Этими фигурами были несчастные голодные священники и монахи; они обычно бродили по кладбищу в надежде найти добрую душу, которая даст им милостыню в обмен на молитвы и пение над могилой псалмов на церковно-славянском языке.

Очень многие русские люди погребены без религиозных обрядов, несмотря на желание усопшего. Это происходило либо просто из-за недостатка священников, либо, что было чаще, из-за давления на семью умершего со стороны неверующих. В современной России организацией похорон обычно занимается соответствующий профсоюз; он организует произнесение речи над могилой и приглашение оркестра, если умерший занимал высокий пост. В аллеях московских кладбищ я часто сталкивался с такими похоронными процессиями, шествующими под звуки похоронного марша следом за открытым гробом, накрытым красной материей. Родственники должны слушать пустые официальные некрологи, где нет ни одного слова молитвы, ни даже упоминания о Боге и бессмертии. Даже если вся семья была верующей, они не могли пригласить священника для отпевания. Моральное давление было настолько сильным, что считалось очень неудобным публично демонстрировать свою веру в Бога. Среди умерших членов Коммунистической партии было много таких, кто никогда не переставал верить в Бога и молился у себя дома. Но делать это открыто было нельзя, так как могло пострадать политическое лицо семьи. Известно, что некоторые члены партии из экономических соображений втягивались в политический водоворот, оставаясь при этом верующими. Это продолжалось до начала ужасных политических чисток, которые в соответствии со сталинским планом должны были покончить с недостаточно убежденными коммунистами. Я буду последним, кто поверит, что даже теперь, после смерти Сталина, все члены компартии полностью разделяют идеи марксизма.

В переписке между Рузвельтом и Литвиновым был один особый параграф, касающийся кандидата, который приедет в Россию вследствие прямого действия Религиозного протокола. И так как это было связано со мной, в моей памяти отпечаталась та часть текста, которая обещала мне защиту как американскому гражданину и священнику: «Мы надеемся, что религиозные группы или сообщества, состоящие из граждан США, на территории Советского Союза будут обладать всеми правами на

отправление своих духовных потребностей с помощью священников, раввинов и других священнослужителей, также граждан США; и что эти священники, раввины и другие священнослужители будут защищены от несправедливости или преследований, и им будет позволен беспрепятственный въезд на территорию Советского Союза вследствие их духовного статуса».

Поэтому моя священническая деятельность как американца определялась этим параграфом. Было естественно допустить, что чиновники американского посольства, назначенные в Москву, должны были, по крайней мере, быть знакомы с этим важным протоколом. Я счастлив подтвердить, что с небольшими отклонениями каждый посол, за исключением одного, делали все, чтобы выполнить этот протокол. Во всех смыслах мое присутствие в Советском Союзе было уже само по себе постоянным вызовом официально объявленному атеизму. Посол Буллит сказал мне однажды на ланче: «Отец Браун, вы бросаете вызов всему Советскому Союзу. Если вам когда-нибудь понадобится помощь, дайте мне знать об этом». И это были не пустые слова. Я видел в них поддержку. И официально, и как частное лицо посол поступал решительно и всегда подтверждал свои слова делом.

Советы считали, что если и существовало на их территории воплощение живого противоречия их учению, то это была, конечно, моя персона. Как я остался в живых? Этот вопрос мне задавали многие. На него я частично ответил в начале первой главы. Оставшаяся часть книги будет попыткой рассказать об этом. И если кремлевским вождям не удалось сделать со мной то, что они сделали с моими русскими коллегами по сану, это не потому, что они не делали попыток. Я благодарен моему американскому гражданству, но не менее важной причиной моего выживания я считаю направляющую руку Провидения.

Глава VI. Сторонний взгляд на пролетарское счастье

В отеле «Савой» я занимал комнату 333, и это число я никогда не забуду. Каждый раз, когда я возвращался в отель, швейцар считал своим долгом помочь мне снять калоши, вытирал их, мелом писал номер комнаты на подошве и ставил их на стеллаж. В мой следующий выход из отеля я называл свой номер, надевал калоши, шел на работу, возвращался, снова называл свой номер, после чего повторялась вся церемония. Это было ритуальное священнодействие, наблюдаемое в дождливые дни во всех российских отелях. Вполне понятно, что все это делалось для того, чтобы ковры и дорожки в коридорах и на лестницах оставались чистыми. Но тот факт, что многие русские, как и иностранцы, не носили калош, делал этот ритуал смехотворным.

Довольно часто в отель врывался какой-нибудь комиссар, с его кожаных сапог падали грязь и талый снег. Оттесняя с важным видом в сторону всех особенно раболепно склонившихся лакеев, этот образчик пролетарского равенства не терпел никаких задержек: раздавалось щелканье каблуков, поклоны головой в ожидании приказов. Я часто наблюдал это проявление локальной демократии. Партийные боссы относились к своим подчиненным с высокомерным презрением; для них было обычным делом оставлять в мороз своих шоферов на улице в машинах с работающими моторами (в те времена еще не было антифризов). Я думаю, нашлись академики, которые провозгласили первенство Советов в этом деле, как они уже объявили Александра Степановича Попова изобретателем радио: была даже выпущена памятная марка в честь изобретения Попова. Этот знаменитый русский физик умер в 1905 году, но только через сорок лет после его смерти Советы опубликовали книгу, заявив о его изобретении. Маркони был упомянут в книге, но только как человек, использовавший открытия Попова, во втором издании Малой советской энциклопедии утверждается то же самое.

В отеле «Савой» я наблюдал комиссаров, обедающих в главном обеденном зале. Конечно, они принадлежали к более низкому слою коммунистической иерархии, иначе они не ели бы на людях. Однако эти второсортные начальники были достаточно важными персонами, для них была зарезервирована часть зала в ресторане, а их меню было обильным и разнообразным даже в голодные годы. Их помощники питались отдельно, и их пища была и проще, и не такой обильной. Все могли видеть разницу в

уровне жизни честных рядовых людей и советских выскочек. Простые русские люди, которым удалось достать пропуск в ресторан, получали только голодный минимум. Инженеры, руководители предприятий и другие начальники питались хорошо, запивая еду хорошими крымскими и кавказскими винами помимо пары стопок водки, наливаемой из графинов.

В «Савое» были свои детективы, но в отличие от отелей в нормальных странах здесь все было несколько иначе. Поскольку в это время в отеле проживали две трети персонала американского посольства, особые меры предосторожности были предприняты для обеспечения «госбезопасности». Пока американцы жили здесь, все входы и выходы днем и ночью патрулировались сыщиками. В холле толпились агенты НКВД в штатском, наблюдая за русскими людьми, если те вдруг подходили к иностранцам. Как только это происходило, два человека в штатском получали указание от сыщика следовать за этим человеком. Крайне редко можно было видеть, чтобы агент НКВД физически препятствовал какому-нибудь русскому приближаться к иностранцу; постукивание по плечу происходило на значительной дистанции от отеля.

Такое обилие агентов в штатском наводило на мысль о причине отсутствия безработицы в Советском Союзе. Какая это была занятость — другой вопрос. Многие тысячи таких людей обеспечивали стабильность режима, получая за это плату. Все они кормились и одевались в особых магазинах и распределителях; цены в этих закрытых магазинах были ниже, но туда допускались только охранники бесклассового рая. Расходы на их квартплату, отопление, электричество, автомобили, шоферов достигали сотен миллионов рублей в год, заимствованных из народных денег, и эти затраты держались в секрете. В ежегодно публикуемых сводках внутреннего бюджета СССР никогда не упоминались эти непродуктивные затраты, превышающие все разумные пределы и существующие против воли народа. Так кто же в таком случае настоящие паразиты?

В коридорах каждого этажа служащие отеля, связанные с НКВД, бдительно наблюдали за всем. Их работа состояла в выявлении русских, пытающихся установить контакт с иностранцами. В «Савое» также, как в «Национале», «Метрополе», «Гранд-отеле» и других гостиницах, большая часть ответственных по этажам были женщины. Они ловко скрывали свое настоящее занятие, работая переводчиками на нескольких языках, и, кстати, были прекрасными переводчиками. Они всегда сидели за столом с телефоном, поставленным так, чтобы просматривался весь длинный коридор. Их собственная политическая безопасность была под угрозой серьезных взысканий, если они не докладывали

о подозрительных лицах, проскользнувших мимо сыщиков в фойе. Такая ситуация была по всему Советскому Союзу.

В стране не было писаных законов, запрещающих гражданам общаться с иностранцами. В то же время все здравомыслящие люди прекрасно знали, что общаться с иностранцами без официального присмотра было политически небезопасно. В 1957 году в Москве проходил Международный фестиваль молодежи, где собрались молодые люди со всего мира. Однако это был колоссальный провал для Советов, поэтому подобная встреча, запланированная на 1960-е годы, была отменена. Советская молодежь показала, что она недостаточно подготовлена, чтобы достойно отвечать на аргументы западных коллег, развенчивающих коммунистическую идеологию.

Основной закон страны «гарантирует» неприкосновенность каждого советского гражданина, что не мешает так называемым «органам госбезопасности» тщательно следить за несчастными душами, подозреваемыми или уличенными в общении с иностранцами. Каждый человек в России знаком с этим неписаным законом. Замеченный в связях с иностранцами советский гражданин тихо уводится к стоящему неподалеку автомобилю самого обыкновенного вида, который увозит его на Лубянку. Предпринимаются все необходимые меры, чтобы избежать криков, плача и других заметных беспорядков. Агенты секретной полиции обычно не носят формы, и хотя гражданин имеет право проверить их документы, только очень немногие решаются сделать это. Обычно же страх оказаться в руках этих агентов так велик, что человек моментально теряет здравый рассудок, настолько ужасными бывают последствия такого задержания. Тем гражданам, у кого хватает присутствия духа взывать к своим конституционным правам, показывают маленькую розовую карточку с тремя зловещими буквами, и этого достаточно, чтобы прекратить всякие споры. Чисто академические исследования советской «демократии», осуществляемые за пределами СССР, не содержат упоминаний об этих тайных трагедиях.

Американцы, живущие в Москве, имели полную свободу контактов между собой и с другими иностранцами. Русские, имеющие официальное отношение к Министерству иностранных дел, имели относительную свободу. Однако для выполнения таких дипломатических функций, как посещение ланчей, обедов, приемов, требовалось получить разрешение для себя и своих жен от соответствующих отделов НКВД — КГБ. И часто отказы получали даже высокие должностные лица. В СССР существовало четыре категории иностранных граждан, постоянно живущих в

России: 1) дипломаты и работники иностранных представительств из аккредитованных стран; 2) иностранные корреспонденты; 3) инженеры, техники, специалисты в области промышленности и сельского хозяйства; 4) остатки прежних иностранных колоний, когда-то процветавших в царской России.

Во время ленинской новой экономической политики, которая была лишь скрытой формой капитализма, и некоторое время спустя в СССР по специальному разрешению Наркомата торговли работали иностранные фирмы по концессиям, в основном это были немецкие химические и фармацевтические фирмы. Наибольшее число иностранцев жили в Москве и Санкт-Петербурге. Среди них — поляки, французы, довольно много шведов, финнов и норвежцев, сохранявших свое гражданство. До начала 30-х годов консульства в Ленинграде соблюдали интересы своих граждан, но в 1936–1937 годах им всем было приказано покинуть город. Специальный указ разрешил постоянное проживание в России иностранцам, поселившимся в стране до Первой мировой войны, а также членам их семей, родившимся в результате смешанных браков. На Дальнем Востоке и в южных республиках китайцы, греки (в основном в Крыму) и армяне жили в России с давних времен.

Стоит упомянуть о большой группе иностранцев, живущих преимущественно в Москве, учащихся в высших учебных заведениях с целью распространения мировой революции. Они приехали со всех концов Земли. Многие жили в столице постоянно, работая во все расширяющихся отделениях центрального офиса организации Коминтерн — Коминформ. Они получали зарплату в рублях и пользовались привилегиями закрытых магазинов, некоторые из них работали дикторами на радиостанции Коминтерна. Некоторые из них прибывали в СССР по паспортам своей страны, но чаще — по поддельным документам. Члены этих сомнительных групп, которых интенсивно накачивали доктринами компартии о мировой революции, никогда не общались с другими иностранцами.

Большинство из них учились в большевистской академии, которая ныне влилась в Академию наук СССР. Институт Африки в Москве, открытый в конце 50-х годов, предлагал бесплатное обучение и проживание студентам из стран Черной Африки, и он фактически управлялся якобы «разогнанным» Коминтерном. Основной их целью была подготовка африканцев для антиколониальной борьбы, ведущейся из Москвы, так чтобы позднее эта борьба выглядела как самоопределение. На самом деле Москва продвигала в Африку собственный вариант колониализма, чтобы в результате самой захватить этот

континент. Среди других иностранцев в Москве было много китайцев, они много лет готовили проведение «аграрной реформы», начавшейся задолго до того, как Китай продался Советам. Все эти люди платили преданностью советскому красному флагу; все они клялись свергнуть свое правительство, которое выдало им паспорта и обеспечивало им защиту.

В середине 30-х годов через «Интурист» в СССР прибывали целые пароходы туристов. Это туристическое агентство, контролируемое теми же самыми МВД — МГБ, работало на широкой основе через свои агентства в различных столицах некоммунистических и позднее коммунистических стран. В СССР такие организации, как УПДК, ВОКС и «Интурист», умело управляли толпами путешественников от старта до финиша, потчуя их большими дозами наркотической пропаганды. Однако не все туристы оказывались одураченными. Я разговаривал с сотнями американцев и людьми из других стран, посетившими СССР; некоторые были достаточно наблюдательны и не обольщались показной роскошью в то время, как рядом несчастные русские люди умирали от голода. Однако успех коллективной психологической обработки в пользу Большой Лжи очевиден из книг, брошюр, лекций; и огромное количество туристов поддались на нее.

Была еще пятая, самая малочисленная категория иностранцев. 3 августа 1941 года пишущий эти строки остался ее единственным представителем, я имею в виду иностранных священников. Когда-то их было много, особенно после того, как Екатерина II предоставила убежище на русской земле членам расформированного Общества Христа. В 1935 году в границах Советского Союза того времени было всего пять нерусских священников на всю страну; все они были католиками римского обряда. Я не говорю здесь об исчезающих католических священниках, имеющих советские паспорта; их уничтожение проходило согласно определенному плану. Из пяти иностранных священников двое в Ленинграде были французскими доминиканцами[125], один — итальянский салезианец, работающий библиотекарем итальянского посольства и наставником детей посла Аттолико. Двое остальных были ассумпционистами — французский епископ[126] и его помощник, американский капеллан, пишущий эти строки. К 1938 году все иностранные священники покинули Россию, кроме одного доминиканца в Ленинграде[127] и меня.

Иностранцы в СССР держались вместе, главным образом по причине незнания русского языка. И хотя это само по себе труднопреодолимое препятствие в общении между русскими и

иностранцами, была и другая причина — советское руководство не одобряло контакты с иностранцами. Не потому ли, что надо многое скрывать? Любой иностранец, который пробыл в Советском Союзе достаточное время в качестве консультанта, знал об этом. Существовало правило, по которому иностранные специалисты вызывались только в том случае, когда на строительстве или в обслуживании промышленной установки возникала неразрешимая проблема. Все до единого инженеры не только из США, но также из Германии, Англии, Франции и Италии исполняли эту роль.

В первые дни моего пребывания в Москве администрация отеля «Савой» изо всех сил старалась удовлетворить потребности своих американских гостей. Многие американцы впервые покинули свою страну, и все они привыкли к быстроте и организованности в своей бытовой жизни. Но скоро они были вынуждены замедлить ритм и адаптироваться к другому, более медленному. У итальянцев есть своя неподражаемая и несколько раздражающая манера восхитительного безделья (dolce farniente), на которую реагировать бесполезно. Жителей испаноговорящих стран отличает утренняя ментальность и привычка к послеполуденному отдыху, сиесте. Путешествующие американцы должны знать, но не всегда знают, что в этих странах нельзя звонить друзьям между полуднем и четырьмя часами дня. Ничто не может пробудить мексиканца, кубинца или испанца от послеполуденного сна, для дел всегда есть завтра.

В России тоже есть свои черты, привычки, обычаи и выражения, достаточно яркие и экспрессивные. Хороший симпатичный мужик, а также городской житель на все ваши неотложные просьбы и устные понукания два-три раза скажет сейчас. Это буквально означает, что ваша срочная просьба будет выполнена в течение часа. Если ничего не сделано и вы настаиваете, бородатый заросший мужик говорит: сию же минуту. На все ваши жалобы и обвинения вам могут ответить: ничего, все равно или сойдется…

Епископ Пий Неве, который тщательно изучил эту философию, говорил, что с такими выражениями любой может без проблем проехать всю Россию от Минска до Владивостока! Многие иностранцы познали на своем опыте, что в России бессмысленно «наступать на горло». Это не означает, что русские неспособны на проворство, быстроту и хорошую работу. Желающий убедиться в этом должен быть рядом, когда разъяренный начальник отдает приказ, оканчивающийся угрозой: «А то…»

Традиционная лень русского мужика, по-видимому, связана с

бескрайними просторами страны. Здесь огромная территория и много времени, чтобы сделать то, что надо. Гоголь представил много таких характеров, иллюстрирующих эту черту, которая обострилась после революции вследствие холодного и бесчувственного обезличивания людей при коллективизации. Существует лишь очень небольшая разница между крепостным правом старой России и регламентацией мужиков, привязанных к колхозам и совхозам. Об этом свидетельствуют очевидное загнивание и невероятный хаос в советском сельском хозяйстве, которые не смогут исправить никакие кремлевские понукания. Никакая фальшивая советская статистика не способна скрыть банкротство коллективных хозяйств.

Откладывание дел со дня на день не всегда связано с природной ленью. Я это понял, когда пришла пора продлить срок моего постоянного проживания. Вначале внешне дела американского посольства с Кремлем и МИДом в целом проходили гладко. Бюрократическая смазка проникала во все шестеренки государственной машины; все вам улыбались, и все выглядело прекрасно. Даже на меня там просто смотрели с сожалением, то есть мне разрешали без особых хлопот продлевать визу каждые две недели. Уже была одна попытка выпроводить меня меньше чем через месяц моего пребывания. Каждый раз, когда возникала необходимость продления визы, я должен был расстаться с 5 рублями 50 копейками золотом (эквивалент пяти американских долларов). И это вынудило меня поинтересоваться, сколько недель разрешалось советским гражданам оставаться в США, не подвергаясь таким испытаниям.

Глава VII. Поездки «крупных шишек» и благополучное жилище

В 1955 году посольству США было приказано переехать с Моховой улицы в новое здание на Садовом кольце. С 1934 по 1955 год дом на Моховой частично использовали под службы посольства, частично под квартиры для персонала. Резиденция посла находилась отдельно, и переезд ее не коснулся. Она располагалась недалеко от Смоленской площади. Тот факт, что Сталин обычно проезжал дважды в день мимо, придавал этому месту особое значение. Тиран редко ночевал в Кремле, известно, что он постоянно опасался покушения на свою жизнь: в него несколько раз стреляли, и, по моим сведениям, это тщательно скрываемый факт. И шансов, что его могли застрелить в загородной резиденции, было намного меньше, чем в Кремле, где за несколько веков было совершено немало убийств. В разное время дня и ночи властелин ехал из Кремля за двадцать с лишним километров на свою загородную дачу, охраняемую как крепость.

Существует множество историй о том, как тиран, опасавшийся за свою жизнь, часто менял места своего пребывания. Теоретически он все время подвергал себя опасности и риску быть застреленным. У этого «человека из стали» было такое множество убийств на совести, что он окружил себя постоянной защитой. По этой причине из Кремля его автомобиль вылетал как торпеда и мчался в отдаленное село Успенское. В этой резиденции с религиозным названием диктатор создал себе маленький Кремль, затерянный в лесах, вдалеке от проезжих дорог; его дачу окружала высокая стена из красного кирпича. Я хорошо знаю это место, так как несколько раз проезжал мимо и мог видеть, как патрули НКВД охраняют окрестности.

Ни под каким предлогом ни автомобилист, ни пешеход не могли там остановиться. Примерно за три километра до этого места у меня спустило колесо. И только я успел поднять свой автомобиль домкратом, как рядом со мной внезапно оказался патруль НКВД. Ни о чем не спрашивая меня, двое из патрульных быстро помогли мне сменить колесо, чтобы я смог наконец уехать. В некоторых путевых заметках есть упоминания о подобных случаях на других дорогах Советского Союза. Однако в основном водители не особенно беспокоятся о непредвиденных аварийных остановках, так как все крупные шоссе считаются стратегическими военными и милицейскими магистралями,

поэтому помощь обязательно придет, и быстрее, чем вы думаете. Иностранцы, мало знакомые с местными условиями, склонны приписывать такую таинственную помощь простой вежливости и шоферскому братству. Конечно, эти добродетели, присущие русским людям, не раз испытал на себе и пишущий эти строки. Но не надо забывать, что такая готовность оказать услугу в подавляющем большинстве случаев приходит от вездесущих агентов НКВД — КГБ. Существовал приказ постоянно днем и ночью держать эти магистрали свободными от всех препятствий и возможных внезапных нападений с обочины дороги. Иногда карательный отряд КГБ мчался с головокружительной скоростью «усмирять» непокорных колхозников. Многое происходит на советских дорогах, но абсолютно невозможно только одно: засада на «крупных шишек» или подложенная бомба.

Вблизи изолированной сталинской виллы охрана часто менялась. Так же как и сотрудники главного здания КГБ в Москве, они не могли ни с кем заводить знакомство. Патрули обходили целые районы вне зависимости от того, был ли там Сталин. Вооруженные часовые стояли на страже через каждые тридцать метров на близлежащей территории, другие обозревали окрестности со сторожевой башни. Все имели прямую телефонную связь с гарнизоном. Они досконально подчинялись приказам и никогда не рисковали. Они прекрасно питались, их семьи пользовались исключительными привилегиями, и это все налагало на них полное подчинение. Их работа заключалась в защите тела Сталина.

Резиденция посла находилась рядом с Арбатом, в одном квартале от Садового кольца, где теперь стояло здание посольства США. Многочисленные милиционеры, патрулирующие Арбат, пребывали в постоянном напряжении, так как не знали, когда промчатся Сталин, Маленков, Молотов и другие «крупные шишки». Они мчались с такой скоростью, что почти двухкилометровый путь от Кремля до Садового кольца занимал всего несколько минут. Когда ехал Сталин, с ним одновременно из Кремля выезжало два автомобиля сопровождения. Я часто видел, как они выезжали из Спасских ворот Кремля, из тех самых, в которые в 1812 году вошел Наполеон. На внешней стороне кремлевской стены зажигался светофор, и звонок оповещал о выезде скоростного кортежа, который мчался напрямик через открытое пространство без сирен, гудков и других звуковых сигналов. Вышколенные водители, набирая скорость, летели, не издавая ни звука, по Смоленскому шоссе к сталинскому убежищу.

Если на такой дороге появлялся простой смертный на автомобиле, который неожиданно ломался, многочисленные

милиционеры срочно окружали его, и если поломка не была сразу же ликвидирована, они останавливали любой другой автомобиль или грузовик, которому вменялось отбуксировать его куда-нибудь подальше от главной магистрали. Однажды я застрял на такой дороге из-за поломки системы подачи топлива. Постовой милиционер был в панике, так как я долго не мог тронуться с места: ему было приказано держать дорогу свободной. Дело кончилось тем, что он лично толкал мой автомобиль прочь от главной дороги на довольно приличное расстояние.

Сталин обычно ездил на низко посаженном 12-цилиндровом пуленепробиваемом лимузине «паккард». Окна автомобиля были всегда закрыты и плотно занавешены, иногда внутри лимузина были едва различимы силуэты сидящих в нем. Я часто встречал эту кавалькаду, но ни разу не видел, чтобы она остановилась где-либо в городе, если там находился Сталин. Движение на всех соседних улицах замирало. Сколько проблем этот некоронованный царь создавал милиционерам, когда он передвигался по городу! Несмотря на все предосторожности, в Сталина неоднократно стреляли, такие новости держали в секрете, разумеется.

Я часто видел, как Сталин проезжал и по другим улицам, кроме Арбата. Перед его лимузином ехал открытый автомобиль сопровождения, а другой следовал за ним. В них находились несколько зловещего вида персон, похожих на бандитов в штатском. В каждом автомобиле было 5–6 человек, настороженно глядевших по сторонам и державших в карманах что-то, думаю, что не сладости. Они со свистом пролетали мимо, и взгляды их были устремлены на прохожих. Они были готовы к любой неожиданности на дороге.

Дом, в котором жил американский посол, был прямоугольной формы, внешне ничем не примечательный. Многие иностранцы в Москве ошибочно считали, что его первым собственником был торговец сахаром; на самом деле Спасо-Хаус построили по заказу одного из Романовых. Резиденция оснащена затейливым лифтом, построенным в Германии, который поднимал своих пассажиров всего лишь на один лестничный пролет. Когда это здание было передано американскому послу Буллиту, электромеханики из Бюробин безуспешно пытались привести его в действие. После нескольких дней усилий и неудач специалисты заявили с некоторым смущением, что лифт не работал с самой революции. В результате технической консультации, проведенной с не меньшей важностью, чем заседание Верховного Совета, Бюробин торжественно объявил, что лифт нуждается в капитальном ремонте. После этого заключения Алберт Ф. Хемпел (лейтенант

флота США в отставке), работающий электриком в Спасо-Хаусе и на Моховой, добрался до верха шахты лифта, почистил контакты, почистил щеткой соленоиды, нажал кнопку, и лифт заработал, как новая игрушка.

— Просто чудо! — хором воскликнули техники Бюробина. Они не могли поверить своим глазам.

Я все еще продолжал жить в «Савое», где, конечно, не мог оставаться бесконечно. Все мои попытки найти подходящую квартиру или хотя бы комнату оказывались безрезультатными. В обмен на «чаевые», диалектически оцениваемые в десять золотых рублей, мне сообщили, что на улице Герцена, рядом со старым университетом, есть подходящая комната. Однако эта «взятка» была напрасной. Я пошел осмотреть комнату: перспектива делить раковину для умывания с двадцатью обитателями квартиры не устраивала меня. Не привлекало меня и стояние в очереди за элементарными гигиеническими удобствами. Там не было ванны, но можно было дождаться очереди в общий душ в местной публичной бане и мыться в полном соответствии с духом коллективизма. Не радовала и одна кухня с единственной плитой на 4–5 семей. Вовсе не устраивала меня идея использования коммунального телефона на стене в прихожей. Кроме того, предложенная мне комната оказалась проходной, через которую входили и выходили все жильцы квартиры, поэтому наименьшим злом оставалось пребывание в «Савое» с надеждой на лучшее.

Беспокоясь о моем благополучии, посол Буллит несколько раз предлагал мне жить у него в резиденции. Он прекрасно знал, что Советы видели во мне мало проку и просто терпели мое присутствие. Но вскоре после моего приезда в Москву выяснилось, что епископ Пий Неве был серьезно болен: нефрит, гипертрофия сердечной мышцы и высокое кровяное давление подорвали его крепкий организм. К счастью, скоро приехал доктор Адольф Румрайх, первый медицинский атташе американского посольства: благодаря его профессиональному уходу больной был выведен из кризисного состояния. Ему назначили диету из молока и шпината, но так как он, как и я, не имел гражданских прав, то в эти голодные годы у него не было и продовольственной карточки. И тут на помощь пришли французы, разместив у себя в посольстве болеющего прелата и сделав все, чтобы он ни в чем не нуждался. Американцы, привыкшие к изобилию в своей стране, не считали молоко и шпинат важными продуктами, однако для епископа эти продукты были жизненно необходимыми. Именно посол Буллит лично привез пациенту столь необходимый ему консервированный шпинат.

Французский посол Шарль Альфан испытывал ко мне

симпатию и решил мою проблему, предложив приют в своей резиденции, где уже жил епископ. Именно поэтому я стал жить во французском, а не в американском посольстве, и для меня это была большая удача — быть рядом с епископом, заботиться о нем. Никто не пережил бы без последствий для здоровья те двадцать лет голода с ежедневными неприятностями и немыслимыми лишениями. Итак, я оставался постоянным гостем французского посольства, при семи последовательно менявшихся представителях Кэ-д'Орсе[128]. Только к концу моего долгого пребывания в России отношение к моей персоне изменилось. Далеко идущие последствия неудачи Ялтинской конференции повлияли и на миссию, с которой я приехал в Россию.

Пока епископ не нашел мне прекрасного педагога по русскому языку, женщину, которая знала немецкий, французский и английский, я занимался сам. Моя преподавательница была настоящим знатоком русского и старославянского языков; ее знание классической русской литературы было фантастическим. Своим успехам в русском языке я обязан в равной степени ей и ее матери. Много месяцев я занимался склонениями, спряжениями, переводами; стал читать в оригинале Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и многих других авторов. Я имел богатую разговорную практику, общаясь с русскими людьми, в том числе и с крестьянами. Москвичи гордились своим особым говором, произношением, интонациями, сильно отличавшимися от петербургских. Для более глубокого проникновения в тайны этого языка я слушал некоторые радиопрограммы, где с безупречным произношением медленно наговаривались тексты. У Советов была прекрасная система передачи указов и новостных бюллетеней в самые отдаленные уголки страны; специально обученные дикторы несколько раз в день медленно читали тексты для слушателей радиоточек тех мест, куда не доходят газеты.

Резиденция французского посла находилась недалеко от Крымского моста, на улице с небольшим дорожным движением. Здесь было очень тихо, и я мог спокойно заниматься русским языком. Я гулял с Флипом и наблюдал, как строится московское метро. Одна из конечных станций была как раз у Крымского моста, недалеко от Центрального парка культуры и отдыха.

При всем уважении к моим бывшим хозяевам следует сказать, что проживание в посольствах и дипломатических миссиях никак не способствует изучению страны и людей. Но с 1936 года я был так занят делами вновь обретенной паствы (в связи с закрытием двух католических церквей в Москве), что почти не бывал в посольстве. Я приходил туда пообедать и переночевать. Я исполнял мой религиозный долг, посещая больницы, дома,

кладбища, близлежащие деревни и поселки. Из посольства я уходил в половине седьмого утра и возвращался под вечер. Отпевания на пяти московских кладбищах, находившихся за городом, часто начинались во второй половине дня.

Посол Альфан проживал в старом французском посольстве в Померанцевом переулке с мадам Альфан и их младшей дочерью Мари-Виктуар, которую в дипломатическом корпусе называли Маривик. В 1936 году в этом здании разместили Музей мозга, а посольство переехало на Большую Якиманку на западной стороне Москвы-реки. У семейства Альфан было еще трое детей: два сына и вторая дочь. Старший из сыновей, Эрве Альфан, сейчас занимает пост посла Франции в Вашингтоне. В 30-е годы дети Альфан обычно проводили рождественские и другие каникулы с родителями, наполняя дом весельем и песнями. Посол привез с собой из Франции персонал: дворецкого, горничную и шеф-повара. Другая обслуга была из русских граждан, в том числе были швейцар, два помощника дворецкого, два шофера и, конечно, дворник. Относительно одного из помощников дворецкого я был предупрежден с самого начала. Именно он одиннадцать лет спустя участвовал в судебном деле по сфабрикованному обвинению в оскорблении действием, в котором я был вынужден предстать как обвиняемый.

Все, что происходило в этом гостеприимном посольстве, передавалось в штаб-квартиру НКВД. С внешней стороны за зданием тоже велось постоянное наблюдение: напротив входа все время находился милиционер в форме; а на небольшом расстоянии постоянно дежурили еще два человека в штатском. Эти «телохранители» постоянно следовали за послом, когда тот выезжал из резиденции. Если какое-либо посольство становилось особенно «опасным», возле него появлялись дополнительные сыщики, на каждую пару которых полагался автомобиль. Из всех посольств в Москве дополнительный въезд через задний двор имелся только в посольстве Великобритании на Софийской набережной напротив Кремля; и здесь взвод «ангелов-хранителей» был удвоен. Да, в Советском Союзе не было безработицы. В любом случае едва ли кто-нибудь сумел бы войти в посольство через задний двор без дворника. Москвичи, которые жили по соседству или чьи окна выходили на здание посольства, тщательно проверялись КГБ. Наблюдатели, вооруженные полевыми биноклями, телескопами, камерами дальнего видения и другими устройствами, следили за происходящим в посольстве из окружающих домов. Иногда эти скрытые наблюдения имели трагические последствия. Таковой была атмосфера внутри и снаружи всех посольств, включая и посольства стран-сателлитов.

Некоторые американцы не воспринимали все это всерьез; не называя вещи своими именами, многие иностранцы считали меня излишне подозрительным человеком. Я имел возможность познакомиться с этой нездоровой ситуацией, живя в гостинице «Савой», а также благодаря ежедневному общению с людьми в невероятных обстоятельствах, что сделало меня менее беспечным, чем они. Особенно после того, как я стал свидетелем использования действительных или сфабрикованных фотографий в целях шантажа.

Глава VIII. Бескрылые ангелы-хранители

В последний период моего пребывания в Москве шеф МВД Лаврентий Павлович Берия выбрал меня объектом своего внимания. Позднее он был расстрелян, но не за свои многочисленные преступления против русского народа, а за ущерб, который он нанес так называемому монолитному единству Коммунистической партии. Нечеловеческие страдания, которые он и в целом МВД принесли людям, были известны Кремлю. В разгар его деятельности, хорошо известной всей России, за мной следили четыре агента, среди которых была и одна женщина. До этого я замечал слежку только время от времени.

Послы и посланники ввиду их высокого ранга имели двух «ангелов». У меня не было такой привилегии; но я знал от своих надежных прихожан, что агенты Берии расспрашивали обо мне и что я фигурировал в их досье как «опасный и тонкий человек».

Кроме моего персонального эскорта, ко мне шел непрерывный поток плохо замаскированных людей МВД — и мужчины, и женщины работали агентами-провокаторами. В отличие от «ангелов-хранителей», пытавшихся все увидеть и остаться незамеченными, эти пытались втянуть меня в беседу. Они приходили в церковь, но никогда не принимали участия в богослужениях. Конечно, одного этого было достаточно, чтобы пробудить у меня подозрение. Обе группы работали на МВД, но использовали различные методы. Молчаливость и снующий по сторонам взгляд отличали моих «ангелов-хранителей» с их смехотворными попытками быть невидимыми, как духи. И наоборот, чрезмерно разговорчивые провокаторы старались быть заметными, что само по себе их выдавало.

Некоторые приходили в церковь специально по будним дням, перед тем как я отправлялся по вызову к больным. Их целью было вынудить меня критически отозваться о режиме в ответ на их фальшивые сказочки о своих несчастьях. Другие хотели обменять иностранную валюту по курсу, более выгодному, чем в Госбанке, или, наоборот, предлагали мне рубли в большем количестве, чем стоимость доллара или другой валюты. Некоторые хотели во избежание почтовой цензуры отправить через меня письма за границу. Кто-то просил быть посредником для связи с сотрудниками посольских и консульских служб. Так как я читал Уголовный кодекс, то хорошо знал, что, если бы я согласился на их предложения, все эти действия подставили бы меня под судебное преследование. Особенно начиная с 1937 года

постоянно предпринимались попытки поймать меня в подобную ловушку, чтобы потом опутать сетями шантажа.

Ко мне в церковь приходило множество людей, действительно испытывающих ужасные страдания. Не все они принадлежали к католической вере; тем или иным способом они находили путь в нашу церковь, уверенные в том, что они найдут здесь того, кто не предаст их. Люди в Соединенных Штатах и других нормальных странах до сих пор не знают, что советские законы трактуют как преступление подачу милостыни или конкретный акт сострадания, если они совершаются служителями культа. В этом смысле я был, конечно, виновен в бесчисленных преступлениях в диалектически-материалистическом толковании таких действий. Я никогда не отказывался покормить голодного или дать одежду нуждающемуся; я не делал различий между страдающими русскими, евреями, поляками, кавказцами, украинцами и другими народностями СССР. И хотя Советы всегда имели возможность устроить судебное разбирательство или предъявить мне словесное обвинение по этому пункту, они никогда не осмеливались сделать этого. Их тактика дискредитации духовенства и особенно католических священников еще не проводилась в таких масштабах, какие сегодня мы наблюдаем в Китае и в балканских странах-сателлитах.

В последние годы некоторые книги о Советском Союзе упоминают девушек особого рода, с которыми можно встретиться, набрав определенный номер телефона. Я приношу извинения, что затрагиваю неподобающую священнику тему. Девушки с маркой «все дозволено», занятие которых состоит в проникновении в компанию мужчин-иностранцев, все были агентами МВД. В Москве есть высшая категория привлекательных молодых женщин, тщательно подобранных для такой «профессии». Закулисная жизнь Москвы всегда предлагала такие услуги еще со времен ленинской Чека. Большая часть этих женщин были русскими, их делили на несколько групп в соответствии с иностранным языком, которому они были обучены. К ним иногда добавлялись нерусские девушки, вступившие в коммунистическую партию за пределами России. У них была рекомендация «талантливых скаутов», спокойно работавших за рубежом под прикрытием «атташе по культуре». Гибкая мораль, очарование, молодость и привлекательные манеры — таковы были минимальные требования к ним.

Основными языками, используемыми для этой цели, были английский, французский, немецкий, китайский и испанский. Лучше всего русские говорили по-французски и по-немецки; эти

языки входили в курс Московского института иностранных языков, выпускавшего прекрасных знатоков как этих, так и японского языка. У русского человека, хорошо знающего иностранный, меньше всего акцент проявлялся во французском языке. Он фактически заменял русский язык при бывшем императорском дворе, а также в аристократических семьях Санкт-Петербурга. В дореволюционной царской столице в определенных кругах родной язык считался провинциальным, и на нем почти не говорили; для многих из них французский был практически родным языком, по-русски они изъяснялись с трудом. И в Москве, и в Ленинграде оставалось еще много бывших, переживших свое время и изъяснявшихся на безупречном французском языке. Это частично объясняет, почему французская колония в Москве была такой многочисленной. К 1921 году в ней было около двух тысяч человек; впоследствии почти все были репатриированы. И хотя многие русские говорят по-немецки, у них всегда заметен акцент, впрочем, как и в других языках саксонской группы.

Из числа молодых женщин, изучающих языки, МВД выбирало определенное количество для иных целей, кроме академической и культурной работы. С этого времени каждая из них становилась «Матой Хари» и должна была выполнять шпионскую работу. Как правило, они исключительно хорошо одевались. Трудно сказать, использовали ли они в своей работе наркотики, так как обманутые ими жертвы не слишком распространялись на эту тему.

МВД является не только полицейской структурой, но и хорошо развитой школой прикладной психологии. Они знали, как привлечь мужчин, считающих себя умными, сильными и устойчивыми к определенным формам знакомства. И секретные службы получали хорошие дивиденды от подобных эксклюзивных вложений. Шифровальщик одного посольства попал в подобную ловушку; исправление его «ошибки» обошлось его правительству в сумму порядка пятидесяти тысяч долларов.

У секретной полиции был список всех «специальных» телефонных номеров. В любое время дня и ночи вам мог позвонить очаровательный женский голос; именно так обычно начинались романтические отношения, которые часто заканчивались молчаливой и дорогостоящей трагедией. Я рад сообщить, что большая часть иностранцев в Москве избежали этой ловушки, но были и исключения из правила. С помощью секретных проверок МВД заранее знало, кто мог стать его жертвой, а кто нет. И теперешние МВД — КГБ также не остановятся ни перед чем, чтобы добиться своей цели; меняется только тактика, применяемая в зависимости от обстоятельств,

места и личности.

Я тоже не избежал своей порции таинственных телефонных звонков. И хотя я решительно пресекал их, они повторялись снова и снова, и всегда на русском языке. Это отступление увело читателя от повествования о «бескрылых ангелах». Однако классические методы внедрения МВД в частную жизнь органично входят в общую линию этой книги. «Ангелы-хранители» послов и глав дипломатических миссий всегда находились напротив их резиденций и офисов, а мой дежурил недалеко от церкви. Сюда приходили русские люди со всей Москвы и Подмосковья, а позже со всего Советского Союза; огромное число их желало выполнить свой религиозный долг, преодолевая гигантские расстояния. К 1936 году в Москве уже не было другой католической церкви, где они могли бы молиться; и это было началом моих многочисленных встреч с русскими людьми.

К тому времени боголюбивые русские люди, лишенные пастырей советской «религиозной свободой», приезжали уже отовсюду: из Смоленска, Харькова, Тулы, Одессы и многих других городов. Некоторые из них долгие годы не видели священника; один за другим священники становились жертвами религиозного преследования. Самая горькая ирония состояла в том, что именно в 1936 году, когда была провозглашена «свобода совести», были арестованы последние священники.

Мои «ангелы-хранители» никогда не мешали моим передвижениям. Но они следовали за мной повсюду, куда бы я ни направлялся. Вскоре после отъезда епископа я отказался от шофера и сам стал водить свою машину. Когда я включал стартер, мои «ангелы» делали то же самое; трогаясь с места, я видел, что и они отъезжали со своей стоянки; когда я останавливался, они тоже останавливались на некотором расстоянии. Временами меня вызывали для елеопомазания умирающего человека за пределы города, это бывало довольно часто, так как на сотни километров вокруг Москвы не было другого священника, который мог бы совершить этот обряд.

В некоторые места было невозможно добраться на машине, поэтому я ехал на поезде. И неизменно мои «ангелы» садились в этот же поезд и выходили на той же станции. Как правило, эти люди в штатском не брали железнодорожных билетов, это позволяла им их волшебная розовая карточка: как только они ее показывали, перед ними открывались все двери. Эти карточки служили агентам МВД пропуском в театры, рестораны, офисные здания, частные жилища. Они заменяли им билет на поезд, корабль или самолет в любой части страны без предварительного бронирования мест. Они без раздумий высаживали другого

пассажира, если потребуется. В стране диктатуры пролетариата это была обычная практика. Если в их автомобилях заканчивалось топливо, они получали его на любой заправочной станции и могли сделать это без предъявления талонов, необходимых для всех остальных.

В нормальных странах водитель заполняет бензобак, заплатив наличными деньгами или по кредитной карте. В Советском Союзе не так. Иностранцам разрешается заправляться в соответствии с категорией, к которой они относятся. Каждый месяц Мостехпром выпускает для них талоны на основании официальных писем с соответствующими штампами, печатями и необходимыми подписями. Такая процедура существует на всей территории Советского Союза. Если посол или другое влиятельное лицо хотят совершить автомобильную поездку, они должны не только получить разрешение на выезд из города. В Министерстве иностранных дел необходимо заполнить бесконечные анкеты и запросы — и это еще не значит, что разрешение будет предоставлено.

На всю Москву для личных машин иностранцев работала только одна заправочная станция — это был еще один способ следить за их перемещениями. Можно было, конечно, запастись бензином на целый месяц, если у вас есть канистры; но по прошествии месяца снова требуются подписи, печати и штампы на письмах. Бензин в СССР постоянно нормировался и в мирное время, но особенно во время войны. Государственные цены были относительно низкими, но количество топлива ограничивалось.

Несмотря на все хвастливые и кичливые пропагандистские заявления, рай бесклассового общества и пролетарского счастья пока еще не победил надувательство и обман. В применении к данной теме это означает, что при определенной денежной «смазке» и другой компенсации бензин и масло, а также шины и другие автомобильные атрибуты в любом количестве можно раздобыть на «черном» рынке. Талоны обычно выпускались на десять литров, но на черном рынке они и не требовались. И хотя я не мог рисковать, покупая бензин по цене «черного» рынка, но знал, что его продают в 40–50 раз дороже официальной стоимости, и спрос огромный. Такая подпольная торговля происходит в удаленных местах через знакомых шоферов, работающих на крупных автокомбинатах; в этих организациях подпольный бизнес процветает; жульничество стало нормой. Государство делало все возможное, чтобы справиться с ним; однако не надо забывать, что сама природа неестественной экономической структуры порождает эти злоупотребления теневой экономики. Уличенных в таких нарушениях подвергали

суровым наказаниям. Спекуляция в СССР строго наказывалась, но только тогда, когда ею занимались отдельные личности. Спекуляция являлась государственной монополией, и доказательством этому служат комиссионные магазины, закрытые магазины и специальные низкие цены, варьирующиеся для различных категорий членов компартии; особенно это видно по типу отелей и разных видов транспорта.

Когда добрые русские люди нуждались в моей священнической помощи, их шестое чувство политической безопасности подсказывало им, что они не должны приходить за мной во французское посольство. Они уже достаточно рисковали, когда их видели рядом со мной в церкви. За все время моего пребывания в России только один раз меня посетила в посольской квартире одна ничего не подозревающая женщина с просьбой провести богослужение на похоронах. «Ангелы-хранители» не помешали ей войти; они никогда никому не препятствовали на виду у всех, тем более что Большая Якиманка очень оживленная улица; больше я эту женщину не видел.

Если я ездил на трамваях, один из «ангелов» садился вместе со мной в вагон, а его компаньон следовал на расстоянии на автомобиле МВД. Как и во многих современных городах, в Москве постепенно отказывались от трамваев, заменяя их менее шумным электрическим и автомобильным транспортом. Обычно пассажиры входят в общественный транспорт сзади, а выходят из передней двери. Стоимость поездки пропорциональна ее протяженности и количеству багажа, который везет пассажир. Весь маршрут движения разделен на зоны и соответственно оплачивается. Эта удобная система используется во всех странах Европы. Российские правила позволяют старикам, больным, беременным женщинам и инвалидам войны входить в транспорт через переднюю дверь, и для них отведены специальные места, которыми также могли пользоваться агенты МВД.

Кондуктор собирает плату за проезд; когда транспорт переполнен, пассажиры передают кондуктору свои копейки по цепочке, называя стоимость билета, которая при передаче повторяется несколько раз. Потом через те же самые руки билет безошибочно передается пассажиру в обратном направлении, сопровождаемый стандартной формулой: «Передайте, пожалуйста». И хотя вагон может быть набит до отказа, такая передача всегда происходит без осложнений. Те, кто может это себе позволить, покупают месячные проездные билеты на все виды транспорта. До последней девальвации рубля неквалифицированный рабочий должен был заплатить за такой проездной билет одну четвертую часть своей зарплаты в 200

рублей; сравнительно немногие русские люди могут позволить себе такую роскошь.

В Москве, как и в других больших городах, в транспортной системе бывают часы пик. Кроме этого военные заводы по всему Советскому Союзу работают 24 часа в сутки даже и после войны. В то время как западные страны начали переводить свое производство на мирные рельсы, Советы расширяют военное производство несмотря на то, что их представители с трибуны ООН горячо защищают мир. Для такого перенаселенного города, как Москва, это означает, что одни заводские смены приходят на смену другим, и таким образом огромные массы населения беспрестанно перемещаются по городу. Московский общественный транспорт переполнен уже не только в часы пик. Советские законы о рабочей дисциплине и запрете на опоздания очень строги; никто не хочет платить штрафы за опоздания.

Контролер, проверяющий правильность оплаты за проезд, может появиться в вагоне на любой остановке, и если он обнаруживает, что пассажир проехал дальше оплаченной остановки, пассажира штрафуют на месте. Если контролер обнаруживает безбилетника, его ссаживают на ближайшей остановке и ведут в милицию; правонарушитель должен предъявить паспорт, или трудовую книжку, или другие документы. Если при нем нет достаточно денег, из его зарплаты или пенсии ежемесячно высчитывается сумма штрафа. Штраф особенно велик на поездах дальнего следования, где есть еще и дополнительный риск нарваться на агентов МВД помимо железнодорожной милиции. Вся транспортная система Советского Союза контролируется специальным подразделением МВД. У любого иностранца, осмелившегося в часы пик ехать в трамвае или автобусе, останутся незабываемые воспоминания; ему будет достаточно лишь одной поездки. «Крупные шишки», директора предприятий, известные артисты и военные высокого ранга оставляют эти транспортные «удовольствия» для трудящихся масс в соответствии с лозунгом «каждому по потребностям».

Есть еще одно явление, с которым коммунистам не удалось справиться, — это мелкое воровство. Им занимаются в общественном транспорте специалисты своего дела, работающие парами, которые обычно бритвенными лезвиями разрезают одежду своих жертв. Боязнь получить телесное повреждение предостерегает от того, чтобы поднимать шум, — разве что милиционер окажется совсем рядом.

Я ездил практически по всем трамвайным маршрутам, а мой «ангел-хранитель» стоял рядом с глупым, самоуглубленным

видом, которым отличаются все эти парни. Мне часто хотелось заплатить за его проезд, но я не показывал виду, что знаю о слежке. Если бы я подал малейший знак одному из них, что знаю его, то второй сообщил бы об этом куда следует. И этого было бы достаточно для обвинения в раскрытии государственной тайны.

Вначале меня не сочли достаточно важной персоной для такого эскорта: его ко мне прикрепили позже. Мой автомобиль был в списке французского посольства; на бумаге он принадлежал посольству. В Советском Союзе автомобили, так же как и частные лица, должны иметь паспорта, выданные специальным отделом МВД, функционирующим под вывеской «Городская милиция». Он ведет учет всем личным автомобилям, так же как и гражданам любой страны, находящимся в границах СССР. Такая регистрация давала возможность получать бензин на мой номер автомобиля; иначе я бы не смог покупать его. Такой порядок существовал до Второй мировой войны, когда Франция разорвала дипломатические отношения через неделю после нападения Германии на СССР. Даже после этого я продолжал получать ограниченное количество топлива через турецкое посольство, представлявшее интересы Франции в то время. Но это длилось недолго.

Проблема возникла, когда Министерство иностранных дел дало указание конфисковать все французские автомобили в Москве. А так как мой был в этом списке, Бюробин прилагало массу усилий, чтобы отобрать у меня автомобиль. Но мне удалось отстоять его благодаря быстрому маневру с моей стороны: к большому удивлению главы Бюробин, мне удалось зарегистрировать автомобиль в собственность. В наказание меня вообще лишили права на заправку топливом, причем этот особый знак «заботы» был продемонстрирован в тот самый момент, когда США начали поставлять на основании ленд-лиза тысячи тонн высокооктанового бензина своему «доблестному союзнику».

Я вполне уживался с моими «ангелами». Я вовсе не замечал их, за исключением тех случаев, когда у хороших русских людей, общавшихся со мной, начинались большие неприятности после моего появления в их домах при вызове для совершения религиозных обрядов. Слежка порой прерывалась на несколько месяцев, похоже, что мои соглядатаи требовались Берии для более важных дел, чем наблюдение за тем, как я совершаю помазание больного или отпевание умершего. Сигнал о возобновлении слежки появился в виде маленького «форда» модели 1937 года. Сначала мои «ангелы» следовали за мной на советском автомобиле М-1, 4-цилиндровой машине, которая более-менее едет, только если ее не слишком понукать. Не

являясь специалистом в автомеханике, я все-таки не согласен с теми, кто превозносит успехи советского автомобилестроения.

По мнению некоторых, советские автомобили очень прочные потому, что состоят из небольшого количества деталей. Это хорошо для обычных обстоятельств мирной жизни, когда они не работают на износ. В условиях войны, когда машина эксплуатируется на полную мощность и в любую погоду, советские автомобили не выдерживают. Я видел бесконечные колонны и конвои моторизованного транспорта, идущего на фронт и обратно. В стране только через год после начала войны почти не осталось советских автомобилей. Эти бесчисленные колонны включали американские грузовики, британские и канадские машины и поврежденные в боях немецкие дизели.

Многие ли знают о том, что во время войны в СССР было передано полмиллиона американских грузовиков и транспортных средств всех типов? А то, что Советы производят сегодня в области авиационных двигателей, в том числе и реактивных, купленных в Великобритании, — это другое дело. И то, что они создают эти модели после войны, используя в качестве экспертов немецких и чешских инженеров, — это тоже другая история. Я не пытаюсь дискредитировать возможности Советов при условии, что им помогают иностранные специалисты. И доказательство этого — выпуск в Советском Союзе великолепных «линкольнов», пока американские техники заставляли русских механиков и конструкторов придерживаться технических заданий и инструкций. Производство этих автомобилей было остановлено, как только прекратилась иностранная помощь.

М-1, на котором мои «ангелы-хранители» меня преследовали, был «чистопородный» советский автомобиль. В его двигателе не было ничего лишнего и никаких технических аксессуаров. Я ездил на этих автомобилях и знаю их: после достижения определенной скорости эта штука просто начинает разваливаться. Время от времени, просто для развлечения, когда они преследовали меня, я жал на акселератор моего «Рено-14» и получал массу удовольствия, когда они, пыхтя, устремлялись за мной на своем М-1, но вскоре исчезали из вида. Я не стремился уйти от них, я прекрасно знал, что по их тревоге меня может остановить любой милицейский патруль.

Но они бы это сделали только в самом крайнем случае; они, должно быть, знали, что мне нечего скрывать и в моих планах не было свержения власти. Они могли видеть меня на загородных кладбищах и проверить, что я делаю, когда посещаю больных в их избах. Но их начальство требовало, чтобы они следили за мной, и они делали это. Ответом на скорость моего автомобиля стало

появление у них «форда» модели 1937 года. После 1939 года и «освобождения» советскими войсками балтийских республик было удивительно видеть большое число зарубежных автомобилей в распоряжении МВД. С того времени все автомобили секретной полиции и других служб подобного типа были иностранного производства.

Глава IX. Неправославное богослужение в Советской России

В своих пресс-релизах для иностранных журналистов ТАСС обходил полным молчанием аресты священнослужителей, закрытие церквей и другие религиозные репрессии. Новости с положительным отношением к религии сообщаются после жесткой цензуры в тех случаях, когда советская пропаганда может извлечь выгоду из таких сообщений. Например, в 50-е годы советская цензура не только пропустила, но и поддержала серию репортажей о религиозных представлениях и обрядах в Ереване. Одна из статей была написана корреспондентом «Нью-Йорк Сити дейли», имеющим большой опыт работы в СССР, который прекрасно понимал, что его информация дает совершенно искаженное представление о положении с религией в СССР.

В течение двух десятилетий, предшествующих Второй мировой войне, советская пресса и репортажи иностранных корреспондентов из Москвы изобиловали сообщениями о якобы контрреволюционной деятельности покойного патриарха Тихона. Лишь несколько обозревателей за пределами России заметили, что имя этого достойного человека публично восхваляется теми же людьми, которые так активно поносили его в начале 1920-х, пока он не скончался в 1925 году узником ОГПУ[129].

В середине 30-х годов ТАСС пытался настроить международное мнение против лютеранских пасторов из колоний немцев Поволжья, которые после нападения Германии были разогнаны по приказу Сталина. Такая же тактика использовалась для гонений на баптистов и адвентистов Седьмого дня, которые к тому времени уже влачили жалкое существование. Иностранные корреспонденты все время получали «сводки новостей», ловко сфабрикованные с целью оклеветать евангелистские и реформаторские протестантские религиозные сообщества, которые пока еще продолжали существовать. Иудейские и мусульманские организации испытали тот же способ публичной известности. Когда всему миру была представлена пародия на правосудие в судебном процессе по делу католических епископов Северо-Западной России, злобно преследуемых главным прокурором Андреем Вышинским, ТАСС снова снабжал мировую прессу сведениями, основанными на вырванных признаниях. Не считая этих примеров, обо всем, что касалось общей религиозной ситуации, молчание советской и иностранной прессы было полным.

Практически все сообщения иностранных новостных агентств лишь переписывались из местных газет. И можно сказать, что, несмотря на присутствие в советской столице многочисленных иностранных корреспондентов, западный мир оставался в неведении относительно продолжающейся религиозной трагедии верующих всех конфессий; и в том числе подконтрольной государству Русской Православной Церкви. Я являюсь свидетелем этой многолетней государственной политики. Когда иностранным корреспондентам удается раздобыть надежную информацию о религиозной ситуации и связанных с ней трагедиях, советская цензура попросту блокирует ее передачу. Некоторые журналисты предпринимают попытки переправить свои сообщения за рубеж, но большинство не придают большого значения таким событиям и просто игнорируют их, этим частично объясняется заговор молчания многих крупных новостных агентств, старающихся любой ценой сохранить своих корреспондентов в Москве. Такая «политика молчания» проводилась Советами на протяжении многих лет, в течение которых многие как ведущие, так и рядовые священнослужители всех вероисповеданий испытывали жестокие репрессии, сравнимые со страданиями служителей Церкви в первые четыре века христианства.

Причиной внезапного прекращения такой политики и полного ее изменения было германское вторжение 1941 года. Очень скоро советские атеисты стали лить слезы по поводу разрушений религиозных святынь и памятников старины, совершенных ими же самими, но приписываемых вермахту. Антирелигиозная пропаганда вдруг прекратилась; через государственные органы печати и массовой агитации начали литься хвалебные публикации о славных святых традициях русского народа, осквернённых армией захватчика. «Правда» и «Известия» моментально отправили в архив свои антирелигиозные передовицы (позднее они появились снова) и присоединились к хору плакальщиков о страданиях и унижениях, нанесенных немцами русским верующим. Когда русские люди увидели такой разворот, они едва сдерживали возмущение. «Подумать только, — говорили некоторые, — наши сыновья погибают, чтобы спасти этот режим!»

Говоря исключительно об СССР в границах 1934 года, в соответствии с коммунистическими понятиями о «религиозной свободе» были закрыты 1460 католических церквей только римского обряда, не считая христианских церквей византийского и армянского обрядов. Спустя пять лет были закрыты последние сорок католических церквей; к 1939 году с возможностью

организованного католического богослужения было покончено. Это означает, что католики, постоянно живущие в Советском Союзе, еще могли «веровать», но уже были лишены возможности посещать церковь. К этому времени католическое священство было полностью ликвидировано; ждать новых священников было неоткуда, поскольку были закрыты все семинарии и рукоположения не совершались. Подготовка новых священников, требующая многих лет учебы, была прекращена в первое десятилетие после революции.

Практически в каждом городе царской России была римско-католическая церковь. В Санкт-Петербурге существовало 14 церквей, в том числе две в окрестностях города. В Москве и Одессе — по три церкви, в Киеве — две, в Могилеве и Минске было несколько римско-католических церквей, поскольку в этих городах находились престолы бывших епархий. Римско-католические церкви были также во многих других городах европейской и азиатской частей России. Собственно говоря, три полностью организованные католические епархии в России и частично две других были разогнаны в результате провозглашения Советами «свободы вероисповедания».

Могилевская епархия, в прошлом самая большая в мире, охватывала три четверти Европейской России и все азиатские провинции. Четырнадцатый и последний духовный глава Могилевской епархии епископ Эдвард фон Ропп был арестован Советами в 1919 году. Все, что осталось от этой епархии, находится за пределами России, в бывшем Великом княжестве Финляндском, и теперь представляет собой апостольский викариат со штаб-квартирой в Хельсинки. Вторая епархия, с центром в городе Каменец, была основана в XIV веке и прекратила свое существование в 1918 году, когда добрая треть прихожан исчезла в результате преследований. Эта епархия еще «агонизировала» до 1932 года, когда был ликвидирован последний администратор. Третья епархия, основанная в 1848 году, с центром в Тирасполе прекратила свое существование в 1930 году, когда Советы вынудили последнего епископа сложить с себя полномочия и не разрешили назначить преемника.

В общей сложности в этих епархиях было 800 католических священников, которые практически все были репрессированы, лишь несколько из них умерли естественной смертью. Некоторые закончили свою земную жизнь на рытье Беломоро-Балтийского канала, другие католические священники надорвались на строительстве железной дороги «Печора», гордости советской инженерной мысли. Эта дорога была использована для перевозки по ленд-лизу американских грузов во время Второй мировой

войны. Много католических священников закончили свои дни на лесоповале в северных лесах вместе с политическими заключенными, приговоренными к принудительным работам. Многие католические священники провели свои последние дни плечом к плечу с православными и протестантскими священнослужителями в отдаленных районах, добывая золото, медь, железную руду и таким образом внося свой вклад в «советское экономическое развитие». Еще больше священников оказались на рыболовецких предприятиях, и многие умерли на этой неоплачиваемой тяжелой работе; такая практика позволяла советскому экспортному тресту конкурировать на международном рынке, обрушивая цены за счет продажи по демпинговым ценам.

Огромное количество священников всех вероисповеданий были осуждены на расстрел грозными тройками Ежова и Ягоды, двух предшественников Берии. Невозможно описать словами те испытания, которым подвергались священнослужители только за то, что оставались верны своему духовному долгу. Они могли бы избежать многих неслыханных страданий, если бы отказались от своего духовного сана и веры в Бога. Подавляющее большинство не сделали этого. Цена, которую они заплатили за это, известна только Богу.

Уже к середине 30-х годов во всем Советском Союзе у протестантов не осталось ни одной богословской школы, семинарии или обучающего центра. Факты подобного рода, почти неизвестные за пределами России, делают весьма сомнительными вдохновенные заявления советских священнослужителей, посетивших США в 1956 году. Так же было с евреями Белоруссии, Малороссии, Украины и Великороссии: синагоги и храмы исчезали один за другим, так же как и сами раввины, которые пытались, несмотря ни на что, сохранить древнееврейские традиции богослужения.

Летом 1956 года делегация из пяти иудейских раввинов США добилась разрешения посетить Россию. Это был первый официальный контакт американских раввинов с российскими братьями по вере за тридцать девять лет. Рассматривая его с точки зрения моего длительного опыта в СССР, я мог бы сказать, что отчеты этой еврейской делегации были самыми объективными и адекватными тому, что я сам наблюдал за эти долгие годы. Члены этой организации заслуживают особой похвалы за одно открытие: в Советском Союзе нет никакой возможности изучать не только законы Моисея и традиционную иудейскую религию, но и другие религии. Приехавшие раввины, к счастью, могли быть вполне независимыми благодаря своему

языку: они говорили со своими людьми на иврите или на идише, не нуждаясь в сомнительной помощи переводчиков. Эти американские раввины проявили мудрость, отстранив всех прочих от своего общения.

И взрыв, произведенный их отчетами, стоил того, чтобы преодолеть 5000 миль от Америки до России.

Во время расцвета иностранного туризма в СССР перед началом Второй мировой войны в Армении была принята смягчающая политика в отношении армяно-григорианской Церкви, отличающейся от католичества армянского обряда. Католикосу, главе армяно-григорианской Церкви, была разрешена сравнительно свободная деятельность в Ереване. Иностранные туристы восхищались великолепием религиозных обрядов, при которых они присутствовали; их красноречивые переводчики сумели убедить какую-то часть туристов в том, что все разговоры о религиозных преследованиях являются клеветническими и сфабрикованы врагами Советского Союза. Таким образом, кремлевские атеисты извлекали большую выгоду из пропаганды за рубежом. Точно так же они делают и сейчас, когда принимают у себя клерикальные миссии и отправляют за рубеж свои собственные. И это было не единственной выгодой кремлевских лидеров, на мгновение приоткрывавших завесу перед огромной черной камерой — Советским Союзом, чтобы создать у иностранцев запланированное впечатление.

О капиталистической жадности советского режима к твердой иностранной валюте уже упоминалось в эпизодах с золотыми и бумажными рублями; теперь читатель узнает о существовании организации, почти неизвестной за пределами России. Простые русские люди не принимали и не желали принимать участия в ее работе, но правящая партия своим железным кулаком заставляла их это делать. Это МОПР — Международная организация помощи борцам революции. В СССР она финансируется «добровольными» вкладами в форме членских взносов более чем от двенадцати миллионов членов, волей-неволей оказавшихся в ее рядах. Из-за границы МОПР косвенно поддерживалась иностранной валютой, стекающейся в сейфы «Интуриста», от ничего не подозревающих иностранных туристов, которые обычно платят от семнадцати до тридцати долларов в день за привилегию таращить глаза на приготовленные для них театральные декорации.

МОПР — это тайный источник фондов для выплаты залога и других судебных издержек из средств, поступающих через секретные каналы для защиты коммунистов, обвиненных за границей в попытке свержения правительств, неугодных Кремлю. Известно, что советские посольства, дипломатические, торговые и

культурные миссии, работающие через ВОКС, злоупотребляют иммунитетом дипломатической почты, выполняя темные дела МОПРа. Деятельность этой организации еще раз свидетельствует о коварной советской способности вводить в заблуждение даже тех, кто платит деньги за то, чтобы поехать и увидеть, насколько «свободна» религия в этой стране.

И хотя Русская Православная Церковь остается преобладающей религией в России, католичество является фактором, которым нельзя пренебречь. После аннексии территорий балтийских республик, Буковины, Бессарабии, Западной Украины, части Карелии и особенно большой части территории Польши католичество приобретает все большее значение. Сегодня можно сказать, что Советский Союз фактически, если не юридически приобрел географический контроль над почти семнадцатью миллионами католиков римского, византийского и армянского обрядов. Что касается прав этих верующих в отправлении своей религии — это уже совсем другое дело.

Лютеране жили в основном на юго-западе Украины, в центре России и в Поволжье. На всем протяжении левого берега Волги почти до самой Казани были разбросаны поселения немцев Поволжья. Их духовное руководство было полностью разгромлено еще в середине 30-х годов, хотя последняя церковь доживала свои дни в Москве до 1938 года. Массовая депортация почти двух миллионов человек, добрая треть которых были католиками, подвела черту под организованным богослужением.

Иудейская вера со строгим соблюдением законов Моисея концентрировалась в основном по границам России с Европой. Наибольшее число верующих находились по обеим сторонам бывшей польско-советской границы, до корректировки ее линией Керзона[130]. Синагоги были закрыты, и раввины арестованы.

Однако как религия иудаизм подвергся нападкам позднее, когда начались всеобщие репрессии верующих.

Мусульмане подверглись тем же преследованиям частично в Крыму, но в основном в азиатских республиках; их религиозные обычаи и священные традиции отчаянно сопротивлялись атакам атеистов. И снова, отбрасывая свои многократно провозглашенные принципы отделения Церкви от государства, советское правительство начало издавать богохульные антирелигиозные брошюры против Аллаха; книжка под названием «Праздники и посты ислама» распространялась по всему СССР. Множество таких книг было напечатано и переплетено молодежью на учебных предприятиях фабрично-заводских училищ (ФЗУ). Эти рабочие школы при заводах были

довольно распространенными формами обучения; на самом деле многие ФЗУ представляли собой скрытую форму эксплуатации детского труда, запрещенной в СССР по закону.

Но Советы не могли считать успешной свою кампанию по разрушению церквей и массовой ликвидации католических священников до тех пор, пока действовала церковь Святого Людовика, открытая для всех без исключения. Они бы не возражали против того, чтобы церковь существовала только для иностранцев и обслуживалась иностранным священником. Но их раздражало, что толпы русских людей приходили в этот храм к священнику, который находился вне их контроля.

Иностранцы при желании всегда могли посещать театры, оперу или советские кинотеатры; но дипломаты редко смотрели советские кинофильмы, американское посольство устраивало просмотры в Спасо-Хаусе. Если при посещении театра или футбольного матча иностранцу удавалось перебросится несколькими словами с русскими, кроме обычного приветствия, это уже считалось событием и служило темой для разговоров в посольстве во время коктейлей и приемов.

Я же, напротив, продолжал общаться с русскими людьми на протяжении всего дня. Они исключительно благоговейно воспринимали слова Священного Писания; различные эпизоды из Евангелия соответствовали их собственному жизненному опыту, по мере того как весь литургический цикл разворачивался перед ними на протяжении года. Они особо эмоционально реагировали на цитаты, подобные этой: «Блажен изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное» (Матфей: 5, 10). Моя церковь служила местом встречи русских верующих, объединенных общими безмолвными страданиями, где они соединяли свои молитвы в единстве духовного сочувствия. За исключением иностранных прихожан, почти каждый верующий был представителем семьи, разрушенной НКВД. С точки зрения Советов, солидарность этих людей считалась опасной. На меня как на священника, который несет людям Священное Писание, власти также смотрели косо — одно мое присутствие было вызовом их идеологии.

Русские люди цеплялись за Церковь с безнадежным чувством веры в Бога и надежды на него. Среди наших прихожан, включая и тех, кто приезжал из других городов, сотни исчезали без следа, и я никогда больше о них не слышал. В глазах государства их преступление состояло только в том, что они верили в Бога, но, чтобы придать подобие законности своим преследованиям, Советы неизменно обвиняли своих жертв в контрреволюционной деятельности. Они должны были бы знать, что бесполезно пытаться уничтожить веру в Бога; несмотря на аресты,

заключение в тюрьмы, ссылки и расстрелы, верующие продолжали приходить в церковь. Они хорошо знали, что одно их присутствие в этой церкви (а другой и не было) вызывало подозрение НКВД; и все равно они приезжали со всех уголков страны.

В интерпретации советских материалистов верующие в храме представляли собой публичное собрание, невозможное ни в каком другом месте. Многие наивные люди были одурачены псевдорелигиозной политикой Кремля; здесь не мешает процитировать сталинское заявление, повторенное Хрущевым в его обычной грубой манере. «Разве мы не ликвидировали реакционное духовенство? — спрашивал Сталин, и, отвечая на свой собственный вопрос, он добавлял откровенный комментарий: — Да, мы ликвидировали их. Жаль только, что не всех». Применительно ко мне это означало, что мой приход, вследствие их собственных действий постоянно увеличивающийся за счет русских верующих, заставлял их мириться и с моим существованием против их воли. Если бы они не закрыли другие католические церкви в Москве, я бы не имел таких широких контактов с местным населением.

Если бы не был подписан религиозный протокол Рузвельта — Литвинова, я бы никогда не приехал в Россию. Если бы не было лавины писем в Белый дом, настаивающих на том, чтобы президент и Госдепартамент добились официальных религиозных гарантий для американских граждан, живущих в России, вряд ли этот протокол был бы подписан. А затем благодаря целой цепочке обстоятельств американский священник остался совершенно один в самом сердце атеизма. И хотя круг моих обязанностей был изо дня в день одним и тем же, моя жизнь на этой терроризируемой земле не была однообразной. Все, что советская власть могла сделать, чтобы досадить мне, сводилось к ограничениям на самые элементарные потребности человеческого существования. Они ждали, что я попадусь в одну из постоянно расставляемых ими ловушек; но с Божией помощью я всегда находил силы выпутаться из них. Когда я возвратился в США, меня часто спрашивали, не хотел ли я вернуться домой раньше. На самом деле я был готов остаться в России на неограниченный срок. Но Сталин был сыт мной по горло уже через двенадцать лет.

Глава X. Ликвидация «реакционного духовенства»

Менее чем через три месяца после моего приезда в Москву мне пришлось взять на себя ответственность за все дела в церкви. Епископ Пий Неве не был на родине более двадцати лет и в течение этого времени ни разу даже не покидал пределов России, так что, разумеется, он захотел воспользоваться моим присутствием. Тогдашний посол Франции Шарль Альфан договорился насчет его выездной и въездной визы. Для самого епископа его отъезд после долгого пребывания в России был большим событием; он возвращался в совершенно новый для него мир. Никогда не забуду его волнения, когда я помогал ему готовиться к отъезду. Я проводил его на Белорусский вокзал, откуда он должен был ехать на поезде до Варшавы, а затем в Берлин и Париж. Из предосторожности епископ ехал с послом Альфаном, возвращающимся вместе с семьей в Париж в отпуск.

В том же поезде направлялся в Женеву на ассамблею Лиги Наций Литвинов[131]. Так я встретился с советским министром иностранных дел, подписавшим вместе с Рузвельтом Религиозный протокол. Посол Альфан представил меня человеку, благодаря которому я оказался в России. Интересно, о чем думал Литвинов, пожимая мне руку? В тот период комиссар Литвинов практически делал историю, выдвигая свою теорию «коллективной безопасности», которая позднее оказалась фикцией. Пока Литвинов привлекал все взоры в Женеве, в Москве Коминтерн готовился к революционному международному конгрессу 1935 года.

С отъездом епископа Неве я остался в церкви Святого Людовика один. По известным причинам воскресенья были не такими загруженными днями, какими они стали позднее; однако церковь Святого Людовика никогда не пустовала. Мои контакты с местным населением начались с супругов моих французских прихожан. До революции многие из этих французов принимали российское гражданство для того, чтобы иметь возможность работать по своим специальностям. Большая их часть хорошо говорила по-русски, но о духовных делах они предпочитали говорить на родном языке. Меня нередко вызывали к ним домой, или, точнее, в их однокомнатные квартиры; таким образом, я начал знакомиться с неприкрашенным советским бытом, который иностранцам неведом.

Дома, которые я посещал, не выбирались пропагандистским

агентством, и поэтому мои посещения приводили власти в ярость. Но самая главная причина состояла в том, что у меня были частые неконтролируемые контакты с русскими людьми. Мои обязанности призывали меня в различные районы города и в окрестные деревни. Я посещал бывшие частные дома, теперь преобразованные во множество отдельных жилищ с самыми примитивными удобствами: четыре стены, электрическое освещение, «коллективная» кухня и кран с холодной водой на всех жильцов этажа. Никогда прежде я не видел в коридоре очереди жильцов для отправления самых естественных надобностей; и это еще была роскошь по сравнению с полным отсутствием гигиенических возможностей в семи километрах от столицы.

Вокруг Москвы до сегодняшнего дня можно видеть группы добротно построенных изб, образующих небольшие деревни, преобразованные сейчас в колхозы и совхозы. Если бы Петр Великий появился вдруг в тех же местах, где он проезжал во время оно, он бы не нашел никаких внешних перемен в этих домах, стоящих и сегодня под соломенными крышами, как двести или триста лет назад. Временное знакомство с этими примитивными удобствами на отдыхе в деревне не так ужасно, но необходимость жить в таких условиях на протяжении долгих зимних месяцев, когда температура опускается намного ниже нуля, должна быть невыносима. Может быть, это объясняет, почему русские намного крепче и устойчивее к лишениям и нужде по сравнению с изнеженными людьми Запада. Перегородки в русской избе сделаны из досок полудюймовой толщины, прибитых гвоздями к балкам. Полы сделаны из длинных досок, по которым дети, играя, бегают босиком. Если деревня находится далеко от электрической линии, тогда избы освещаются самодельными светильниками, заправляемыми маслом или керосином, из которых торчит фитиль. Светильник подвешивался в центре потолка или прикреплялся к дверному косяку, давая столько света, сколько необходимо, чтобы не наталкиваться друг на друга.

Во время моих поездок я познакомился с системой неравномерного распределения продуктов, разработанной режимом, гордящимся своим бесклассовым обществом. При близком рассмотрении я увидел в действии жесткую систему трудовой повинности. Я видел, как паспортизация позволяла держать население смертной хваткой; наблюдал, каким образом регистрируются жильцы в домовой книге. Я был свидетелем постоянной слежки за путешествующими; иностранцы едва ли появлялись в таких местах, далеко удаленных от города.

Независимо от постоянного места проживания каждый приезжающий обязан представить документы, удостоверяющие личность, сразу же по прибытии в любой пункт, не обозначенный в его прописке или паспорте. Так я узнал о всевидящем глазе и всеслышащих ушах партии, следящих за гражданами двадцать четыре часа в сутки. Я общался с милицией и устрашающими органами коммунистической безопасности, тогда называемыми НКВД; много раз я видел их в действии, не предназначенном для чужих глаз. Будучи постоянным гостем посла Франции и живя за позолоченными стенами его резиденции, я в то же время проводил большую часть времени, сталкиваясь с реалиями примитивного существования людей, живущих в страхе, немыслимом за пределами России.

Моя служба в отсутствие епископа продолжалась четыре месяца. Тогда еще работали магазины Торгсина; оплата продовольствия, одежды и некоторых предметов роскоши производилась только в иностранной валюте или в драгоценных металлах. Русские, имевшие за границей родственников, друзей или знакомых, могли получать от них ваучеры, на которые можно было покупать товары в этих магазинах. Проводя политику религиозных преследований, Советы внезапно арестовали группу священно-служителей-немцев из Поволжья: лютеран и католиков. Благотворительные организации из Германии и США вкладывали деньги в фонды, признаваемые Советами, для поддержки во время голода нуждающихся родственников и братьев по вере, чьи имена были получены от арестованных священников. Их всех обвинили в заговоре с целью нанесения урона престижу СССР. Признание вины проводилось в традиционной манере НКВД, и все были приговорены к «высшей мере социалистического наказания» — расстрелу; к счастью, благодаря иностранному вмешательству этот приговор был заменен на 10 лет каторжных работ[132].

На весь долгий период распределительной системы на продовольствие все духовные лица были по закону лишены карточек на получение продовольствия и одежды. И это была лишь часть политики по ликвидации «реакционного духовенства». Дети священников имели право только на начальное образование; они были лишены возможности продвижения в жизни, пока их отец оставался в должности священника. Все служители церкви, раввины и муллы считались, как и я, «паразитами общества». Для членов семей священников некоторые профессии были закрыты: медицина, право, искусство, преподавание, инженерная деятельность были недоступны сыновьям и дочерям лиц духовного звания; им разрешалось заниматься только «черной

работой». Я лично знал нескольких преследуемых священников, которым пришлось зарабатывать на жизнь, становясь сапожниками, плотниками и землекопами.

Моя первая встреча с русским католическим священником византийского обряда произошла в одной московской больнице.

Больной был зарегистрирован в карточке как инженер, кем он и являлся, имея диплом императорского института в Санкт-Петербурге и будучи известен своими математическими способностями. Из-за нехватки инженеров он, будучи заключенным, работал в качестве инженера на строительстве канала Москва — Волга. Меня позвали к умирающему доверенные лица. Я пришел к нему под видом знакомого, а не как служитель культа. Я совершил елеопомазание и дал ему Святое Причастие, делая вид, что я просто разговариваю с ним, — я не мог и не желал создавать умирающему человеку лишние неприятности. Больничные койки и врачебная помощь были, как правило, предназначены для «трудящихся масс». Такие «непроизводительные» элементы, как старики, инвалиды, служители культа и другой бесполезный народ, с точки зрения Советов, имели доступ к лечению только после длительной проверки.

Вопреки советской пропаганде, распространяемой за рубежом, в Советском Союзе недопустимо никакое частное религиозное обучение; впрочем, священникам также не разрешалось преподавать и другие предметы. Представляю, как внутренне усмехался Литвинов, когда в 1933 году убеждал президента Рузвельта, что советское законодательство «поддерживает» религиозное обучение. С другой стороны, если священник любого вероисповедания отказывался от своих религиозных обязанностей, ему немедленно выдавали хлебную карточку и под трубные звуки заносили в ряды трудящихся масс. Для такой огромной страны подобные перебежки происходили на удивление редко. Некоторых чиновников нынешней, новой государственной Церкви можно сравнить с Талейраном, трагической фигурой Французской революции. Но большинство священников, монахов и монахинь предпочитали страдать от преследований, но не отказывались от своего священного призвания.

Как и в других странах, в Советском Союзе больше преступников, судимых за уголовные преступления, чем приговоренных по политическим статьям. Однако в тюрьмах и лагерях люди этих обеих категорий содержались вместе. Лагерное же начальство обычно отдавало предпочтение бандитам и убийцам. Свидетельства, полученные мной от людей,

избежавших приговора или выживших в заключении, единодушны. В моей памяти остались двое из них. Оба были священниками, приговоренными к десяти годам каторжных работ с киркой и лопатой. С тысячами других они рыли Беломоро-Балтийский канал, один из самых популярных советских проектов. Удивительно, но этим двоим было по силам выполнять дневную норму: полностью еда выдавалась заключенным только при выполнении нормы, в противном случае рацион питания сокращался соответственно. Инстинкт самосохранения так сильно заложен в каждом человеке, что он способен сделать даже невозможное, чтобы выжить. Эту истину Советы быстро усвоили и научились ее использовать для выжимания всех соков из людей. После десяти лет такого обращения здоровье этих священников было полностью подорвано. Они были освобождены только потому, что стали бесполезными на тяжелых работах. Обычно политические заключенные теряли все свои права; их срок заключения мог быть продлен без объяснения причин; в исключительных случаях при хорошем поведении срок могли сократить. После бунта заключенных в воркутинском лагере в 50-х годах в лагерях были немного смягчены условия содержания и введены некоторые законные процедуры. Начальник лагеря имеет полную власть над заключенными.

Эти двое священников получили право на «вольное поселение»; и хотя они оказались по другую сторону колючей проволоки, они должны были два раза в месяц отмечаться в отделении НКВД, чтобы власти могли убедиться, что они не сбежали. С клеймом в паспорте у освободившегося заключенного едва ли был шанс начать новую жизнь в какой-либо части Советского Союза. У всех бывших политзаключенных в паспорте была постоянная запись о приговоре, вносившаяся в новые удостоверения личности; такое официальное «клеймо» служило информацией для сведения МВД — КГБ. И страна постепенно наполнялась такими неблагонадежными гражданами.

Вскоре после освобождения одного из этих священников я назначил его настоятелем в очень большой приход в Белоруссии. Местный совет церкви совершил все формальности для регистрации этого священника. НКВД не трогал его какое-то время, но постоянно наблюдал за ним: в 1941 году, после того как круг его новых знакомств был установлен, он был снова арестован и вскоре умер в лагере. Ниже приводится отрывок из письма, полученного мной от его доверенного лица. По понятным причинам я опускаю даты, названия мест и имена.

«Х…, СССР.

16 января 19…

Ваше Преподобие.

Мы получили от Вас назначение нового настоятеля. Однако с большим сожалением сообщаем, что до настоящего времени власти не разрешили его регистрацию, и мы очень обеспокоены, что нам будет отказано. Желая забрать нашу церковь, они под всеми предлогами мешают этому назначению. Нами оплачены все налоги за этот год, но городские власти прислали техническую комиссию, которая осмотрела церковь в отсутствие совета.

Многие из их решений, обозначенных в протоколе, не соответствуют реальному положению дел, и ремонтные работы, возложенные на нас, являются чрезмерными. Поскольку у нас нет священника, мало прихожан посещают церковь и к нам никто не приходит из других районов, наши денежные сборы малы.

Советы хотят отбить у нас охоту добиваться священника, желая заставить произвести немедленный и сложный ремонт. Мы просим, чтобы они подождали до того времени, когда у нас будут возобновлены богослужения. Нам было отказано в выдаче копии списка требуемых ремонтных работ, и не была названа дата их проведения.

После того, как наша просьба о священнике была отослана в облисполком, ее отвергли на основании якобы нашего отказа произвести ремонт и опасности для людей находиться в церкви.

Нас обвинили в пренебрежении должным содержанием здания. Они требуют, чтобы мы снова ввели в действие систему отопления, которая не функционировала последние 20 лет. Мы пригласили инженера осмотреть здание, и он нашел в представленном комиссией плане ремонта множество недостатков.

В результате у нас нет богослужений. Старые и больные остаются без духовной заботы. Мы терпеливо прождали целый год, несмотря на Статью 124 Конституции, провозглашающую свободу вероисповедания.

Эта церковь, построенная 40 лет назад, находится в хорошем состоянии. Есть всего две трещины в стене, которые не расширяются. Советы сами признали, что это не представляет угрозы. На стенах находятся масляные фрески, но власти приказали побелить их. Отопительная система долгое время не работала из-за отсутствия дров и денег. На зиму нам требуется 600 кубометров дров. Но сырость вовсе не вредит интерьеру, как это было записано в протоколе. В общем, ничто не мешает проведению богослужений.

Я благодарю Вас за сочувствие…

Зам. председателя церковного совета, подпись».

Все описанное в письме не требует комментариев. Документ ясно показывает чинимые властями препятствия для обеспечения религиозной свободы, «гарантированной» законом.

В городе Х, находящемся от Москвы в шести часах езды на поезде, местные власти применили один из их «классических» методов закрытия церкви. В церковь тайком были свезены кипы бумаг старого государственного архива, после этого здание было объявлено «находящимся в ведении государства». И хотя налоги были полностью уплачены, церковный совет вынудили передать ключи. Члены совета срочно обратились в Москву в Центральный исполком. Я говорил с делегатом, приехавшим в столицу по этому делу, но и здесь, как и в других случаях, лично наблюдаемых мной закон, «поддерживающий» свободу совести, не действовал. Эта церковь была не только закрыта, ее содержимое было полностью вывезено и рассеяно. Она стала государственной собственностью в соответствии с Декретом 1918 года. Драгоценная церковная утварь оказалась в антикварных магазинах некоторых европейских столиц; священные сосуды, алтарные покрывала и богато расшитые одеяния продавались за валюту в другие страны через международных брокеров.

Пока еще был жив президент М. И. Калинин[133], на углу Моховой и улицы Коминтерна существовало некое подобие бюро жалоб в здании, которое с восточной стороны выходило на один из входов в Кремль. Время от времени Калинин лично выслушивал обращения и жалобы крестьян; по всей стране было известно, что Калинин серьезно относится к их проблемам. Сам вышедший из крестьян, Калинин понимал этих людей и умел с ними разговаривать. Многие из них чувствовали удовлетворение, лишь только поговорив с ним. Жалобы собирал штат из шести секретарей. Во время Второй мировой войны Калинин неожиданно открыл для себя, что религия все еще остается важным фактором в Советском Союзе, о чем он открыто заявил. Это было поразительным признанием, учитывая все те репрессии, которые проводились против верующих всех вероисповеданий в предшествующие двадцать шесть лет.

Но к этому времени Советы были вынуждены полностью изменить отношение к религии. На оккупированных территориях немцы восстановили церкви менее чем за год; как это ни покажется странным, по личному распоряжению Гитлера православные церкви, многие годы стоявшие закрытыми, были вновь открыты для русского населения[134], желавшего вернуться к своим прекрасным богослужениям. Заявление Калинина было напечатано в «Блокноте агитатора», выходящем два раза в месяц

и стоившем 20 копеек. А так как у русских людей не было большого выбора книг для чтения, эти брошюрки быстро раскупались. Статьи, появлявшиеся в «Блокноте», формировали темы дискуссий для политических бесед, которые, по крайней мере, два раза в месяц проводились во всех пятнадцати республиках. Идеологический контроль в СССР был хорошо организован.

В одном из выпусков этого издания Калинин комментировал тот факт, что солдаты Красной армии носят кресты и молятся. Скрывая истинное отношение Советов к религии ввиду ужасающих условий, вызванных войной, и из-за того, что большое число верующих открыто заявили о своей вере в Бога, Калинин писал: «Следует помнить, что мы никого не преследуем из-за его веры. Мы считаем религию ошибкой и боремся с ней с помощью просвещения. Но поскольку и сегодня религия оказывает влияние на значительную часть населения и поскольку некоторые люди глубоко верят в Бога, мы не собираемся преодолевать эту веру насмешками». Эта цитата из статьи Калинина является сильным аргументом против тех, кто торопится списать религию как незначительный фактор в современной России.

Главная церковь Саратова была закрыта, несмотря на уплату всех налогов, но после многих обращений и жалоб верующих местные власти позволили открыть церковь на Рождество 1937 года. Весть об этом быстро докатилась до окрестных деревень на Волге. Перед войной почти все население этой части Поволжья было немцами по происхождению, здесь все говорили по-немецки, хотя русский оставался официальным языком. В прежние годы эти добрые люди имели свои церкви, монастыри, школы, дома для престарелых и другие социальные учреждения; у них также была знаменитая семинария, выпускавшая образованных служителей Церкви. В то Рождество, последнее, справлявшееся в этой церкви, многие верующие прошли долгий путь, чтобы посетить ее; каждый принес с собой полено для отопления церкви. Последний раз эти отважные люди спели гимн «Тихая ночь». Вскоре после этого церковь была переделана под кинотеатр для «подъема» культурного уровня населения.

В это же время до меня дошли сведения об аресте восьмидесятилетнего отца Кучинского[135], настоятеля из города Орел. Вскоре после этого исчез настоятель из Воронежа[136], следующего священника арестовали под предлогом создания нелегального церковного совета. Продовольственная посылка, присланная из Лондона через Международный Красный Крест для священника, приговоренного к каторжным работам, была без объяснений возвращена обратно. Апостольский администратор

Белоруссии Петр Авгло[137] был заключен в тюрьму в Могилеве: уважаемый священник, семидесятилетний старик, многие годы страдавший от болезней и лишений, умер в тюрьме. В те годы тюремная администрация была более «милосердной», чем впоследствии, и просьба прихожан выдать тело священника для христианских похорон была удовлетворена — НКВД выдал его тело полностью обнаженным. В то время как множились эти безмолвные трагедии, свобода совести, записанная в конституции, продолжала официально «действовать» уже больше года. Вскоре пропали священники Курска[138] и Подольска; один за другим исчезали священники, и их уже никто не заменял.

В Москве приемная Международного Красного Креста помещалась на втором этаже здания, известного как ГУМ, окна которого выходили на Красную площадь и Кремль. Эта организация перестала существовать в 1939 году; но за год до ее закрытия я приехал туда по делу, как обычно. Там мне показали расписку в получении продуктовой посылки для 74-летнего прелата[139]; в ней удостоверялось, что адресат получил столько-то фунтов муки, риса, сахара и других непортящихся продуктов, присланных из-за рубежа; завершалась она подписью ссыльного и просьбой — не присылать больше посылок! Причина этой странной просьбы выяснилась позднее: каждый раз, когда этот престарелый ссыльный получал посылку из Красного Креста, НКВД разрешал ее получение, но ссылал его еще на 200–300 миль дальше.

Они не понимали, почему кого-то за границей может интересовать здоровье и благополучие сосланного священника, и все новые посылки для него от Красного Креста приводили их в ярость. Они отыгрывались на старом священнике тем, что продлевали срок его ссылки и отсылали его все дальше и дальше. Это все более затрудняло поиск его следов: когда адрес заключенного изменялся, требовались новые запросы, официальные обращения и преодоление бюрократических препон, чтобы найти заключенного. И каждая следующая посылка находилась в пути многие недели, прежде чем она достигала адресата. Последний раз я слышал о прелате во время войны. О его смерти мне устно сообщил человек, который привез фотографию скончавшегося священника, лежавшего в грубо сколоченном гробу. Покойного звали Иосиф Петрович Крушинский, когда-то он был профессором моральной теологии Тираспольской семинарии. С точки зрения Советов, еще один «паразит» был убран с дороги.

В операциях по устранению духовенства возраст намеченной жертвы не служил препятствием; кампания, проводимая

последователями Ленина, была жестокой и безжалостной. Служители культа всех вероисповеданий имели особый приоритет среди тех, кого на протяжении сорока четырех лет существования режима органы ЧК — ОГПУ — НКВД — МВД — МГБ — КГБ объявляли «врагами народа». Его преподобие отец Карапет, Апостольский администратор армян-католиков в Краснодаре[140], был арестован в возрасте семидесяти одного года. Он был приговорен к ссылке и отправлен из теплого климата в заполярный Кировск. Собственно говоря, его не подвергали физическим страданиям, НКВД просто переместил его через всю страну в арктический район с суровыми климатическими условиями. Я видел этого человека по истечении срока его ссылки по пути на Кавказ, где он и умер вскоре после возвращения.

Отец Михаэль Хаценбюллер[141] умер 66 лет от роду в тюрьме Мариуполя. Отец Болеслав Рошкевич[142] с Украины умер после двух лет работы киркой и лопатой на Беломоро-Балтийском канале, отбывая десятилетний срок. В Воронеже католический священник, уже отбывший шестилетний срок в Сибири, был арестован второй раз[143], а председатель церковного совета этой церкви был арестован в возрасте 73 лет. Просьба прихожан сохранить церковь была отвергнута исполкомом на том основании, что без священника и председателя совета церковь не имела права на существование.

В городе Самаре, на Волге, католическая церковь была закрыта уже в 1920 году. Она неожиданно была обложена налогом в десять тысяч рублей, а так как такую немыслимую по тем временам сумму было невозможно заплатить, здание опечатали. Потом ее снова открыли, но уже как антирелигиозный музей, один из первых в России. Через двадцать один год музей был закрыт при весьма странных обстоятельствах. В 1941 году Красная армия стремительно отступала, в то время Москве угрожала наступающая германская армия, и в Кремле срочно приняли решение об эвакуации столицы в Куйбышев (так называлась в те годы Самара).

Аккредитованные посольства и дипломатические миссии тоже готовились уехать в глубь России за пятьсот миль от Москвы. Но прежде чем разрешить исход посольств и миссий, в облисполком Куйбышева из Кремля полетели разъяренные приказы о немедленном закрытии антирелигиозного музея. Церковь, в которой он находился, так и не была открыта для богослужений, ведь главной целью приказа о закрытии музея было не оскорбить религиозные чувства иностранных дипломатов и журналистов, собравшихся ехать в Куйбышев на все время

войны. В это же время Политбюро партии начало лить крокодиловы слезы по поводу уничтожения православных церквей, якобы разрушенных немцами.

В начале войны известная американская дама сделала свой вклад в энтузиазм иностранцев по поводу успехов Советов в военных действиях. Она совершила поездку с фотокамерой по не оккупированным районам России, и образчики ее искусства были опубликованы в журнале «Лайф». Возмущению русских, видевших этот журнал, не было предела, когда они обнаружили там фотографию псевдомитрополита Александра Введенского с женой и великовозрастным сыном. Дама-фотограф не понимала абсолютную неуместность такой «рекламы», оскорбительной для православных традиций. Дело в том, что митрополиты, архиепископы и епископы в церквях византийской традиции всегда выбирались из монашествующего духовенства. Безбрачие высшего духовенства является в Православной Церкви одной из наиболее чтимых традиций. На верующих Москвы эти иллюстрации произвели шоковое впечатление. Дама-фотограф, безусловно, действовала с самыми добрыми намерениями, но ее ввели в заблуждение. Несмотря на неуместность этой публикации и благодаря тому, что она играла на руку советской пропаганде, все фотографии прошли без цензуры!

И это неудивительно: в период, когда Россия напрягала все свои силы перед лицом германского вторжения, ей было важно, чтобы весь мир считал, что в религиозной сфере все благополучно. Советы настолько оценили свидетельства этой леди, что процитировали их в своих пропагандистских изданиях, выходящих на многих европейских языках. В 1945 году Советы охотно цитировали ее книгу «Война в России, увиденная через объектив фотокамеры», где приводились ее интервью с верующими и священниками. Один из перлов среди цитат: «Мы свободны. Никто не мешает нашему богослужению». Неудивительно, что общественное мнение западных стран было введено в заблуждение безответственными заявлениями такого рода.

К 1935 году в России оставалось только три католических епископа. 1. Пий Эжен Неве, Апостольский администратор Москвы и соседних регионов. 2. Морис Жан-Батист Амудрю, Апостольский администратор Ленинграда. 3. Александр Фризон, российский гражданин, отправленный в тюрьму в начале 30-х годов, в 1937 году он был расстрелян НКВД. Высылка двух французских епископов Пия Неве и Мориса Амудрю и расстрел Александра Фризона в Симферополе покончили с апостольским преемством в России, убрав последних, кому удавалось избегать

расправы со стороны Андрея Вышинского.

Летом 1935 года, когда я побывал в Ленинграде, девять из четырнадцати прежних католических церквей были все еще открыты, в том числе самая большая — церковь Святой Екатерины Александрийской на Невском проспекте. Но вскоре она была преобразована в товарный склад и школу обучения сапожному ремеслу. Большая лютеранская церковь Святого Петра[144] на той же улице была ликвидирована подобным же образом. Когда в Москве был построен Концертный зал имени П. И. Чайковского, в нем был установлен орган из ленинградской церкви. С этим органом связана интересная история. Он был разобран, перевезен в Москву и некоторое время хранился в разобранном виде. И когда Московская комиссия по искусству захотела восстановить его в новом прекрасном здании Концертного зала на углу Садовой и улицы Горького, то в Советском Союзе не нашлось ни одного органного мастера.

Известно, что в церквях византийской традиции не бывает органов; религиозные церемонии в немногочисленных оставшихся церквях сопровождаются замечательными двухклиросными хорами, образующими вокальный диалог. Многие известные русские композиторы писали церковную музыку, например, сам Чайковский написал вокальную партитуру полной литургии Святого Иоанна Златоуста. Но органного искусства в России никогда не было; для установки импортных органов всегда приглашались иностранные мастера. Итак, в руках у Советов был замечательный орган, представляющий собой груду из трех тысяч труб, и они понятия не имели, как их собрать.

Решение этой проблемы было достаточно любопытным. В 1939 году, когда «аннексировали» город Львов, как и другие города Юго-Восточной Польши, Советы обыскали его в поисках специалиста, который мог бы приняться за работу по восстановлению органа. В результате в Москву был «откомандирован» некий монах, с которым я тогда встречался. С помощью неквалифицированных помощников ему удалось установить инструмент. Позолоченные трубы основного регистра внешне выглядели очень эффектно, но результат был не слишком удовлетворительным: на органе было неудобно играть из-за того, что пневматический пульт был удален от воздушных камер, и задержка между манипуляциями органиста и получением звука была слишком велика, что было неприемлемо, особенно для быстрых пассажей[145].

Исаакиевский собор в Ленинграде много лет использовался в качестве музея антирелигиозной пропаганды с ее нелепыми и богохульными плакатами и прочими экспонатами. В 1945 году

состоялось целое представление передачи знаменитого собора для его первоначальных целей. На самом деле Советы оказались в весьма затруднительном положении: в конце Второй мировой войны власти сделали все, чтобы доказать миру, что в Советском Союзе религия никогда не подвергалась гонениям. В этот кризисный период перехода от жестоких преследований к толерантности в Ленинград приехала иностранная делегация, и протокольный отдел ВОКСа предпринял специальные усилия, чтобы показать этой делегации Исаакиевский собор. Они хотели произвести на нее хорошее впечатление и опровергнуть «клевету» западных газет, в которых появлялись сведения о религиозных преследованиях.

ВОКС намеревался продемонстрировать, что с богослужением все обстоит нормально, но ошибка в выборе времени для этого визита все испортила. В то время, когда в расписании делегации было посещение собора, несколько срочно собранных бригад рабочих расставляли горшки и вазы с цветами, которые только что привезли сюда. Члены делегации застали рабочих, ликвидировавших следы антирелигиозных лозунгов, все еще висящих на стенах, и я сам видел, как те, кто знал русский язык, читали атеистические цитаты из Маркса, Ленина и Сталина. Огромные малахитовые колонны все еще были обернуты ужасными красными полотнищами с пропагандой безбожия.

Советская власть понимала, что безбожие никогда не победит, даже если закрыть все церкви, храмы и мечети, пока еще остаются священники. Поэтому ликвидация еще живущих служителей церкви и запрещение обучения духовенства оставались их приоритетной задачей. Четыре православные академии — в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Казани — были закрыты, а преподаватели и студенты разогнаны. Огромные библиотеки этих четырех учебных заведений были переданы государству, что означало исчезновение многих драгоценных книг; лично я видел некоторые из них в разных местах столицы. Подобным же образом были закрыты семинарии в Тирасполе, Житомире, Саратове и Могилеве. В Житомире в здании семинарии расположилась военная казарма, в часовне поместилась банковская контора. Перед началом войны в России еще было несколько синагог, но верующие евреи предпочитали собираться для богослужения в более отдаленных местах. В Минске они собирались в частных домах. Баптисты были вынуждены поступать так же задолго до того, как были запрещены их издания на русском языке.

Из сорока одной церкви всех вероисповеданий, существовавшей в Москве в 1936 году, уже через пять лет после

принятия новой конституции открытыми остались менее половины. Однако во всем мире этот новый законодательный документ был воспринят как беспрецедентный символ и гарантия религиозной свободы. Отдельно от этого проводились кампании морального и физического запугивания верующих с применением различных методов для того, чтобы «отбить охоту» верить в Бога. Я знал одного достойного православного священника, жившего недалеко от Москвы, которому удавалось все это время держать двери своей церкви открытыми для прихожан. Неожиданно у него потребовали заплатить огромный индивидуальный налог, эквивалентный одной тысяче долларов. И этот человек был вынужден уехать из деревни, состоящей из четырехсот бедняцких семей, где было невозможно собрать такую сумму.

Сельсовет, в котором преобладали коммунисты, заявил, что церковь будет переоборудована под другое учреждение вследствие отсутствия священника. Членов церковного совета посетили работники НКВД и, соответственно, поговорили с ними, а некоторых вызвали в местное отделение, где они выслушали целый список предупреждений и угроз. После этого последовало отступничество нескольких человек из двадцати членов совета, так называемой «двадцатки», необходимой для регистрации прихода и существования церкви. И церковь была закрыта на «законных основаниях».

Нет необходимости повторять, что Русская Православная Церковь пострадала больше других. Тем не менее я свидетельствую, что к 1939 или 1940 году нигде в Советском Союзе не осталось и следов общин баптистов, лютеран, евангелистов, адвентистов Седьмого дня и других протестантов. Я знаю, что их единоверцы из Германии, Великобритании и США напрасно писали письма в собственные посольства в поисках сведений о судьбе этих людей. Все следы данных братств были потеряны, хотя не было никаких сводок о репрессивных мерах против них. Очень часто я делал запросы в справочные бюро о той или иной церкви, зная, что они были действующими. Но каждый раз получал такой ответ: «Сообщений религиозного характера не даем».

В публикации одного из изданий правительства США, «Коммунизм в действии», читателям сообщается: «Со времени нападения Гитлера на СССР авторитет Церкви постоянно растет». Однако при этом не объясняется, что стоит за этим авторитетом. Удивительно читать про «авторитет» Церкви тому, кто прекрасно осведомлен о процессе ликвидации, проводимом Кремлем. Живучесть Церкви тем более удивительна, когда вспоминаешь, сколько было предпринято усилий для ее уничтожения.

Глава XI. Государственное планирование и религия

Когда я вернулся в США, меня часто спрашивали, могли ли русские прихожане посещать церковь и разговаривать со мной. Многие думали, что религиозная служба предназначалась только для сотрудников американского и французского посольств. Поэтому я заявляю, что в течение одиннадцати лет и восьми месяцев мне приходилось выполнять обязанности священника в церкви Святого Людовика Французского, расположенной на улице Малая Лубянка, дом 12.

Во всех концах страны русские люди вздрагивают при упоминании слова «Лубянка». На самом деле эта часть города приобрела свою страшную репутацию только с приходом Ленина. Бывшая ЧК, теперь МВД — КГБ, в начале 20-х годов присвоила себе целый ряд строений в этом районе, в том числе и церковный дом, в котором я должен был бы жить. Под дулом пистолета владельцы домов и наниматели были изгнаны, а иначе им грозил арест. Я видел указ с подписями и печатью ЧК об эвакуации церковного дома без предоставления компенсации. Постепенно ЧК захватила один за другим соседние дома вокруг церкви Святого Людовика. За годы экспансии МВД — КГБ стали обладателями огромного комплекса зданий общей площадью в несколько тысяч квадратных метров, приобретенных методом захвата.

Основные здания секретной полиции располагались на площади Дзержинского (бывшей Лубянке), частично на улице Кузнецкий Мост, на Сретенке, в Фуркасовском переулке и немного на улице Кирова — весь этот комплекс называют Лубянка. Таким образом, церковь Святого Людовика со всех сторон была окружена подразделениями МВД — КГБ. Под землей в этих местах находились тайные казематы, известные своей страшной славой на весь Советский Союз. Все это надо иметь в виду, когда говорят о посещении церкви Святого Людовика. И какими же смелыми и отважными были русские люди, открыто приходящие на богослужения при таком жутком окружении!

Церковь Святого Людовика была построена на этой улице сначала из дерева в 1789 году, а потом — из камня. И ко времени нашествия Наполеона в 1812 году здесь был уже большой приход. Эта церковь была отнюдь не маленькой часовней, но полноценным храмом. Построенный в архитектуре классицизма, он контрастировал с привычными для Москвы церковными

строениями в византийском и боярском стиле, широко распространенными до революции. При большевиках необычная архитектура здания привлекла внимание Московской комиссии по искусству, которая отнесла его к памятникам старины. До войны 1941 года этот статус оставался чисто теоретическим и воспринимался как насмешка, поскольку государство отказывалось продавать нам строительные материалы для ремонта здания. Но, когда гитлеровские генералы начали восстанавливать богослужения на оккупированных территориях, Кремль почувствовал необходимость что-то тоже восстановить. И тогда нам было не только разрешено сделать давно необходимый ремонт, но нас даже официально поддержали. Негласный успех методов гитлеровской пропаганды имел неожиданные результаты, но об этом позже.

Размеры церкви вполне внушительны, учитывая, что она была построена французской общиной исключительно для своих членов. Она никогда бы не приобрела того значения, которое постоянно росло с 1936 года, если бы не были закрыты другие католические церкви. С этого времени наша церковь стала единственным местом для католического богослужения на всю страну[146], и в современной истории ситуация, в которой оказалась эта церковь, поистине уникальна. В церкви Святого Людовика свободно размещается пятьсот человек. Внутреннее пространство представляет собой не единственный неф, оно разделяется на три — один центральный и два боковых. Центральный ведет к алтарю из белого мрамора. Просторный пресвитерий на полметра приподнят над полом и имеет купольный потолок, украшенный прекрасно выполненной фреской Преображения. Оба боковых нефа также ведут к двум мраморным алтарям: левый посвящен Святому Людовику, покровителю прихода; правый — Пресвятой Деве Марии святого Розария. В задней части здания рядом с крещальной купелью находится четвертый, деревянный алтарь, посвященный Святому Иосифу. Кафедра находится рядом с алтарной балюстрадой со стороны Евангелия[147]. Внутри балюстрады две двери ведут направо и налево в две одинаковые комнаты: одна из них используется как ризница, другая служит для хранения вещей и церковной утвари, редко используемых для богослужения. Фасад церкви — архитектурный перистиль с шестью большими колоннами, поддерживающими часть крыши. Позднее вокруг задней части церкви был построен деревянный забор, чтобы защитить здание от проникновения озорных школьников.

Я описываю здание, чтобы пояснить, как могли произойти пять последовательных «краж», случившихся в церкви Святого

Людовика во время моего служения в ней. Эти грабежи сопровождались двумя святотатствами. Напоминаю, что церковь расположена в месте, которое охраняется так, как никакое другое в мире. Примыкающие к церкви улицы двадцать четыре часа в сутки патрулируются вооруженными часовыми, милиционерами и агентами в штатском. В этой церкви я проводил несколько часов в день; каждое утро в течение почти двенадцати лет я приезжал туда на машине к половине седьмого утра.

В соответствии с древней христианской традицией основные службы происходят по воскресеньям. В большинстве стран мира воскресенье признано как день Господень; и православные, и католические верующие в воскресенье посещают церковь. Это всегда соблюдалось и в византийской традиции, несмотря на то что Восточная Церковь продолжала придерживаться юлианского календаря после того, как Папа Григорий XIII реформировал его в 1582 году. С тех пор мы всегда на 13 дней впереди византийского календаря. Когда Советы захватили власть 25 октября (по старому стилю) 1917 года, они присоединили Россию к григорианскому календарю. Даже Временное правительство продолжало придерживаться старого календаря, принятого в империи. Но Русская Православная Церковь, как и византийские католики России, продолжала проводить воскресные службы и другие религиозные праздники по старому стилю; и до сегодняшнего дня Московская Патриархия продолжает эту традицию.

Вначале ко мне приходило не слишком много верующих по воскресеньям. Так было не только в нашей церкви, но и по всей стране. Пропагандистская машина «Союза воинствующих безбожников» использовала этот факт, чтобы заявить на весь мир, что русский народ отказался от Бога. Традиционно набожные, любящие Господа русские люди были объявлены отказавшимися от своих религиозных традиций: таким был ожидаемый результат атеистического «просвещения», внедряемого в трудящиеся массы материалистически мыслящими последователями Ленина. Официальные, оплачиваемые государством богоненавистники ликовали, потому что при поверхностном взгляде все происходило в соответствии с их планом. Повсюду развешанные громкоговорители возвещали о разгроме религии и расцвете пролетарского счастья, свободного от божественных заповедей и моральных устоев.

Почему же мало людей посещали церковь по воскресеньям? Потому что число верующих резко сократилось, как это утверждали ликующие безбожники? Была ли антирелигиозная пропаганда настолько успешной, как это провозглашалось

атеистами-агитаторами? Причина этого очевидного отступничества не имеет ничего общего с подобными утверждениями. Большинство верующих никогда не отказывались от своей веры; они просто боялись приходить в свои городские и деревенские церкви. В то время, когда был принят григорианский календарь, Советы придумали хитроумный план, по которому дни недели полностью потеряли свой привычный характер. Вместо этого дни были сведены к безличным, бессмысленным цифрам; появился принцип «пятидневки». Больше не было воскресений, понедельников, вторников и так далее; каждый шестой день недели назывался выходным днем (днем отдыха). Другие дни просто добавлялись как официальные рабочие дни к следующей серии пятидневок.

Результат применения этой системы, вызывающий в памяти календарь Французской революции, вскоре стал очевиден. Церкви, синагоги и мечети по важным дням богослужения оставались пустыми; народ в это время был на работе вследствие жестких законов дисциплины труда. В городах, где о пятилетних планах пели на все лады, взрослые еще более или менее помнили названия дней недели, полностью исчезнувшие из повседневного употребления. Дни обозначались числами; в деловых письмах, контрактах, личной переписке избегали старых названий; они появлялись только с номерами газет. Школьники не знали, что такой день, как «воскресенье», существовал не только в воспоминаниях их родителей. Многие русские старались сохранить воскресенье как день Господень; они помечали в самодельных календарях религиозные праздники, чтобы праздновать их хотя бы индивидуально. Это было особенно в ходу в тех местах, где церкви были полностью закрыты.

Упорные усилия по сохранению христианских традиций особенно заметны среди крестьян. Важно напомнить, что более половины населения России и сейчас остается крестьянским, несмотря на серьезные успехи индустриализации. Для настоящего русского мужика воскресенье всегда было и продолжало оставаться святым днем. Ведь в русском языке это слово означает восстание из мертвых, возрождение или воскрешение, понятие, которое первоначально применялось только к Спасителю. Этот основополагающий религиозный символ никогда не будет стерт из памяти русских людей. Атеисты бились о каменную стену, думая, что смогут вытравить религиозные чувства из сердца русского человека. Духовность для настоящего русского является частью воздуха, которым он дышит. Религия — это его вторая натура, если он честен с самим собой.

Календарный план преследовал двойную цель. Объявленной

целью было увеличение сельскохозяйственного и промышленного производства, как требовало государственное планирование. Но необъявленной целью было другое: сделать посещение церкви невозможным не только по сути, но и физически; попросту говоря, на это и были направлены все меры. В воскресенье крестьяне должны были работать в полях непопулярных в народе колхозов и совхозов. Жители городов были вынуждены идти на работу на заводы, в конторы, магазины и на другие предприятия. В среднем только один раз за шесть недель «день отдыха» совпадал с воскресеньем, пятницей или субботой; в такие дни в еще открытых церквах не хватало мест; и это было достаточным доказательством того, что вера все еще жива после многих лет репрессий. Таким образом, более ста миллионов православных не могли посещать церкви; двадцати-тридцати миллионам мусульман препятствовали в посещении мечетей; девять-десять миллионов католиков римского, византийского и армянского обрядов не могли ходить в храмы, которые еще действовали до 1939 года; то же было и для пяти-шести миллионов евреев.

Из всех систем, которые изобрели правящие атеисты в бесплодной попытке уничтожить религию, календарный метод на первом этапе его применения был одним из самых результативных. Когда я приехал в Россию, этот метод всеобщей гражданской мобилизации уже действовал в течение пяти лет. Мальчики и девочки, родившиеся в тот период, были слишком малы, чтобы понимать, что происходит. Это был организованный сдвиг, направленный на уничтожение религиозных традиций. Миллионы людей были вынуждены отказаться от посещения церкви под угрозой наказания по закону. В школах такой календарный режим переносился легче благодаря унифицированным постановлениям Комиссариата по народному просвещению. Ограничения на посещения церкви отразились и на восемнадцати-двадцати миллионах русских детей начальной школы. Надо признать, что молодежь проявила явные признаки индифферентности и агностицизма. И в этом нет ничего удивительного, учитывая, какой огромный аппарат антирелигиозной пропаганды был задействован для влияния на детские умы по всей широкой сети детских дошкольных учреждений страны.

Трудовая мобилизация в СССР препятствует тому, чтобы ребенка воспитывали родители, так как его мать также должна работать. Эта проблема решалась, если бабушка с дедушкой могли взять на себя обязанности по домашнему воспитанию ребенка. В то же самое время надо признать, что атеизм как формальная антирелигиозная точка зрения имел очень малое

влияние на воспитание детей. Это может показаться странным и непонятным, когда подумаешь, что единственные организации, куда могут поступить школьники и подростки, — это пионерская и комсомольская. Обе они воспитывают детей в духе атеизма начиная с самого младшего возраста. Эта программа, приостановленная во время войны в угоду Западу, затем возобновилась с новой силой.

Перед тем как Кремль столкнулся с гитлеровским нашествием, группы комсомольцев приходили в церковь только для создания беспорядка. Их группки врывались во время службы, громко разговаривали и спокойно уходили перед носом милиционера, прохаживающегося неподалеку. Были ли они посланы специально? Этого никто никогда не узнает. Я уверен, что, кроме нескольких горячих голов, получающих деньги за такую агитацию, большинство из этих ребят не ведали, что творили. По прошествии многих лет, во время войны и после всех бедствий, связанных с ней, многие комсомольцы пришли к более глубокому пониманию духовных ценностей, против которых их настраивали в ранние годы. Смерти, болезни, голод, ужасы военного времени помогли выпустить воздух из воздушного шарика советской идеологической обработки.

Календарь пятидневок оказывал в городах и густонаселенных районах большее давление, чем в деревнях. Даже до принятия в 1940 году более жестких мер трудовой дисциплины тот, кто пропускал работу, совершал фатальную для себя ошибку; наказание было жестоким и показательным. Сельскохозяйственные районы было практически невозможно контролировать из-за их огромных территорий; работа бригад на многих гектарах полей пшеницы и картофеля не поддавалась такому контролю, как работа на заводах. Крестьяне Европейской части России, конечно, пользовались официальным днем отдыха. Но, кроме того, когда наступало христианское воскресенье, крестьяне просто переставали работать. Это регулярное прекращение работы постепенно распространилось на всю страну. Госплан с его высокими производственными нормами, которые никто не выполнял, выставлял себя в смешном свете.

Кроме соблюдения воскресений имелось еще немало религиозных праздников, требующих прекращения работ. В Пасху, Рождество, Духов день, Николин день (Святой Николай — один из наиболее почитаемых в России святых) и ряд других праздников в честь Богородицы и Спасителя прекращались все крестьянские работы. По этому поводу известно, что некоторые западные наблюдатели присоединились к советской критике этих религиозных праздников, списывая на них падение

сельскохозяйственного производства. На самом же деле Советская Россия, гордящаяся своей механизацией и коллективизацией сельского хозяйства, никогда не была способна собрать такое же количество зерна, которое собирали только на Украине в 1913–1914 годах! Посылались агитаторы из «Союза воинствующих безбожников», которые отговаривали крестьян от следования «предрассудкам». В «Правде» и «Известиях» появлялись колонки в духе ядовитых ламентаций Ярославского, руководителя этого общества. Но вся агитация была бесполезна.

Широко распространенное пассивное сопротивление, которое имело место в Европейской России, происходило и в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Там, где собирали чай и хлопок, мусульмане настаивали на вознесении молитв Аллаху пять раз в день. Они возмущались отменой пятниц — мусульманского воскресенья, и когда наступало время их религиозных постов, немногие агитаторы осмеливались открыто помешать муллам и муэдзинам. В дальних районах среднеазиатских республик атеистическая пропаганда ничего не могла поделать ни с мусульманским календарем, ни с выполняемыми ритуалами. Группы верующих мусульман продолжали соблюдать предписания Корана; когда наступала пятница, никакой кремлевский указ не мог помешать их ритуальным обрядам.

Конечно, против «упорствующих в своих предрассудках» верующих предпринимались меры наказания. Многие из них были арестованы по обвинению в контрреволюции; наказывались все без разбора — христиане, мусульмане, евреи. Все расширяющееся движение пассивного сопротивления приняло такие размеры, что НКВД был не в состоянии арестовать всех крестьян. Движение стало настолько популярным, что национальная экономика и все ее планы оказались под угрозой. В пропагандистских целях Советы, конечно, всегда заявляли, что их планы перевыполнялись. Советские «дни отдыха», конечно, беспрепятственно соблюдались.

Не желая признавать поражения перед лицом пассивного сопротивления народа, советское правительство было вынуждено восстановить обычный календарь, действующий во всем мире, с воскресеньями, понедельниками и т. д. Никогда больше в бурной истории Советского государства не было подобного примера, когда мощный аппарат государственного контроля, поддерживаемый драконовской полицией, стократно опережавшей гестапо, отступил бы перед безоружными крестьянами. Именно они в большей степени, чем горожане, стали причиной этого отступления. Упорная вера в Бога русского мужика вынудила правительство опубликовать в 1940 году указ,

восстанавливающий названия дней недели. Насколько мне известно, это поражение никогда не упоминалось в иностранной прессе.

В первые же дни после отмены пятидневок «Правда» и «Безбожник», газета воинствующих атеистов, опубликовали статьи, в которых говорилось, что «день отдыха» будет заменен воскресеньем, но это не обязательно означает, что народ должен посещать церковь. Однако факт остается фактом: религия оказала свое мощное влияние на правительство. Лично я прожил в России шесть из этих странных «безвоскресных» лет и был свидетелем дьявольского упорства, с которым Советы пытались вытравить даже память о Боге во всех слоях населения. В середине 30-х годов я слышал речи агитаторов-безбожников, злорадствующих над тем, что церкви мало посещались. Я вспоминаю, как иностранцы, не подозревавшие о существовании особой календарной системы, высказывались по поводу пустующих церквей.

Это означало полное поражение Госплана, сломавшего себе хребет в попытках официального препятствования церковным богослужениям.

Глава XII. Это что — пропуск?

Люди, живущие за пределами Советского Союза, постоянно спрашивают: «Как могло случиться, что такая огромная масса людей оказалась под властью маленькой горстки других людей?» Перед тем как приехать в Россию, я тоже думал, каким образом небольшая группа людей контролирует жизнь огромного большинства русских. Я никогда не устану повторять, что существует очень большая разница между управляющей страной кликой и массами русских людей, не испытывающих симпатий к режиму. Но, живя в стране, я уже не удивлялся; отчасти я понял, почему эти явные условия ненормального существования никогда не описывались иностранными корреспондентами.

Почему советский режим держится, объясняет одно слово — ТЕРРОР. А как поддерживается террор, это другой вопрос. Подавляющая часть русских людей вынуждена сопротивляться этой бесчеловечной системе, и тем не менее она существует уже почти полвека. Энциклопедия Вебстера так определяет террор: «Состояние сильного страха, вызванного систематическим использованием средств жестокого подавления со стороны партий или группировок с целью удержания собственной власти: к примеру, Красный террор в России». Истинность этого определения очень скоро сама постучалась ко мне в дом.

Первый опыт знакомства с методами тайной полиции я получил, когда мой поезд пересек границу. Я более или менее привык к частым паспортным проверкам. Бестактное подглядывание и подслушивание агентов со временем перестали слишком беспокоить меня. Но временами в этой атмосфере террора ощущались особо сильные толчки; они случались неожиданно, как вспышки молнии. Людям, живущим в России, не нужен словарь, чтобы узнать значение слова «террор»; они видели его своими глазами на каждом шагу. Он был у них в мозгу; они с ним жили и работали; он преследовал их во сне. Они были одержимы страхом; это чувствовалось в разговорах и отражалось на лицах. Что вызвало это состояние? Почему оковы страха все еще удерживают русских людей?

1 декабря 1934 года в стенах Смольного института, служащего со времен Ленина штаб-квартирой партии, был убит Сергей Миронович Киров. Он был не только деятелем партии, но и важной политической «шишкой» для Северной России, где он управлял всем, кроме погоды. Его слушались даже в НКВД; и это было серьезное доказательство значительности этой фигуры. Киров был второй величиной после Сталина, выше Молотова,

Калинина, Вышинского и других кремлевских «небожителей»; он был преданным другом Сталина, перед которым пресмыкался. Вдали от своего хозяина это был деспот и тиран. Однако советские историки всегда представляли его в качестве примера всех советских добродетелей. Партия так восхваляла убитого деспота: «Убийство Кирова, любимца партии, любимца рабочего класса, вызвало гнев и глубокую печаль среди народных масс нашей страны»[148]. На самом деле Кирова любила партия и ненавидел народ. Фальшивки советских публикаций переводились на иностранные языки для ничего не подозревающих зарубежных читателей, но что совсем непонятно — это то, что тратились огромные деньги американских фондов на распространение таких книг под маркой академической свободы.

Киров был застрелен, как собака, убийство было совершено кем-то из «своих»; оно было очевидным доказательством междоусобной войны внутри партии. Это убийство потрясло всю страну, и вскоре произошло то, что и должно было произойти. Сталинский авторитет, конечно, пострадал от такого потрясения, и тотчас начались репрессии. В одном только Ленинграде в первые же сутки были арестованы тысячи людей; последовали массовые депортации[149]. Людей хватали не за то, что они сказали или сделали, а за то, что могли бы сделать или сказать что-то против режима, и это было достаточной причиной для депортации. В Москве это убийство тоже имело подобные последствия, как и в Смоленске, Харькове, Киеве, Владивостоке и каждом городе Советского Союза. Режим был глубоко задет убийством одного человека и стал действовать, как загнанное в угол разъяренное чудовище.

Обычный ТЕРРОР — весьма неприятен; но постоянно нарастающий ТЕРРОР в масштабах целой страны — это невозможно описать. Киров был убит одним из своих, но репрессии, обрушившиеся на простое население, были намного сильнее, чем на партийные круги. Мужчин забирали прямо на работе, и семьи ничего не знали об их судьбе. Друзья от страха, что их тоже арестуют, делали вид, что незнакомы с арестованным; разрушались долговременные привязанности. И все это время патрули НКВД совершали по ночам свои страшные обходы. Агенты НКВД останавливали и досматривали поезда, и если находили пассажиров, не имеющих проездных документов, подвергали их предварительному заключению. Совершались облавы на рынках; никто из покупателей не мог выйти, пока у всех не проверят документы. Изолировались целые дома. В некоторых городах объявлялось военное положение; заводских

рабочих после смены задерживали и допрашивали. Колхозникам было запрещено выезжать из своих деревень. В стратегических пунктах устанавливались дорожные посты. Все это — еще не полная картина того контроля, который обезумевшее государство осуществляло ради того, что они называли «диктатурой пролетариата». Какой трагической шуткой стало это выражение после 1917 года. Только агенты почившего Коминтерна — Коминформа извлекали выгоду из этого лозунга, используя его для зарубежного потребления.

Вся страна жила в тисках физического и морального ТЕРРОРА. Пока тело Кирова везли специальным поездом в Москву для государственных похорон, красные флаги с черными лентами висели на всех домах Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Флаги вывешиваются по приказу правительства, одновременно передаваемому всем управляющим домов; вывешивание флагов входит в обязанности дворников; за невыполнение приказа полагается штраф. Тогда я в первый раз наблюдал процесс государственных похорон в атмосфере безмолвной народной антипатии, хотя внешних ее признаков не было заметно.

На Красной площади прошла мощная «народная демонстрация». По приказу о мобилизации тысячи русских людей собрались вокруг мавзолея Ленина. Москвичи рассказывали мне, что та же картина была десятью годами раньше во время похорон Ленина при сорокаградусном морозе. Теперь на похороны Кирова собрали людей с заводов, школ, магазинов и домов; каждая группа должна была нести увеличенную фотографию деспота. Были представлены все округа Москвы и ее окрестностей; производилась киносъемка этого спектакля всеобщей скорби; и впоследствии пропагандистский фильм был показан в стране и за рубежом. Но перед этой фальшивой демонстрацией тело Кирова привезли из Ленинграда. О значимости события свидетельствовал тот факт, что Сталин покинул Кремль и лично поехал встречать траурный поезд.

И в то самое утро, в полном неведении относительно грандиозной организации похорон, я собрался на прием к зубному врачу. В те годы американское посольство не имело собственного зубоврачебного кабинета, открытого только во время войны; была лишь хорошая аптека, которую обслуживал опытный фармацевт из Военно-морского флота США. Самым ценным для всех оказался приезд первого медицинского атташе доктора Адольфа Румрайха с женой; посол Буллит предвидел возможные последствия для здоровья сотрудников посольства, связанные с некомпетентностью некоторых советских врачей. Это

не относилось ко всей медицинской практике Советского Союза, были и очень хорошие врачи. В годы войны, когда американское посольство не без трудностей открыло зубоврачебную клинику, оно любезно предоставило возможность пользоваться ее услугами не только всем московским американцам вроде меня, но и многим из персонала дипломатического корпуса.

Однако в первое время моего пребывания в Москве я был вынужден обращаться к опыту местных дантистов. В те годы и вплоть до его второго ареста, когда он просто исчез совсем, большая часть дипломатического корпуса лечилась у великолепного дантиста, еврея, учившегося в Германии. Мне повезло некоторое время быть среди его пациентов. Он пользовался только лучшими материалами, которые ему привозили его клиенты-иностранцы. Он охотно соглашался на оплату в рублях, предпочитая все-таки иностранную валюту. Его гонорары были умеренными, обычно в долларах США. Этот человек ранее уже был арестован. Но почему после этого ему было разрешено работать? С этим связана интересная история.

Во время первого ареста этого дантиста у самого великого Сталина вдруг заболели зубы. Боль была соразмерна величию пациента — настоящего сталинского калибра. Лучшие стоматологи Москвы были вызваны на совет, чтобы решить, как избавить властелина от боли. Какой шанс отличиться! Так и произошло, и успеха добился только один, тот, о ком я веду рассказ: дантиста выпустили из тюрьмы, чтобы он показал свое искусство. Его наградили свободой и позволили заниматься своим делом вплоть до второго ареста. Помимо того что я сам ходил к этому дантисту, я сопровождал в качестве переводчика американцев из персонала посольства; его клиника находилась недалеко от нашей церкви.

Но в то особое утро тело Кирова торжественно доставляли с Ленинградского вокзала в Дом Союзов[150]; там гроб с телом комиссара был выставлен для прощания. Дом Союзов — большое здание дореволюционной постройки, в прошлом здесь находилось Дворянское собрание; в его Колонном зале проходят прекрасные симфонические концерты. Этот же зал часто используется как «часовня», когда умирает важный советский деятель. В то утро, обернувшееся для меня комическим происшествием, я отправился к дантисту. Я заметил, что окружающие улицы были перегорожены, хотя в прессе на эту тему не было предупреждения. Всю столицу окутала атмосфера страха; слышались городские шумы, но они казались приглушенными, как будто доносились из-под огромного покрывала, опустившегося на город. Пульс Москвы замер и оставался таким

на протяжении нескольких дней после многочисленных арестов.

Я пересек Милютинский переулок и добрался до Мясницкой улицы; эта магистраль, ведущая к Ленинградскому вокзалу, потом была переименована в улицу Кирова, в честь убитого комиссара. Все было хорошо, пока я не дошел до этой улицы, где в прежние времена делали свое дело мясники и торговцы мясом. Я увидел бесконечные ряды красноармейцев; два ряда солдат стояли плечом к плечу лицом друг к другу от самого Кремля; ряды изгибались по кривизне улиц вдоль всего пути до вокзала, где должен был проехать Сталин. Между плотными рядами солдат, прижимавшихся каблуками сапог к краям тротуаров, была совершенно пустая улица; время от времени по ней быстро проезжал патрульный автомобиль НКВД; взад и вперед прохаживались командиры военных отрядов. Если бы кто-нибудь захотел прорвать этот кордон красноармейцев, ему бы не поздоровилось. И хотя я был в нескольких кварталах от дантиста, я должен был бы пешком обойти Кремль, то есть пройти в общей сложности лишних километров пять.

Был холодный декабрьский день; землю уже сковала зима. Солдаты были одеты в длинные пальто с безобразными неподрубленными краями, которые носили рядовые; их остроконечные шлемы (ныне отмененные) представляли странное зрелище, если смотреть на их бесконечные ряды. Густой пар поднимался из их ртов, создавая впечатление ритмичности дыхания; люди застыли в ожидании. Как я вскоре выяснил, им был отдан приказ: ни при каких обстоятельствах не пропускать никого. Сам того не зная, я наблюдал изощренные меры предосторожности, предпринимаемые для обеспечения безопасности великого и любимого Сталина, когда он собирался появиться на публике. НКВД устранял малейшую возможность выстрела из толпы.

Я не знал, что они ждали проезда автомобиля Сталина, и сделал глупую попытку пересечь улицу. Со всей наивностью новичка я попытался протиснуться между двумя солдатами; но это было все равно что проникнуть сквозь каменную стену. Не поворачивая головы, красноармейцы рыкнули: «Нельзя!» Это понял бы любой, даже не зная языка. Зрители, естественно, заинтересовались происходящим. У меня не было ни малейшего намерения бросать бомбу в Сталина или в кого-либо другого; я только хотел перейти на другую сторону. Люди смотрели на меня с изумлением и любопытством. Я попытался вступить в разговор с солдатами — нечто абсолютно неслыханное. Они отвечали одним словом: «Нельзя!» — повторяемым снова и снова. Возможно, из-за моей настойчивости или из-за того, что вокруг меня стала

собираться толпа, подошел офицер НКВД, отдал честь и спросил, что происходит. Я сказал, что просто хотел перейти улицу. Офицер выслушал и бросил только одно слово, которое было самым важным в это особое утро: «Нельзя!» — и добавил: «Это всем сегодня запрещено».

Желая немного пошутить, я вытащил из бумажника визитную карточку; на ней было только мое имя и адрес Колледжа Успения в Вустере, штат Массачусетс. А так как все было написано на английском языке, я подозревал, что офицер ничего не поймет. С важным видом я помахал карточкой у него перед носом. Он взял ее и стал рассматривать со всех сторон, а люди вокруг внимательно наблюдали за ним с широко открытыми глазами, ожидая разрешения ситуации. Конечно, он не мог перед толпой обнаружить свое невежество и спросил с очень серьезным видом: «Это что — пропуск?» Меня никто не знал из людей, стоящих вокруг. А может быть, мое сшитое в Париже меховое пальто заставило офицера отдать мне честь; во всей столице больше ни у кого не было такого пальто. Офицер, самый обычный добрый деревенский парень, был не очень уверен в себе, и, чтобы обезопасить себя, он вернул мне карточку, отдал честь и с важным видом бросил одно слово: «Можно». После этого два солдата быстро расступились, чтобы пропустить меня, и снова сомкнули ряд, пока я переходил улицу. «Молодец!» — кричали в толпе. Я с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться, — это было забавное общение с НКВД.

В последующие годы у меня было несколько встреч с ними, но гораздо менее приятных. Этот маленький эпизод показателен для той напряженной политической ситуации, в которой в то время жили все в России. Чтобы познакомиться с этими аспектами жизни, надо держаться подальше от иностранных кругов и официальных протокольных мероприятий и вести жизнь простого человека. Я не хочу создавать впечатление, что все офицеры МВД — КГБ так простодушны, — это далеко не так, хотя я сталкивался с некоторыми, кто и на родном языке с трудом читал и писал; но теперь, как правило, офицеры Красной армии хорошо образованны и обучены. И все же Россия — это страна, где происходит много невероятного, особенно с теми, кто говорит на русском языке и живет среди простых людей.

Мне вспоминается забавный случай, происшедший со знакомым мне офицером Военной миссии. Русский по происхождению, этот человек после революции был послан в Россию в качестве переводчика. Он хорошо знал традиции и обычаи, так как в прежние годы жил среди простых русских. Он был осведомлен о гипнотическом влиянии на крестьян

документов со штампами и печатями: большинство из крестьян были и до сегодняшнего дня остаются полуграмотными. И в сегодняшней Советской России печать обладает огромной убедительностью, если ею скреплены письмо или документ. Ни одна официальная бумага в СССР не имеет ценности, если на ней нет печати, которые бывают двух типов: одна из них — треугольная — предназначена для высших правительственных чиновников, а другая — круглая — используется на всех прочих государственных предприятиях. И как только у вас появляются эти печати, ваши письма, жалобы, требования и другие документы начинают продвигаться по бюрократическим каналам. Печать, как волшебный ключ или заклинание «Сезам, откройся!», открывает допуск в те или иные места и обеспечивает внимание.

Итак, этот иностранный офицер решил пошутить. Иногда его останавливали на улице военные патрули и просили предъявить удостоверение личности. Патрули были, как правило, из простых крестьянских парней: в основном они и служили в Красной армии. Они всегда ходили по двое с красной повязкой на левой руке, прохаживались по улицам в кожаных сапогах, а в зимнее время в валенках, держа на левом плече заряженные ружья. Во время осадного положения в Москве и после него они останавливали граждан на улице и требовали показать документы; в этом деле им также помогали милиционеры, управдомы и дворники. Но между полуночью и пятью утра действовал только военный патруль; его основной целью был отлов многочисленных дезертиров, покинувших фронт. Патрули обшаривали дворы, днем проверяли рынки и вокзалы; ночью они проверяли документы с помощью фонариков, висящих на шее. Дезертиры часто оказывали сопротивление и отбивались от патрульных; по ночам раздавались выстрелы, происходили убийства, иногда это случалось и средь бела дня. «Правда» и «Известия» никогда не упоминали об этом, а тем более иностранные журналисты. Большое число красноармейцев сумели отсидеться в укрытии всю войну; это им удалось из-за замешательства властей во многих регионах СССР, которые в спешке жгли архивы и всевозможные документы при быстром наступлении немецкой армии.

Вернемся к нашему иностранному офицеру, остановленному патрулем на улице. Документы у него были, конечно, в полном порядке, с подписями и печатями, но он не мог отказать себе в удовольствии протянуть другой впечатляющий «документ». Он развернул его от плеча до колен; сбитый с толку патрульный взглянул на документ, с уважением отдал честь и, извинившись за беспокойство, позволил его предъявителю продолжить свой

путь. На этом «документе» не было ничего, кроме наклеенных этикеток от различных сигарет типа Lucky Strike; эта бумага была заполнена бессмысленными символами и неразборчивыми подписями и датами, с первого взгляда производящими впечатление. Я не знаю, как долго продолжалась такая мистификация; но он не раз повторял ее при встрече с патрульными.

Во время войны меня часто вызывали за город для помазания больного или отпевания умершего. По законам военного времени меня могли остановить в любую минуту. Окрестности Москвы охранялись системой дорожных постов; автомобили и пешеходы останавливались для проверки документов. Обычно у меня было специальное разрешение для выезда из города, выданное Военной комендатурой; и не было случая, чтобы мне пришлось возвращаться, не выполнив своей миссии. Многие из блокпостов охранялись женщинами — солдатами Красной армии; большинство были коренастыми, улыбающимися, миловидными деревенскими девушками, тем не менее делавшими свое дело на совесть. Их вооружение и обмундирование было из американских поставок; командовали отрядами девушки-сержанты. Я показывал мой американский паспорт, который ни одна из них не могла прочитать. Это каждый раз срабатывало, хотя я мог бы показать документ, подписанный местными властями; для особых случаев со мной всегда было разрешение на постоянное проживание, выданное местным НКВД.

Советская система проверки иностранцев, не говоря уж о собственных гражданах, является одной из самых суровых в мире. Требуется поистине немыслимое количество анкет, печатей, подписей, проверок и перепроверок, чтобы следить за перемещением иностранцев в границах страны; тем не менее я выпутывался из затруднительных ситуаций с помощью бессмысленных бумаг, которые никто не мог должным образом прочитать. Из этого следовал вывод, что грамотность в Советском Союзе не на таком высоком уровне, как работа пропагандистов, которым верит весь мир. Никто не может обвинить меня в том, что я делаю общий вывод на основании всего двух-трех случаев; у меня были многочисленные встречи в различных ситуациях, которые я не выбирал.

Эта глава проливает достаточный свет на внутреннюю работу системы, обещавшей свободу трудящимся массам; и как же далеко от этой цели они оказались с 1917 года, было очевидно по мере того, как разворачивалась эта история. Из последующего рассказа станет понятно, почему в Советском Союзе практически невозможно никакое сопротивление: мало кто из иностранцев

имел возможность видеть советскую систему секретной полиции в действии.

Глава XIII. Так что же такое МВД — КГБ?

Лидеры коммунистической партии прекрасно знают, что предупреждение лучше лечения. Применительно к реалиям политики это означает, что предупредительные меры против контрреволюции, то есть против избавления от коммунистического рабства, являются необходимыми для продолжения режима. В Советской России на предотвращение бунтов тратится больше времени, денег и людских ресурсов, чем на их потенциальное подавление; в этом заключается работа МВД — КГБ. Когда же ситуация выходит из-под контроля, в действие приводится карательная машина революционной бдительности.

Со смертью Адольфа Гитлера гестапо со всеми его ужасами, руководимое в течение десяти лет Генрихом Гиммлером, прекратило свое существование. Смерть Ленина не привела к уничтожению ЧК, которая продолжает работать и видоизменяться на протяжении вот уже сорока четырех лет, меняя свои названия и аббревиатуры. Чрезвычайная комиссия (ЧК), основанная Феликсом Дзержинским, просуществовала с 1918 года до начала 20-х годов. Затем появилось Объединенное главное политическое управление (ОГПУ), действовавшее до начала 30-х годов, называемое народом ГПУ, или «три буквы».

Больше всего досталось многострадальному русскому народу от Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ), объединенных организаций, рука об руку трудившихся для порабощения нации и удержания ее в полной покорности. В 1946 году оба были «преобразованы» Сталиным в Министерство внутренних дел (МВД) и Министерство государственной безопасности (МГБ) при замене комиссариатов министерствами. Они занимались той же деятельностью, что и их предшественники, усовершенствовав лишь способы репрессий и пыток, чтобы удерживать русских людей в тисках своего гордиева узла. Три последовательно сменявшихся шефа — Ягода, Ежов и Берия — получили печальную известность, увеличив население концентрационных лагерей до 20 миллионов человек.

Отлаженная система пыток, позднее названная Хрущевым «нарушениями», была хорошо известна кремлевским лидерам. И, наконец, обновленная в 1954 году система тайной полиции получила название Комитет государственной безопасности (КГБ). Когда произносится слово государственный, это означает Коммунистическую партию, что одно и то же. Имеет место либо невежество иностранных журналистов, либо запрет на

упоминание того шокирующего факта, что все репрессии, убийства, депортации, ссылки, разделения семей, выселения осуществляются тайной полицией с целью защиты привилегий восьми миллионов членов Коммунистической партии от 212 миллионов русских людей, которые просто хотят жить как свободные люди.

Подавление в Советском Союзе элементарных политических свобод противоречило многообещающим статьям Конституции СССР, провозглашающим: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируются Законом свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций. Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» (статья 125). Таким образом, в конституции это написано черным по белому.

А я свидетельствую, что за все годы моего пребывания в России я не видел ни одного неорганизованного митинга или какого-либо собрания свободно мыслящих людей; я видел многочисленные «спонтанные» политические митинги, направляемые, вдохновляемые и контролируемые Коммунистической партией. В Москве нет ни Гайд-парка, ни Юнион-сквера, как в Лондоне или Нью-Йорке, где можно встать и выразить свое политическое мнение, не боясь ареста. Конституция умалчивает о том, что свободы, перечисленные выше, сводятся на нет статьями 185 и 190 Уголовного кодекса. Если вдруг русскому человеку вздумается опубликовать собственные политические идеи, он может получить за это три месяца исправительных работ или 300 рублей штрафа; то же наказание за неразрешенное владение печатным станком.

МВД — КГБ следят за тем, чтобы такие способы самовыражения не становились публичными; и я не слышал, чтобы что-либо подобное случалось при двух других руководителях НКВД, последовательно занимавших этот пост, — Ежове и Ягоде, двух сатрапах-мучителях, а также при Берии, занявшем после них эту должность. Считается, что во время «чисток» пострадали от пяти до шести миллионов человек, несогласных с идеями коммунизма. И сейчас, как и тогда, исключена возможность таких высказываний. Имея многолетний опыт проведения репрессий, МВД — КГБ достигли в этом деле совершенства.

Простой донос ведет к изнуряющему расследованию, а то и к

быстрому приговору. Самым страшным пугалом и навязчивой идеей для советских лидеров была контрреволюция. Так, 58-я статья Уголовного кодекса предусматривает 14 различных видов сопротивления режиму. Поклонникам советской конституции следовало бы прочитать ее параллельно с Уголовным кодексом. Возникают вопиющие противоречия, которые практически неизвестны иностранному читателю, так как Уголовный кодекс доступен только на русском языке; конституция же, в отличие от Уголовного кодекса, переведена на все языки мира.

Самое большое бедствие для Советов — это потеря своей безграничной власти над страной. Они живут в атмосфере постоянного страха и не останавливаются ни перед чем, чтобы подавить или устранить любую оппозицию, что они делают при посредстве МВД — КГБ. Подразделения МВД — КГБ, тесно связанные друг с другом, работают в каждой из пятнадцати республик. Они контролируют:

1. Все стороны внутренней жизни страны.
2. Все аспекты транспорта и передвижений.
3. Охрану границ с двенадцатью странами.
4. Наказание контрреволюционного противодействия.

К выше перечисленному следует добавить иностранные службы МВД — КГБ: вежливое название шпионской деятельности Коммунистической партии за рубежом. Все до единой компартии, существующие в других странах, легально или нелегально так или иначе связаны с МВД — КГБ. Многочисленные документальные свидетельства определенно доказывают это утверждение, несмотря на то что говорят Уильям Фостер в США, Вальтер Ульбрихт в Восточной Германии, Пальмиро Тольятти в Италии, Морис Торез во Франции и любые другие марионетки Кремля, действующие за рубежом. Где бы за границей ни создавалась коммунистическая ячейка, можно быть уверенным, что за ней неподалеку следит всевидящий глаз МВД — КГБ — вездесущий сторожевой пес системы.

В этой главе рассказывается о структуре и методах работы МВД — КГБ, которые я лично имел возможность наблюдать. При условии абсолютного контроля население подразделялось на три категории, хотя ни один человек, ни одна группа населения не могли избежать удушающих объятий кремлевских лидеров. В этой главе я отдельно рассмотрю положение:

1. Жителей СССР, проживающих или работающих за границей;
2. Граждан, живущих внутри страны;
3. Миллионов несчастных, заключенных в концентрационные лагеря.

И конечно, велось тщательное наблюдение за персоналом иностранных служб, включая и делегатов Организации Объединенных Наций.

1. МВД — КГБ контролируют внутреннюю жизнь

В этом органе внутренних дел мужчины, конечно, преобладают, многие носят военную форму. Но гораздо большее число их рассеяно среди населения, не отличаясь внешним видом от других людей. Это всепроникающие шпики, смешивающиеся с простыми гражданами; они одеты в штатскую одежду и одержимы идеей обнаружения контрреволюции. Их можно видеть повсюду, обычно они прогуливаются парами на рынках и железнодорожных станциях; их всегда можно отличить по бегающему взгляду, небрежной прогуливающейся походке и слишком очевидному безделью.

Форменная одежда тайной полиции одинакова для всех ее подразделений: они одеты в красноармейские мундиры цвета хаки; гимнастерка удлиненная, застегивающаяся на пуговицы как косоворотка и подпоясанная кожаным ремнем; гимнастерка как бы расширяется книзу — эта деталь взята из униформы еще царской армии. На первый взгляд у западных людей создается впечатление, что солдат ходит в рубашке навыпуск. Брюки заправлены в высокие сапоги, которые носят офицеры всех родов войск, за исключением моряков. Принадлежность офицера МВД — КГБ именно к внутреннему подразделению определяется по синему верху шапки с красным кантом по краю. Число «внутренних» агентов намного превышает количество сотрудников остальных подразделений, вместе взятых. Как правило, они стараются не слишком обращать на себя внимание, но они — повсюду; несомненно одно: они знают, где находится каждый гражданин внутри границ СССР.

Ленин отменил царскую систему внутренней паспортизации. На заре политической эры большевиков они также отменили билеты на железнодорожные поезда; железная дорога была объявлена «собственностью народа», поэтому народ ездил и радовался этой общедоступности. Поезда ближнего и дальнего следования были забиты до отказа ликующим пролетариатом, который мог пользоваться благами национальной собственности; люди могли передвигаться без документов, удостоверяющих личность. Вклады и кредиты всех иностранных банков были объявлены «национальной собственностью»; государство стало богатым. Простодушным людям казалось, что такое счастливое

положение дел будет продолжаться бесконечно.

Уже давно эта радостная картинка радикально изменилась. Сначала восстановили высмеянную царскую паспортизацию, причем с более серьезными ограничениями, чем при Николае II. Во втором издании Малой советской энциклопедии давалось краткое, но официальное определение паспорта. По мнению коммунистов, это «документ для установления личности. В СССР паспорта выдаются органами милиции лицам не моложе 16 лет сроком на пять лет. Предъявление паспорта обязательно при домовой регистрации, принятии на работу, по требованию милиции и другого административного учреждения». Наличие внутреннего паспорта — необходимое условие для приема на работу; нарушивший этот закон подвергается уголовному преследованию; человек, укрывающий личность без паспорта или дезертира, навлекает бедствия на себя и всю семью.

Таким образом, каждый советский гражданин старше 16 лет должен иметь паспорт исключительно для контроля со стороны МВД — КГБ. Советский Союз — настолько «скороспелая» страна, что гражданство получается не в 21 год, а в 16 лет. До этого дети регистрируются в паспорте отца в тех случаях, когда отцы известны. Сотни тысяч русских детей не знают, кто их отец, — это трагический результат неопределенности семейного законодательства, действовавшего вплоть до конца 30-х годов. В густо населенных индустриальных центрах с быстро растущими городами появилось огромное количество брошенных детей: в тех случаях, когда отцовство не установлено, ребенок автоматически записывается в паспорт матери. Были случаи, когда ребенок поступал в детский дом, вовсе не имея фамилии: некоторые из этих случаев были связаны с войной, когда у ребенка пропали и отец, и мать. К тому же законы, обеспечивающие поддержку ребенку и оплату алиментов, практически не применялись в течение многих лет, и, таким образом, эти покинутые дети оказались под опекой государства. Такие ситуации ускользают от внимания иностранных делегаций, хотя образцовые детские дома и ясли постоянно посещаются наивными иностранцами.

Реальные условия жизни этих детей всегда скрывались; огромное число этих яслей на самом деле обычные сиротские приюты и другие заведения данного типа. Уход, пища, одежда и внимание, уделяемое малышам, в основном вполне хорошие, но они никогда не заменят Богом данное право детей на заботу родителей. Полностью обезличенная забота государства никогда не заменит родительского внимания и не пытается это сделать. Наоборот, система, по его мнению, тем прочнее, чем больше детей становятся обезличенными в коллективных социальных

реалиях, — этот медленный, но неотвратимый процесс уже дает свои результаты. Коммунистическая система посвящена реализации чисто материальных потребностей, в то время как семейное воспитание, связанное с христианскими или другими религиозными убеждениями, считается простым пережитком старых буржуазных обычаев. Некоторые ясли находятся в ведении МВД — КГБ.

Вне зависимости от возраста каждый человек тщательно регистрируется и отслеживается. Паспорта выдаются внутренним отделением тайной полиции, действующим через гражданские органы милиции, непосредственно связанные с МВД — КГБ. Человек должен не просто иметь внутренний паспорт, но он должен быть еще и политически чистым, если его держатель не хочет иметь проблем с законом. Имеется несколько категорий паспортов, хотя по внешнему виду все они похожи. Вообще говоря, существует два типа паспортов: один — для внутреннего пользования, другой — исключительно для зарубежных поездок, при этом МВД вручает иностранные паспорта на время поездки взамен сдаваемых внутренних паспортов. Обладатель иностранного паспорта никогда не чувствует себя свободным, находясь за рубежом, так как его ближайшие родственники в это время рассматриваются как заложники. И хотя не существует законов, подтверждающих такую практику, это тем не менее реальность.

Русские люди за рубежом постоянно подвергаются проверке, чтобы у них не возникло желания порвать с их принадлежностью к СССР. Кроме того, каждый советский гражданин отчитывается перед одним из агентов, связанным с аккредитованной дипломатической или консульской миссией под прикрытием кого-либо вроде атташе. Дипломатический иммунитет теперь защищает тайную и явную деятельность мучителей, скрывающихся под личиной дипломатов, которые злоупотребляют иммунитетом, гарантированным международным законом. Зарубежные отделы МВД — КГБ каждые две недели проверяют находящихся в зарубежных поездках артистов, членов закупочных комиссий, моряков торговых судов, корреспондентов — словом, всех держателей советских зарубежных паспортов. Живущие группами регулярно собираются местными политруками для допросов и агитации. Корреспонденция советских людей, живущих за рубежом, проходит через посольскую дипломатическую почту, досматриваемую МВД — КГБ. Советские военные, морские и военно-воздушные представительства, не говоря уже о «культурных» и торговых, во всем контролируются МВД — КГБ. Как ни странно, все советские

служащие за рубежом объединены в профсоюзы, но не в принятом на Западе смысле этого слова. Они регулярно сдают взносы, и часть этих денег, собираемых в иностранной валюте, идет на распространение мировой революции через упоминавшийся уже МОПР.

В границах СССР граждане всех полов и возрастов регистрируются от рождения до смерти в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС-ах). Я бывал в некоторых из них в различных российских городах и деревнях. Только в одной Москве насчитывается двадцать три такие конторы, в которых хранятся записи о рождениях, браках и смертях. Русские люди, родившиеся в местах депортации, в ссылке или концентрационных лагерях, являются объектом гораздо более внимательного контроля. Политические заключенные, лишенные своих прав, не имеют паспорта, но они и их дети внесены в специальные списки, доступ к которым имеет только начальник лагеря — сотрудник МВД — КГБ. Он один знает, кто числится среди живых, а кто умер. Имена тех, кто был расстрелян в лагерях, погиб от болезней и физического истощения, просто вычеркивались из списков; члены семьи узнавали о смерти своих близких случайно, обычно с чьих-то слов. На многие годы заключенных лишали права переписки; их лишали паспортов и других основных документов, чтобы предотвратить попытки к бегству, однако многие из них все же пытались освободиться от мертвой хватки своих мучителей.

Особо жестокие волны террора и чисток, затронувших широкие слои населения, затрагивали и многих высокопоставленных людей. Вследствие важного положения этих жертв либо по причине их количества МВД — КГБ временами стали посылать извещения об их смерти мужьям, женам и детям умерших. Но для сокрытия истинной причины и обстоятельств их смерти был отдан приказ ЗАГСам выдавать свидетельства в вежливой форме, удостоверявшие реальную или вымышленную причину смерти важной персоны. Я видел такое официальное свидетельство, выданное в Москве о смерти человека, умершего за тысячи километров при самых невероятных обстоятельствах. Такое происходило особенно часто во время чисток, последовавших после убийства Кирова, а также в середине и в конце 30-х годов, когда при Ежове и Ягоде полились реки крови.

Многие из этих жертв — доктора, профессора и инженеры — умерли от эпидемии чумы в дальних лазаретах концентрационных лагерей, но в извещении о смерти из ЗАГСа, которое я видел своими глазами, не было упоминания об этих обстоятельствах. Я знаю из абсолютно надежных источников о

трагическом конце одного известного профессора, арестованного во время безжалостной повальной расправы Ежова с интеллигенцией и скончавшегося в лагере от бубонной чумы[151]. Жену даже не известили о его аресте: муж просто не пришел к ужину. Его вдова показала мне свидетельство о его смерти, полученное из муниципальных органов власти четыре месяца спустя. Там ничего не было сказано о том, что он умер, будучи политическим заключенным, и что смерть наступила в лагере; в свидетельстве о смерти упоминался только его возраст и место смерти, затем следовало несколько терминов на латыни, «объясняющих», что человек умер от сердечной болезни!

Таков всеобъемлющий контроль МВД — КГБ над беспомощным населением. Но Советы интересуются не только количеством людей в стране и где они находятся, намного важнее им знать, о чем они думают. МВД — КГБ хотят знать, как русские люди реагируют на коммунистическое правление, каковы их политические склонности и тенденции отношения к коммунизму, — это является основной заботой агентов и определяется без больших усилий. Оппозиция к партии редко возникает в административных кругах, но многие факты доказывают, что среди них существует междоусобная борьба. Убийство Кирова — самое красноречивое доказательство этого. Затем последовали смерти при таинственных обстоятельствах Орджоникидзе и Жданова, не говоря уже об исчезновении Фрунзе несколькими годами ранее.

МВД — КГБ имеют гораздо больший контроль над населением, чем думают западные наблюдатели. Вся советская промышленность контролируется тайной полицией через администрацию заводов, фабрик, артелей, не принимающих ни одного решения без уведомления партийных лидеров. То же происходит в системе образования, от детских яслей до университетов; рядом с деканом, ректором, директором школы всегда находится партийное око. Так же и в сельском хозяйстве. Все стороны советской жизни являются объектом внимания МВД — КГБ. В санаториях, больницах, родильных домах, яслях, парках развлечений, аудиториях и даже в церквях есть прикрепленные информаторы; не являются исключением библиотеки, театры, читальные залы, школы и университеты.

По всей стране раз в две недели русские люди из всех слоев общества обязаны участвовать в политических беседах. Встречи этого рода называются «собраниями», прогулять которые не разрешается. Линия партии провозглашается не только в газете «Правда», официальном органе государства, директивы также «озвучиваются» при огромном скоплении народа, собранного в

приказном порядке. Митинги собираются на заводах, в парках культуры и отдыха, в колхозах, повсюду; и все ораторы связаны с МВД — КГБ. Во всех пятнадцати республиках темы бесед одинаковые: неизменные лекции о международном положении; на Украине, в Казахстане, других республиках отличается только язык бесед, но тема никогда не меняется. МВД — КГБ проверяют не только обязательную посещаемость граждан, но также и назначенных агитаторов.

Это единственная форма политической мысли, доступная простому народу, а отклонения от основной линии неизменно преследуются; в этом смысле царит коммунистическое равенство. Очевидно, что такой коллективный подход к массам оглупляет умы, поскольку всем говорят одно и то же; всех подгоняют под одну гребенку с небольшой адаптацией. Конечный результат такого процесса — создание идеального homo politicus sovieticus. Но это не всегда происходит. И партия не дремлет. Десятилетия идейной обработки все еще не подавили индивидуальности многих хороших людей; русские мужчины и женщины все еще хотят думать сами, хотя уже давно поняли цену молчания, несмотря на 125-ю статью конституции. Каждый нормальный человек одарен Создателем независимыми нравственными качествами, и русские не исключение. Несмотря на регламентацию мышления в СССР, каждый человек хочет иметь собственное мнение. А его можно высказать только в узком семейном кругу или среди абсолютно верных друзей. Но даже в семье нужно сохранять секретность и благоразумие, потому что детей в школе обучают доносить обо всем, что они слышат дома.

Ни один русский человек не осмелится высказаться открыто в конторе, на заводе или в колхозе; по этой причине проверка людей в семьях приобретает огромную важность. Все дома находятся в ведении домоуправления, подчиняющегося милиции и КГБ; каждое жилое здание имеет заведующего, который возглавляет домовый комитет. Он может и не быть членом партии, но его ответственность простирается дальше проблем обслуживания и ремонта дома. Его больше беспокоят политические проблемы, и очень немногие задерживаются надолго на этой должности. Ведь кроме обслуживания дома каждый управдом должен докладывать в МВД — КГБ о политическом состоянии и убеждениях жителей, проживающих в доме. Кроме того, никто ни при каких обстоятельствах не может проживать в доме без регистрации в домовой книге; регистрация происходит только по предъявлении паспорта и других важных документов; в такой прописке вам могут и отказать без объяснения причин. Политическим преступлением считается

предоставление жилплощади человеку без регистрации. Нарушение влечет за собой шесть месяцев исправительных работ или лишение свободы на два года. Домовая книга держится строго под замком и периодически проверяется агентами тайной полиции. Эти меры должны отбить у людей охоту предоставлять убежище беглецам, дезертирам и другим людям, скрывающимся от «правосудия», однако вся Россия кишит такими беглецами, скитающимися, как загнанные звери.

Сталин однажды провозгласил, что дети не отвечают за «преступления» отцов: это было сказано в официальной речи в Москве и опубликовано на следующий день в «Правде». Вся иностранная пресса перепечатала этот перл сталинского обмана в таком стиле, что многие были готовы поверить в наступление новой эры политической эмансипации на многострадальной русской земле. Но советский фюрер также однажды сказал иностранным корреспондентам, что он за «свободную и независимую Польщу». В Советском Союзе практически не происходит пересмотра приговоров, разве что иногда для «показухи»[152]. Например, некоторые жертвы, несправедливо обвиненные во времена «нарушений», допущенных Берией, были полностью реабилитированы в конце 50-х годов.

МВД — КГБ следят за тем, чтобы те, кто отбывал наказание по политическому приговору, были отмечены клеймом на всю жизнь. Это относится не только к заключенным, но и к их ближайшим родственникам, иногда включая родню мужа или жены. Несмотря на отсутствие по этому поводу закона, при приеме на работу, например, требовалось заполнение анкеты, в котором был и такой вопрос: «Были ли вы или члены вашей семьи приговорены за политические преступления?» Узникам, освобождавшимся из заключения, выдавались паспорта, отличавшиеся, однако, от прежних конфискованных у них документов; новый паспорт априори исключал определенные категории занятости. Наказание могло быть разной степени и длительности: я видел своими глазами очень много таких паспортов; их мне показывали несчастные люди, проезжающие транзитом через Москву с разрешением пробыть там двадцать четыре или сорок восемь часов по пути к месту депортации в отдаленные районы страны. Там они, будучи «свободными», могут выполнять неквалифицированную работу и «свободно» два раза в месяц докладывать о себе в местное отделение МВД — КГБ. Вот так контролируется вся внутренняя жизнь в СССР.

Теперь рассмотрим некоторые аспекты проверок на транспорте.

2. МВД — КГБ контролируют передвижения населения и перевозки

Второе отделение МВД — КГБ контролирует практически все, что движется, и тех, кто пользуется транспортными средствами. Агентов этого отделения легко отличить по темно-красному верху их форменных фуражек. МВД — КГБ не управляют железнодорожным транспортом; об этом заботится Министерство путей сообщения (Минпуть); и персонал железных дорог имеет собственную униформу. В Советском Союзе всегда было невероятное число крушений поездов, особенно товарных; трудно сказать, является ли это следствием саботажа или неэффективности работы. Хотя в прессу практически не проникают сведения о таких авариях, они происходят с очевидной регулярностью. Если они учащаются, МВД — КГБ начинают массовые аресты; устраиваются открытые или закрытые суды, заканчивающиеся депортациями, и на какое-то время снова наступает «нормальная» жизнь.

Кроме пристального наблюдения за работниками железной дороги, это отделение осуществляет постоянную проверку всех путешествующих. В нормальных странах для того, чтобы воспользоваться железнодорожным, водным или воздушным транспортом, необходимо просто купил, билет. В СССР все по-другому: чтобы купить билет на поезд дальнего следования, надо предъявить паспорт, командировочное удостоверение, справку с места работы или пенсионную карту. В каждой билетной кассе и бюро путешествий работает, по крайней мере, один агент МВД — КГБ, который должен знать, кто вы, куда собираетесь ехать, к кому и на сколько.

Иностранцы, как правило, не подвергаются таким неудобствам; их контролируют более осторожно. В любом случае обладателей иностранных паспортов, путешествующих по СССР, проверяют задолго до предоставления им въездной визы. Путешествующие через «Интурист», приглашенные делегации, гости ВОКСа, дипломаты и журналисты, имея необходимое разрешение, могут путешествовать месяцами, не чувствуя особого контроля. Огромные области Советского Союза просто закрыты, в том числе и для иностранных гостей. Территории Главного управления лагерей (ГУЛАГ) входят в категорию закрытых. Большая часть лагерей находится на севере Европейской части России; в азиатской части страны, в Казахстане и Сибири, также содержится огромное количество политических заключенных.

Немногие существующие в СССР асфальтовые и бетонные дороги просто усыпаны контрольно-пропускными пунктами МВД

— КГБ; днем и ночью их патрульные автомобили разъезжают по шоссе. Грузовые перевозки в стране недостаточно развиты вследствие отсутствия дорог. Советские водители грузовиков подвергаются таким жестким испытаниям, которые едва ли выдержал бы западный человек; они не могут проехать и тридцати-пятидесяти километров, чтобы не быть вынужденными остановиться по той или иной причине, чаще всего из-за механических неполадок. Водители сделанных в России машин всегда готовы к поломкам. Колеся по Советской России, я неоднократно видел грузовики, стоящие на обочине. Часто причиной неполадок являются спущенные шины; советская промышленность добилась успехов в изготовлении шин из синтетической резины, однако качество внутренних камер все еще неудовлетворительно. Вторая проблема терпеливых российских водителей — неполадки двигателя.

Кроме того, и загруженные, и порожние грузовики нередко останавливают патрули МВД — КГБ на дорогах для проверки паспортов водителей и документов на машину; паспорта выдаются на людей, грузовики, легковые автомобили и некоторые виды машинного оборудования. Все, что имеет паспорт, должно иметь дело с МВД — КГБ; все, что движется по земле, воде и в воздухе, находится под их контролем. Большое число водителей грузовиков находятся на выполнении исправительных работ; и мужчины, и женщины используются на разных видах работ по приговору. В Советском Союзе женщины пользуются такими же «правами», как и мужчины, в том, что касается политического или гражданского ареста; у них должны быть в порядке все документы, если вдруг их потребуют агенты МВД — КГБ.

Люди могут быть приговорены к различным видам «общественных» работ, например, к исправительным работам без лишения свободы передвижения. Водитель грузовика, как и парикмахер, токарь, бухгалтер или учитель, может быть приговорен народным судом к работе на основном месте занятости, но часть зарплаты при этом перечисляется в пользу государства. Это случается довольно часто и является естественным следствием развитого социализма. Такая система требует и соответствующей бюрократии, которую трудно понять человеку с Запада. Чрезмерно развившаяся бюрократическая система федерального правительства США не идет ни в какое сравнение с советской.

Когда я сказал, что МВД — КГБ контролируют движение на земле, на воде и в воздухе, это не было преувеличением. В мирное время, не говоря уже о военном, те немногие русские люди, у которых есть собственный автомобиль, могли купить

только определенное количество бензина в месяц. Надо помнить, что ни в одном уголке Советского Союза нельзя приобрести ни единой капли лишнего бензина, кроме черного рынка. Дипломаты, журналисты и аккредитованные иностранцы получают бензин в соответствии со своим статусом, но никогда больше обусловленного количества.

Однажды московский консул привез из-за рубежа моторную лодку, оснащенную дорогим оборудованием; каждый раз, когда он пользовался ею, за ним пыхтели на своей примитивной посудине агенты МВД — КГБ, пытаясь не потерять его из вида. Но настоящие проблемы начались, когда из США прибыл частный самолет посла Буллита, который должны были обслуживать американские пилоты и механики. Самолет был припаркован на аэродроме в Тушино, на окраине столицы, где каждый год в августе проводится праздник Военно-воздушного флота. Всех интересовало, как поведут себя «ангелы-хранители», когда посол полетит на своем самолете: и ясным летним днем вся американская колония отправилась в Тушино приветствовать американского посла, возвращавшегося в столицу на своем самолете. Внезапно мы услышали звук мотора самолета и увидели далеко в небе маленькую точку — это был самолет Буллита, возвращающийся из Одессы. Вскоре вслед за ним появилась другая точка: конечно же, это была тайная полиция, сопровождающая посла в небе. Впервые посольский самолет пролетел над Советским Союзом, и, как оказалось, «ангелы-хранители» не подкачали и на этот раз тоже.

Иногда такая «охрана» становилась опасной. Через много лет у другого посла было два «паккарда», прибывших в Москву водным путем; посол любил лично ездить за рулем, что было неслыханно в стране пролетарского равенства. Сталина, Хрущева, Микояна, Кагановича и других крупных «шишек» никогда, ни при каких обстоятельствах невозможно было даже представить за рулем, не говоря уже о комиссарах более низкого ранга. Но два препятствия мешали послу наслаждаться автомобильным спортом: он любил резко тормозить, а его постоянно сопровождали «ангелы-хранители», которые не должны были терять его из вида. Однажды он был вынужден очень резко затормозить, так что «ангелы», ехавшие непосредственно за ним, врезались в зад «паккарда».

Временами такое рвение в работе агентов МВД — КГБ приводило к смехотворным ситуациям. Один посол любил освежиться во время короткого, но жаркого лета, купаясь в Москве-реке, и отправлялся для этого за двадцать миль от города. Когда он входил в воду, его «ангелы» делали то же самое.

Однажды, после того как эта комедия продолжалась довольно длительное время, посол приехал на то же самое место, но на этот раз с единственной целью найти свою соломенную шляпу, потерянную в предыдущий день. Думая, что посол собирается плавать, «ангелы» быстро разделись и бросились в реку. Тем временем шляпа была найдена, и, быстро сев в автомобиль, посол приказал шоферу ехать обратно в город, а сам дружески помахал рукой «ангелам» МВД — КГБ. С быстротой молнии они выскочили из воды и бросились к своему автомобилю: мокрые и полуголые, они мчались в город, стремясь не потерять посла из вида.

В Москве были сотни автомобилей МВД — КГБ с двумя агентами на каждом, используемых для выслеживания дипломатов, военных атташе и некоторых гостей, приехавших по приглашению ВОКСа. Однако их число несравнимо с армией агентов, рассылаемых по поездам, пароходам, самолетам для слежки за людьми собственной страны. СССР состоит из пятнадцати независимых республик; правительственные агенты одной республики не имеют дел с агентами других и не подчиняются приказам их начальства. Украинцы не вмешиваются в дела грузин, что показывает их внешнюю независимость, но она не касается МВД — КГБ; их агент может показать свою власть и юрисдикцию в любой части СССР.

МВД и КГБ имеют длинные руки, не признающие границ: они действуют в Вашингтоне, Лондоне, Париже и других иностранных столицах, работая под маской дипломатов.

3. МВД — КГБ на границах

СССР занимает одну шестую часть суши, что в три раза больше территории США. Самый быстрый советский поезд преодолевает расстояние от советско-польской границы до Тихого океана больше чем за две недели. Двенадцать различных стран граничат с советской территорией в Европе и Азии; примерно через каждый километр граница патрулируется часовыми, одетыми в ту же форменную одежду МВД — КГБ, только верх фуражек у пограничников зеленого цвета.

Холодная зона арктической тундры патрулируется только самолетами. Все другие границы охраняются пограничниками днем и ночью; наиболее доступные участки ночью освещаются мощными прожекторами. Каждый пограничник вооружен винтовкой и приказом стрелять на поражение. Когда бесполезно огнестрельное оружие, применяются специально обученные собаки, бегущие по следу нарушителя границы. Многих беглецов

загрызли до смерти; собаки набрасываются на своих жертв, мужчин или женщин, убивают или калечат их в свете прожекторов. Многие из этих несчастных, пытающихся бежать, становятся легкой целью вооруженных солдат, когда падают в болото и грязь, пытаясь уползти или зарыться. За все двенадцать лет, прожитых в России, никогда я не встречал никого, кто пытался бы проникнуть в страну; наоборот, огромное количество людей искало случая, чтобы бежать из нее. Вторжение Германии дало многим русским шанс; однако надежды тысяч людей были разбиты в конце войны, когда за ними были посланы отряды МВД — КГБ. Благодаря Потсдамскому соглашению Берия добился их репатриации. Западные дипломаты, и американские в том числе, могли бы хорошо подумать об этом, планируя работу психологических передач своих радиостанций.

4. Карательные методы борьбы с контрреволюцией

МВД и КГБ дополняют друг друга. Служба безопасности КГБ редко упоминается в иностранной прессе, тем не менее именно КГБ всегда был главной опорой режима, играя невидимую, но важную роль в решениях Президиума ЦК Компартии. На самом деле это целая армия со своим собственным генштабом, к которому в прошлом принадлежал и ныне покойный Георгий Зарубин, служивший одно время послом в Вашингтоне.

КГБ — это сильная рука Президиума ЦК и, конечно, всей партии. Если задача Красной армии — защищать страну в случае нападения, то задача КГБ — бороться со своим народом. Каждый русский знает это, хотя все операции КГБ окружены полным молчанием. В его истории нет ничего, кроме кровавых репрессий, массовых убийств, депортаций и уничтожений. В конце 1945 года в советской прессе упомянули о почетной роли некоторых подразделений НКВД. Превосходя в бесстыдстве Совинформбюро, которое кормило иностранных корреспондентов небылицами во время Второй мировой войны, «Правда» имела наглость опубликовать приказ генералиссимуса Сталина о награждении войск НКВД за доблесть. Эта «доблесть» состояла в том, чтобы принуждать идти в бой целые дивизии Красной армии[153], отказывающиеся воевать против вермахта. Войска Красной армии редко дислоцировались с отрядами КГБ, и неприязнь к ним вполне понятна.

Когда в государственном планировании происходили сбои, особенно когда крестьяне отказывались выполнять нормы сдачи зерна, войска КГБ направлялись на «усмирение» этих районов.

Войска КГБ размещались в стратегических районах СССР для наведения «порядка» в критических ситуациях, которые периодически возникают повсеместно. Каждая союзная республика охраняется этими безжалостными солдатами. Хрущев солгал, не моргнув глазом, когда во время одного из двух своих визитов в Америку резко прокомментировал «Неделю покоренных наций», провозглашенную в 1960 году президентом Эйзенхауэром. Генсек компартии возражал против этого, настаивая на том, что покоренные нации существуют только в капиталистических государствах; лучшее доказательство этого, по его словам, тот факт, что ни одна из советских республик не вышла из состава Союза, хотя право на самоопределение гарантировано советской конституцией.

Хрущев аргументировал это в той же самой манере, в какой посол Литвинов убеждал президента Рузвельта, цитируя советский закон о религиозной свободе в России. Хрущев только забыл сказать своим слушателям, что прежде существовало шестнадцать советских республик. Одна из них была полностью разгромлена объединенными отрядами МВД — КГБ, когда многочисленные народы Дальнего Востока в конце 50-х годов открыто заявили о том, что не хотят быть в составе Советского Союза[154]. И немедленно в действие вступили отряды КГБ: начались беспощадные убийства, сожжение деревень и разгон оставшегося населения.

Солдаты КГБ набираются из азиатских провинций, где преобладают монголоиды; их отряды известны во всех политически беспокойных республиках, особенно на пока еще не «усмиренной» Украине, — эти безжалостные войска люди называют карательными отрядами КГБ.

Несмотря на крутые меры по предотвращению контрреволюционной деятельности, временами в различных уголках этой огромной страны люди показывали, что они сыты по горло такой системой. В большинстве случаев их единственным оружием было пассивное сопротивление; открытые бунты случались чрезвычайно редко, но все-таки случались. Многие ли за пределами СССР знают о том, что НКВД подавил во время войны два восстания на Дальнем Востоке? Оба были потоплены в крови и остаются во многом неизвестными до сих пор.

Когда такие мятежи происходили в мирное время, их усмиряли быстро и самым радикальным образом: за несколько часов опустошались деревни или целые районы, а население набивали в фургоны и депортировали. Государство (читай: Коммунистическая партия) всегда знало, каким образом использовать этих несчастных людей, особенно вследствие

нехватки рабочей силы, выявленной переписью 1939 года. Всегда существовала какая-нибудь крупная стройка в радиусе нескольких сот километров, куда направлялось непокорное население в качестве рабочей силы. А тайная полиция имела собственные задачи, например прочесывание окрестных лесов, — эти широкомасштабные акции взятия в коллективное рабство подавались в советских иноязычных публикациях как «общественный подъем».

Можно с уверенностью сказать, что общее количество людей, депортированных в России за три века династии Романовых (1613–1917), не идет ни в какое сравнение с числом арестованных и депортированных с начала советского правления. Не говоря уже об относительно комфортабельном положении узников царизма, многим из которых разрешалось свободно передвигаться и заниматься работой по своему выбору. Невозможно оценить число политических заключенных, существующих в СССР в настоящее время, не говоря уже о толпах «непокорных», присланных в Россию из стран-сателлитов, например из Польши, Венгрии и других «освобожденных» стран. На эту тему нет данных государственной статистики — это и есть настоящая государственная тайна, умело скрываемая при переписи населения. Тем не менее об этом говорят все, так как практически во всех семьях страны есть арестованные или сосланные.

Царский режим все-таки обнародовал надежные статистические данные: энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, последнее авторитетное российское издание, опубликованное до пришествия Ленина, сообщает, что в 1897 году в России было 298 577 душ, сосланных в Сибирь. Это было за восемь лет до революции 1905 года; и все они прошли судебные разбирательства в соответствии с действующими тогда законами. Всего за один месяц Советы арестовали и сослали без суда и следствия больше народу, чем царский режим за целый год. А за один год после создания НКВД был превышен позорный рекорд нацистского гестапо под руководством Генриха Гиммлера. Массовые репрессии в современной России не поддаются описанию; не делалось ни одной попытки сравнить их с дореволюционными временами. Нечестно, несправедливо и несерьезно говорить, как это делают некоторые, что Россия всегда жила при репрессивной системе. Обманывают те, кто убеждает, что русским людям лучше живется при МВД — КГБ, чем было при царском Охранном отделении.

Вот в такой постоянной атмосфере давления и террора мне пришлось тогда жить; война не только не устранила их, а, наоборот, усилила. При взгляде на события прошлого удивление

вызывает тот факт, что режим не развалился во время нападения Германии; но те, кто знает, что происходит за кулисами карательной деятельности МВД — КГБ, конечно, не удивляются. Мне хочется немного забежать вперед и сказать, что, если бы не было огромной материально-технической поддержки ленд-лиза, советское гестапо перестало бы существовать. А вместе с ним исчезло бы советское полицейское государство, подпиравшееся МВД — КГБ.

Глава XIV. Я имею дело с НКВД

Шестицилиндровый «рено», унаследованный мною от епископа Пия Неве, облегчал мне поездки по городу на срочные вызовы. Чтобы сберечь время, завтрак мне приносила в церковь старая преданная горничная, появлявшаяся каждое утро с кофе или его заменителем в термосе. Кофе с куском хлеба поддерживали мое тело и душу до обеда, таким образом, я экономил время и шесть километров пути в день.

Каждое утро я выезжал из дома очень рано, чтобы быть в церкви к семи часам. Я сам вел машину и обычно ставил ее у церкви напротив главного здания КГБ, где она простаивала по несколько часов и зимой, и летом. Когда было холодно, я заливал в радиатор воду с 60-процентным раствором глицерина; примерно раз в час я выходил на несколько минут, чтобы прогреть двигатель, так что, за исключением военных лет, которые я провел в Москве, у меня не было серьезных проблем с двигателем зимой. До 1941 года я пользовался теплым гаражом французского посольства; если мой «рено» замерзал на морозе, то за ночь он отогревался в гараже; из предосторожности я прикрепил на радиатор теплую прокладку, защищающую двигатель. Когда мне приходилось выезжать на дальние вызовы, езда на загородных дорогах по снегу и льду не всегда доставляла удовольствие, но глицериновая смесь всегда верно служила мне все те незабываемые зимы.

Я расскажу, забегая вперед, одну забавную историю, связанную с моим допотопным антифризом. До войны французское посольство обеспечивало меня этой драгоценной жидкостью; позднее дипломатический корпус последовал за советским правительством, бежавшим во временную столицу Куйбышев, и оставался там почти до самого окончания войны. В это критическое время я унаследовал кое-какие вещи от дипломатов, срочно покидавших столицу: кто-то оставил мне еду, одежду и некоторые вещи, которые было трудно достать, среди прочего было три бутылки настоящего шотландского виски и пара новых брюк в полоску! Эти брюки я вскоре передал одному бедному русскому, бывшему церковному сторожу одной из теперь закрытых католических церквей, этот человек был и похоронен в них во время осады Москвы.

Я знал, что шотландский виски в то время был бесценным приобретением, и хранил его для особых оказий. И скоро возникла надобность в нем. Необычно холодная зима 1941 года уже сковала землю, и у меня начались проблемы с антифризом

для моего «рено». Тогда я пошел к своему другу Джеку Моргану, ставшему администратором обезлюдевшего посольства, и попросил его помочь мне достать галлонов шесть глицерина, с возмещением расходов, конечно, ведь мне, как «паразиту», было бесполезно посылать запрос в Бюробин или куда-либо еще. Через пару дней он сообщил мне, что его попытки не увенчались успехом, он все перепробовал, глицерин нельзя достать ни за какие деньги. Тогда я сказал ему: «Джек, так случилось, что я стал обладателем трех бутылок отменного шотландского виски. И мне придется вылить его в радиатор вместо антифриза». На него сразу стало жалко смотреть, его вид выражал полное отчаяние, он стал умолять меня не делать этого, обещал, что постарается предотвратить такую непоправимую катастрофу. Я не знаю, что он стал делать, с кем разговаривал и где раздобыл глицерин, но на следующий день он с торжествующим видом принес мне три галлона глицерина: так я конвертировал мой запас виски в антифриз.

Итак, каждое утро я ездил на епископском «рено» в церковь. Улица Малая Лубянка, на которой она располагалась, не была автомобильной магистралью, ее длина всего пятьсот-шестьсот метров. Тем не менее она охранялась почти как подходы к Кремлю из-за зданий Министерства госбезопасности, окруживших церковь после революции. Церковь наблюдалась из здания напротив от чердака до подвальных окон. Из-за моего постоянного общения с русскими людьми за ней следили и снаружи, и внутри: прямо напротив внутреннего двора постоянно дежурил милиционер. На улице только дипломаты парковали принадлежащие им машины. Многие годы не было никаких возражений против того, чтобы и я оставлял свой автомобиль прямо на улице.

Примерно в десяти метрах от этого места располагались большие железные ворота печально известной Лубянки — центральной политической тюрьмы. Еще во времена Ягоды и Ежова в эти ворота въезжали фургоны, нагруженные людьми, пойманными во время ночных арестов. При Берии интенсивность доставки фургонов увеличилась; в любое время дня и ночи агенты тайной полиции врывались в дома и хватали перепуганных людей. Я видел, как они делали свою грязную работу с холодным и бесстрастным спокойствием профессиональных палачей. Под покровом темноты полностью загруженные фургоны въезжали внутрь, и люди исчезали в зловещей тишине за железными воротами.

Я был свидетелем того, что не предназначалось для моих глаз: все это происходило рано утром. Когда нужен был «большой

улов», узники прибывали постоянно — и днем, и ночью. Двойные ворота зловещей Лубянки открывались, как челюсти ненасытного чудовища, затем захлопывались; и снова на маленькой улице становилось тихо и спокойно. В эти закрытые фургоны попали многие мои знакомые и друзья, которых я больше никогда так и не увидел. Я никогда не видел всего, что происходило во дворе лубянской тюрьмы, хотя часто находился напротив ворот, когда въезжали фургоны. Внутри часовые в фуражках с синим верхом быстро закрывали ворота в тот момент, когда туда въезжал «черный ворон». Когда узники выходили по одному из фургона, заложив руки за спину, взвод НКВД стоял неподвижно, держа ружья наизготовку. Кроме случаев массовых арестов, все арестованные помещались в одиночные камеры: я знал об этом от людей, которым удалось освободиться.

Однажды утром милиционеры сообщили, что мне запрещено оставлять свой автомобиль на улице. Ну что ж, я стал ставить его во дворе церкви. Открытое пространство между церковью и главным зданием позволяло им фотографировать и просматривать церковь от самого основания. В этом районе меня хорошо знали и всегда здоровались со мной. Вскоре после приказа убрать автомобиль с улицы воскресным зимним днем я собирался домой из церкви, где провел подряд восемь часов. И тут я обнаружил, что машина не заводится: стартер был в полном порядке, бензина был полный бак, а в радиаторе — глицериновая смесь. Я поднял капот и увидел, что внутри все было разгромлено, как будто кто-то поработал кувалдой: все разъемы и электрические провода вырваны, карбюратор вдавлен внутрь.

Я подошел к милиционеру, стоявшему неподалеку, и спросил его, не видел ли он кого-либо, кто подходил к моему автомобилю. Он ответил утвердительно. «Почему же вы не остановили его?!» — «А может быть, он чинил вашу машину», — ответил тот. Стало совершенно очевидно, что это была заранее спланированная акция. И мне ничего не оставалось делать, как позвонить во французское посольство и вызвать грузовик, чтобы меня отбуксировали домой. Было бы глупо подавать жалобу явным авторам злодеяния, так как я ничем бы не смог «подтвердить» эту жалобу.

Добрый Александр, личный шофер французского посла, починил моего железного коня, который прослужил мне еще много лет. Постепенно восстановленный по частям «рено» продолжал служить мне верно, пока не испустил свой механический дух. Я часто попадал на нем в снежные бураны и в сугробы далеко от расчищенных от снега улиц столицы. Когда это случалось за городом, из своих домов сразу же выходили

крестьяне, чтобы помочь мне. В поездках по обледенелым и заснеженным дорогам я часто застревал в канавах; когда же доброжелательные мужики узнавали, что я — батюшка, они запрягали пять-шесть лаек и вытаскивали из канавы мой автомобиль вместе со мной на дорогу.

Как-то раз после полудня из французского посольства мне передали, что меня вызывают к больному. Это был редкий случай, когда по телефону говорили по-русски. Я должен был совершить помазание почтенной француженки 94 лет. Она прожила в России более пятидесяти лет, даже после революции она продолжала жить с добрыми людьми, к которым приехала работать молодой девушкой. Все, что мне передали, — это имена и фамилии умирающей дамы и семьи, в которой она жила, а также название деревни, в которую мне предстояло ехать. Но каким образом туда добраться, было сообщено лишь в общих чертах; однако, несмотря на это и на значительное расстояние до них, я должен был исполнить свой долг.

Я взял столу, требник, елей для помазания и отправился в авантюрное путешествие. Была ранняя весна, но даже в столице было еще много снега, не говоря уже о сельской местности. Меня уверили, что дороги за городом вполне проходимы; однако к этому времени у меня уже был опыт общения с деревенскими людьми. Я знал, что мужик может называть «дорогой»; по их понятиям, «дорога» — это где могли проехать телега или сани, запряженные лошадью; она могла быть вся в ямах, выбоинах, рытвинах или поваленных деревьях. Я надел свое длинное меховое пальто, заехал на бензоколонку, единственную, где мне разрешалось заправляться, и отправился в отдаленную деревню — было чуть больше трех часов пополудни. Московские улицы, как всегда, были очищены от снега; но в области очень мало дорожных указателей, и поэтому я часто останавливался, чтобы узнать дорогу.

Где бы я ни останавливался, возле машины сразу собирались маленькие дети; они удивленно водили своими ручонками в варежках по полированной поверхности автомобиля. Появление машины вызывало восторг у малышей; для наивных, ни о чем не подозревающих детей это была настоящая радость; они видели что-то новое и необычное, судя по тому, как они прыгали, хлопали в ладоши и кричали от удовольствия. У взрослых людей прибытие странного автомобиля вызывало чувства другого рода. В таких автомобилях ездили исключительно государственные официальные лица; чаще всего это были люди из НКВД, а появление агентов НКВД, безусловно, означало, что кого-то в деревне должны были забрать.

Взрослые сторонились меня, никто не хотел, чтобы его видели разговаривающим со мной. Маленькие дети этого еще не знали, но стереотип мышления отражался даже на них. И меня, приехавшего с духовной миссией, невинные детские голоса спрашивали: «Дядя, кого вы будете арестовывать сегодня?» Они искренне принимали меня за офицера НКВД! Но были слишком малы, чтобы понимать, что это значит, однако для них было естественным реагировать именно таким образом. Искажение человеческих чувств — только один из результатов воздействия материализма советского образца. Русские люди не хотели быть его частью, но у них не было выбора.

Я ехал, полагаясь на советы местных, которые подчас были весьма противоречивыми. Уже совсем стемнело, и больше не было детей, играющих на улице. Опустели дороги; единственным признаком жизни был дымок над избами. Время от времени раздавался побрякивающий звук колокольчика, когда по дороге ехали большие прочные сани, запряженные одной-двумя лошадьми, везущие сено или дрова. В темноте они двигались по обочине дороги, оставляя среднюю часть для редкого в этих местах механического транспорта; крестьянин обычно шел рядом с лошадью, в основном чтобы согреться. Географические познания большинства из них, за исключением тех, кто ездит в город на рынок, ограничиваются восемью-десятью километрами округи; по этой причине очень трудно узнать, как добраться куда-либо.

И тут я обнаружил, что еду не в том направлении. Возвращаясь по длинному мосту, который я не должен был переезжать, я оказался на берегу канала, откуда мне было необходимо перебраться на другую сторону на пароме. Пришлось дожидаться парома с той стороны; он приводился в движение лебедками и двумя тросами. После пересечения канала я продолжил движение. Но настоящие проблемы начались, когда я выехал на дорогу, идущую краем леса; отсюда начиналась «дорога» в крестьянском понимании, которая вела через лес к другой деревне. Изба, которую я искал, находилась дальше места, до которого я доехал. Я снова застрял в сугробе, но, к счастью, неподалеку было несколько домов, и крестьяне помогли мне выбраться.

В конце концов я добрался до избы, которую искал, исполнил требуемый обряд над доброй женщиной и совершил помазание. Ввиду позднего времени я не стал медлить с отъездом. Я проехал всего шестьдесят километров от Москвы, но сжег много топлива, гоняя машину взад и вперед, чтобы выбраться из заснеженных ям на лесной дороге. Было около восьми часов вечера, все покрыла

ночная тьма. Меня проводили до автомобиля и указали обратную проезжую дорогу к парому. Когда я въехал на него, паромщик крикнул напарнику на противоположный берег. Заработала лебедка, и мы начали движение, но прямо посредине канала паром остановился из-за отключения электричества.

Похожая краткая авария случилась в тот момент, когда Хрущев находился в лифте отеля «Вальдорф-Астория» в Нью-Йорке, но это было ничто по сравнению с тем, что я испытал тогда в Советском Союзе, который считается технически высокоразвитым. Мой автомобиль был единственным на этой барже. Оператор на другой стороне выкрикивал инструкции паромщику. К счастью, мы не дрейфовали, но ситуация была плачевная. «Не беспокойтесь, — сказал паромщик. — Сейчас все поправим». Я слышал это выражение тысячу раз прежде и знал, что это означает. Дул ветер, а в автомобиле не работал обогреватель. В баке почти не оставалось топлива, и я все равно не мог бы позволить себе согреваться от двигателя, так как индикатор показывал, что в баке осталось чуть больше четырех литров. Задержка на пароме продлилась два часа; я успел множество раз прочитать «Аве Мария» и «Отче наш».

Когда паром наконец тронулся в путь, я забеспокоился, хватит ли у меня бензина доехать до ближайшей деревни. Было больше десяти часов вечера, когда я заметил свет вдалеке наверху холма, подъехав, я увидел что-то похожее на диспетчерский пункт для грузовиков. Я зашел в будку и увидел человека, сидящего возле ярко горевшей печки, поздоровался с ним, и он кивнул мне в ответ. После беглого знакомства я спросил, не может ли он продать мне немного бензина. Я знал, что мои ваучеры не действительны нигде, кроме единственной бензозаправочной станции в столице, но подумал, что ввиду исключительных обстоятельств мне продадут немного в качестве помощи.

Не отвечая на мой вопрос, человек подошел поближе и спросил: «Знаете ли вы, кто я?» Я не видел этого парня никогда в жизни. Затем он добавил: «Я — осужденный». Потом он рассказал, каким образом был приговорен к этой работе; он был одним из тех, кого приговорили к «исправительным работам», о которых упоминалось выше. Он вышел посмотреть мой автомобиль. Это было зрелище: он был весь покрыт комьями грязи и снега, но все же можно было разобрать, что это иностранный автомобиль. Когда он понял это, его охватили подозрение и страх. Мы вернулись в будку, и я предложил ему сигарету, от которой он не отказался.

Он объяснил мне, что бензина у них полно, но он очень строго контролируется, поэтому он не может предоставить его без

официального разрешения. Наказание будет суровым, а он уже и так осужден. Понимая мое печальное положение, он очень хотел помочь мне вернуться в Москву. Однако его смущали две вещи. Почему на номере моей машины буква «D» и кто я? Я показал ему паспорт автомобиля, из которого он обнаружил, что «рено» был зарегистрирован на посольство Франции. Он ошибочно заключил из этого, что я француз. Но самым важным открытием для него было, во-первых, то, что я иностранец, а во-вторых, что я оказался на автомобиле так далеко от Москвы.

Этот человек был со мной откровенен, и я полностью понимал его положение: «Я должен сообщить о вас в НКВД, иначе мне попадет». Я согласился с ним. Он позвонил по телефону, и через четверть часа приехал офицер НКВД, держа небольшую кожаную сумку размером 15x25 см, которую носили на кожаном ремне через плечо все советские чиновники. Служащим Красной армии очень редко разрешалось носить оружие; и наоборот, офицеры НКВД были всегда вооружены. Этот носил, как и все, оружие на боку, пристегнутым на ремне. Сразу же, как офицер вошел в будку, он внимательно посмотрел на меня и стал немедленно задавать вопросы. Куда я ехал? Как долго находился в этом месте? С кем?

Это был бесконечный допрос. Затем он спросил, кто я. Но вместо того, чтобы показать ему мой национальный паспорт и разрешение на проживание, я протянул ему документы на автомобиль, которые он не без труда прочел. Слова французское посольство он произнес громко, и его реакция была такой, как будто ему вкололи внутривенно дозу морфия. Он бросился к телефону… У него была длинная беседа с начальством в Москве. Все, что я хотел, — это немного горючего для автомобиля, ведь было около одиннадцати часов вечера, а я отправился в дорогу в три часа дня. Начальство НКВД на другом конце линии потребовало повторить все, что офицер узнал про меня; от них зависело, можно ли мне налить топливо в бензобак. И конечно, когда был назван номер моего автомобиля, Москва поняла, кому он принадлежал.

Я был виноват: по всем правилам я должен был заявить в НКВД о моем выезде из города и о том, что расстояние поездки было больше, чем тридцать пять километров, разрешенных в те годы для иностранцев. Но при этом вызове, как и при других вызовах к больным, моим долгом было ехать как можно быстрее. У меня не было даже мысли идти в НКВД, стоять в очереди и заполнять бланки, чтобы заявить о моем временном отсутствии в городе. После долгого разговора с Москвой агент повернулся ко мне и просто сказал: «Для вас, гражданин, горючего нет». В этот

поздний час ночи я отказался от мысли позвонить во французское или американское посольство и попросить о помощи. Все шоферы к этому времени уже ушли домой, и никто бы все равно не знал, как до меня добраться.

Ни один из этих двоих не подумал спросить у меня паспорт. Их так поразило число печатей, штампов и подписей в техпаспорте автомобиля и особенно то, что это автомобиль посольства, что они оба были очень взволнованны. Я чувствовал себя более виноватым перед заключенным, чем перед агентом НКВД. Власти проявили великодушие, не арестовав меня, но меня приговорили к сомнительной возможности добраться до Москвы почти с пустым бензобаком. От политических осложнений меня спасло то, что я ехал исполнять свои пастырские обязанности по просьбе французского гражданина. Официально я считался настоятелем французской церкви. Тем не менее меня оставили всего с двумя литрами бензина. Уповая на Провидение и надеясь на лучшее, я сел в автомобиль и спустился с горки к главной дороге. Вскоре я услышал, что двигатель закашлял — это был сигнал проехать поворот и дотянуть до обочины дороги.

Я остановился, включил освещение и стал ждать, чтобы что-нибудь произошло, но вокруг была безмолвная тишина ночи. Время от времени со стороны Москвы проезжали советские ЗИСы. Я встал посреди дороги и стал голосовать: некоторые останавливались и спрашивали, что случилось. Темнота прорезалась только фарами проезжающих машин и подсветкой моего «рено». Так случилось, что в трех остановившихся автомобилях находились комиссары: когда эти люди узнавали, что у меня просто кончился бензин, они, приняв меня за шофера, приказывали своим водителям ехать дальше. После двух часов ночи из Москвы больше не было машин, за оставшееся до утра время по направлению к столице просвистели три лимузина, по звуку они напоминали «паккард» и «кадиллак».

Ночь я провел за чтением молитв, надеясь найти выход из создавшегося положения. Следующее утро было первой пятницей месяца, когда многие люди приезжали издалека на исповедь и причастие, — я волновался только из-за этого. В рассветной тишине я различил рычание мотора, шум нарастал. С новой надеждой я вышел из автомобиля и, увидев приближающийся грузовик, с середины дороги помахал водителю. Он остановился, и я спросил его, переходя на фамильярное единственное число: «У тебя есть горючее?» К моему облегчению, на этот раз ответ был положительным, но затем человек спросил: «Вы знаете, кто я?» — и, не дожидаясь ответа, добавил: «Я — осужденный». Видя мою беду, эта простая русская душа посочувствовала мне, как добрый

самаритянин из Священного Писания. У меня не было приспособления, чтобы перекачать бензин из его бака, у него тоже. Но парень залез под свой грузовик, отсоединил бензиновый шланг, и горючее потекло в пустую банку из-под краски, которую я опустошил в свой бак. Я заплатил ему круглую сумму в рублях за неоценимую помощь. Чтобы доехать до дома, бензина было недостаточно, но это была огромная поддержка. Более того, чтобы сэкономить топливо, он тащил меня на прицепе почти десять километров до главной дороги, а затем уехал в другую сторону на колхозную ферму.

А я поехал так быстро, как только мог, чтобы успеть в церковь. Один раз меня остановил дорожный патруль. Мне посоветовали сбавить скорость, сказав при этом: «С такой скоростью вы расшибете голову». А топлива мне хватило только до Бутырской тюрьмы. Там я оставил машину и на трамвае добрался до гаража французского посольства. Я возвратился к моему «рено» с двумя галлонами бензина и нашел двигатель еще теплым. До церкви я добрался, когда было чуть больше семи часов утра, несколькими минутами позже, чем полагалось по расписанию, с искренней благодарной молитвой. Это было одно из самых драматичных происшествий, случившихся со мной; другие можно было бы назвать забавными, они научили меня, как избежать внимания официальных наблюдателей. О том, как это было, читатель узнает из следующей главы.

Глава XV. Я слышу и вижу странные вещи

Московская подземка далеко не «первая» в мире. Пропаганду ее достоинств я оставляю другим, но нужно сказать, что метро функционирует прекрасно и оно современно во всех смыслах. Разнообразные по интерьеру станции содержатся в исключительной чистоте; Советы, безусловно, могут гордиться этим своим созданием. На каждой платформе постоянно дежурят два милиционера. В России всегда боролись с хулиганством, за разбрасывание бумаг и различного мусора сразу же взимается штраф на месте. Московская подземка — образец чистоты.

Вскоре после открытия метро в половине седьмого утра я стоял на станции «Крымский мост» в ожидании поезда, чтобы поехать в церковь. Кроме двух милиционеров, стоящих на разных концах станции, я увидел одного из неподражаемых русских мужиков. Его взгляд в крайнем восхищении скользил вверх и вниз по искусным мраморным украшениям: тогда интервалы между поездами достигали одиннадцати минут, и все это время крестьянин трогал гладкий мрамор, что-то бормоча. Я подошел к нему и, начав беседу, узнал, что он по ошибке приехал сюда, направляясь на арбатский рынок, но забыл сделать пересадку. Из деревни, находящейся почти за сорок километров от Москвы, он привез на продажу овощи в двух самодельных корзинах — этот человек являл собой типичный образ мудрого русского мужика.

Была поздняя осень, поэтому одет он был в тулуп ниже колен из невыделанной овечьей шкуры, перепоясанный ремнем; на голове была надета старая шапка-ушанка, концы которой в холод завязывают под подбородком; ноги были замотаны в опорки — это такие упрощенные «портянки», которые носят большинство крестьян, а поверх них были лапти. Но самой характерной чертой этого славного человека было добродушное, честное лицо, утопающее в обилии волос, с усами и бородой, из которой забавно торчал нос. Мы стояли в центре платформы, за пределами слышимости милиционеров. Вид этого человека резко контрастировал с полированными мраморными поверхностями вокруг нас. «Вот так чудо!» — воскликнул он, широким жестом обводя станцию. Но, судя по хитринке в его глазах, я понял, что он испытывает меня, чтобы узнать, что я думаю по поводу этой «показухи». Чтобы проверить его собственную реакцию, я решился сказать ему: «Иван Иванович, подождите еще. После нескольких пятилеток вы будете ездить без билета. А дальше все в стране будет бесплатно». Но он посмотрел на меня пронзительным взглядом из-под белесых ресниц и прошептал в ухо: «Черт их

побери! Все это только пыль в глаза!» В это время подошел поезд, и наша беседа прервалась.

Некоторое время я был лишен своего автомобиля, находившегося в ремонте. Закончив свои дела в церкви, я ждал троллейбуса на остановке у Министерства иностранных дел. Рядом со мной стоял человек средних лет, привлекший мое внимание тем, что он был необычайно хорошо одет. Я заметил, что и он смотрел на меня с нескрываемым любопытством, и я разговорился с ним. Как всегда, я держал в руках большую черную кожаную сумку, поэтому он принял меня за врача; я подправил его впечатление, объяснив, что я — духовный врач. Мои слова, казалось, озадачили его, но меньше, чем мой белый воротничок: указав на него, он хотел узнать, почему я ношу его задом наперед. Он оказался необычайно разговорчив и был совершенно потрясен, когда я сказал, что являюсь священником.

Дальше я услышал его искреннюю и авторитетную оценку государственного планирования коммунистов, но сначала он представился инженером и спросил, ходит ли кто-нибудь в мою церковь. Ответив утвердительно, я пригласил его прийти и посмотреть самому. Он с энтузиазмом ответил: «С удовольствием. Где ваша церковь?» Я назвал ему три слова, заранее зная впечатление, которое они произведут на него: «На Малой Лубянке». Услышав это, мой знакомец нахмурился, и его энтузиазм по поводу визита на эту злополучную улицу сразу пропал. Он сказал решительно: «Вы меня там никогда не увидите». Но наша беседа на этом не прервалась, потому что подошел троллейбус и мы оба сели в него. Он стал рассказывать о себе и своей профессии, объяснив, что работает в центральном Госплане, он сказал: «У меня хорошая работа».

Он рассказал, что в Советском Союзе заранее планируется вся экономика страны. Воодушевившись этой темой, он далее продолжал говорить о том, что работа его является далеко не ординарной, что он инженер по планированию в главном отделе. По его словам, Госплан точно знает, что происходит и в РСФСР, и на Украине, и в любой части СССР. Они вычисляли нормы и процент производительности, графики и диаграммы его отдела указывали на рост производства, сельского хозяйства, образования, транспортных перевозок и так далее. Правительство, продолжал он, знало, сколько производится тонн стали, сколько строится домов и заводов. Все рождения и смерти сведены в таблицы; у них есть представление о количестве родившихся детей и числе вылупившихся цыплят.

Яркая картина, которую он нарисовал, действительно была необыкновенной, хотя сильно напоминала статьи из «Правды» и

«Известий». Но после этих описаний, все еще звучащих в моих ушах, я не был готов к последующим откровениям. Расхвалив систему планирования, он всплеснул руками, пожал плечами и посмотрел на меня с видом неописуемой беспомощности: «Но почему-то из всего этого ничего не выходит!» Здесь можно провести параллель между оценкой инженера и упразднением Хрущевым шестой пятилетки в конце 50-х годов. Периодически русских людей вгоняют в неистовое производство, противодействуя, таким образом, нежеланию работать, порожденному бездушной коммунистической философией. Теперь русских людей заставляют выполнять семилетки вместо пятилеток, но я надеюсь, что Советы в конце концов поймут, что человек — не машина, а сложное соединение моральных и физических качеств, чуждых «планированию».

Я никогда не расставался с черной кожаной сумкой, идя в церковь. Обычно это ставило в затруднительное положение персонал американского посольства, куда я часто заходил по дороге. «Почему вы всегда носите ее с собой, отец Браун?» — спрашивали они шутливо, подразумевая, что это выглядит подозрительно. Конечно, я не носил в ней бомбы или секретных планов свержения режима: в ней было четыре больших ключа от церкви, елей для помазания, стола[155] и требник; там же находился план улиц города с маршрутами трамваев и автобусов и картой метро для облегчения поездок. А еще засунутая в самый угол сумки маленькая бутылочка с бренди, которым я поил больного, когда температура в его комнате была ниже нуля.

Но большую часть сумки занимали баночки и пакеты с консервами, которые мне удавалось получить из-за границы. Вплоть до самой войны французское посольство всегда поддерживало меня в моей тайной благотворительности[156]. Без всяких сомнений оно разрешало мне пользоваться благами беспошлинного импорта, хотя я не был в штате посольства. В то же время американское посольство стояло на твердой позиции корректности на протяжении всех моих одиннадцати лет в России. Под предлогом того, что я не был их сотрудником, они отлучили меня от привилегий, которые имели сотрудники посольства, исключая шесть месяцев до моего отъезда. Один раз мне было позволено сделать большую закупку в магазине американского посольства, когда оно собиралось эвакуироваться при продвижении немецкой армии к Москве. Другой раз во время войны добрый адмирал Уильям Стэндли, четвертый посол в Москве, в качестве благотворительности внес меня в список нуждающихся моряков торгового флота, благодаря чему я получил существенные запасы американских продуктов. Очень

часто в этой сумке были продукты, которые давали мне некоторые американские сотрудники, догадываясь, что мне приходилось подкармливать и других. Сумка сопровождала меня повсюду.

Русские часто принимали меня за врача; порой это приводило к непростым ситуациям. Однажды я с трудом освободился от одного отчаявшегося мужа, который умолял меня осмотреть его больную жену. У него было мало надежды на официальную социалистическую медицину, и он готов был заплатить любые деньги, только бы я осмотрел его жену! Я попадал в такие ситуации довольно часто. Когда я входил в советские квартиры, чтобы причастить умирающего или совершить помазание, каждая семья, живущая на этаже, знала об этом через пять минут. Частная жизнь практически отсутствует в коммунальных квартирах. Когда я шел обратно, эти славные люди, ошибочно принявшие меня за доктора (но не их районного), просили, чтобы я осмотрел их больных.

По воскресеньям и церковным праздникам в церковь Святого Людовика приходила молодая женщина, шпионка, и демонстративно садилась в центре, записывая все, что я говорил по-английски, по-французски или по-русски; конечно, она и ее шефы из НКВД особенно интересовались моими проповедями. Она начала появляться после того, как я стал обращаться на русском языке к толпам людей, чьи прежние места богослужения в столице были закрыты. Такой особой привилегии церковь Святого Людовика Французского удостоилась не случайно, не было другой церкви, мечети, молельного дома ни в Москве, ни в Советском Союзе, которые пользовались бы подобным вниманием стенографистки секретной полиции. В середине 30-х годов проповеди не произносились нигде в столице, в том числе и в некоторых еще открытых православных церквях. И все это время, благодарение Богу, я действительно свободно проповедовал истины христианской доктрины. Никогда я не предоставлял на рассмотрение местных властей тезисы своих проповедей, а насколько они одобряли мои чтения из Священного Писания и мои проповеди — это другой вопрос.

И иностранцы, и русские часто выражали удивление не по поводу того, что я сказал, а что я вообще осмелился это сказать. На эти слова я просто цитировал Святого Павла: «Для слова Божьего нет уз» (II, Посл. Тим. 2, 9). О недовольстве Советов тем, что я говорил с кафедры, мне было хорошо известно. Русским прихожанам никогда физически не препятствовали посещать церковь, но был введен советский календарь, заменивший воскресенье на рабочий день. Были и другие методы, которые

отбивали охоту посещать церковь: если молодой человек или девушка появлялись в церкви, у них начинались различные осложнения в жизни; группам молодежи всегда уделялось особое внимание. Если человек заходил в церковь мимоходом, на это не обращали внимания; если он приходил два раза в год или после долгого интервала, НКВД почти не придавал этому значения. Но совсем другое дело, если молодой прихожанин был замечен службами два раза в месяц, с этого момента что-то начинало происходить.

Некоторые думают, что Советы физически препятствовали богослужению, — это совершенно неверно. Например, никто не бил прихожан дубинками. В современной России методы религиозного преследования значительно модернизированы. Религиозная жизнь, в том числе и посещение церкви, становится невозможной вследствие серии административных препятствий, которые внешне незаметны. Прежде чем публичный акт богослужения может быть совершен группой прихожан, должны быть соблюдены 78 статей закона. Их соблюдение ложится на плечи церковного совета. Совет несет ответственность перед законом за выполнение всех условий, которые постоянно проверяются государством. Когда требования этого сложного религиозного законодательства соблюдены, это не значит, что с этого времени все пойдет как по маслу.

Когда молодой человек или девушка приходили в церковь Святого Людовика дважды за короткое время, они немедленно ставились на учет в НКВД. Как правило, пожилым прихожанам никогда не мешали ходить на богослужение, но если в церкви появлялось молодое лицо, все менялось. Никто не бросался на него, никто его не трогал, никто не пытался открыто отговаривать его от продолжения посещения. Это делалось позднее. Вначале НКВД должен был установить личность этого посетителя церкви; адрес и место работы определялись легко благодаря системе паспортизации; за молодым прихожанином устанавливалась слежка, при этом не имело значения, откуда приехала жертва. Я знаю русских людей, за которыми после их выхода из церкви Святого Людовика следовали на весьма далекое расстояние от Москвы, почти через всю страну. Когда устанавливали место их проживания, из домовой книги получали всю необходимую информацию. Все это проделывалось в тайне. Сама жертва тоже ни о чем не догадывалась.

Агенты безопасности имели доступ к политической биографии любого человека; с этого времени и в течение следующих недель устанавливалось наблюдение за людьми, с которыми общался преследуемый. Кем были друзья

прихожанина? Кто приходил к нему или к ней в гости? Каковы реакции и мнения этой личности во время регулярных политических собраний в конторе, в цеху или в школе? И здесь снова неприкосновенность личности, переписки и личных отношений таковы, что все ответы становятся известны секретной полиции за очень короткое время. Затем наступает время плести сеть, она будет наброшена на многих; из-за одного человека, которого видели посещающим церковь, в ловушку попадают десять-пятнадцать человек.

Вина в соучастии — это первое обвинение, которое может быть предъявлено без доказательств. С этого времени начинаются ужасные допросы, которые могут продолжаться неделями, обвинение всегда одно — контрреволюционная деятельность. Теоретически посещение церкви не является преступлением. «Обвинительное заключение», если оно и предъявляется, причем за закрытыми дверями, сводится к тому, что человек придерживается идей, противоречащих политике государственного атеизма. За время моего служения настоятелем этой церкви исчезли из вида многие десятки русских людей, и в каждом случае обвинение было по статье 58 УК РСФСР — «контрреволюция». Все знают, что безбожие и воинствующий атеизм являются краеугольным камнем коммунистической философии и социальной доктрины.

Теоретически русские могут верить или не верить в Бога, могут принадлежать или не принадлежать к религиозной организации или приходу, по закону они имеют право образовывать религиозные сообщества; и все религии имеют равные права — но это только в теории. На самом деле Советы хотели бы покончить со всеми религиями. Будет несправедливым считать, что советское безбожие осталось в прошлом и якобы теперь все изменилось. Не позднее чем в августе 1960 года газета «Правда» опубликовала передовицу, явно нападающую на принципы религиозной веры. В «Правде» было написано: «Коммунистическое воспитание предполагает непримиримую борьбу против пережитков старого режима, таких как суеверие и религиозные предрассудки, все еще живущие в сознании людей». Газета Коммунистической партии невольно признала жизнеспособность веры в Бога, все еще существующей в России, задаваясь вопросом: «Почему эти суеверия (предполагается религия) так долго живут в сознании части нашего народа?!»

Такое же невольное признание было сделано Калининым во время войны и повторено Хрущевым в 1954 году. Кремль был бессилен победить веру в Бога, но продолжал заявлять о своей решимости бороться против нее. Афоризм Карла Маркса «Религия

— это опиум для народа» с самого начала был взят на вооружение советскими лидерами. Он не был отвергнут, хотя его и сняли со стен музея Ленина, он постоянно публикуется и упоминается во всех школьных и университетских учебниках. «Нейтралитет» правительства по отношению к религии постоянно провозглашается в бесчисленных брошюрах и различных публикациях советского посольства и консульских «культурных» бюллетенях, предназначенных для иностранного потребления. Этот странный «нейтралитет» внутри России с дьявольской цепкостью захватил священную неприкосновенность сердец и умов народа. Однако перед лицом бешеной атаки на религиозные традиции страны вера в Бога окрепла до такой степени, что Советы уже не могли замалчивать это.

Когда у меня было время вывести на прогулку Флипа, мою эскимосскую лайку, я любил пройтись по рынкам и понаблюдать за добропорядочными крестьянами. В таких местах есть много поучительного для глаз и ушей: интересно наблюдать, как происходит обмен. В своей среде крестьянам не нужны были рубли ни до, ни после девальвации, они предпочитали обменивать свою продукцию на поношенные брюки или платья, чем получать за них деньги. Они вели себя одинаково по отношению к горожанам, особенно обеспеченным, словно сговорившись.

Во время войны, в период жесткого нормирования продуктов, я, как и все остальные, кто не получал продуктовых пайков из-за границы, часто испытывал чувство голода. Однажды я взял машину и отправился за город в поисках продуктов. После долгих блужданий и бесплодных переговоров я подъехал к большому деревянному сараю, в котором хранился корм для колхозного скота. Был ранний вечер, мужчины и женщины собрались в ожидании, когда заведующий запишет каждому трудодень: в конце сезона каждому колхознику выдавали справку по количеству отработанных им рабочих дней. Это давало им право на получение товаров в государственном магазине, но это была насмешка над тяжким трудом крестьянина: в магазинах никогда не было в достаточном количестве обуви, рубашек, платьев, посуды, кастрюль. Москва — это большая сцена, которая должна производить хорошее впечатление на постоянно живущих в ней иностранцев и приезжающие делегации. Но даже в Москве невозможно было скрыть отсутствие самых элементарных бытовых товаров: легкая и тяжелая промышленность выпускали почти исключительно продукцию для военных нужд.

Именно по этой причине крестьяне были вынуждены прибегать к обмену излишков масла, яиц, мяса на любую старую

одежду. Группа, с которой я встретился в тот вечер, принадлежала к огромной категории бывших землевладельцев, втянутых в водоворот всеобщего планирования. Они мучились, изворачивались, проклинали систему, но ничего не могли поделать, для них было легче работать с рассвета до заката, чем быть сосланными в лагеря. Все они были одеты по-разному, но у всех женщин головы вместо платков были покрыты кусками старой материи, до самых заморозков в деревнях ходили босиком. Во время уборки урожая, будь то сбор ягод, уборка картофеля или зерновых, работали и взрослые, и подростки. План обязывал сначала выполнять норму по государственным поставкам. В большинстве деревень на период уборки урожая закрывались школы, хотя образовательные нормы всегда выполнялись — на бумаге.

В этой группе несколько мужчин курили что-то среднее между сигаретой и трубкой. Это была самокрутка, свернутая из газетной бумаги, часто из той же газеты «Правда», и наполненная смесью из заменителя табака, называемого махоркой. Крепкий запах махорки был известен еще в дореволюционной России, только такое курево могут позволить себе крестьяне. Эта табачная смесь больше всего напоминает птичий корм, а запах похож на горящий носок, однако крестьяне, курящие махорку, с годами приобретали невосприимчивость к этому запаху. При всем при этом Россия всегда выращивала на Кавказе тонкие сорта табака, на рынке есть замечательные русские сигареты, но они недоступны мало зарабатывающим людям. Много русского табака идет на экспорт за иностранную валюту.

Я начал торговаться с этими людьми, чтобы приобрести у них овощи. Не видя пользы в советских рублях, они предложили мне два мешка картошки, если я отдам им ветровку, в которую я был одет. Другой посмотрел на мои черные брюки и был готов отдать за них щедрый запас моркови и капусты, мои туфли понравились еще одному человеку. Но в это холодное время года меня вовсе не привлекало ехать обратно раздетым; еще дальше по дороге мне удалось доехать до жителей другой избы, где я раздобыл немного капусты, турнепса и картошки за рубли, на которые они нехотя согласились. Эти овощи мне взвесили на примитивных чашечных весах, двигая маркер по размеченной рейке. Мужик на свой манер подсчитал общую сумму, я не только приобрел овощи, но и остался при своей одежде, преисполненный чувством благодарности.

Глава XVI. «Ленин ведь был великим человеком?»

Все больше русских людей приходили в церковь Святого Людовика. В то время как в ней могли свободно разместиться пятьсот человек, на Рождество, Пятидесятницу и Пасху в ней собиралось в два раза больше верующих. В здание набивалось столько народа, что стены церкви становились влажными от дыхания людей. Нимало не преувеличивая, могу сказать, что мое присутствие как священника и к тому же иностранца мешало Советам провозгласить свою полную победу в жесткой антикатолической кампании. В других частях страны они добились большого успеха. 1937 год стал поворотным моментом в окончательном искоренении религии.

Однако толпы русских продолжали приходить в нашу церковь, и вызовы к изголовью больных и умирающих никогда не прекращались. Те, кто не осмеливался публично получать благословение на брак, просили меня совершить венчание тайно. Если надо было совершить отпевание при погребении, я был единственным, к кому можно было обратиться. Стойкость русских прихожан во всех труднейших ситуациях их жизни известна только Богу. Хорошо зная, что их будут преследовать, они все равно приходили ко мне. По выходным дням, пока была пятидневка, приносили крестить маленьких детей: их привозили из Саратова, Киева, Курска, Тулы и других отдаленных мест. Церковь Святого Людовика была центром духовной активности. То, что, кроме всего прочего, я говорил с кафедры по-русски, обратило на меня внимание секретной полиции и высших эшелонов режима.

Однажды в воскресенье после утренней мессы я разбирал бумаги в ризнице. Ко мне стояла большая очередь из русских, которые заходили по одному, каждый со своими проблемами: в одних семьях были больные, в других — тяжелая утрата или большая нужда. Было два часа, когда ушел последний из этих славных людей, кроме меня в ризнице был еще один человек. Это преданная, готовая пожертвовать собой женщина, которая следила за церковными облачениями, алтарными покровами и делала еще сотни мелких дел. Пока я был занят моими записями, она раскладывала все по местам. В это время раздался стук в дверь ризницы, на который я ответил, как принято: «Можно». Но стук повторился снова.

Я открыл дверь и увидел высокого человека около

шестидесяти лет. Он представился: «Комиссар N., ответственный по культовым учреждениям района». Я пригласил его войти. Он посмотрел на меня с удивлением и подозрением, очевидно, он ожидал, что я растеряюсь или испугаюсь, узнав, кто он такой. Но я был спокоен. Желая удостовериться, что пришел по адресу, он спросил меня: «Это здесь церковь Святого Людовика?» Я ответил утвердительно и снова пригласил его войти и чувствовать себя как дома. Он вошел неуверенно, но продолжал стоять. Я почувствовал, что он ведет к тому, что называется вопрос на засыпку, но он был осторожен, избегая с самого начала объявить о настоящей цели своего визита.

Сначала он спросил: «У вас есть записи о рождении?» Я сразу понял, за какой информацией он пришел, и немедленно ответил ему: «Господин комиссар, вы не туда пришли. Я только что сказал вам, что это церковь. Это не ЗАГС. У нас нет записей о рождении». Я сказал это тоном, показывающим, что я его не боюсь. Затем он вежливо спросил: «Не будете ли вы добры показать мне записи о том, что вы называете крещением?» Я взял пустой лист бумаги и написал вопросы, которые мы задаем во время церемонии крещения: имя отца и матери, место рождения и так далее. Человек прервал меня: «Я спрашивал вас не об этом. Я хочу видеть ваши метрические книги». Но это уже совсем другое дело. Я был не намерен показывать ему настоящие церковные записи, которые он хотел видеть, и сказал ему об этом. И тогда комиссар сменил тон на командирский: «Вы знаете, кто я?» — «Да, — ответил я, — вы только что сказали, что являетесь местным комиссаром по делам культов, представителем Моссовета». — «Все церкви в городе, — добавил он, — передали мне свои книги записей. Если вы не сделаете то же самое, вы подвергнетесь суровому наказанию». Он явно закипал: «Собираюсь ли я передать ему фамилии людей, которые крестили своих детей в церкви Святого Людовика?» Он думает, что я напуган его угрозами.

У меня и так постоянно бывали проблемы с администрацией просто потому, что я священник; одной проблемой больше или меньше — не имеет слишком большого значения для человека, абсолютно уверенного в правильности своей позиции. Я знаю, что государство позволяло мне вести записи чисто духовного характера. Я решительно сказал комиссару, что происходящее в других церквях меня не касается: «Меня назначили настоятелем этой церкви, и я заявляю, что вы не увидите церковных записей». Я был официально признан в отделе культов не только в качестве капеллана американских католиков, но также законным настоятелем этой церкви. Эта уникальная ситуация, против которой они пытаются так высокомерно выступать, является их

собственной инициативой. Кто виноват, что католические прихожане вынуждены приезжать за сотни километров в эту единственную оставшуюся церковь?

К этому времени комиссар уже кипел от ярости, было очевидно, что запас его терпения иссяк. У меня были серьезные основания придерживаться такой позиции — это был не просто категорический отказ показать церковные архивы, я полагался на советский закон и донес это до сведения разъяренного комиссара. «Я не только отказываюсь показать вам книги, — сказал я, — но и скажу вам почему». Чиновники этого калибра не привыкли встречать отказы, и, глядя ему прямо в глаза, я задал ему свой вопрос: «Ленин ведь был великим человеком?» Услышав имя Ленина, комиссар навострил уши, заморгал и сказал: «Да, конечно, Ленин был великим человеком». Это именно то, что я ожидал от него услышать. Тогда я добавил: «23 января 1918 года советский закон провозгласил отделение Церкви от государства. Этот закон, среди других, подписал Владимир Ильич Ленин (Ульянов). А книги, которые вы приказали мне предъявить, не содержат ничего, кроме записей священных церемоний, в которые вы официально не верите. Вы не имеете права на эти книги в соответствии с положениями этого закона, поэтому их не увидите». При этих словах лицо комиссара приняло мертвенный оттенок. Не добавив ни единого слова, он быстро повернулся и пулей выскочил из церкви.

Ситуация была неприятной, хотя я был абсолютно уверен в своей правоте не только морально, но и с точки зрения советского закона. Я знал также, что еще услышу об этом деле. Комиссар, конечно, был связан прямой связью с главным зданием, его доклад не будет слишком длинным. Я ждал взрыва, и это ожидание было недолгим: расплата наступила через двадцать один час после столкновения. На следующий день, в понедельник я возвращался во французское посольство. Читателю следует знать, что наш церковный совет, признанный и зарегистрированный в Моссовете, возглавлял французский консул. Я был уверен, что уж он-то не усугубит мои трудности. Все это время французское посольство морально поддерживало церковь Святого Людовика, и я не ожидал неприятностей с этой стороны.

Как только я появился во французском посольстве, ко мне вбежал консул, махая большим листом бумаги. Этот человек был вне себя. Мы всегда были добрыми друзьями, но в тот момент он стал жертвой своих эмоций. Его первыми словами было: «В какое неприятное положение вы поставили нас!» И он указал на лист бумаги, который держал в руках, без лишних рассуждений

добавив: «Отдайте им эти книги!» Таков был результат доклада комиссара. Чем же было вызвано такое странное поведение консула? Вскоре он показал мне бумагу, которую держал в руках. Это было официальное сообщение, выпущенное не Моссоветом, а Наркоматом иностранных дел. Обычно тяжелая и медленно прокручивающаяся машина государственной бюрократии в этот раз действовала с невиданной скоростью. Коротко говоря, в официальном письме было сказано следующее: «Браун, Леопольд, священнослужитель церкви Святого Людовика не уполномочен интерпретировать советский закон. Если книги не будут предоставлены, вас ждет преследование в судебном порядке». Моей первой реакцией было желание рассмеяться, но в этих обстоятельствах я не мог позволить себе такую роскошь. Немного остыв, мой друг спросил, уверен ли я, что имею право держать у себя эти книги? Я показал и перевел ему текст советского закона в русском издании: из него было ясно, что я только настаивал на своих законных правах. При таком объяснении проблема предстала перед ним в совершенно ином, менее пугающем свете.

В тот период главой посольства США был Джозеф Дэвис, к которому я и отправился, чтобы объяснить свою точку зрения и попросить его помощи не только потому, что я был американцем, но и потому, что среди прихожан было много американцев. Прежде я бывал у посла только в тех случаях, когда он передавал мне щедрые пожертвования для моих бедных прихожан. Я сказал ему, что, если Советы вынудят меня силой передать им эти записи, мне придется последовать за ними, может быть, даже в тюрьму, если дойдет дело до открытой борьбы. Я был полон решимости так и поступить, отстаивая те моральные принципы, которые я считал своим правом и долгом защищать. В официальном письме к М. М. Литвинову, министру иностранных дел, посланник США пояснил, что это дело моей совести, и было бы лучше, если бы советское правительство не настаивало на этом. Французский посол Поль-Эмиль Наггьяр также проявил большую мудрость, глядя на это дело философски, и поддержал мою позицию. Советы отступили. Было много других способов сделать мою жизнь «интересной», так что забота советского правительства о моем благосостоянии и комфорте никогда не прекращалась.

Я продолжал служить капелланом американских католиков, но обстоятельства вынуждали меня уделять большую часть моего времени удовлетворению духовных запросов многочисленных русских людей. Прихожане из других регионов страны не имели официальной информации о нашей церкви, тем не менее они находили дорогу к ней, приезжая со всех уголков страны. Было

замечательно видеть, как сведения о церкви Святого Людовика передавались из уст в уста, из одного города в другой. Раз в год на праздник Пятидесятницы я публично проводил таинство конфирмации для всех, молодых и пожилых, кто обращался ко мне. Обряд происходил в просторном пресвитерии перед главным алтарем при огромном стечении народа. Такие события напоминали раннюю историю христианства, когда собирались люди многих национальностей. Каждый возносил молитвы на своем языке: там были русские, украинцы, белорусы, немцы Поволжья, а иногда армяне с Кавказа.

Во время этих церемоний в другом конце церкви я видел шпионов, которые цинично смотрели на происходящее, высматривая, за кем из прихожан они будут следить. В глазах Советов и особенно «Общества воинствующих атеистов» все шло слишком хорошо для церкви Святого Людовика и особенно для меня. С их точки зрения, надо было что-то сделать, чтобы показать, кто здесь хозяин. Комментарии к Священному Писанию, одухотворение от размышлений о вечных истинах, проповеди на темы религиозной морали — все произнесенное с кафедры наполняло богоненавистников негодованием и гневом. В следующей главе будет рассказано, как Советы выражали свою ярость через серию кощунственных нападений на церковь, в которой я был настоятелем.

Глава XVII. Церковь Святого Людовика, пятикратно обворованная

В церкви Святого Людовика я продолжал делать все то, что не могли делать арестованные католические священники, — я совершал священные таинства. Таким образом, я расстраивал все планы властей по уничтожению так называемых «религиозных предрассудков». Советские власти сами были виноваты в том, что ко мне приходило столько русских верующих, но для них было важно любой ценой отбить у меня охоту исполнять мой священнический долг в этой церкви. Как это сделать? Ждать мне пришлось недолго. В самый разгар моей религиозной активности наша церковь, предпоследняя из оставшихся в Москве, пережила последовательно пять «ограблений» и два злонамеренных святотатства, одно за другим.

После каждого «ограбления» я лично подавал требуемую жалобу в милицию, извещая при этом и американское, и французское посольства. А так как наша церковь и так висела на волоске, я полагал, что будет более осмотрительным не вмешивать иностранную прессу, что привлекло бы ко мне еще больше нежелательного внимания. Что касается советской прессы, то ТАСС, который всегда был рад освещать кремлевскую пропаганду антирелигиозного характера, проигнорировал факт пяти повторяющихся осквернений в отдельно взятой церкви, не считая это новостью, заслуживающей внимания.

Не хочу утомлять читателя подробностями этих тщательно спланированных ограблений, но одно очень важно помнить: месторасположение нашей церкви по соседству с Лубянкой. И, несмотря на это, самая опытная полиция в мире была «неспособна» найти следы исполнителей этих «ограблений»! Здесь, поблизости от Лубянки, не было ни одного квадратного метра, за которым не наблюдали бы НКВД — НКГБ. Часовые, вооруженная охрана, люди «в штатском» и милиционеры в форме обеспечивают круглосуточное наблюдение за всеми строениями, среди которых находится церковь Святого Людовика. Чтобы не видеть и не слышать ничего, что происходит на улице, похожей на крепость, надо было крепко зажмурить глаза и заткнуть уши.

Самая большая из «краж» произошла как раз в рождественскую ночь 1940 года. Целый день в церкви было большое ликование, праздник начался с полночной Мессы, на которой пел прекрасный многоголосый хор. Целый день при огромном стечении народа, прибывшего изо всех уголков страны,

проходили праздничные службы и проповеди, было много исповедующихся и причащающихся, много детей, которых принесли крестить. Мы украсили церковь как можно лучше, чтобы отметить рождение Божественного младенца. Маленькие девочки и мальчики рассматривали ясли, как и во всем мире в праздник Рождества. После трех предыдущих краж все более или менее было приведено в порядок. В церкви была атмосфера спокойной духовной радости и глубокого религиозного чувства, восхваления Богу произносили на русском языке во время Благословения Пресвятыми Дарами: Да будет благословен Господь! Эти слова произносились без вызова и раздражения, и, конечно, без ненависти к воинствующим атеистам, выкрикивающим оскорбления против Создателя всего сущего. Все было в порядке, когда я закрывал церковь ближе к вечеру, после того как последний русский покинул ее.

Они выбрали эту Святую ночь, чтобы вновь ворваться в церковь, разорить ее, раскрыть дарохранительницу главного алтаря, разбросать Пресвятые Дары по алтарю, оставив пустой киворий стоять перед дверцей дарохранительницы. При всей своей самоуверенности первые агенты ЧК никогда не осмеливались оскорблять Бога в такой отвратительной манере. В тот раз под покровом темноты во время одного из самых торжественных праздников года церковь Святого Людовика была варварски осквернена. Не удовлетворившись оскорблением Бога, присутствующего в Евхаристии, хулиганы проникли даже в ризницу и все превратили в руины; не в состоянии открыть высокие стальные двери, оборудованные дореволюционными замками, они пробрались через задние двери. Когда утром в день Святого Стефана я пришел в церковь, меня ждал ужасный разгром.

Ни один замок не был сбит, в том числе и висячие йельские замки; они проникли в церковь, распилив ножовкой стальные решетки на окнах в пресвитерии, в то время как ризница была взломана со стороны садика позади церкви. Разрушение таких дверей должно было быть прекрасно слышно ночью в этом хорошо охраняемом квартале. Кроме нескольких священных сосудов из драгоценных металлов я лишился прекрасной золотой дароносицы с надписью Agnus Dei на боковой поверхности — это был подарок на мое рукоположение от кузена из Страсбурга. Старинное блюдо из золота и серебра также исчезло; грабители унесли сутаны и альбы для мальчиков-министрантов; исчезло большое количество уникальных алтарных покровов, однако мои ассумпционистское монашеское облачение и пояс остались нетронутыми.

В тот же день я сообщил об этой «краже» в местное отделение милиции, начальник которой прилежно все записал. На следующий день в церкви появилась группа так называемых криминальных следователей впечатляющего вида; для придания себе большей важности они взяли двух собак-ищеек и совершили показательный поиск отпечатков пальцев. Они долго тыкались во все углы и что-то вынюхивали; сыщики ползали на коленях и делали все так, чтобы это заметили мои прихожане-дипломаты. Их целью было, конечно, произвести впечатление на иностранцев, которые пришли выразить сочувствие и лично увидеть разрушения. Министерство иностранных дел знало, что посольства и миссии пошлют сообщения своим правительствам. На следующий день следователи прислали в церковь свой отчет, информируя нас, что преступники были, скорее всего, многоопытными, так как никаких улик не обнаружено! После одной из предыдущих «краж» посольство США послало жалобу в МИД, единственный департамент, к которому они имели доступ. Ответ, который мне показали, информировал посольство, что это особенное «ограбление» произошло из-за моей неосторожности. Якобы я по невнимательности, закрывая церковь, запер «грабителей» внутри, а они только и ждали такой возможности! «В высшей степени смехотворным» назвал служащий посольства такой ответ. У меня же были причины считать, что все эти «кражи» были спланированы советскими органами, но я не мог ни при каких обстоятельствах сказать это.

Отчет о неспособности их обнаружить улики не завершил это дело, спустя несколько дней после шоу с ищейками и шерлок холмсами в церковь прибыла делегация из Моссовета. Она состояла из трех человек, пришедших проверить инвентарные документы, составленные государственными органами в 1921 году после незаконной экспроприации церкви. В силу Декрета 1918 года все содержимое здания было в одностороннем порядке объявлено государственной собственностью. Вследствие соглашения, навязанного государством, наш попечительский совет сочли ответственным за пропажу всех предметов. Вот так все просто. В 1920-х годах, когда Советы реквизировали священную церковную утварь, приход добился разрешения «свободного» пользования ею при условии оплаты суммы в 2,5 раза больше ее стоимости. Все прихожане сделали свой вклад, они приносили даже свое фамильное серебро. Церковная утварь, украденная в 1940 году, была той самой, которую мы выкупили 19 лет назад!

В результате целого дня работы с инвентарными книгами нам выписали чек на несколько тысяч рублей! Такова была цена

«украденных» предметов. Узнав это, один чиновник из дипломатического корпуса предложил мне оплатить чек во избежание излишних проблем. Я отказался от этого предложения, чек так никогда и не был оплачен. Я нанес визит новому французскому послу, чтобы познакомить его с фактами первых четырех «краж» и сообщить ему о чувствах не только французской колонии, но всех прихожан, глубоко оскорбленных осквернением Пресвятых Даров. Я призывал его выразить официальный протест на высшем уровне, чтобы избежать повторения ужасного кощунства. Однако в МИД была отослана только формальная нота протеста. Другие посольства и миссии написали в посольство Франции, предлагая объединиться для совместного протеста, и глава одной миссии показал мне ответ французского посла, в котором в вежливых выражениях говорилось, что, когда потребуется помощь, к ним обратятся.

В соответствии с требованиями церковного ритуала осквернённая церковь должна быть переосвящена. Это означает, что, если совершается преступление в церкви, часовне или молельне, где хранятся Пресвятые Дары, службы в них не могут продолжаться до тех пор, пока эти места не будут повторно освящены. Мы кое-как продолжали существовать, обходясь без недостающих предметов, платя тот же налог на здание и землю и, конечно, огромные счета за электричество, положенные церкви. Пятое «ограбление» за четыре месяца было снова совершено ночью; предполагалось, вероятно, что оно должно было нас добить. Единственное, что осталось в церкви, — это скамьи, люстры и груда церковной одежды, залитая мочой и разбросанная на полу ризницы. Но еще страшнее было вновь с ужасом видеть дверцу дарохранительницы на главном алтаре открытой, а Пресвятые Дары рассыпанными по алтарю. Бронзовая рама дарохранительницы была выломана. С возмущением глядя на это богохульство, я чувствовал, как будто злодеи говорили мне: смотрите, что мы можем с вами сделать. Почему бы вам не убраться домой? Это «ограбление» было также обнаружено в семь часов утра.

На этот раз была пробита дыра в дубовой панели двойной двери, выходящей на Малую Лубянку, шум пробиваемой двери должны были слышать во всех близлежащих домах. Мое сердце заколотилось, когда я увидел зияющую дыру, но я едва ли был готов к тому, что предстало перед моими глазами внутри церкви. Алтарь представлял собой устрашающее зрелище. Они снова сделали это, но только на этот раз унесли все священные сосуды, за исключением золотой чаши, которую привез в 1811 году отец Малерб. У главного алтаря меня ждал провокационный

спектакль: выстроившись вдоль скамеек внутри пресвитерия, стояли шесть милиционеров в форме, заступившие в маскарадный караул после того, как «кража» была уже совершена. Один из этих манекенов сообщил, что церковь была ограблена! Этот болван еще добавил, что «грабителей» видели, но не поймали. Я велел им покинуть церковь, и они поспешили прочь.

Затем я немедленно собрал Пресвятые Дары в обычную посуду, за неимением лучшего, и поместил их в импровизированную дарохранительницу вместе с зажженной свечой. Русские прихожане оставались коленопреклоненными, когда я уходил, чтобы подать жалобу в милицию, где у всех были красные лица. В начале девятого я уже был в резиденции советника французского посольства, вытащив его из постели, чтобы сказать ему, что повторение «кражи» я частично приписываю отказу посольства протестовать на высшем уровне против предыдущего святотатства. Мне было выражено сочувствие, но отклонено требование передать ноту дипломатического протеста в МИД. Через полтора часа я прибыл в американское посольство, где все выражали мне сочувствие и помогали как могли. Мне задавали много вопросов о случившемся, и обо всех подробностях было телеграфировано в Вашингтон.

Шок от вида дважды осквернённой дарохранительницы убедил меня в том, что эта новость должна выйти за пределы страны и необходимо, чтобы о ней узнали во всем мире. С этим твердым решением я отправился к Генри Кассиди, главе агентства Ассошиэйтед Пресс в Москве; было начало десятого утра, когда я разбудил его. Иностранных репортеров часто будили в два или три часа утра для передачи сообщений ТАСС, у этих людей была непростая жизнь. Я преодолел пять лестничных пролетов в тяжелой меховой шубе вместе с неразлучной черной сумкой и позвонил в дверь, которую открыла его домработница, приволжская немка, одна из моих прихожанок. Пропуская меня в квартиру, она прижала палец к губам: «Тише, пожалуйста, хозяин еще спит». Я потребовал, чтобы она разбудила его, так как мне необходимо обсудить с ним срочное и важное дело. В этот момент Генри сам вышел из спальни и поприветствовал меня не слишком бодрым голосом, он не привык просыпаться так рано.

Я просто сказал ему, что церковь Святого Людовика была «ограблена» в пятый раз. Его профессиональная реакция была мгновенной, мои несколько слов вывели его из сонного состояния. «Вы сказали, пять ограблений, падре? Вау! Вот так история!» — сказал он, впрыгивая в брюки и начиная стучать на своей пишущей машинке. Он напечатал все, как было дело, но по

трезвому рассуждению решил не передавать текст полностью по телеграфу. Было очень важно, чтобы это сообщение покинуло страну, но оно могло столкнуться с жесткой цензурой. Однако это препятствие было преодолено следующим образом: Генри сократил свою статью до нескольких строк, вложил ее в обычный конверт и рискнул послать с рейсом «Люфтганзы» Москва — Берлин своему коллеге из Ассошиэйтед Пресс в столице Германии: был один шанс на тысячу, что письмо обойдет цензуру. Но это сработало!

Через несколько часов Берлин, Нью-Йорк, Вашингтон, Токио, Париж, Калькутта и весь мир узнали, что в Москве пять раз подряд была ограблена церковь Святого Людовика. За пределами страны эта новость произвела большую сенсацию, так как несведущие люди все еще думали, что советская конституция действительно гарантирует свободу вероисповедания. Отклики в СССР были незначительны, так как информация об инциденте ограничивалась дипломатическим корпусом. Надо признать, что МИД оказался посрамленным и потерял лицо. Он сделал все, чтобы нивелировать значение этого скандала; к сожалению, посол США, проявив сомнительное усердие, использовал все свое влияние, чтобы смягчить последствия этих осквернений.

А в Вашингтоне под нажимом газетчиков и поднявшегося общественного мнения Госдепартамент выпустил инструкции посольству США в Москве по поводу подачи в МИД официальной ноты дипломатического протеста. Из представительств тех стран, чьи граждане были прихожанами московской церкви, США были первыми, кто прореагировал на высшем уровне. Ниже представлено заявление из Вашингтона: «В соответствии с запросом на пресс-конференции Государственного секретаря Кордела Халла корреспондентов проинформировали, что католическая церковь в Москве была ограблена пять раз на протяжении последнего года, а недавно подверглась осквернению. Церковь поручена заботам отца Леопольда Брауна, американского гражданина, и ее прихожанами являются сотрудники посольства Соединенных Штатов. Время от времени Советскому правительству передавались протесты, а после недавнего ограбления и осквернения была предъявлена официальная нота протеста. Наше правительство полагает, что неспособность защитить церковь не согласуется с духом соглашения, подписанного с г-ном Литвиновым 16 ноября 1933 года при установлении дипломатических отношений между двумя правительствами. Советское правительство ответило, что это дело находится на расследовании». Все, что произошло потом, было еще более показательным и интересным.

Через несколько часов после официальной ноты протеста со стороны США МИД внезапно объявил о неожиданном «аресте» пятерых «грабителей», которые долгое время специализировались на ограблении церквей. Сразу же после этого меня пригласили на беседу к руководителю Уголовного розыска СССР, офис этой большой шишки помещался на Петровке, где меня приняли с хорошо разыгранной сценой смущения и вежливости. Выйдя из автомобиля, я увидел встречающего меня офицера высокого звания, который сопроводил меня во внутренний двор и дальше по коридорам. Как только мы проходили, отпертые для нас двери тотчас же запирались с громким звяканьем ключей. Вооруженная охрана щелкала каблуками, отдавала приветствие и застывала по стойке смирно. Эти парни хорошо выучили свой урок, но это не произвело на меня никакого впечатления. В конце концов мой сопровождающий проводил меня на второй этаж в кабинет главного начальника, где меня ожидало еще одно шоу.

На его письменном столе находилась специально для меня приготовленная толстая тетрадь с отрывными листами, содержащая их описание пятого ограбления. Очевидно, что тетрадь была подготовлена сразу после протеста США, каждая страница посвящалась «украденному предмету» с подробными описаниями и рисунками, основанными на моих показаниях в милиции. Тетрадь была поистине произведением «искусства»: кроме множества фотографий, сделанных следователями в церкви, в ней содержались рисунки, сделанные пером и чернилами. Кто-нибудь, увидев эти собранные материалы, но не зная о предшествующих событиях, высоко оценил бы советское уголовное расследование. Но я слишком хорошо знал результаты безуспешного «следствия», проведенного при четырех случаях «краж». Настоящие воры просто не смогли бы делать свое дело в какой бы то ни было части района Лубянки без ведома секретной полиции.

Начальник обсуждал со мной описание «украденных» предметов, показательно перелистывая страницы, явно желая произвести на меня впечатление. С честным выражением лица он сообщил, что в подвале было задержано пять воров, чтобы еще больше поразить меня, он приказал привести одного из этих предполагаемых обвиняемых. Человека в сопровождении конвоя привели наверх, чтобы я посмотрел на него. Я, конечно, помнил, что «грабителей» поймали только после вручения Вышинскому ноты протеста США, очевидно, они пытались смягчить меня. Я говорил об оскорблении, нанесенном всем: и русским, и иностранцам. Чтобы умилостивить меня, начальник представил драгоценную дароносицу, «украденную» одиннадцать месяцев

тому назад, но без выгравированной надписи Agnus Dei. В то время ищейкам НКВД не удалось найти ни малейшего следа таинственного «ограбления», но у Вышинского дипломатический нюх был намного тоньше, чем у целой своры ищеек НКВД. Менее чем за пять часов нашли пять «грабителей». Это был рекорд!

Во время этой беседы начальник упрекнул меня в том, что в церкви не было ночного сторожа. Мне советовали нанять сторожа после каждой из четырех предыдущих «краж», однако я хорошо знал, что этот сторож был бы покалечен, а может быть, и хладнокровно убит. У меня не было ни малейшего сомнения в этом после того, как я наблюдал, как действовал НКВД в других ситуациях. Строго глядя из-за письменного стола, он обрушил на меня град упреков: «Ведь мы предупреждали вас, чтобы вы наняли ночного сторожа, почему вы не сделали этого. Разве вы не видите, что ваша халатность спровоцировала повторные ограбления?»

Я ответил, глядя прямо ему в глаза: «Господин офицер, это было бы оскорблением известной эффективности работы комиссариата государственной безопасности, находящегося прямо через улицу от церкви». Большая шишка закашлялся, прочистил горло и пробормотал что-то по поводу того, что я прав. Но спектакль все еще продолжался, передо мной появилась груда помятых и частично расплавленных священных сосудов, лежащих на куске парчи из церкви Святого Людовика. Начальник сообщил, что все это нашли на квартире задержанных «грабителей», там же было несколько наскоро составленных фрагментов, в которых я узнал церковное блюдо, которое нам официально собирались вернуть. В расписке о получении я написал, что была возвращена только часть блюда, а не целое.

На следующий день после этой фарисейской демонстрации посол США, даже не посоветовавшись со мной, выпустил заявление для иностранных корреспондентов, признавая «полное удовлетворение» действиями Советов! А в США достопочтенный Уильям Буллит, узнав о пятом «ограблении», добровольно объявил о сборе частных пожертвований, чтобы помочь мне приобрести церковные предметы первой необходимости. К сожалению, заявление посла положило конец этой кампании, но все-таки Буллит прислал мне чек на 266,50 доллара, который в американском посольстве мне отказались обналичить, опасаясь якобы возможной спекуляции, и чек Буллита мне любезно обналичили в миссии Греции. Тем временем удалось достать в Хельсинки красивый спортивный кубок, для которого я заказал серебряную крышку с распятием, чтобы использовать его как киворий[157].

Следует напомнить, что в то время Советы наслаждались политическим медовым месяцем с нацистами, который начался в 1939 году. После заключения пакта Молотова — Риббентропа Кремль стремился избавиться от дипломатов, чьи страны оказались захваченными гитлеровскими армиями: среди прочих Молотов известил греков, бельгийцев и норвежцев, что их присутствие стало нежелательным. В результате их посольства вернули обратно в СССР только после того, как Вторая мировая война стала для Кремля «Отечественной» войной. Вскоре после предъявления ноты протеста со стороны США комиссар по информационным делам Семен Лозовский был на приеме в американском посольстве. Прогуливаясь среди гостей, он нашептывал им на ухо, что инцидент в церкви Святого Людовика уже исчерпан. Это была полнейшая ложь.

Посольства каждой христианской страны и все миссии послали в МИД свои протесты, а французы сделали это намного позже. Тогдашний посол Великобритании, сэр Стаффорд Крипс, послал Вышинскому письмо, шедевр эпистолярного искусства: в нем он выразил удивление, что пять последовательных «краж» в одной-единственной церкви произошли в таком хорошо управляемом городе, как Москва. Посол понимает, что можно не суметь предотвратить одну «кражу», но пять повторяющихся «ограблений» в одной и той же церкви — это выше его понимания. Позднее меня пригласил к себе тот дипломат, которого я разбудил в день пятой «кражи», по поводу написания официальной французской ноты протеста в МИД. Все шло хорошо до тех пор, пока я не сказал, что вместо слова «поругание» должно быть применено слово «святотатство», что на самом деле и произошло. На это он возразил: «Такие выражения неуместны в ноте дипломатического характера. Это слишком сильно сказано».

Прежде чем возобновить службу в нашей церкви, ее необходимо было переосвятить. Были разосланы письма во все дипломатические миссии, представители которых были среди моих прихожан, я лично вручал им эти письма. Многие прихожане, в том числе русские, объединились в молитве, прося Бога о прощении за такое богохульство. Пробитая дверь дарохранительницы была отослана в Анкару на самолете при содействии моего друга-некатолика Джона Рассела, секретаря британского посольства. Вскоре ее возвратили, починив и снабдив новым замком, и я сам поставил ее на место. Миссии Венгрии и Словакии оказали неоценимую помощь, подарив нам алтарную завесу. Мой хороший друг Майкл Фрэнсис Дойл из Филадельфии оказал значительное денежное пожертвование для того, чтобы в церкви продолжалось богослужение. Церковные

службы продолжились в отсутствие многих необходимых предметов. Итак, наша церковь, одна из двух оставшихся из полутора тысяч ныне закрытых католических церквей, возобновила свою деятельность. Между тем русские прихожане подарили нам два замечательных хрустальных сосуда с крышками, которые мы стали использовать как кивории для Пресвятой Евхаристии.

Вот таким образом Советы пытались ликвидировать церковь Святого Людовика. Несколько последующих месяцев Советы посвятили более важным делам, чем ликвидация «религиозных предрассудков». А дальнейший поворот событий повлек за собой почти полную отмену политики упразднения религии.

Глава XVIII. Меня приняли за «красного» испанского агитатора

Политика Кремля в области религии никогда не отклонялась от ловко замаскированных норм Декрета 1918 года, который теоретически устанавливал отделение Церкви от государства. Гораздо лучше разработанный закон от 29 апреля 1929 года расшифровывает в деталях множество аспектов, создающих преднамеренные административные препятствия для осуществления религиозной практики, и нет ни малейших сомнений в существовании у Советов злой воли и враждебности по отношению к религии, намерении постоянно держать ее в «черном теле». Им не удалось никого сбить с толку: огромные толпы прихожан все равно заполняли уцелевшие церкви. Никаких идей о преследовании и репрессиях как о государственной политике не было записано в советском законе: ни в конституции, ни в Уголовном кодексе.

Только читая государственные атеистические публикации, можно было узнать о тенденциях и практике религиозных преследований. Эти печатные материалы распространялись по всей стране, их можно было свободно купить в газетных киосках, в книжных магазинах, прочитать в библиотеках, школах, университетах и даже в парках культуры и отдыха. Изобиловали антирелигиозные пьесы, фильмы и радиопередачи, когда появилось телевидение, оно тоже внесло свой вклад в антирелигиозную пропаганду. К счастью, русская молодежь никогда не увлекалась злобными гротескными фильмами, подаваемыми под маркой «культурное и научное образование». Лекционные кафедры тоже использовались для этих целей; несмотря на все неудачи по привлечению молодых и старых к антирелигиозной кампании, атеисты никогда не оставляли своих попыток.

Когда было время, я посещал антирелигиозные лекции, проходящие в различных местах столицы. Однажды вечером я купил билет на лекцию в аудиторию Политехнического музея. К назначенному часу в зале на восемьсот мест в ожидании лектора сидело вместе со мной восемь человек. Через двадцать минут нас попросили освободить зал, потому что лектор не пришел. На выходе у меня завязалась дружеская беседа с одним из служащих зала, которому я предложил закурить, а он с радостью согласился. Этот человек сообщил мне, что выручки за билеты не хватило бы даже на оплату освещения зала, таков был энтузиазм

народа по отношению к антирелигиозным лекциям.

В этом же зале я был по другому случаю, на этот раз перед полупустым залом проходила научная демонстрация доказательства, что души не существует. Судя по разговорам вокруг меня, многие завернули туда просто из любопытства. «Профессор» Московского университета в течение сорока пяти минут провоцировал мыслительные способности своих слушателей нелепой чепухой. Пока «профессор» говорил, девушка в белом халате на глазах у аудитории совершала вивисекцию кролика, рядом находилась аппаратура с трубками и насосами для иллюстрации кровообращения в человеческом теле. Ученый лектор ходил взад-вперед по сцене, наблюдая за вивисекцией. Наконец девушка отделила сердце и присоединила его к аппарату, и этот драматический момент явился заключением лекции «профессора»: взмахом руки он указал, что сердце начало биться. Вывод? Души не существует. Почему? Потому что сердце, жизненно важный орган, можно заставить биться искусственно! Этого достаточно, сказал «профессор», потому что кровеносная система кролика во многом идентична человеческой. А аппарат продолжал работать, в заключение демонстрации в бьющийся орган был впрыснут адреналин: сердце заработало быстрее. Так было завершено «научное доказательство» того, что души не существует!

Лекции такого типа проходили в каждом городе СССР. Агитпроп партии поставил задачу, чтобы они достигли маленьких городков и колхозов. Оплачиваемые агитаторы ездили по всей стране, читая лекции и демонстрируя фильмы и проекционные слайды, чтобы противодействовать, как они говорили, «религиозному обскурантизму». «Союз воинствующих безбожников» организовывал антирелигиозную деятельность по всей стране; временно приостановленная во время ленд-лиза, она возобновилась под новым названием. Основанный в 1925 году при полной государственной поддержке, этот союз официально представлен как «добровольное движение», идущее снизу, от народа, чтобы бороться с «религиозной интоксикацией». Это обман в высшей степени, так как воинствующие безбожники все время финансировались советским государством (Коммунистической партией). Пора уже людям за рубежом знать правду о так называемом добровольном атеистическом движении в массах боголюбивого русского народа.

Лучшей иллюстрацией будет отрывок из государственного издания «Антирелигиозного пособия»: «„Союз воинствующих безбожников“ ведет свою работу под руководством партийных организаций, строго следуя директивам и решениям Партии по

методам и целям борьбы против религии. Антирелигиозная пропаганда — это основная часть коммунистического воспитания. Это составная часть борьбы за разрушение капиталистических пережитков в сознании рабочих»[158]. Тот факт, что «Союз воинствующих безбожников» теперь работает под иным названием, не отменяет вышесказанного, и оно в равной степени применимо к методам антирелигиозных преследований 1961 года.

Все время, пока я был в России, генеральным председателем союза был печально известный «академик» Емельян Михайлович Ярославский (настоящая фамилия Губельман), который посвятил более двадцати лет своей общественной жизни распространению ненависти к Богу. Однажды я присутствовал на одной из его многочисленных лекций. В тот раз зал недалеко от бывшей Академии большевиков был заполнен до отказа — было распоряжение присутствовать. Где бы ни выступал Ярославский, все активисты союза обязаны были присутствовать и слушать его, так как от них требовалось повторять его слова во всех других группах. В «добровольном» массовом атеистическом движении не было ничего случайного, в тот вечер Ярославский почти довел себя до апоплексического удара своим неистовством. Большую часть времени он осуждал то, что называлось богоискательством и было распространено в среде русской интеллигенции. На самом деле он обрушился с руганью на мыслящих людей, которые отказывались принять беспомощные доктрины материализма. Досталось даже Максиму Горькому, как пример того, что в умах послереволюционных людей все еще жива вера в существование Бога. Как это возможно, спрашивал Ярославский, что после стольких лет атеистического просвещения народ продолжает верить в Бога?

Ярославский написал множество книг по атеизму, завалив страну брошюрами за государственный счет. Он возглавлял Центральный исполнительный комитет «Союза воинствующих безбожников» и председательствовал на бесчисленных антирелигиозных собраниях. Его атеистическая активность бросала его во все уголки страны, после захвата Советами балтийских республик он поспешил создать ячейки воинствующего атеизма в Риге, Вильнюсе и Таллине и начал публиковать антирелигиозную «литературу», используя конфискованные типографии. Он был главным редактором еженедельного желтого издания «Безбожник», которое было закрыто в начале гитлеровского «крестового похода» против коммунистического атеизма. Он умер в 1943 году, вынужденный замолчать в последние два года своей жизни, так как германская

армия вновь открывала церкви на территории оккупированной России. К его смерти «Правда» и «Известия» опубликовали некролог-панегирик, обойдя полным молчанием злобную деятельность главного богоненавистника Советского Союза. В его многословной биографии в Малой советской энциклопедии даже не упоминается о его широко известной антирелигиозной карьере.

В 1943 году, во время ленд-лиза, когда в Россию шли конвои с материальной помощью и продовольствием, Кремлю было выгоднее замалчивать политику атеизма. Советы старались подтвердить сомнительные утверждения лорда Бивербрука[159] из Англии и президента США Рузвельта: оба публично заявляли, что в Советском Союзе не существует религиозного преследования. В середине 30-х годов, будучи свидетелем потока атеистической «литературы», наводнившей всю страну, я подумал, что мне стоит познакомиться с атеистическим движением прямо в его штаб-квартире. Я вынашивал идею нанести личный визит в центральное бюро «Союза воинствующих безбожников». Было бы безумием с моей стороны появиться в логове безбожников в моей церковной одежде, хотя не было закона, запрещающего ее ношение. Я тогда задавался вопросом, на что же похоже это место, и я был совершенно уверен, что ни один человек моей профессии никогда не почтил это место своим присутствием.

В это время в Испании шла Гражданская война. Множество советских людей, находившихся там, контролировали полицию, созданную по образцу советской и называвшуюся Федерация анархистов Иберии. При красном терроре в одном Мадриде было 266 полицейских постов, делавших ту же грязную работу, которую выполняла ЧК Дзержинского при Ленине. Надо отметить, что в Москве в то время было совсем небольшое число испанцев, агентов Коминтерна. Центральный орган управления «Союза воинствующих безбожников» размещался на третьем этаже старого здания на улице Большая Сретенка, где я часто проходил. Эта организация занимала целый этаж над одним из народных судов, с которыми я официально познакомился в последующие годы. Для моего визита в «пасть льва» я надел баскский берет, который купил во время моего последнего океанского путешествия; известно, что этот головной убор носят в Испании и на юге Франции. Вместе с черным галстуком и обычным костюмом маскировка, что и говорить, была не слишком замысловата; когда я поднимался по ступенькам этого здания, я чувствовал себя в некотором роде авантюристом.

По пути наверх я прошел большую комнату, служившую приемной народного суда. Заключенных приводили сюда под

двойным конвоем через черную лестницу, из окна было хорошо видно, как к заднему двору здания подъезжали «черные воронки». Все заключенные были под охраной военных, хотя суд вершился не НКВД. В то утро все задержанные были мужчинами, если кому-то надо было облегчиться, двое вооруженных часовых сопровождали его до туалета. Я смотрел на все это, думая, какой прием ждет меня этажом выше. Я решил говорить только по-испански, и мой мозг настраивался на это решение. И вот я стою на последнем этаже в маленьком вестибюле перед стеклянной дверью с вывеской: «Союз воинствующих безбожников СССР». Все в порядке, я в нужном месте: до меня доносились голоса и стук пишущих машинок, но никого не было видно.

Я постучал, дверь открыла черноволосая молодая женщина, спросившая на хорошем русском языке: «Чем я могу вам помочь?» Я никогда не видел ее прежде и был уверен, что и она не знает меня, поэтому ответил по-испански: «Синьорита, мне бы очень хотелось посетить это место». Не ожидавшая услышать иностранную речь девушка смутилась, затем оглядела меня с ног до головы и особенно отметила мой берет. Заключив, что я испанец, она попросила меня подождать, пока она приведет переводчика. Я закивал головой в предвкушении удовольствия от беседы на языке, на котором я редко говорил в России; в Москве еще не было миссий из Мексики, Кубы и Южной Америки.

Вскоре девушка вернулась с еще более молодой особой, которая, как мне сказали, покажет мне все, что надо. Ни разу не сказав, что я испанец, я просто говорил на этом языке. Моя сопровождающая провела меня по разным отделам, но без особых разговоров, ее знание языка ограничивалось базовыми выражениями. Однако я планировал этот визит не столько для удовольствия поговорить по-испански, сколько с целью посмотреть, как работает эта атеистическая организация. Я увидел офис, где создаются все атеистические творения, публикуемые в СССР. Мой визит раз и навсегда рассеял сомнения по поводу «добровольного» характера пропаганды безбожия: к стене кнопками был прикреплен список из тридцати сотрудников, оплачиваемых государством. Я размышлял о гарантиях религиозной свободы, заявленных в конституции, и о том, как эта свобода применяется для осуществления антирелигиозной пропаганды. Но в этой самой конституции никому не дается права вести религиозную пропаганду. По этой причине абсолютно «законно» для союза публиковать под маркой ОГИЗ[160] и ГАИЗ[161] поток отвратительных богохульств. Конечно, я не стал делиться с моим гидом этими мыслями. Сама печать производилась где-то в Даевом переулке недалеко от Сретенки.

Мне показали комнату, предназначенную, по-видимому, для чтения сотрудниками религиозных журналов и газет из разных стран мира, их невозможно было достать нигде в СССР, но здесь вся комната была забита ими. Другое дело, как они использовали эти материалы.

Мой визит еще не закончился, и я не предполагал, что меня ждет забавная развязка. Мне, как священнику, было странно слушать доклад о вкладе атеистической пропаганды в текущую пятилетку. Из других надежных источников я знал, что воинствующие безбожники были озабочены тем, чтобы к двадцатой годовщине революции объявить, что страна окончательно отказалась от религии. Они приближались (или думали, что приближаются) к завершению генерального плана уничтожения религии. После осмотра нескольких комнат и отделов я был препровожден к выходу по длинному центральному коридору. На стеллажах по обеим сторонам было выставлено огромное количество изданий ГАИЗ, направленных против Пасхи, Рождества, Магомета, иудаизма, Библии и так далее. У меня уже были многие из этих книг, так как я покупал любую антирелигиозную литературу, какую только мог достать. Можно было только восхищаться молчаливым сопротивлением населения напору этой литературы, но приводило в отчаяние дьявольское упорство, с которым воздействовали государственные агитаторы на умы малышей, начиная с яслей и детских садов.

Проходя по коридору, я замедлил шаг, чтобы поближе рассмотреть выставленную литературу, и увидел первое издание книги Е. И. Перовского «Антирелигиозное воспитание в начальной школе». Несколько экземпляров книги из последующих изданий у меня уже были, а первое издание вышло тиражом только десять тысяч. Все школы были обязаны иметь эти учебники. Я сказал моей сопровождающей: «Я бы очень хотел иметь эту книгу». Девушка с сожалением ответила, что это — единственный экземпляр, она сказала, что книга выставлена на стенде как один из примеров их деятельности. Я готов был забыть об этой книге, но мой юный гид попросила меня подождать: она попытается что-нибудь сделать.

Она пошла к начальству в соседней комнате, я отчетливо слышал каждое слово ее разговора. Все помещение было разделено перегородками, не доходящими до потолка, содержание беседы сводилось к нескольким фразам: «Пришел испанский агитатор, которому я показала, чем мы занимаемся. Он хочет последний экземпляр учебника Перовского. Что мне делать?» Голос руководителя отвечал: «Испанский агитатор,

говоришь? Надо обязательно дать ему эту книгу. Она ему поможет». Моя сопровождающая возвратилась сияющая, взяла с полки книгу и подарила ее мне от всего коллектива! Я старался сохранять серьезность, думая при этом, приходилось ли еще какому-нибудь священнику получать подарок от «Союза воинствующих безбожников»!

Я думаю, всем официальным делегациям иностранных священников следовало бы знакомиться с работой этой организации. Она теперь носит другое название, но продолжает делать то же самое «дело». Чтобы читатель представил себе содержание этой книги, ниже приводится отрывок из предисловия к ней: «Книга Е. И. Перовского должна оказать помощь учителям начальных школ. Вначале автор показывает, что антирелигиозное воспитание может быть эффективным только при систематических и серьезных усилиях, прилагаемых на уроках по всем предметам начальной школы. В последующих главах автор представляет конкретный материал по антирелигиозной работе, которая должна выполняться на уроках общественных наук, природоведения и географии. Во второй части книги автор представляет обширный материал по всем предметам. Из этого материала учитель может выбрать все, что ему требуется, для текущей антирелигиозной работы».

На выходе моя сопровождающая, довольная завершением визита, предложила мне посетить отдел рассылки. Я сразу согласился, так как был рад, что меня не попросили сфотографироваться на память или написать отзыв в гостевой книге.

Девушка повела меня через «черный ход», и я оказался в полуподвальном этаже дореволюционного здания. Он тускло освещался электрическими лампочками, редко свисающими с потолка. Там было мало воздуха, и мне стало жаль сотрудников. Полки были прикреплены прямо к каменной кладке, до потолка мог достать любой человек среднего роста. Три девушки упаковывали книги для отправки во все концы страны, они с любопытством смотрели на меня. А я тем временем осматривал стопки книг, учебников, брошюр, диапозитивы, слайды, фильмы, плакаты и многое другое, используемое государством в борьбе против религии. Полки ломились от такого товара. Мой взгляд остановился на проекционных слайдах, продаваемых вместе с готовыми лекциями, предназначенными для заучивания агитаторами наизусть.

Одна из этих серий называлась «Легенда о Христе». Она была выпущена Народным комиссариатом снабжения по специальному заказу «Союза воинствующих безбожников». Комплект содержал

сорок два слайда с картой Римской империи времен начала христианства. Затем следовала серия цитат из Маркса, Ленина и Сталина о религии, перемежаемых сценами из греческой и римской мифологии, не имеющей отношения к заявленной теме. Это был яркий пример искажения истории, который мне хотелось бы иметь у себя. Мой гид подумала, что это могло быть прекрасным приобретением для моей «пропагандистской» работы. Я сказал ей, что мне хотелось бы иметь несколько предметов, представляющих для меня особый интерес. Мои покупки завернули в бумагу, я попрощался и ушел, завершив визит в этот центр атеистической пропаганды.

Я еще раз пришел в это место спустя пять лет, во время «крестового похода» Гитлера. В американской прессе и других иностранных изданиях сообщалось, что «Союз воинствующих безбожников» упразднен и распущен. Я знал, что это полнейшая неправда, но хотел сам убедиться в этом. Я обнаружил, что они продолжают работать, выпускают брошюры, подписанные неким Шейнманом, который даже в 1960 году писал под покровительством «Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», за которым скрывался «Союз воинствующих безбожников». Такая вот ложная информация должна была способствовать поддержанию престижа Советов.

Атеизм и официальное отрицание сверхъестественного — неизменная часть марксизма. И не стоит ошибаться на этот счет. Тот факт, что в 1943 году при поддержке Советов была вновь создана Московская Патриархия, не означает отказа от несовместимости, существующей между убеждениями Кремля и Святых Апостолов. Этот фантастический переворот демонстрирует гибкость советской тактики в общей стратегии уничтожения религии. Как ни парадоксально, но этому есть достаточно доказательств, которые в дальнейшем повествовании прояснят данный вопрос.

Глава XIX. Другие аспекты антирелигиозной деятельности Советов

Я рассказал о своем визите в «Союз воинствующих безбожников» не для того, чтобы показать, как я перехитрил Советы. Я бы не хотел создать впечатление, что проводил время, совершая подобные выходки, какими бы полезными они ни были.

Несмотря на все трудности, я продолжал службу в церкви Святого Людовика, которой Советы никак не могли управлять, что, конечно, создавало нам сложности практического плана. Надо подчеркнуть, что церковь никогда не испытывала недостатка в денежных средствах, так как прихожане щедро поддерживали ее. Трудность состояла в том, что нам было запрещено законом пользоваться нашими средствами для содержания и ремонта здания церкви. Государство имело исключительную монополию на строительные и ремонтные материалы. Мы получили доступ к ним только после того, как Гитлер предпринял свой «крестовый поход». Нам приходилось импортировать даже электрические лампочки благодаря любезности иностранных миссий. Даже поддержание церкви в нормальном рабочем состоянии являлось постоянной проблемой: нам все время ставили мыслимые и немыслимые административные преграды, нас подвергали периодическим проверкам инвентаря. Моссовет мог одобрить или не одобрить тех или иных кандидатов в списке попечительского совета. Мы не могли созвать общего собрания прихожан без разрешения местных властей, а когда собрания проводились, это означало, что среди нас находится информатор.

Но все эти трудности были материального, вторичного порядка, и целью их было сделать содержание церкви практически невозможным. Советы не ограничивались только этим способом атаки на религию. Пока священнику пасторы, раввины и муллы упорно продолжали удерживать свою паству, государство концентрировало свои усилия лично против них. Излишне разбираться в разнообразии средств, используемых для устранения духовенства и, более того, подавления организованного богослужения как такового, — священнослужителей всех вероисповеданий постепенно устраняли физически. Порази пастыря, и рассеются овцы! Такая политика Кремля проводилась с дьявольским упорством.

На моих глазах один за другим исчезли многие московские священники. Те, которые еще работали в столице, лично

рассказывали мне, что постоянно ждали своей очереди, кроме систематических препон, заставляющих их существовать в постоянной нищете, все они жили в перманентном страхе ареста. Против такого типа преследования, физического ареста, меня защищало мое американское гражданство, а также то, что я жил во французском посольстве. Открытое преследование, от которого страдали мои русские коллеги, только дискредитировало бы советскую власть, в то время Наркомат иностранных дел (ныне МИД) еще заботило зарубежное общественное мнение.

Это не означало, что я был избавлен от многочисленных проявлений внимания, входящих в список советского административного воздействия. В то время, когда в середине 30-х годов все американцы в России имели продовольственные и другие карточки, мне никогда таких не выдавали. В ранний период моего пребывания в стране Советы беспокоили меня только все учащающимися напоминаниями о продлении моего вида на жительство. Выполняя это, Отдел виз и регистраций для иностранцев, казалось, получал особое удовольствие, заставляя меня ходить туда и обратно с пустыми руками и, конечно, держа меня в неопределенности. Я никогда не знал, будет ли мне разрешено оставаться дальше в стране: иногда они продлевали мое пребывание только на две-три недели, а потом снова начиналось заполнение анкет в двух экземплярах и стояние в бесконечных очередях. С другой стороны, я извлекал из этого некоторые выгоды, так как это давало мне возможность общаться с людьми из многих стран. Некоторые из граждан дальневосточных регионов, колонизированных Россией, также нуждались в регистрации: не знающие языка или полуграмотные, они просили меня помочь им ответить на вопросы в анкетах.

За все мои годы в России я не знал другого американца, который бы так часто подвергался этим перерегистрациям, более того, за время моих частых визитов в ОВИР я практически не встречал там американцев. В процессе этих пустопорожних марафонов, когда я в четвертый раз представлял себя и свои бумаги, вероятнее всего, по приказу свыше чиновник НКВД снова отправил меня ни с чем. От меня потребовали прийти в пятый раз, чтобы узнать, каким будет ответ. Вконец расстроенный, я оставил им свой американский паспорт, советские анкеты с необходимым количеством рублей и, уходя, сказал чиновнику, что ни один советский гражданин не подвергается такому обращению в США. Я доложил о своем поступке и его причинах в американское посольство, через две недели посольство США получило из ОВИРа и передало мне мой американский паспорт с визой на продление моего пребывания в СССР на шесть месяцев.

За это время мои отношения с русскими людьми, к большому неудовольствию НКВД, все больше развивались. Советам это не нравилось, особенно им не нравилось, что я понимал, говорил и писал на русском языке и не прибегал к помощи их переводчиков. Я всегда должен был обращать внимание на то, чтобы не произнести с амвона слов, которые могли быть интерпретированы как нападки на систему. Благодарение Богу, мне удавалось делать это долгие годы. И даже при всех предосторожностях, продиктованных элементарной осмотрительностью, тот факт, что я при большом стечении народа читал Библию, уже расценивался как контрреволюционный акт. Исходя из советских стандартов, в тот момент, когда я провозглашал Слово Божие, я совершал непростительный «грех» политической ереси.

В одной из своих статей в журнале «Антирелигиозник» Ярославский задавался вопросом, можно ли запретить священнослужителям цитирование Библии или чтение проповедей. И он сам себе отвечал, что это будет нарушением конституционных религиозных гарантий. Он великодушно добавлял, что не существует легальных возможностей отмены таких выступлений. Советский богоненавистник № 1 со своей неутомимой энергией написал и опубликовал при государственной поддержке книгу под названием «Библия для верующих и неверующих». В 1960 году в библиографии антирелигиозной пропаганды она упоминалась как справочное пособие.

Начиная с середины 30-х годов на мою голову обрушивались гроздья советского гнева. Конечно, я не собирался никого провоцировать, но такова несовместимость, существующая между марксистской идеологией и богоданной жаждой религиозной веры, что Советы выражали неодобрение по поводу самого факта массовых богослужений. В большом доме напротив церкви Святого Людовика сотрудники НКВД повесили на меня ярлык агента американского капитализма; время от времени русских прихожан вызывали и настойчиво просили держаться подальше от нашей церкви. Мое личное дело в НКВД разрослось до целого тома, о чем я не должен был знать. Снова и снова русским людям, прибывающим со всей страны, в том числе и университетским студентам, говорили, что я либо шпион Ватикана, либо работаю на американскую военную разведку. Всякий раз, когда мужчину или женщину, юношу или девушку, которых видели в церкви, приглашали на допрос, их строго предупреждали о неразглашении ни при каких обстоятельствах содержания этих бесед.

Но эти люди слишком верили и доверяли мне, чтобы

утаивать информацию, касающуюся моей безопасности и репутации. Таким образом, я узнал, что их вызывали, чтобы следить за мной. Молодые женщины откровенно рассказывали мне, что их просили устраивать ловушки для меня, чтобы подготовить почву для шантажа. Одна девушка рассказала об этом в присутствии своей матери. Славная женщина подтвердила все, что сказала дочь, потому что она присутствовала, когда позвонил офицер и, не стыдясь, сделал им это предложение. Нет слов, чтобы выразить их возмущение, при всем том, что они рисковали своей безопасностью, проявив честность и высшую преданность по отношению ко мне.

Другая молодая женщина более года пыталась, как бы невзначай, привлечь мое внимание; однажды девушка «случайно» оказалась на похоронах, где я проводил отпевание на кладбище для иностранцев. В результате завязавшейся беседы она сказала мне, что не принадлежит к определенной вере, но хотела бы поговорить «о религии вообще». После этого «случайного» знакомства она иногда приходила в церковь Святого Людовика в течение нескольких месяцев. Тот факт, что она была одета с необычной элегантностью, сразу насторожил меня, а то, что она часто приходила в церковь совершенно безнаказанно, вызывало подозрение. Ее беседы со мной под видом религиозных наставлений неизменно заканчивались приглашением в гости! Ее настойчивость выдавала реальную цель ее частых визитов ко мне. Конечно, она не признавалась, что ее секретная миссия состояла в том, чтобы поставить меня поближе к фотографам из НКВД, но об этом нетрудно было догадаться, имея некоторый опыт.

Самое забавное, что я должен был казаться как можно более наивным и ничем себя не выдавать. Я не мог признаться, что понимал ее игру, которую она вела довольно неумело, и знал, кто действительно ею управляет. Это происходило в течение нескольких месяцев и пришло к молчаливому прекращению ее напрасных усилий. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление, так как она исчезла так же незаметно, как и появилась. И хотя после этого я оставался в России еще несколько лет, эта особа никогда больше не появлялась на моем горизонте. Была ли она уволена или переведена в другой город? Впрочем, это вовсе не занимало меня.

Однако тайная полиция никогда не теряла надежды заманить в подобную ловушку иностранцев, представляющих для них определенный интерес. «Знаки внимания» подобного рода повторялись с неравными интервалами. Удалось НКВД или нет сделать реальные или фальшивые фотографии, но они были уверены, что я сделаю все возможное, чтобы как можно быстрее

уехать из страны. Наверняка они желали, чтобы я оказался за много тысяч миль от ее границ. Это была только одна из многочисленных ловушек, расставляемых на моем пути. И я должен сказать, что обычно достигаемые в таких случаях результаты побуждали НКВД никогда не прекращать своих попыток.

Ни одна церковь или религиозное объединение в СССР не могли действовать, не подчиняясь всем государственным законодательным актам. Законно созданный приход должен управляться церковным советом, одобренным властями и состоящим, по крайней мере, из двадцати человек старше 18 лет одной и той же веры — так называемой «двадцатки». Из этой группы выбирается три члена исполнительного комитета; другая тройка, ревизионная комиссия, проверяет деятельность первой группы. Причем государство оставляет за собой право одобрения или отклонения любых предложенных фамилий. Методами запугивания или угроз, применяемыми НКВД, государство осуществляет постоянный контроль за всеми религиозными объединениями.

Церкви Святого Людовика иногда приходилось выдерживать исключительное давление со стороны государства. Наш приходской совет состоял из русских людей и иностранцев, представителей различных посольств. В советских законах не существует пунктов или условий, запрещающих иностранцам принимать активное участие в легально существующих приходах. По этой причине Советы никогда не имели возможности глубоко внедриться в церковную администрацию. Я, американский гражданин, был зарегистрирован как американский служитель культа. До немецкого вторжения все религиозные объединения Москвы получали инструкции от Москультотдела (Московского департамента по делам религиозных учреждений), в котором я был официально зарегистрирован. Все время, пока я был настоятелем этой церкви, Советы постоянно пытались исключить иностранцев из членов приходского совета.

Однажды нас обязали подготовить и представить новый список членов приходского совета в соответствии с новой правительственной директивой, которая формально запрещала включение иностранцев в совет. Очевидно, это была попытка осуществить полный контроль над последним бастионом католической веры в столице. Вместо того чтобы подчиниться этому деспотическому приказу, я немедленно принялся собирать подписи как можно большего числа иностранцев, у которых было желание подписаться под нашими требованиями. Среди французов, американцев, англичан, бельгийцев, итальянцев и

других прихожан я набрал в два раза больше подписей, чем требовалось по закону. К ним добавились фамилии добровольно согласившихся подписаться русских людей, регулярно посещавших церковь Святого Людовика.

Конечно, мне требовалась поддержка посольства Франции. Я получил ее в самом конце, когда стало ясно, что если они согласятся с директивой Моссовета, то потеряют контроль над своей церковью. Требовалось, по крайней мере, двадцать подписей людей, готовых гарантировать содержание здания церкви в хорошем состоянии в соответствии с 78-й статьей советского законодательства. После нескольких переговоров была получена поддержка французского посольства, без колебаний подписались лично все французы, начиная с посла. Я не сомневался в том, что подпишутся и все мои американские прихожане, ведь церковь была местом их богослужения, и все они с готовностью ставили свои подписи в поддержку церкви.

Но когда подошло время представить во избежание возможных неприятностей состав приходского совета официальным лицам посольства США, то они не оказали нам той поддержки, на которую мы, американцы, могли бы рассчитывать. Позиция американских прихожан заключалась в том, что католики возлагали надежды не только на советские законы, но и на религиозное соглашение Рузвельта — Литвинова. Только к американскому посольству мы могли обратиться за защитой прав верующих. В любой стране верующие независимо от убеждений могли рассчитывать на дипломатическое вмешательство своей страны, когда их права нарушались, особенно так, как это было в СССР. Тем более что правительство США, как условие признания страны, обязало Советы специальным протоколом соглашения относительно религиозных свобод для американцев, живущих в Советском Союзе.

Посольство США не возражало против подписания американцами моей петиции, но я был немало удивлен, когда официальные лица сказали мне, что не стоит ожидать поддержки посольства вследствие возможного недовольства советских властей. Они обратили мое внимание на то, что американцы, подписавшие петицию как члены нового церковного совета, являются служащими американского правительства. Мне было сказано, что правительство США не стоит вмешивать в это дело вследствие отделения Церкви от государства. Другими словами, это означало, что персонал посольства США, участвующий в богослужении в церкви Святого Людовика, не может пользоваться преимуществами протокола Рузвельта — Литвинова, так как они работают на «Дядю Сэма». Другими словами, посольство США в

Москве, на которое возложена защита прав американцев, заявило, что оно неспособно защитить эти права вследствие неточного понимания или, вернее, четкого непонимания выражения «отделение Церкви от государства». Полное противоречие! По существу, это было отречение от соглашения Рузвельта — Литвинова. Я не обсуждал эту проблему в посольстве, поскольку их вмешательство и не потребовалось.

Как и следовало ожидать, местные власти были недовольны, когда им был представлен новый список приходского совета. В то же самое время они ничего не могли сделать, так как список был составлен согласно требованиям их собственного закона. Увидев решимость, с которой я стоял на своем, и опасаясь возмущений за рубежом в случае, если список будет отклонен, они неохотно согласились. Новая конституция еще не была принята, и целый год они продолжали оказывать на нас давление. Советы знали, конечно, что виновником их неудачи был я.

Церковь Святого Людовика продолжала работать абсолютно независимо, как она и должна работать: по воскресеньям и в дни особых праздников к церкви подъезжало двадцать-тридцать автомобилей с соответствующими национальными эмблемами, высаживая послов, посланников, министров, консулов с их семьями. И все они участвовали в общем ярком акте богослужения вместе с сотнями русских людей. Ни в одном городе в Советском Союзе не было другой такой церкви, где можно было бы наблюдать подобные события. Это, однако, не означало, что меня оставили в покое. Советские законы не давали возможности открыто наказать меня за неуступчивость, и не было оснований объявить меня персоной нон грата. Тем не менее мое присутствие в стране было нежелательным, я понимал это по многим знакам, которые мне посылали. Они всячески пытались сделать мою жизнь нестерпимой, чтобы вынудить меня покинуть страну.

Еще одна неудачная попытка «подловить» меня была сделана в 1938 году, когда я был официально приглашен в Комиссариат по налогам. Эта история проливает свет на еще одну советскую тактику религиозного преследования. Она показывает, каким образом проявил себя в этой ситуации посол США. Из следующей главы читатель узнает о той борьбе, которую я вел с властями, занимающимися подоходными налогами.

Глава XX. Я напоминаю о договоре Рузвельта — Литвинова

С того дня, когда я покинул отель «Савой», и до конца апреля 1945 года я постоянно жил среди французов, которые всячески заботились обо мне. За исключением тринадцати месяцев во время Второй мировой войны, мне помогали сотрудники МИД Франции, курсировавшие между Россией и Францией. Этот перерыв произошел из-за разрыва дипломатических отношений между правительством Виши[162] и Кремлем через неделю после нападения на СССР. Но даже в тот период меня поддерживало посольство Турции, взявшее на себя тогда соблюдение интересов Франции.

И хотя я испытывал трудности, в основном морального характера, у меня все-таки была крыша над головой. Я был также избавлен от необходимости думать об освещении, отоплении и гаражных проблемах. Только пожив в Москве в то время, даже под официальной опекой Бюробина, можно оценить, как много это значило. Время от времени МИД пытался воздействовать на французского посла, делая намеки разными способами, что я не принадлежу к посольским сотрудникам, о чем мне неоднократно говорили сами послы. Советы хотели меня выселить из этого здания, чтобы за мной было легче наблюдать. Начиная с посла Шарля Альфана, все главы посольства прекрасно понимали, что ожидает меня, если я буду жить вне территории посольства. Все намеки Наркоминдела, что желательно было бы избавиться от меня, игнорировались (вплоть до 1945 года), ведь послу Франции не могли указывать, каких гостей он может принимать в своей частной резиденции.

В 1938 году Советы разработали план досадить мне другим путем. Меня вызвали в Народный комиссариат финансов по поводу налоговой декларации. Но сначала надо сказать, что священнослужители должны были передавать государству 40 % своего заработка, более того, у государства были свои понятия, сколько мы якобы зарабатываем! Это была особая привилегия, которой пользовались священники, считающиеся паразитами общества. С тех пор как я официально был занесен в эту категорию советским законом, я должен был платить данный налог.

Благодаря такому способу сбора налогов не потребовалось даже ареста для того, чтобы многие священники, которые не смогли его заплатить и таким образом удержать свой приход,

бросили службу. Этот немыслимый налог должны были платить и иудеи, и христиане, и мусульмане. Многие церкви, синагоги и мечети были вынуждены закрыться из-за ежегодного повышения этого налога. Приходы, братства и религиозные объединения должны были платить его из последних сил, иначе они лишались своих священнослужителей. А по закону ни один приход не мог существовать без одобренного властями священника, раввина, муллы. Только за один год мой знакомый священник одного православного прихода должен был лично заплатить 18 тысяч рублей, что было эквивалентно 3600 долларам. Приход был расположен на территории бедного колхоза, где было немыслимо собрать такую сумму, и этого священника вынудили покинуть свою маленькую деревенскую церковь. И таких случаев было по стране бесчисленное множество, а воинствующие безбожники каркали, что население отказывается поддерживать свои церкви из-за отсутствия интереса к религии. Но это была ложь, которая попадала и в иностранную прессу.

К тому времени, когда мне пришлось идти в Бюро по налогам, я прожил в России почти пять лет. Я ждал подобных неприятностей, заранее прочитал советский закон, а также проконсультировался по этой теме в посольстве США, чтобы определиться, насколько посольство будет готово защищать меня, если проблема возникнет. Как и любой нормальный человек, я был готов платить справедливый налог, но не был готов к тому, чтобы мой духовный статус служил основанием для постоянного увеличения налога. Вспомнил также и про маленькую зеленую брошюру, содержащую текст соглашения, подписанного 16 ноября 1933 года Рузвельтом и Литвиновым; в этом документе среди прочего значилось:

«Мы ожидаем, что религиозным группам или конгрегациям, состоящим из граждан Соединенных Штатов Америки, на территории Союза Советских Социалистических Республик будет предоставлено право на удовлетворение их духовных потребностей священниками, пасторами, раввинами или иными священнослужителями, *являющимися гражданами Соединенных Штатов Америки, и что такие священники, пасторы, раввины или иные священнослужители будут обеспечены защитой от любых ограничений в правах или преследований и что им не будет отказываться во въезде на территорию Советского Союза по причине их духовного звания*» (курсив мой). Я не придирался и не злорадствовал по поводу этого соглашения, я просто помнил его формулировки. Повестка, переданная мне из Департамента внутренних налоговых сборов, представляла собой почтовую карточку, адресованную попечительскому совету церкви Святого

Людовика по адресу Малая Лубянка, дом 12.

Службы в церкви продолжались как обычно, все было нормально, за исключением арестов, обысков, запугиваний, слежек, угроз по отношению к русским прихожанам. С самого начала моей службы приходской совет предложил мне зарплату, от которой я отказался; в церкви было слишком много неотложных проблем, требовавших затрат. За все годы моего пребывания в России я не получил ни одной копейки церковных денег, в соответствии с законодательством ими распоряжался исполнительный комитет нашего приходского совета. А я со своими скромными потребностями прекрасно существовал на деньги от оплаты заказных служб плюс иногда поступающие небольшие пожертвования. Я никогда не был состоятельным человеком, но в глазах Советов я жил слишком хорошо.

Повестка извещала меня, что мое присутствие требовалось в отделе внутренних доходов, расположенном в Глухаревом переулке, дом 5. Я приехал в назначенный час и был вежливо встречен молодой девушкой, секретарем комитета, на третьем этаже старинного здания. По советским правилам я должен был предъявить свой паспорт, я назвал свое имя и был без задержки принят. Мне навстречу вышел лично комиссар и поздоровался со мной. Это был низенький коренастый человек с явной сосудистой недостаточностью, даже более серьезной, чем моя собственная. Он был очень любезен, но в его глазах я заметил, как мне показалось, своеобразный победный блеск.

Кабинет был хорошо обставлен. Перед большим дореволюционным письменным столом стояли два удобных кожаных кресла, в которых разместились еще два массивных советских чиновника, одетых в штатское, как и комиссар. При моем появлении они неуклюже поднялись: каждый из них весил по меньшей мере девяносто килограммов. Из прошлого опыта я знал, что НКВД всюду внедрял своих людей, чтобы отслеживать ход беседы и проверять в то же время работу советских чиновников. Когда секретарь вышла, комиссар представил меня этим двум якобы чиновникам: с ними я обменялся рукопожатием, к их явному изумлению и очевидной неловкости. Начальник пригласил меня занять место на диване, стоявшем рядом с письменным столом. Перед тем как заговорить о деле, он поинтересовался, курю ли я, и протянул коробку с очень тонкими кавказскими папиросами с длинным картонным мундштуком. Он лично дал мне прикурить, и я разместился на диване напротив него.

Первым вопросом было: «Как ваше имя?» Я снова показал свой американский паспорт с разрешением на проживание; они

должны были удостовериться в моей личности, прежде чем начать расследование. Затем комиссар стал засыпать меня вопросами. На первый из них я ответил: «Меня зовут Леопольд Браун. Я — американский католический священник, капеллан американских католиков в СССР и настоятель церкви Святого Людовика в Москве».

— Преподобный Браун, вы являетесь сотрудником американского правительства?

— Нет, господин комиссар, я не являюсь сотрудником американского правительства.

— Вы получаете зарплату от американского правительства?

— Нет, господин комиссар, я не получаю зарплату от американского правительства.

— Вы являетесь сотрудником французского правительства?

— Нет, господин комиссар, я не являюсь сотрудником французского правительства.

— Вы получаете зарплату от французского правительства?

— Нет, господин комиссар, я не получаю зарплату от французского правительства.

— В таком случае, преподобный Браун, на что вы живете?

— Господин комиссар, я имею честь сообщить вам, что являюсь постоянным гостем его превосходительства посла Франции.

Услышав это, комиссар перевел недоуменный взгляд в направлении двух слушателей, молчаливо наблюдавших за расспросами. Время от времени они кивали, прищуривались или подмигивали, выражая одобрение сказанному. Комиссар же был, очевидно, озадачен тем, как проходит допрос. Он повернулся ко мне с выражением отчаяния. Получалось, что у меня не было дохода, с которого я должен был платить налог, но у меня действительно не было зарплаты ни в России, ни за границей. Мои родители посылали мне небольшие карманные деньги, с которых я действительно не собирался платить сорок процентов советскому правительству только потому, что являюсь духовным лицом!

Я вел скромное существование, не давая приемов, обедов и ланчей, и вся иностранная колония это хорошо знала. Мне не полагалось преимуществ при обмене иностранной валюты, как для тех, кто, живя в СССР, получал зарплату от федерального правительства США. Персонал иностранных служб уже тогда менял валюту по выгодным дипломатическим расценкам: двенадцать рублей за доллар, но это казалось недостаточным, и все сотрудники американских правительственных служб получали семнадцать рублей за доллар. Теперь ситуация

полностью изменилась, и больше не существует дипломатического тарифа. Но в те годы, приходя в Госбанк с таким же американским долларом, я получал за него всего пять рублей тридцать копеек. Я упоминаю об этом только в связи с вопросами, задаваемыми комиссаром, но у него была такая работа. И я не должен был выскользнуть из его рук.

В процессе допроса ни разу не был упомянут налог в сорок процентов, а я не собирался подчиняться такой вопиющей несправедливости. Явно смущенный присутствием двух своих «коллег», более похожих на вышибал из ночного клуба, комиссар потребовал более подробных объяснений относительно средств моего существования. Я объяснил, что основные траты моего жизнеобеспечения взял на себя посол Франции. Такого объяснения комиссар не ожидал; оказавшись в тупике, он в конце концов нашелся: даже если я не получаю зарплату, то должен иметь косвенные источники доходов. Я ответил, что время от времени получаю пожертвования в деньгах и натуральных продуктах и оплату за заказные службы. Крестьяне иногда приносят мне яйца, иногда немного молока, мяса и другие продукты — более чем кто-либо они знали бесполезность советских рублей.

В заключение комиссар задал самый главный вопрос, вкладывая в него всю свою энергию: «Преподобный Браун, вы платите подоходный налог?» Мой ответ: «Имею честь сообщить вам, что у меня никогда не требовали оплаты подоходного налога. Я не плачу подоходный налог». Тут чиновник воспрянул духом: с заметным оживлением на лице и в голосе он поднялся со своего стула и сказал: «Преподобный Браун, мы будем к вам снисходительны и щедры, мы попросим вас заплатить налог только за последние три года». Он достал из шкафа три налоговых бланка и с торжествующим видом протянул их мне. Он триумфально посмотрел на двух своих «коллег». Свернув и положив их в карман, я поднялся, взял шляпу и сказал ему то, что он, судя по его лицу, не ожидал услышать: «Господин комиссар, — выдохнул я, глядя прямо в его глаза, — имею честь сообщить вам, что в силу договора между Рузвельтом и Литвиновым, подписанного в Вашингтоне 16 ноября 1933 года, я освобожден от этого налога».

Комиссар и оба его «коллеги» стояли, глядя друг на друга в явном замешательстве, и вид у них был одновременно и жалкий, и забавный. Я пошел к двери, не промолвив больше ни слова. Я поехал прямо в американское посольство, так как было необходимо обсудить это дело с послом. Все послы США, которых я застал в Москве, обычно сами старались, чтобы чуть-чуть

облегчить мою жизнь. Понимая, что я постоянно нахожусь «под прицелом», они всегда были готовы прийти мне на помощь. Без лишних формальностей и обращения в МИД для соблюдения определенных дипломатических процедур они без особой суеты улаживали эти вопросы. Послы Буллит, Дэвис и Стэндли в случае необходимости официально вступались за меня, чаще всего это делалось на личном уровне.

По необъяснимой причине американский посол того времени не принадлежал к этой категории людей. В предчувствии разочарования я пришел к нему в то утро, которое так хорошо началось. Меня проводили в кабинет посла на четвертый этаж старинного здания на Моховой. Посол сидел за письменным столом спиной к американскому флагу, а его окно выходило на стену восточной стороны Кремля, до которой было всего метров сто. После обычных приветствий я объяснил суть своего дела, ожидая одобрения посла. Перед его приездом в Москву я читал, что он считался хорошим юристом. Читатель может судить об этом по нижеследующему диалогу.

— Господин посол, они снова начинают давить на меня.

— В чем дело?

— Оно касается неувязок с местными властями по поводу подоходного налога.

— Отец Браун, у вас нет дипломатического иммунитета, и вы не можете пользоваться особыми привилегиями. И я не считаю, что могу чем-либо помочь вам.

— Но, господин посол, этот дискриминационный налог вызван только моим духовным статусом. От меня требуют оплаты сорока процентов дохода в пользу советского правительства просто потому, что я — священник.

Это соображение не произвело на посла ни малейшего впечатления. Он тотчас же ответил: «Вы — обычный американский гражданин, живущий за рубежом. Следовательно, вы обязаны подчиняться законам данной страны. Вы должны понимать, что живете не в Соединенных Штатах». Я мог бы ответить, что жил вне Соединенных Штатов с небольшими перерывами с 1926 года, но отдавал себе отчет, что это бесполезно. Я ждал от него всего лишь небольшого ободрения. А он думал только о подчинении закону.

— Отец Браун, вам следует сделать так, как они говорят вам. Я не вижу другого выхода.

— Господин посол, а как насчет договора Рузвельта — Литвинова?

— Что-что?

— Как насчет договора Рузвельта — Литвинова,

подписанного в Вашингтоне 16 ноября 1933 года?

После того как я повторил эту фразу, он нажал кнопку на столе, вызвав посыльного. Когда вошел молодой человек, посол сказал ему: «Принесите мне, э-э-э…» — но не смог закончить предложение. Я вновь назвал документ. Посол прочистил горло и повернулся к курьеру: «Пойдите в архив и принесите мне договор Рузвельта — Литвинова от 16 ноября 1933 года». Через минуту посыльный принес маленькую зеленую книжечку.

Сидя на вращающемся стуле, посол начал читать текст соглашения, перелистывая его, как иллюстрированный журнал. Для экономии времени я назвал ему страницу, где находился текст, о котором шла речь. Он прочел этот отрывок, а затем наклонился вперед и, постучав правой рукой по голове, воскликнул: «Вот это да! Отец Браун, вы кое-что тут верно подметили». У него был вид человека, сделавшего открытие. «Идите к инспектору, — сказал он, — и скажите ему, что вы обладаете иммунитетом в соответствии с договором Рузвельта — Литвинова». Я уже сделал это несколькими часами ранее и без совета посла, но очень хорошо знал, что после моего визита к инспектору дело отнюдь не закончится, что придется снова идти туда.

Вскоре я снова был вызван к комиссару. Та же самая девушка препроводила меня в кабинет, где находились те же три человека. На этот раз прием был вежливым, но не таким теплым, папирос мне не предлагали. Я вошел в кабинет с намерением пробыть здесь как можно меньше времени и был полон решимости защитить свое право, заявленное в договоре. Я отклонил предложение сесть и стоял, пока комиссар разворачивал большой лист бумаги. Это был официальный ответ, адресованный настоящему департаменту от Правового отдела МИДа, касающийся моего права на иммунитет. Этот ответ Наркоминдела за № 556/519 сводился к следующему: МИД рассматривал меня как обычного гражданина, обязанного подчиняться законам страны. А так как я имею дело с населением, я должен соблюдать формальности и заполнить бланки.

Затем инспектор официально велел мне заплатить по налоговой декларации с 1938 по 1940 год. Выслушав этот вердикт, вынесенный самыми высокими властями в стране, имеющими дело с иностранцами, я попросил оставить мне копию этого документа. Комиссар не возражал, он казался очень уверенным в себе. Получив копию, я сказал ему следующее: «Господин комиссар, имею честь сказать вам, что я только что разговаривал об этом деле с послом. Отныне, если эта проблема возникнет снова, вы будете разговаривать непосредственно с ним.

А я больше не буду иметь дела с вами». Я блефовал, зная полную невозможность для комиссара увидеться с американским послом: в Советском Союзе, в отличие от нормальных стран, дипломаты могут иметь дело только с Министерством иностранных дел и наоборот. Применение вышеупомянутого договора, в случае если это дело будет иметь продолжение, было не игрой. Почему, собственно, именно этот договор между США и СССР должен оставаться лишь на бумаге?

Тщетно я пытался поскорее увидеть посла снова: мне передали, что он сможет принять меня только через пять дней. И эта встреча была бурной. Он начал говорить мне, что проинформирован о моей ситуации, но отношения между нашими странами улучшаются, и что бы я ни говорил ему, он отвечал мне этим бессмысленным клише. Затем он заговорил о моей зарплате: когда я сказал ему, что не получаю никакой зарплаты, он выразил большое удивление, по его словам, отсутствием поддержки со стороны моих высших иерархов. Но ведь дело было в другом. Я был в принципе не согласен со специальным налогом в сорок процентов для священников, и договор предусматривал именно такие ситуации. Его полное непонимание проблемы стало очевидным, когда он предложил мне написать письмо моим иерархам, чтобы попросить средства, в которых я не нуждался. «Я всегда думал, — сказал он, — что у вас приличный бюджет». Полностью избегая темы разговора, ради которого я пришел, он продолжал говорить мне, как он удивлен, что я «оставлен без средств к существованию». Было неприятно видеть, как он переменил тему беседы и понапрасну теряет время.

Странно было слышать собственного посла, предлагающего мне получить средства от иерархов, чтобы я мог заплатить советскому правительству сорок процентов от этих средств! Я чувствовал необходимость дать ему понять, насколько оскорбительно его предложение. И только потом он вспомнил о цели моего визита к нему; в конце встречи он сказал, что разговаривал с Вышинским и Лозовским о «моих разных делах и мелких неприятностях», и добавил: «Отец Браун, если Советы настаивают, я не вижу возможности помочь вам». Я ответил, что, если дело возникнет снова, я надеюсь, что он встанет на мою защиту. После этого он задал мне удивительный вопрос, упомянув о беседе с Вышинским и Лозовским: «А вы не можете прекратить общение с русскими людьми?» Это и было настоящей причиной давления на меня! Посол был согласен с Советами, недовольными тем, что моя церковь полна русскими прихожанами.

Я немедленно разочаровал посла, надеявшегося, что я повешу на двери церкви табличку с надписью: «Только для американцев и иностранных прихожан». Чем недовольны Советы? Кто виноват в том, что закрыты другие католические церкви в Москве? Кто арестовал не только католическое, но и православное, протестантское, иудейское и мусульманское духовенство на много километров вокруг Москвы? Я поинтересовался, рассказывал ли Вышинский о своей постыдной роли в судебном преследовании священников! Предложение посла прекратить мое общение с русскими прихожанами наполнило меня стыдом, особенно при взгляде на американский флаг, символ свободы. После этого посол повторил: «Отец Браун, если они будут настаивать на этом, я ничем не смогу помочь вам».

Вооруженный такой мощной поддержкой, я снова отправился в отдел подоходного налога с намерением сказать комиссару, что дело теперь целиком зависит от посла Соединенных Штатов Америки. Но он был занят, и я передал сообщение через секретаря. Все семь лет, которые я прожил в Советском Союзе после того инцидента, попытки запугивания продолжались, но меня больше не беспокоили по поводу налогов. Однако мои «добрые» друзья никоим образом не исчерпали набор приемов, ловушек и уловок, старательно придумываемых для моего «удобства» и «спокойствия».

Глава XXI. Спланированная «авария» и прочие подобные случаи

Моя старая железная лошадка, унаследованная от епископа Пия Неве, была близка к агонии, отслужив свое в невероятных погодных условиях. Подошло время заменить мой доживающий свой век «рено», разбитый вдребезги ранее напротив НКВД. Благодаря пожертвованию от нью-йоркской католической благотворительной миссии мне достался другой, более экономичный четырехцилиндровый «рено». И хотя я сам заплатил за автомобиль, его беспошлинная доставка была организована на адрес французского посольства с разрешения посла Поля Наггьяра. По техническим причинам автомобиль был также зарегистрирован на французское посольство, но он был в моем полном распоряжении.

Советы не могли открыто вмешаться в ситуацию, но я знал, что они были недовольны. Кроме меня во всем СССР из священнослужителей автомобиль был только у псевдомитрополита так называемой Красной церкви. Даже будущий патриарх Русской Православной Церкви получил возможность приобрести персональную машину только после нападения Гитлера. Все средства шли в ход, чтобы дать почувствовать этим церковникам, что они «нежелательные паразиты». Мой новый автомобиль позволил мне продолжать исполнять мои все возрастающие священнические обязанности. Прекрасно «объездив» его, я колесил без проблем, никогда не нарушая правил дорожного движения. Я получал большое удовольствие, сидя за рулем моего нового «рено».

Все офицеры дорожной милиции знали меня, в том числе и управляющие движением вокруг Кремля и Красной площади. Они всегда улыбались, когда я проезжал мимо, и оказывали мне знаки внимания. С тех пор как французское посольство переехало на Большую Якиманку, я каждое утро по дороге в церковь Святого Людовика проезжал через Красную площадь. В отличие от постоянно менявшихся часовых НКВД, дорожные милиционеры обычно стояли на своем посту более длительное время. Они умело регулировали быстро движущиеся автокавалькады «больших шишек», появлявшиеся внезапно с разных сторон; так как все дороги вели к Кремлю — от них требовалось умение быстро реагировать, чтобы избежать столкновений, которые, как ни странно, случались довольно редко. Было интересно наблюдать за милиционерами, четко регулирующими движение

быстро мчащихся по городу кремлевских автомобилей.

Каждый раз, когда я около полудня проезжал через Красную площадь возле Спасских ворот Кремля, там стоял один и тот же регулировщик, который всегда весело приветствовал меня. Проезжая от моста мимо собора Василия Блаженного или от музея Ленина, я всегда, приближаясь, давал два гудка. Он останавливал движение и давал мне право проезда. Других я тоже узнал за долгие годы, сами по себе они были замечательными парнями. Встречаться с ними на дороге было для меня удовольствием, неприятности начинались, когда они не были «сами по себе», а действовали по приказам НКВД. В то утро около 10:30 утра я выехал со двора американского посольства на Моховой и повернул направо в направлении французского посольства. Я сидел за рулем моего нового «рено», сверкающего заводской краской, пересек улицу Герцена и остановился на красный свет на углу улицы Коминтерна. Это одно из самых загруженных мест в Москве, ведущих к Арбатской площади, здесь было много скоростных автомобилей, едущих по направлению к Кремлю. На этом месте постоянно дежурили дорожные инспекторы в форме МВД — КГБ и люди в штатском, они следили за всем, что происходит на этом месте каждую секунду.

Передо мной в другом ряду стоял автомобиль, также ожидавший сигнала светофора. Я думал, что я один стою за этим автомобилем, как внезапно, без какого-либо сигнала в бампер моего «рено» со страшным ударом врезался старый лимузин «кадиллак». Это произошло на виду у всех в хорошо охраняемом месте, водитель «кадиллака» не был слепым, и это было явно преднамеренное столкновение. Все произошло очень быстро… Все милиционеры исчезли из виду, как по волшебству. Все свидетели слышали шум и видели, как черный «кадиллак» врезался в мой автомобиль. По обеим сторонам улицы люди восклицали: «Как им не стыдно!» Весь эпизод длился не больше минуты. Но в это время не было видно ни одного милиционера, как будто они все сговорились исчезнуть. На юго-западном углу старинного здания Коминтерна висела стеклянная будка с милиционером, который регулировал светофор. Когда мой автомобиль ударили, я заметил, как регулировщик, сидевший в будке, быстро наклонился и на все время инцидента исчез из виду. Других милиционеров тоже не было видно.

Вокруг обоих автомобилей стали собираться зрители. Я вылез из своего «рено» и направился к «кадиллаку», чтобы записать его номер. В это время его водитель с компаньоном старались растащить наши машины; упираясь коленями в бампер и пыхтя, они толкали машины, не произнося ни слова. Как только дело

было сделано, они стали удирать без малейших извинений или объяснений. Никто не попытался остановить их, свидетели, вероятно, испугались, чувствуя политическую подоплеку этого происшествия. Водитель «кадиллака», по виду мощный тяжеловес, нажал на акселератор, направляясь в сторону Арбатской площади. Увидев это, я вскочил на подножку, взывая к его совести. Но его такой же молчаливый компаньон толкал и дергал меня до тех пор, пока я не смог больше удерживаться на подножке набирающего скорость автомобиля.

Я спрыгнул и, к счастью, приземлился на ноги, а не на голову. Пока я рассматривал повреждения на моей машине, к ней подошел гладко выбритый милиционер. Багажник был разбит, задние фары вдребезги, осколки стекла валялись на дороге, провода свисали из разбитых приборов, но бензобак не был поврежден. Вид у моего нового «рено» был ужасным. Я смотрел на содеянное, а этот офицер произнес, выразив притворное удивление: «Здравствуйте, гражданин. Что это такое?» Указывая на повреждения, я произнес: «Господин офицер, вы что, не видите? В мою машину врезались сзади». В это время все другие милиционеры вернулись к своим обязанностям, и все автомобили стали объезжать мой «рено». Офицер, разговаривавший со мной, казалось, появился ниоткуда, но оттуда, где он ждал аварии, как и остальные, стоявшие на этом перекрестке. Затем этот офицер спросил: «У вас их номер есть?» Он записал его в свой блокнот, затем осмотрел мои права и технический паспорт. Вернув бумаги, он по-военному отсалютовал мне, сказав: «Не беспокойтесь, все будет в порядке. Вам заплатят за все».

Мне ничего не оставалось, как освободить улицу, уехать домой и ждать обещанной компенсации. А так как это произошло недалеко от американского посольства, я подумал, что имело бы смысл рассказать им обо всем происшедшем. Эта грубая атака хулиганов, очевидно, произошла по приказу, так как все милиционеры одновременно исчезли. Я не стал просить встречи с послом, но рассказал об инциденте советнику посольства. Когда я поведал свою грустную историю, мне был задан такой вопрос: «Отец Браун, у вас есть доказательства, что все происшедшее связано с тем, что вы — американский католический священник?» Вопрос поразил меня. Ну кто смог бы «доказать» такое? Единственное, что я нашелся сказать, — это то, что из НКВД мне не присылали письма с предупреждением о несчастном случае. И совершенно немыслимой была идея найти свидетелей среди запуганного населения. Иностранец должен быть либо сумасшедшим, либо полным невеждой, чтобы предпринять нечто подобное. Неделю спустя Московская городская милиция

прислала через МИД в посольство Франции, в котором была зарегистрирована машина, сообщение; в нем было сказано, что автомобиль, зарегистрированный под номером, который вы записали, не значится! Единственное, что мне оставалось, — это отремонтировать автомобиль на собственные средства и забыть о происшедшем.

В Москве не было принято останавливать автомобиль поднятием руки, по крайней мере легковой. В большинстве своем машины принадлежали либо дипломатическим миссиям, либо советской администрации, и среди них было много машин сотрудников НКВД! За городом ситуация была совсем другая. Крестьяне с удовольствием поднимали руку на дороге, когда они шли из своей деревни до рынка ближайшего города, чтобы продать свои продуктовые излишки по ценам, более высоким, чем в советских магазинах. Поскольку автобусы не всегда ходили, крестьян, едущих в город или возвращающихся из него, иногда подбирали грузовики или телеги, запряженные лошадьми. Я сам часто поступал так, когда ездил по деревенским дорогам. В городе «голосующих» было мало, если это не была «Мата Хари» или еще какой-нибудь внедренный шпион, русские держались подальше от автомобилей посольств или миссий.

Однажды утром, когда я ехал в церковь в направлении Большого Каменного моста, меня остановил человек средних лет, объяснив, что он — парикмахер и торопится на работу, так как не хочет платить штраф за опоздание. Думая о его безопасности, я полагал, что в этот ранний утренний час, когда на улицах мало людей, не будет большого риска, если я его подвезу. Он, конечно, принял меня за шофера, а я, например, никогда не видел никого из крупных чинов за рулем автомобиля. Мой церковный воротник ничего не означал для этого славного человека, поэтому я предложил ему сесть рядом со мной на переднее сиденье. Он сделал это с видимым удовольствием от редкой для него поездки на автомобиле. Мы вели приятную беседу, пока мой попутчик не заметил на приборной доске надписи на французском языке. Внезапно он со страхом спросил: «Это не советская машина?» Я ответил. Тогда он добавил: «Наверное, и вы иностранец?» Я подтвердил это предположение, добавив, что у автомобиля дипломатический номер. «Ради Бога! — воскликнул человек в крайнем волнении. — Остановите машину, пока меня никто не увидел». Бедный парень как будто обезумел, он был готов выскочить из автомобиля, прежде чем я остановился. Он гораздо больше боялся быть увиденным вместе с иностранцем в машине с дипломатическим номером, чем опоздать на работу при строгой дисциплине.

Неприятие иностранцев не в природе русского человека, Бог создал русских любящими людей всех национальностей. Они вовсе не считают, что иностранцы оказывают пагубное влияние и их надо избегать как морально прокаженных. Но режим, при котором они живут, породил страх подозрения и угрозы, установил и узаконил гораздо более суровую деспотическую систему, чем существовала при царизме. В этом заложен генезис внешне проявляющейся ксенофобии, противоположной здоровым природным качествам этой великой нации. Страх перед иностранцами не присущ сердцу и уму русского человека; он родился в умах бесконечно малого числа людей, держащих за горло большинство населения. Советская власть родилась в жестокости, она удерживается и защищается 58-й статьей советского Уголовного кодекса. Этот раздел советского законодательства придуман для поддержания перманентной революции и подавления народа.

Когда я еще ездил на старом «рено», мой верный алтарный прислужник сильно заболел. Это был не просто мальчик-алтарник, ему было семьдесят шесть лет, он участвовал в революции 1905 года. Теперь он, старый телеграфист на пенсии, был не в состоянии жить на пенсию, так широко рекламируемую в статье 120 конституции: «Граждане СССР имеют право на поддержку в преклонном возрасте, в случае болезни или потери трудоспособности. Это право подтверждается широким развитием социального обеспечения рабочих и служащих, бесплатным медицинским обслуживанием и развитием широкой сети оздоровительных курортов для трудящихся масс». По всем показателям мой старый служитель подходил под эту статью как нельзя лучше. Как и другие русские люди, он слушал призывы к освобождению и независимости России, он тоже ходил на массовые демонстрации, требующие отречения от престола царя Николая II. Его надежды на лучшие времена поддерживались обещаниями свобод, затем пришло глубокое разочарование, когда Ленин захватил власть, вырвав ее из рук тех, кто заплатил за нее дорогой ценой.

Государство платило моему алтарному служителю месячную пенсию в шестнадцать рублей, менее трех долларов! Этого не хватало даже на еду. Насколько я мог судить, преимущества советской медицины для Игнатия (так его звали) сводились едва ли к чему-то большему, чем свидетельство о смерти. Этот святой человек жил совсем один в тридцати километрах от Москвы, его дом, в котором я бывал несколько раз, не был добротной избой. Построенный его собственными руками, он состоял из хибарки с дверью, двумя окнами, четырьмя стенами и крышей из

гофрированного железа. Ко всему прочему, в его лачуге не было даже пола. Игнатий жил как отшельник, постепенно построив свой дом поверх пещеры, в которой прожил многие годы. Его одиночество и святость были настолько известны, что в прежние годы москвичи приезжали посмотреть на Игнатия.

До своей последней болезни этот славный человек обычно выходил из своей лачуги в 4:30 утра, чтобы сесть на поезд в дождь и солнце, зимой и летом и ехать в церковь Святого Людовика. «Скорый» поезд преодолевал эти тридцать пять километров за два часа. Кроме того что его иногда вызывали в НКВД для обычных расспросов, касающихся в основном меня, о чем он всегда говорил мне, его не трогали. Казалось, они не возражали, чтобы он помогал мне при алтаре, делил со мной завтрак и сопровождал меня на похороны: такую работу в церкви обычно делают мальчики-подростки. Весь наш приход знал Игнатия, который помогал мне в течение нескольких лет, его все любили за доброту, светящуюся во всех чертах его лица. И правда, этот человек все время ощущал присутствие Бога. Много поучительного было в общении с ним, я любил слушать его разговоры, наполненные той самой мудростью, о которой можно прочитать в жизнеописаниях святых.

В разгар зимы Игнатий заболел и перестал появляться в церкви, обычно он приходил задолго до моего прибытия. Все еще вижу его молящимся, со склоненной головой, ожидающим меня, чтобы открыть дверь: он почти всегда ходил в одной и той же одежде, только зимой надевал валенки. И я тоже в годы войны научился носить валенки. Отсутствие Игнатия встревожило меня, и я поехал к нему в деревню. Звонить по телефону не было смысла, так как это вызвало бы излишний переполох в сельсовете. Приехав, я нашел его смертельно больным, лежащим на кровати в нетопленной лачуге. Я развел огонь в примитивной печке, построенной им самим из глины и кирпича, и приготовил горячее питье. На улице было сорок градусов мороза. На следующий день я нашел одну прихожанку, любезно согласившуюся поехать и позаботиться о нем. Мы дали ей еду для него, и она немедленно отправилась в деревню. А я после полудня приехал совершить помазание больного и дать ему последнее Причастие, которое он принял с глубоким благочестием и полным сознанием. Двое его старых знакомых решили по очереди приглядывать за ним.

А добрая женщина решила вернуться домой тем же вечером. Но я настоял на том, чтобы она поехала вместе со мной на машине, так как было очень холодно, а поезда ходили нерегулярно. Она неохотно согласилась, я довез ее до последней остановки ее автобуса на Можайском шоссе. Было темно, и я

надеялся, что это лучше для ее безопасности. Все пешеходы были закутаны в толстые пальто на вате, они быстро шли к автобусной остановке, низко опустив головы против пронизывающего ветра и снежной бури, все торопились в укрытие. Вдалеке небо было освещено огнями большого города. На следующее утро эта женщина не появилась в церкви, не было ее и два следующих дня. Она пришла только на четвертое утро и объяснила, что, как только она вышла из машины, ее сразу же забрали.

Ее арестовали без предъявления ордера, посадили в машину НКВД и повезли прямо на Лубянку. По прибытии ее догола раздела надзирательница и отправила, как полагается, под холодный душ — первый этап к бесконечным последующим допросам. Ей вернули одежду, посадили в камеру и стали регулярно вызывать на допросы, которые вел следователь НКВД: «Почему она ехала в этом автомобиле? Где она была? Что она там делала? Что я говорил ей? Давал ли я ей денег и говорил ли что-нибудь против режима?» Самым важным был вопрос: «Почему вы продолжаете видеться с этим иностранным шпионом?» Это, конечно, обо мне. Эти допросы продолжались с четырехчасовыми интервалами с тем же или другим следователем. Не менялись только вопросы, которые задавались снова и снова, днем и ночью. Сотрудники НКВД просто отказывались верить, что эти отношения были основаны только на христианском милосердии: чувство человеколюбия, духовная забота полностью исключались из их понимания. А так как я был иностранцем и тем более священником, НКВД был убежден, что у меня были другие мотивы поступать так, как я поступал каждый день на виду у всех. На самом деле тот арест был «мягким» случаем временного задержания, и это несмотря на то, что все статьи конституции гарантировали неприкосновенность граждан СССР. Женщину освободили к полуночи. И она была вынуждена идти домой пешком, так как муниципальный транспорт в это время уже не работал. Это была еще одна форма проявления силы закона «диктатуры пролетариата».

Не каждый русский человек, которого я подвозил, подвергался аресту. Когда люди приходили на службу в церковь, их отмечали, но не всегда преследовали. К этому времени НКВД уже должен был знать, что я не веду подрывную деятельность ни тогда, когда крещу детей, ни тогда, когда выслушиваю исповедь, причащаю больного, служу Мессу или совершаю иные Таинства. Но они никогда не прекращали подозревать меня в том, что я что-то делаю для свержения режима. Подобное чувство бывает у вора, чья совесть всегда беспокоит его, так как украденный предмет постоянно напоминает ему о настоящем владельце.

Древнеримская пословица гласит: «Res clamat domino» («Вещь взывает к владельцу»). Это общее толкование относится и к нации, скованной немыслимыми ловушками, расставленными системой, придающей значение только вещам, которые можно увидеть, пересчитать, включить в реестр, чтобы так обмануть обывателя, несмотря на все эти спутники и космические корабли.

С тех пор как судьба послала мне грустное предназначение быть единственным католическим священником в столице, на мне сосредоточилась вся бдительность НКВД. В самый первый год у меня появился эскорт из тех, кого я в шутку называл бескрылыми «ангелами-хранителями», следовавшими за мной повсюду. Но поскольку мне нечего было скрывать, я и не пытался что-либо скрыть. Иногда общение со мной было опасным для некоторых людей, в дома которых я приходил. Но лишь однажды я посчитал необходимым скрыть мою личность в больнице, куда я пришел, чтобы совершить помазание умирающего священника. Вначале я считал, что русские прихожане либо слишком запуганы, либо совсем незнакомы с советским законодательством по религиозным вопросам, так что им и в голову не могло прийти просить меня посетить их в больнице.

Несмотря на недовольство властей, тем не менее существовало позитивное положение, гарантирующее проведение богослужения со специальными ограничениями в госпиталях и тюрьмах.

Многим русским гражданам до сегодняшнего дня неизвестны формулировки статьи 58 Декрета 1929 года: «Во всех государственных, кооперативных и частных предприятиях запрещено совершать какие-либо религиозные службы и культовые церемонии, а также размещать в них предметы культа. Это запрещение не относится к отправлению религиозных церемоний в специально отведенных комнатах больниц и мест заключения, по требованию умирающего или тяжелобольного. Также этот запрет не относится к отправлению религиозных церемоний на кладбищах и в крематориях». Большая часть 65 статей этого Декрета являются запретительными по содержанию. Раздел, приведенный выше, представляет собой редкое проявление религиозной терпимости. Как ни странно, я нашел этот отрывок из советского религиозного законодательства в магазине антирелигиозной литературы. Это был последний экземпляр тиража 1929 года; по моим сведениям, с тех пор он больше не издавался.

Вскоре я обнаружил, что очень немногие русские люди осведомлены о легальной возможности приглашать в больницы и тюрьмы священников, пасторов, раввинов и мулл. Я призывал их

так поступать, и мой призыв скоро стал слышен не только в Москве, но и за ее пределами. При посещении больниц мне говорили, что в этих местах других священников никогда не видели. Я думаю, что в конце концов я совершал Святые Таинства в каждой московской больнице, исключая, конечно, кремлевскую, предназначенную для больших партийных «шишек» и особо почетных гостей. Каждый раз персонал больницы был очень любезен и всячески поддерживал меня. За все годы в России мне только один раз отказали в доступе к больному, и произошло это по политическим причинам: из-за разрыва дипломатических отношений между СССР и другой страной. Турецкий посол попросил меня навестить пациента-католика, лишенного всяческого общения по приказу НКВД.

Было много захватывающих случаев при посещении больных и в городских и деревенских больницах. Мою деятельность не рекламировали ни газеты, ни радио, не было ни еженедельных, ни ежемесячных приходских бюллетеней, рассказывающих о нашей религиозной деятельности. Однако русские люди узнавали о церкви Святого Людовика и ее настоятеле, который говорил на их языке и приходил по их вызову. С годами число ожидающих духовного утешения в критические моменты их жизни росло. В российских больницах посетителям выдавали халаты, которые они надевали поверх своей одежды. В образцовых больницах, которые посещали иностранные делегации, эти халаты были безупречно белыми, в отдаленных лечебницах их цвет колебался от кремового до бежевого. В ожидании официальной проверки больничное белье было всегда безупречно чистым, некоторые больницы комиссия посещала два раза в год — на 1 Мая и 7 ноября. Я не хочу сказать, что и белье в отдаленных больницах меняли только дважды в год, хотя такой вывод напрашивался.

По этому поводу «Правда» в качестве исключения опубликовала пугающую статью об условиях в больницах государственной медицины, широко распространенных по всей стране. «Правда» рассказывала о московской больнице на сто пятьдесят коек, которую в ожидании обычной комиссии привели в надлежащий порядок, и в назначенный день все палаты сверкали белоснежным бельем. Делегация была очень довольна, о чем и сообщила в хвалебном отчете. На следующий день чиновник Наркомздрава[163] пришел с новой, неожиданной проверкой и обнаружил ужасное зрелище: снятое накануне грязное белье снова застелили без разбора во всех палатах. А чистое белье сняли с кроватей, свернули и отложили до следующей проверки! «Правда» подняла громогласную волну «самокритики»: это был один из необходимых для коллективного

утешения клапанов безопасности, снимающих давление без исправления ситуации. Вся Москва пылала негодованием, ужасный поступок был предан публичности, сам факт которой оказался достаточным, чтобы успокоить население.

Мне тоже каждый раз выдавали халат, когда я входил в больницу для совершения Таинств. Довольно часто дежурный принимал меня за специалиста, вызванного для консультации, когда я прибывал с моей черной кожаной сумкой. Эта сумка была подарена мне при отъезде из Америки моим коллегой, преподобным Сильвио Бродером, настоятелем церкви Святейшего Сердца в Уэбстере, штат Массачусетс. Закон требовал, чтобы для религиозных церемоний была выделена специальная комната, отделенная от больничных палат. Комментаторы-безбожники подчеркивали, что эта мера была принята государством во избежание влияния на граждан, и особенно неверующих. Но стихийная, непроизвольная реакция русских людей в таких обстоятельствах красноречиво противоречит тому, что я читал в советской пропаганде против устойчивых религиозных традиций в стране. Изолирование религиозных церемоний обычно заключалось в том, что кровать пациента отгораживалась занавеской. Если не было подходящего стола, я располагал все необходимое на стуле, накрытом покрывалом, которое я возил с собой в сумке. Когда я совершал Святое Причастие, дароносица оставалась на корпорале[164] с горящей свечой и распятием. Очень редко я сокращал обряд из-за наступающей смерти; при исповедях я, естественно, оставался один на один с больным.

Но когда подходило время причастия, ко мне подходили не только другие пациенты, но некоторые нянечки и кое-кто из обслуживающего персонала. И не имело значения, кто они, католики, православные или лютеране: у всех было непреодолимое желание объединиться в общей молитве и быть свидетелями происходящего. Я утверждаю, что эти славные люди присоединялись к церемонии вовсе не из любопытства. Я никогда не забуду, как благоговейно преклоняли они колени у кровати пациента и как они смотрели через открытые двери, хором читая прекрасные слова молитвы «Отче наш». Я никогда не приглашал их, но не мог и отказать им в проявлении их подавленной религиозности. Они крестились на византийский манер и, когда все было закончено, подходили ко мне и просили разрешения поцеловать мою руку. Во время войны умирающие матери называли мне имена своих сыновей на фронте, чтобы я упоминал их во время богослужения. Тот, кто говорит, что в России вера и религиозные чувства умерли, просто не знает, о чем говорит.

В Советской России священник, отправляясь по вызову,

подчас сталкивается с непредвиденными ситуациями. Однажды ко мне приехала из небольшого городка русская девушка немецкого происхождения и попросила, чтобы я совершил помазание ее умирающего отца. Взяв с собой все, что надо для причащения умирающего, я выехал в городок, расположенный довольно далеко от Москвы. В полном сознании умирающий принял таинства исповеди и елеопомазания, а затем последнее причастие. Один из его сыновей приехал из отдаленной провинции, где много лет не было священника, поэтому он венчался в свое время только в присутствии Бога, как это делается, если нет священника[165]. Молодая пара в моем присутствии обновила супружеские обеты, подтвердив обоюдное согласие; потом был крещен их новорожденный мальчик. Только один вызов к больному поспособствовал совершению всех этих таинств.

НКВД не одобрял моих поездок такого типа. С их точки зрения, я был всего лишь торговцем небесным блаженством и пропагандистом обскурантизма. И им не нравилось, что все большее число русских людей приходило в церковь Святого Людовика. Еще больше раздражало их, что я вхожу во многие дома прихожан. Запугивание, связанное с религиозным подавлением, было настолько сильным, что некоторые прихожане перестали появляться в церквях, синагогах или мечетях. И происходило это не из-за болезни или физической немощности, а из-за тягостной атмосферы репрессий, из-за страха потерять средства к существованию. К этой категории принадлежали люди, связанные с армией, и до самой войны редко можно было увидеть солдата Красной армии в месте богослужения, а еще реже офицера в форме.

В следующей главе будет рассказано о церемонии вступления в брак, которая вынужденно была совершена вне церкви, и других видах богослужения.

Глава XXII. «Моя матушка научила меня»

Несмотря на то, что я вел службу открыто и принимал всех, кто приходил в церковь Святого Людовика, иногда приходилось прибегать к секретности. Обстоятельства требовали, чтобы я не подвергал опасности тех людей, на. которых из-за общения со мной могли обрушиться страдания и бедствия. Я был уверен, что не делал ничего плохого, проводя богослужение и позволяя русским людям приходить к нам в то время, когда им больше было некуда идти. Но Советы смотрели на это по-другому. В то время как многие русские люди с замечательной отвагой противостояли вмешательству государства в частное дело своих религиозных убеждений, другие не могли открыто участвовать в публичном богослужении, опасаясь потерять свое рабочее место. К этой категории верующих относились профессора, учителя, врачи, инженеры, военные и люди многих других профессий. Только однажды я видел милиционера в церкви, через десять лет пребывания в стране, но это было связано с повторяющимися «кражами» в церкви.

Однажды в ризнице ко мне подошла бедно, но опрятно одетая женщина и стала говорить о предстоящей свадьбе ее дочери. Она жила на окраине города и пришла для предварительных переговоров; ее дочь не могла появиться в церкви, так как об этом могли узнать на работе. Муж этой женщины умер, а двадцатилетняя дочь была ее единственным ребенком. Они жили в одной комнате дореволюционного деревянного дома, построенного без единого гвоздя из бревен, обтесанных вручную. «Мамочка» очень волновалась в связи с предстоящим событием: она объяснила, что существует одно серьезное препятствие для осуществления лелеемой мечты. Дочь, я буду называть ее Евдокией Степановной, красивая девушка с каштановыми волосами, естественно, подвергалась интенсивному антирелигиозному воспитанию на протяжении всех десяти лет учебы в школе. Ей, как и другим мальчикам и девочкам, преподавали агитаторы-безбожники; как и все школьники, она вынужденно ходила в антирелигиозные музеи и писала отчеты о других «культурных» экскурсиях такого рода.

Но благодаря влиянию ее матери и особенно ее поразительной стойкости в религиозном воспитании у Евдокии было четкое и ясное представление о своем предназначении на земле. Она, как и ее мать, хотела, чтобы ее бракосочетание прошло при благословении Церкви. Ее привлекала не сама свадьба в белом платье, не мысль о торжественном шествии под

музыку. Сокровенное материнское воспитание дало ей понимание, что все это второстепенные аспекты настоящей сущности религиозного события, которое она желала совершить. Именно об этом пришла говорить со мной мать Евдокии, и ее волнение выдавало ее чувства. Выяснилось, что женихом девушки был офицер Красной армии, который ни при каких обстоятельствах не должен был появляться в месте богослужения, тем более в церкви Святого Людовика, находящейся под пристальным вниманием НКВД как гнездо американского шпионажа.

Это и было тем самым препятствием, а просьба матери состояла в следующем: не соглашусь ли я совершить венчание у них в доме. Славная женщина считала, что это совершенно невероятная просьба, и опасалась, что для меня будет затруднительным выполнить ее. Я, конечно, успокоил ее, так как она смотрела на меня умоляющими глазами, в которых вспыхнула радость, когда я сказал, что обязательно исполню ее желание. Мы договорились о дне, решив, что ранний вечер будет наиболее подходящим временем для проведения церемонии, и она оставила мне описание, как доехать до ее дома. Я, естественно, навел справки, насколько это было возможно, не был ли прежде в браке жених Евдокии. Не оставалось сомнений, что этот человек действительно был свободен для брака. Я назову его Павел Петрович, он был на четыре года старше своей невесты, и, как я скоро убедился, это был высокий красивый парень. Он был православным, и надо напомнить, что в византийском обряде у детей (или взрослых) конфирмация происходит при крещении.

После нашей предварительной договоренности мать Евдокии не могла удержаться, чтобы не рассказать мне о платье, в которое будет одета невеста. Она объяснила, что многие годы откладывала по копейкам дочке на свадьбу: славная женщина купила материю и своими ловкими руками сшила очень красивое свадебное платье с фатой и венцом, которое я вскоре и увидел. Меня уверили, что Павел Петрович будет даже рад, что венчать его будет католический священник. Его православная вера не была препятствием, тем более что мои исключительные канонические полномочия позволяли мне разрешать подобные вопросы[166]. Мне самому было интересно, как все пройдет, но долго ждать не пришлось, и могу добавить, что я был вполне удовлетворен, когда пришло время познакомиться с женихом.

В ранние сумерки назначенного дня я вышел из автомобиля, оставив его на дороге, и прошел через сосновый лес, к счастью на этот раз без «провожатых», к деревянному дому. У меня с собой была только стола и требник в кармане пиджака. А так как линия

электропередачи добралась до этой деревни, нам не пришлось зависеть от керосиновой лампы или другого примитивного светильника для освещения просторной избы, где моего приезда уже ждал подготовленный свадебный вечер. В России есть обычай, входя в дом, перед тем как со всеми поздороваться, пройти в красный угол и произнести молитву с глубоким поклоном перед иконой. Во многих домах еще есть такой красный угол с иконой и лампадой, днем и ночью горящей перед ней.

Я поздоровался с матерью, дочерью и другой женщиной, которая была свидетелем бракосочетания, и, конечно, богатырского телосложения Павлом Петровичем, при сверкающих офицерских регалиях, гладко выбритым, с сияющим лицом. Его ботинки, ремень через плечо и пояс с пряжкой казались отполированными. Увидев меня, он поднялся со своего места и выпрямился, щелкнув каблуками; он приветствовал меня с улыбкой, почтительно обратившись с привычными словами приветствия: «Здравствуйте, батюшка!» Светловолосый человек смотрел на меня сияющими голубыми глазами. Этот красивый мужчина высокого роста говорил со мной так, как будто знал меня всю жизнь. Его родители умерли, и со стороны его семьи никого не было, нас было пятеро вместе со мной. Глядя на него, я подумал, что, вероятно, больше никогда не увижу этого человека. Я знал, что Евдокия хорошо понимала, что она собирается делать в присутствии двух свидетелей. Мать объяснила ей, что такое моральные нормы и религиозные обязательства. Но я не был уверен, что улыбающийся жених-офицер знал о своем моральном долге, ведь в школах детские умы настраивали против религии и традиций.

Я не хотел, чтобы жених легкомысленно входил в освященную семейную жизнь без осознания происходящего. Я отозвал его в сторону, пока три женщины разговаривали между собой. В очень краткой форме я дал ему основные понятия предстоящей религиозной церемонии. Сначала я сказал ему, что он должен будет поклясться перед Богом и призвать Его в свидетели своего брачного обета. Имея представление об условиях армейской жизни, которые не слишком отличаются от армейской жизни в других странах, я подчеркнул нерушимость брака и дал ему понять, что это навсегда. Я объяснил ему, что с этого дня он не должен обращать внимания на «Ниночек» и «Аннушек», которые могут оказаться поблизости. Пока я проводил с ним беседу, он слушал меня, как ребенок, но внимательно, как мужчина. Он уважительно дал мне закончить мое короткое наставление, а затем сказал: «Батюшка, я уже все это знаю, потому что меня научила моя матушка». Это признание

заставило меня подумать о нерушимости религиозной веры в России благодаря священному влиянию замечательных русских женщин: они не только давали детям физическую жизнь, но и зажигали в них искру духовной жизни.

Затем новобрачные вместе со свидетелями выстроились передо мной. Я осенил их крестом, после чего офицер попросил разрешения перекреститься так, как учила его мать. Надо было видеть, как этот взрослый человек призывает Пресвятую Троицу, стоя рядом со своей миниатюрной невестой, одетой в прекрасный наряд, сшитый ее матерью. В этом обряде не было ни торжественного прохода между рядами, ни звуков органа, ни цветов, ни телеграмм — никакой торжественной церемонии. Нигде не было видно свадебных даров, только красивый наряд невесты, сшитый руками ее матери, и взаимные слова клятвы верности в семейной жизни. Конечно же, перед Богом такое венчание было не менее важно, чем другие, более пышные церемонии. Когда все было закончено, глаза матери затуманились слезами, но ее счастье было безграничным. Павел Петрович обнял свою жену и поцеловал двух других женщин. Повернувшись ко мне, этот ликующий великан подошел и так сжал меня в своих медвежьих объятиях, что у меня хрустнули косточки. Скромный праздник закончился трапезой с пирожками, начиненными рублеными яйцами и рисом, и рюмочкой водки. Я пожелал им многие лета и уехал, пожав всем руки. Такова история офицерского венчания, совершенного мною в деревне, где намного больше сердец, в которых живет Бог, чем представляют себе крикуны-безбожники.

Но большая часть бракосочетаний совершалась в церквях, храмах, мечетях, которые еще оставались открытыми. Конечно, во многих частях Советского Союза, включая «аннексированные» территории, венчание в церкви, по Декрету 1918 года, больше не является законным основанием для официальной регистрации брака. Теперь по закону пары, вступающие в брак, должны регистрироваться в местных Бюро записи актов гражданского состояния. С начала советской власти до 50-х годов эта церемония была совершенно безликой; она состояла в заполнении специальной графы, следующей за графой о регистрации рождения, после которой оставалась незаполненной графа о смерти. Многие русские говорили, что это была унылая церемония. А ныне, прилагая усилия, чтобы отбить охоту к продолжающимся церковным бракосочетаниям и окончательно покончить с ними, государство стало выпускать разукрашенные свидетельства о браке, сама церемония происходит в специально декорированной комнате.

С юридической стороны возникает проблема отсутствия официального провозглашения взаимного согласия сторон. Стабильность семейной жизни сейчас больше приветствуется, чем раньше, но не вследствие религиозной морали, все еще не принимаемой государством. Пары поощряют жить вместе по самым утилитарным причинам, чтобы они производили как можно больше детей: чтобы восполнить потери, понесенные во время войны и в концентрационных лагерях. Несмотря на такие «изменения» в лучшую сторону по сравнению со «свободной любовью» и слабостью семейных уз, все еще остаются законными получение развода и криминальная практика убийства нерожденных детей посредством аборта.

До того, как поездки по СССР стали ограничиваться, многие люди издалека приезжали венчаться в церковь Святого Людовика. Немцы Поволжья часто ехали всю ночь на поезде накануне «дня отдыха», чтобы посетить церковь, и затем немедленно уезжали обратно в свои городки, чтобы успеть на следующий день к началу работы. Стремясь поддерживать старинные баварские традиции, привезенные в Россию два века назад, они приезжали небольшими группами, привозя для крещения даже соседских детей. Часто невесты надевали белые кружевные и вышитые платья, передаваемые в семье из поколения в поколение. Они приезжали на венчание в сопровождении других женщин, которые вели невесту в комнату напротив ризницы и переодевали ее из обычной рабочей одежды в непривычно красивый свадебный наряд: такое полнейшее преображение вызывало в памяти старинные, спокойные годы. Жених надевал свой лучший воскресный костюм, добавляя к нему разноцветную ленту или розетку, прикрепленную к левому лацкану добротного шерстяного пиджака. Все это было аккуратно сложено и запаковано в коробки, привезенные из Саратова, Куйбышева (Самары), Астрахани и так далее. Как Советы ни пытались отбить у них охоту к таким религиозным церемониям, отважные волжские немцы никогда не прекращали свои дальние поездки, чтобы совершить венчание в церкви. Так продолжалось до вторжения в Россию Гитлера, когда Сталин велел провести жесточайший рейд НКВД, согнать немцев, арестовать и сослать в отдаленные районы Сибири и Казахстана. Советы полностью пренебрегали естественными правами человека на вступление в брак, и это было проиллюстрировано во время Второй мировой войны, но информация об этих часто повторяющихся трагедиях очень редко просачивалась из страны.

Среди других был еще один интересный случай. В церкви Святого Людовика происходило венчание иностранного

дипломата, полюбившего хорошую русскую девушку из прекрасной семьи. В отличие от описанной спокойной уединенной офицерской свадьбы, это венчание происходило со всей роскошью, которую наша церковь могла предоставить. Это было необычайное событие и для дипломатического корпуса, а также прекрасный случай продемонстрировать друзьям жениха и русским гостям новобрачных, какое большое значение церковь придает священному союзу мужчины и женщины. Множество народу присутствовало на свадебной Мессе. Главный алтарь утопал в цветах, в ярко освещенной церкви звучала прекрасная музыка. Присутствие посла придавало еще большее значение событию, затем последовал незабываемый прием. Вскоре муж должен был покинуть СССР в связи с назначением в другую страну, ему, конечно, было позволено выехать из страны, но его жене отказали в выездной визе. А вскоре после этой насильственной разлуки советское правительство отправило мужу-иностранцу ходатайство о разводе, о котором его не просила ни одна из сторон.

Известны многочисленные случаи, свидетельствующие о разрушительных результатах материалистической философии, от которой Церковь вот уже более сотни лет предостерегает мир. Еще раз хочется подчеркнуть прочность религиозных традиций в Советском Союзе, и в этом сдержанно признался Н. С. Хрущев в одном из своих редких высказываний на тему религии: «Тем не менее невозможно не учитывать тот факт, что некоторые граждане, участвующие в жизни страны и честно выполняющие свой гражданский долг, *продолжают оставаться приверженцами той или иной религиозной веры… Любые административные меры* и несправедливые нападки на верующих и священнослужителей только ожесточают и в конечно счете только сплачивают их в верности своим религиозным предрассудкам» (курсив мой).

Глава XXIII. Как Кремль проиграл войну с Богом

В этой главе впервые будет обнародована тщательно охраняемая тайна неудачи Кремля при проведении грандиозной антирелигиозной кампании. Но сначала я должен кратко описать некоторые моральные и социальные аспекты марксистского материализма.

Любая идеология, которая отрицает Библию, Апокалипсис и сверхъестественное, придает значение только земным делам. Как-то раз покойный премьер-министр Франции Пьер Лаваль во время беседы со Сталиным упомянул о Ватикане и Святом Отце. Диктатор сразу же спросил: «А сколько дивизий у Папы?» Это прекрасная иллюстрация того, что для материалиста материальное выше духовного. Марксист не отрицает существования мысли и умственной деятельности, но для него силы разума обязательно подчинены материальному. А все виды энергии сосредоточены в конкретных, осязаемых вещах.

Советы заявляют, что они создадут земной рай, где все обретут счастье здесь, в этом мире. В системе марксизма человеческое поведение, личная и общественная этика оцениваются в зависимости от изменчивых утилитарных потребностей — это чисто прагматический взгляд на мир. В соответствии с советским учением, опровергаемым многими фактами, развитие сил природы должно принести земное счастье, при этом нет никакого упоминания ни о вечности, ни о человеческой душе. Поэтому сейчас проводится навязчивая идея о семилетием плане, сменившем шесть неудачных, как признал сам Н. С. Хрущев, прошедших пятилеток. В то время как продолжаются призывы к созданию большего количества плотин, электростанций, железных дорог, заводов, вооружения, на сорок четвертом году после революции у одной трети населения России нет обуви!

В 1846 году, за два года до публикации Коммунистического манифеста, Папа Пий IX вынес официальный приговор «этой бесчестной доктрине так называемого Коммунизма, абсолютно противоречащей законам природы, при принятии которой нас ждет уничтожение прав, собственности, имущества всех людей и даже самого общества». За двенадцать лет пребывания в Советской России я был свидетелем многих государственных похорон, дающих яркое свидетельство этой доктрины. Тело сначала помещают для прощания в Колонный зал Дома Союзов,

затем оно подвергается кремации и замуровывается в кремлевскую стену на Красной площади. Эта церемония отражает марксистское учение о том, что человеческая жизнь исчезает, подобно пламени погашенной свечи. Между прочим, некоторых не подвергали кремации, среди них: гражданка Аллилуева, первая законная жена Сталина; Иван Павлов, известный специалист по рефлексам, и маршал Шапошников, умерший во время войны.

При массовых демонстрациях, собираемых на Красной площади по случаю похорон, русские люди сдержанно реагируют на эти проявления скепсиса, в которых их вынуждают участвовать. Огромные сборища, демонстрируемые Госкино (советский Голливуд), никогда не отражали истинных чувств населения. Однако Советы умело используют пропагандистский потенциал этих церемоний, собираемых по принципу «приходи, а то пожалеешь». Голос русского народа по-прежнему силен, несмотря на то что его заставили умолкнуть после захвата власти Лениным. Но этот голос не имеет ничего общего с материалистической доктриной партии, все время отождествляемой с Советским государством. Выражение «блок коммунистов и беспартийных», которое постоянно встречается в прессе, — это бессмысленная фабрикация. В Советском Союзе нет такого «блока беспартийных», одобряющего и поддерживающего практику подавления мысли существующим режимом.

Факт существования только восьми миллионов членов партии в искусственно приросшем населении, достигшем 220 миллионов (за счет прибалтийских и других захваченных народов, не говоря уже о сорока пяти миллионах украинцев), нельзя объяснить тем, что партия добровольно ограничила число своих членов. Не слишком известно то, что во время войны в Советской армии было так мало членов партии, что солдат, матросов, летчиков заставляли получать партбилеты в принудительном порядке. Солдаты писали домой своим семьям, что их заставили вступить в партию. Русские отцы и матери рассказывали мне об этом с едва скрываемым возмущением.

Не стоит забывать, что, после того как Ленин захватил власть, которую народ получил в результате революции, в войсках не осталось ни одного капеллана какого бы то ни было вероисповедания. Несмотря на это, президент СССР Калинин публично признавал, что многие красноармейцы практикуют свои религиозные убеждения открыто. Если бы не хаос, вызванный немецким вторжением, последующим отступлением Красной армии и панической эвакуацией из Москвы, не было бы ничего известно о том, как составлялись партийные списки. Советская

военная цензура совершенно рухнула на время паники, и в результате эта информация просочилась, хотя об этом никогда не было упоминаний в печати.

Материализм, как общественная доктрина, возбуждает зависть среди рабочего класса и в то же время усиливает эгоизм слишком либерального и несправедливого капитализма. Для семьи, которая согласно воле Божией является основным ядром общества, нет места в коммунистической системе, кроме как в качестве биологической силы, производящей детей. Рабочие руки нужны для выполнения производственных заданий. Известно, что коммунизм провозглашает благородный идеал благосостояния людей. Это самое мощное оружие пропаганды: «Пролетарии! Соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей!» Это соблазнительный, но обманчивый призыв. В такой системе человек становится шестеренкой в экономике. Образ его мыслей, разум и личное сознание всего лишь паразитическое приложение, встающее на пути коллективизма. Настоящая правда заключается в том, что рядовые члены партии должны не думать, а только подчиняться.

Радикальный атеизм — естественное продолжение марксистских принципов, где справедливость и счастье социального устройства достигаются в результате классовой борьбы. Коммунизму не свойственны долготерпение, снисходительность, милосердие и прощение. Следовательно, он абсолютно несовместим с религией. В определенном смысле в коммунизме есть нечто мистическое, но оно фальшиво и не предлагает ничего, кроме обещания утопической мечты. «Коммунизм наших дней более подчеркнуто, нежели подобные движения в прошлом, содержит в себе ложную мессианскую идею. Псевдоидеал справедливости, равенства и братства в труде насыщает всю его доктрину и деятельность обманным мистицизмом, который придает массам, попавшим в ловушку иллюзорных обещаний, ревностный и заразительный энтузиазм» (Пий XI. Энциклика «О безбожном коммунизме»).

Обоснованные устремления коммунизма и забота о благе человека благородны в принципе, но недостижимы на практике. В то же самое время официальный отказ от религии и антирелигиозные кампании являются органическими составляющими этого обманчивого учения. За относительной религиозной терпимостью, принятой в сегодняшней России, скрывается временное политическое долготерпение Кремля. Союз атеистического коммунизма с некоторыми представителями духовенства представляет собой доказательство тактического маневрирования. Резюмируя резкую перемену отношения

государства к религии в конце Второй мировой войны, один американский редактор очень метко сказал: «Не можешь победить, присоединяйся!»

Смысл этой фразы становится более понятным, если проследить тенденцию создания «национальных» церквей, особенно в странах-сателлитах. Пришло время увидеть, как Советы пытались, но были не в состоянии уничтожить религию в России. А если говорить точнее: каким образом Кремль проиграл битву с Богом? Русские люди отличаются от советских, как черное от белого. Для русских оскорбительно, если их отождествляют с трудящимися массами и последователями марксизма, как это делается в советской или иностранной прессе. Это учение, отвергающее Бога, религию и духовные устремления, чуждо большинству русских людей. Насколько я знаю, только один раз за сорок четыре года советское правительство дало русскому народу официальную возможность выступить публично «за» или «против» Бога — это было во время всеобщей переписи 1937 года, свидетелем которой я был.

Когда я приехал в СССР в 1934 году, было очевидно, что Советы использовали все возможные средства для массового внедрения своей материалистической философии среди населения. Нельзя забывать, что во время революции христианство в России насчитывало почти тысячу лет, оно проникло в страну в 989 году. Церковно-славянский язык был распространен в Болгарии и оттуда перенесен в Россию двумя знаменитыми римско-католическими миссионерами: святыми Кириллом и Мефодием. По этой накопленной духовности энергия советского безверия ударила с колоссальной силой. С точки зрения Советов, даже одного-единственного шанса, предоставленного русским людям в 1937 году принять официальное решение по вопросам религии, было уже слишком много. В результате этого мощный советский аппарат испытал шок, от которого все еще не оправился.

Советская антирелигиозная пропаганда была направлена против всех 157 национальностей, населявших эту шестую часть суши. Чем глубже были религиозные обычаи и традиции, тем настойчивее и изощреннее становились методы, направленные против них. Наибольшие усилия были направлены на область образования: для России с ее огромными пространствами это означало усиление контроля за образом мыслей, подобного которому не было в современной истории. Даже жестокие репрессивные методы Гитлера против лютеранства, евангелических церквей и католичества бледнеют по сравнению с тем, что в то время происходило в СССР. К 1937 году в течение

двадцати лет в головы русских людей вбивались марксистские догмы. Маленькие дети, подростки, взрослые и старики испытывали на себе методы широкой кампании антирелигиозных «убеждений». Надо было видеть в действии эти методы, с помощью которых советская власть пыталась радикально уничтожить саму мысль о Боге.

Все средства шли в ход для осуществления этого дьявольского процесса, все слои населения подвергались обработке. Больные и здоровые, молодые и старые, крестьяне и горожане — все без исключения были объектами пропаганды безбожия, оплаченной государством. Официальные учебники атеизма на основных языках выдавались школьникам и студентам. Наркомпрос[167] выпускал методические пособия, написанные пропагандистами безбожия. Пятая часть всех радиопередач на нескольких языках была посвящена пропаганде против Бога. Эти радиопрограммы шли двадцать четыре часа в сутки по всем семи часовым поясам от Балтийского моря до Тихого океана. Либретто оперетт переписывались, чтобы ставить эпизоды, где бы высмеивалась религия. Действующие лица духовного сана представлялись в самой гротескной и оскорбительной манере. На цирковой арене тоже потешались над религией. В каждом парке культуры и отдыха были уголки, посвященные антирелигиозной пропаганде: книги, брошюры, плакаты. В дни «народных демонстраций», организованных по приказу о гражданской мобилизации, участники марша должны были нести оскорбительные плакаты по улицам и площадям. Группы, обучаемые «Союзом воинствующих безбожников», выкрикивали антирелигиозные лозунги. К этому надо добавить фильмы и пьесы, написанные в том же «безбожном» духе. В антирелигиозные музеи, организованные в насильственно закрытых церквях, регулярно приводили группы детей. Стоимость билетов в такие музеи была в пять раз ниже, чем в другие.

После такого общенародного воздействия в течение двадцати лет кремлевские лидеры потирали руки от удовольствия и были настолько уверены в том, что население отказалось от веры в Бога, что решили публично объявить о своей победе. На 1937 год была запланирована всенародная перепись населения: тайный план Кремля состоял в том, чтобы в бланке переписи поместить вопрос о религии. Кроме информации, относящейся к имени, полу, национальности, месту рождения, профессии и так далее, был такой вопрос: «Верующий вы или нет?» Это был девятый из четырнадцати вопросов в анкете. Воинствующие атеисты надеялись, что ответ на него черным по белому покажет, что народы России отбросили свою веру в Бога вместе со всеми

религиозными традициями. На эту кампанию было затрачено немыслимое количество денег и усилий: перепись должна была официально продемонстрировать, что коммунистическое материалистическое учение победило пережитки буржуазного учения. Многочисленные публикации и лекции Ярославского должны были подготовить население к этой важной новости, было немыслимо, чтобы такие неимоверные усилия оказались тщетными.

Все еще соблюдаемая пятидневная неделя препятствовала верующим участвовать в публичных богослужениях, кроме одного раза в пять недель, когда государственный «выходной день» совпадал с воскресеньем. Посетителей в церквях было немного, все это указывало на сокрушительную победу атеистов Кремля. В назначенный день тщательно подготовленная армия переписчиков во всех городах, деревнях и республиках отправилась к людям с бланками и опросными листами. Людей опрашивали в аэропортах, на вокзалах, пристанях; переписью были охвачены все, даже кочующие народы Средней Азии. Среди моих знакомых были люди, занятые в отделе Единого управления переписью, которые получали результаты переписи, поступающие из шестнадцати республик. Они были тщательно обработаны в центральном бюро, и обнаружились невероятные результаты: проверенные и перепроверенные цифры были неоспоримы. Из этого непосредственного и абсолютно надежного источника я узнал, что семьдесят процентов населения утвердительно ответили на вопрос «Верующий вы или нет?».

Кремлевские атеисты были так ошарашены этим поразительным открытием, что на несколько месяцев потеряли дар речи. Свое карканье внезапно прекратили крикуны из «Союза воинствующих безбожников». Семьдесят процентов русских людей осмелились написать в анкетах, что они верят в Бога, хорошо зная, что подставляют себя под возможные репрессии, причем многие были так запуганы, что отказывались отвечать на этот вопрос. Ни в одной части Советского Союза не существовало ничего подобного «Пятой поправке»[168]. Стоит, однако, вспомнить, что в соответствии с советским законом государство не имеет права вносить такой вопрос вследствие статьи 1 Декрета 1918 года, установившего (на бумаге) отделение Церкви от государства. Тем не менее всенародная перепись доказала мне, что количество верующих в Советском Союзе даже намного больше, чем было официально заявлено.

Перепись проходила 6 января 1937 года, в день, совпадающий с праздником Рождества по византийскому стилю. А 25 сентября, через девять месяцев после этого события государство выпустило

официальное сообщение. Кремлевским атеистам понадобилось столько времени, чтобы справиться со своим замешательством и выступить со следующим заявлением: «Ввиду того, что Всесоюзная перепись населения от 6 января 1937 года была проведена Центральным управлением Национальной экономической регистрации актов Госплана СССР с большими нарушениями элементарных основ статистической науки, а также с нарушениями государственных инструкций, Совет Народных Комиссаров СССР признал организацию переписи неудовлетворительной, а многие результаты переписи недостоверными. Совет Народных Комиссаров обязывает Центральное управление Национальной экономической регистрации Госплана СССР заново провести Всесоюзную перепись населения в январе 1939 года».

Заметно, что официальное заявление было сделано в осторожных выражениях, указывающих на скрытое замешательство советских лидеров. Сообщение опубликовали во всей советской прессе 26 сентября без единого намека на количество верующих, зарегистрированных в стране, но это, конечно, сыграло большую роль в кремлевском решении. Многие русские люди, зная о скрываемых данных переписи, тихо посмеивались над неуклюжей позицией государства и ожидали дальнейших действий. Кремлю понадобилось целых два года, чтобы восстановить самообладание, все это время они усиливали свою безбожную пропаганду. Газета «Правда» горько жаловалась на отсутствие у народа интереса к антирелигиозным программам в школе. С приближением 1939 года «Правда», «Известия» и другие газеты начали пропаганду новой переписи. Госплан выпустил исключительно интересную брошюру, проливающую свет на поражение 1937 года. Ниже приводится отрывок из этой публикации:

«Совет Народных Комиссаров в своем указе от 25 сентября 1937 года признал организацию переписи населения неудовлетворительной, а ее результаты недействительными. Перепись была проведена с большими нарушениями статистической науки и государственных инструкций. Ответственные за провал переписи признали себя врагами народа, троцкистско-бухаринскими агентами фашизма, проникшими в Центральное управление. Они всячески пытались сорвать проведение переписи, исказить ее результаты и подорвать всю работу по заказу своих фашистских хозяев… Враги народа, сорвавшие перепись, дорого заплатили за это. Славные органы внутренней безопасности разрушили змеиное гнездо вредителей, обосновавшихся в организации советской статистики». Хвала

«органам внутренней безопасности», то есть НКВД, не имела никакого отношения к неудачной переписи 1937 года. Но поскольку надо было подвести базу под утверждение о вмешательстве преступной группировки Бухарина — Троцкого, НКВД был использован в качестве ширмы. Эта классическая процедура была применена и Хрущевым в его речи о десталинизации, в которой он обвинял Берию в «нарушении норм» и перекладывал на МВД — КГБ ответственность за преступления и притеснения, о которых он, Хрущев, был прекрасно осведомлен.

Бланки переписи 1939 года были в основном идентичны бланкам 1937 года, за исключением одного отличия. Советского гражданина больше не спрашивали о его вере! За месяц до проведения переписи 1939 года в «Известиях» появилось лаконичное заявление: «В целях упрощения программы переписи был опущен вопрос о религии». Кремлевский проект объявления отступничества России от религии провалился, тайный антирелигиозный пятилетний план, который должен был быть завершен в 1937 году, закончился неудачей. Если бы в России был настоящий демократический режим, выдающийся национальный акт веры был бы известен всему миру. Советская диктатура еще раз заявила о себе, тщательно пряча истинные факты за лживыми высказываниями.

Тем не менее перепись 1939 года обнаружила несколько интересных фактов. Поток информации в 1937 году буквально «затопил» бюро переписи; для того чтобы не было похожих затруднений, людей снабдили подробными инструкциями, как отвечать на вопросы переписи. «Комсомольская правда» сообщала своим читателям, как отвечать на вопрос № 14: «Форма занятости (работа) в настоящее время». Полагая, что вмешательство Бухарина — Троцкого привело к неудачным результатам переписи, газета призывала читателей к более правильным формулировкам ответа, указав, что не следует давать такие определения занятости, как бродяга, проститутка, лакей, так как в Советском Союзе больше не существует таких «профессий».

В защиту русского народа нужно сказать, что, как и всем другим людям, им прежде всего необходимо некоторое скромное благосостояние, чтобы проявлять добродетель и сдержанность. Это фундаментальное богословское положение, конечно, отброшено марксистским учением. Истинными остаются слова псалмопевца: «Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога“» {Псалмы 13:1). Миллионы русских людей продолжают придавать большое значение данному в откровении Слову Божиему. Хотя и были уничтожены записи массового признания веры в Бога,

Советам остались факты для размышлений, а остальному миру возросшая надежда на то, что у этого народа есть будущее. Перед проведением переписи 1959 года Кремль так боялся подобного же конфуза, что вопрос о религии снова не был включен в опросные листы. Неудачу в России потерпела не вера в Бога, а хромой атеизм ее лидеров, которым так нужны наши молитвы.

Глава XXIV. «Крестовый поход» Гитлера против советского атеизма

I. Гитлер готовит религиозное наступление на оккупированных территориях

К 1939 году Сталин достиг значительных успехов в антирелигиозных гонениях. После двадцати шести лет подобных репрессий все организованные формы богослужения находились почти в агонии. В материальном смысле религия получила парализующий удар, но это не означало победу атеизма. Теперь, в 1961 году, через двадцать два года роли поменялись: Советы даже заявляли, что Московская Патриархия была восстановлена благодаря большевистской революции! Такое чудовищное извращение истории появилось и в современных учебниках. На самом деле вновь избранный патриарх Тихон умер узником ОПТУ в 1925 году, а до этого он находился под домашним арестом недалеко от того места, где жил я. С этого времени и до 1943 года Сталин препятствовал выбору преемника патриарха. К началу Второй мировой войны от многочисленного русского православного духовенства осталось два митрополита, несколько архиепископов и епископов, несколько сотен священников и дьяконов. Между 1917 и 1943 годами было осквернено и закрыто более 50 тысяч только православных церквей, не считая культовых учреждений других религий.

Эти обстоятельства были известны Адольфу Гитлеру во всех деталях. После Брест-Литовского договора 1918 года Германия посылала в Россию своих инженеров, позднее в нескольких городах России были открыты консульские службы, и в МИДе на Вильгельмштрассе очень хорошо знали о стремлении русских к свободе вероисповедания. План Гитлера предполагал извлечь выгоду из решимости русских людей вернуться к религии. Самым фантастичным было то, что рейхсминистр культовых учреждений Альфред Розенберг[169] навлек много бед на верующих в самой Германии. Условия для немецких католиков были настолько жестокими, что Святой Отец Папа Пий XI опубликовал 14 марта 1937 года свою энциклику «Mit brennender Sorge» («С глубочайшим беспокойством»), называя злом действия национал-социализма. Но это не помешало фюреру заготовить козырную карту, которую он так эффектно разыграл среди преследуемых за религию россиян. Каким образом это происходило? Кто в этом

участвовал? Где находили этих людей?

Перед войной за пределами России было два центра Русской Православной Церкви. Один — в Париже, возглавляемый митрополитом Евлогием[170], экзархом Константинопольского патриархата, другой — в Белграде под управлением митрополита Анастасия[171], главы группы, известной как Русская Православная Церковь Заграницей. Оба центра сходились в том, что Мать-Церковь в России испытывала притеснения в своем духовном предназначении. Оба надеялись на провозглашенную миссию Гитлера освободить Русскую Православную Церковь от ига советского атеизма. К 1938 году Гитлер собрал тайный фонд для сооружения православного собора в Берлине, и в то же время было восстановлено множество русских церквей по всей Германии. Из того же источника финансировался и Синод. И пока Кремль активно разрушал религиозные приходы в России, Гитлер добивался расположения и сотрудничества с русскими эмигрантами, которые бежали из страны, подобно нашим отцам-пилигримам.

Первые победы Гитлера на Балканах усилили влияние Русской Церкви на оккупированных территориях. В Европе был создан «Объединенный православный фронт», возглавляемый архиепископом Серафимом[172]. Вскоре после захвата Чехословакии Гитлер «пригласил» местных православных епископов принять участие в его секретном плане, и в случае отказа их ждал концентрационный лагерь. В Польше была проведена такая же процедура с архиепископом Дионисием[173], который был восстановлен в своей епархии благодаря принятию «нового порядка». Повсюду, куда приходил вермахт, использовался этот же метод: с архиепископами Александром Брюссельским[174], Григорием Парижским[175], Владимиром[176] и Алексеем из Ниццы. Разделенная прежде Русская Православная Церковь в эмиграции теперь управлялась белградским Синодом.

Даже после подписания пакта Молотова — Риббентропа в 1939 году никто не сомневался в намерении Гитлера в подходящее время напасть на Россию. Он мечтал использовать крест вместе с мечом для завоевания симпатий гонимых русских людей. Уже в марте 1941 года в Баранске-Карловице (Югославия) на секретном заседании Русской Православной Церкви в эмиграции готовились выборы архиепископа Анастасия как «Патриарха всея Руси», и, прежде всего, на весь мир было провозглашено, что «близок час освобождения Русской Православной Церкви от советского ига». Специальный посланник Гитлера сообщил белградскому Синоду, что вблизи советских границ сосредоточено значительное число германских

войск и вскоре они должны пересечь границу.

В соответствии с планами на Вильгельмштрассе белградский Синод должен был начать широкомасштабное религиозное наступление, совпадающее по времени с атакой вермахта и при поддержке местных комендатур. Синод уверили, что Русской Православной Церкви будут предоставлены преимущества и власть, намного превышающие те, которыми она пользовалась до революции. После многих лет физического разрушения церковных зданий, священных сосудов, богослужебных книг, облачений и так далее Гитлер предполагал все это восстановить. Однако нигде в России было уже не найти этих вещей, поэтому задолго до начала войны между Германией и Францией Гитлер скупал в Лионе огромное количество шелка, сатина и других тканей. Он пустил эти ткани на шитье стихарей, ряс, епитрахилей и другой церковной одежды. Было собрано также огромное количество женского белья, шелковых чулок и других женских «штучек», они предназначались женам и семьям православных священников, когда Гитлер начнет свой «дранг нах Остен» («натиск на Восток»). Все подразделения германской армии держали в готовности ящики с этими предметами.

Из эмигрантских кругов были завербованы представители духовенства. Гитлер также выделил сумму в миллиард рейхсмарок на восстановление Русской Православной Церкви в России. Кроме всего прочего, он знал, что русские хотят, чтобы им дали возможность, как прежде, спокойно посещать богослужения в церкви. Вскоре мы увидим, насколько полно реализовался этот план. Определенным было только то, что «крестовый поход» Гитлера был основной причиной резкого изменения отношения Кремля к религии. На неоккупированных территориях России прихожанам внезапно позволили свободно молиться и приходить в церковь. Это была довольно умеренная свобода, но намного больше, чем они могли ожидать. Сталин же старался перехитрить тех, кто уверенно целился в самое больное место Кремля — проблемы с религией.

II. Пакт Молотова — Риббентропа

Российское население было растеряно, узнав о внезапном приезде в Москву Иоахима фон Риббентропа, рейхсминистра иностранных дел, причем именно в то время, когда Молотов вел безуспешные переговоры с британско-французской военной миссией. Риббентроп прибыл в самый разгар активной антинацистской кампании. Его приезд был, разумеется,

запланированным, так как его сопровождали тридцать девять официальных лиц МИДа Германии, готовых вести переговоры без обиняков. И эта встреча планировалась в то самое время, когда уже проходило франко-британское совещание. Молотов «объяснил», что британцы и французы послали на совещание второстепенных представителей, не уполномоченных принимать важные решения, и он только зря тратил время с ними. На самом же деле эти переговоры потерпели неудачу из-за отказа Польши разрешить Красной армии пересечь польскую территорию.

После подписания 23 августа 1939 года советско-германского Пакта о ненападении на страницах советской прессы были помещены огромные фотографии церемонии подписания. Вечером в Большом театре состоялся гала-концерт в честь Риббентропа с примой-балериной Ольгой Лепешинской. Его увлечение балериной было столь велико, что он заказал для нее двести роз. Неизвестно, обещал ли ей Ирод нового времени половину своего царства или половину чьего-то еще. Но точно известно, что Молотов и Риббентроп договорились разделить между собой Польшу. Через восемь дней Молотов произнес пророческие слова о том, что этот союз является поворотной точкой не только в истории Европы, но и всего мира. «Еще вчера в области международных отношений мы были врагами, — сказал Молотов, — сегодня, однако, обстоятельства изменились, и мы перестали быть врагами». Не может быть лучшей цитаты для демонстрации практичного коммунистического оппортунизма. Накануне подписания договора были отозваны школьные учебники, и в новых изданиях были ликвидированы все заявления о нацистском фашизме. В «Правде» и «Известиях» исчезли карикатуры на Гитлера, Геринга, Геббельса и так далее, но появились на полковника Бека[177] и других польских государственных деятелей.

Вскоре Германия напала на Польшу, а Красная армия начала наступление с другой стороны для «установления порядка».

Между СССР и Польшей были немедленно прерваны дипломатические отношения. 18 сентября 1939 года Красная армия соединилась с вермахтом, обе «дружественные» армии стояли друг напротив друга. В советских документах сказано, что польская армия была разоружена, расформирована и отправлена по домам. На самом же деле отряды НКВД окружили действующих военных и офицеров запаса на восточном берегу реки Буг. Огромное количество представителей духовенства, юристов, учителей и других влиятельных поляков были арестованы в качестве предварительного шага к одному из самых ужасных актов предвоенного геноцида.

Пока действовал советско-германский пакт, Кремль продолжал отправлять в Германию вагоны зерна, продовольствия и сырья. Британская морская блокада против нацистов стала неэффективной из-за помощи Сталина. Какое-то время Сталин и Гитлер оставались «лучшими друзьями», насколько это могло быть между диктаторами. Не удовлетворившись увеличением территории и населения за счет Польши и балтийских республик, Молотов раздраженно потребовал у Гитлера территориальной концессии в Трансильвании и Румынии, захваченных германской армией. Под предлогом такого разногласия Гитлер неожиданно прервал свою неестественную дружбу со Сталиным. 22 июня 1941 года в 4:30 утра моторизованные дивизии вермахта, поддерживаемые бронетехникой и самолетами Люфтваффе, пересекли советскую границу. Начался так долго готовившийся натиск на Восток.

III. Гитлеровский «крестовый поход» в Россию

Подозреваю, что многие иностранцы, как и большая часть населения столицы, за исключением Кремля и НКВД, крепко спали в 7 часов утра в то роковое воскресенье. В этот час я, как обычно, ехал в церковь Святого Людовика. Все было как всегда, только больше автомобилей въезжало в Кремль и выезжало из него. Но не было специального выпуска «Правды» или других газет, молчали громкоговорители, и люди не стояли в очереди к газетным киоскам. Все было нормально, кроме стремительно летящих автомобилей. У зданий НКВД, окружавших церковь, я заметил признаки необычной активности. Люди, одетые в военную форму, возбужденно сновали вокруг все большего количества автомобилей, въезжающих и выезжающих из ворот.

За два месяца до этого ТАСС опубликовал официальное опровержение информации, появившейся за границей, о передвижении войск Красной армии, наблюдаемом вдоль западных границ СССР. Ни один русский не поверил этому опровержению, так как многие русские семьи, сыновья которых служили на Дальнем Востоке, знали, что советские дивизии в это время двигались на запад. Я знал об этом с самого начала и понимал, почему русские люди всегда верят в противоположное тому, что ТАСС официально заявляет. В 12 часов этого дня, через восемь часов после нападения, по всем радиостанциям передавалась речь Молотова, который объявил о внезапном, ничем не спровоцированном нападении Гитлера на Советский Союз. Когда он кричал в микрофон, что нападение было

неожиданным, все понимали, что это неправда. Сказать, что СССР был не подготовлен к этому роковому утру, было бы ложью. К этой войне Кремль готовился более двадцати лет.

Имеется целый комплекс психологических и религиозных факторов, определяющих реакцию русского населения на германское вторжение. Главный из них для нас — это то, что в России в то время существовала атмосфера полного подавления религии. Недаром было сказано, что русские люди «неизлечимо религиозны», хотя не следовало бы использовать это выражение, подразумевая, что религия есть нечто вроде губительной заразы! Поразительная стойкость религиозной веры русских людей разбила все кремлевские ожидания. Ленин, Сталин, Ярославский, Калинин и теперь Хрущев так и не поняли, насколько было преступно и бесполезно подавлять религиозные убеждения. Гитлер оказался умнее в этом смысле, увидев важную политическую выгоду от игры на этой «чувствительной струне».

Посмотрим, как и с каким результатом реализовался план «крестового похода»; я думаю, что эти подробности впервые появляются в печати. Начну с того, что в то утро, когда произошло нападение Гитлера, как обычно вышел журнал «Безбожник»: российское духовенство все еще продолжали ликвидировать; в советских школах по-прежнему преподавали атеизм; антирелигиозные музеи, пьесы, фильмы, лекции и собрания по-прежнему субсидировались государством. Ненависть к Богу и ко всему святому занимала главное место в государственной политике после бдительности в отношении контрреволюции. Каждый офицер вермахта на оккупированной территории имел приказ уделять особое внимание православной церкви: в соответствии с ним в первый день оккупации комендатура организовывала торжественное богослужение с благодарением за помощь в завоевании городов и деревень, и командование в полных регалиях приходило в церкви на службу. В каждой местности офицер из комендатуры зачитывал официальное объявление на русском языке, написанное по приказу Гитлера:

«Фюрер и правительство германского рейха возрождают Русскую Православную Церковь и восстанавливают ее во всей полноте прав и привилегий, возвращая ей ее духовные и материальные преимущества, которыми она пользовалась до революции. Русская Православная Церковь будет и впредь находиться под исключительным покровительством германского рейха и пользоваться всей полнотой политических и гражданских прав. Церковным учреждениям возвращается вся их собственность, владения и материальные ценности. Отныне все

верующие Русской Православной Церкви будут под защитой германских оккупационных властей. По всей местности вся частная собственность, принадлежавшая этим верующим, должна быть возвращена их бывшим владельцам».

Впечатление, произведенное на население, было поразительным. Я узнал об этом почти сразу же, так как во время войны новости передаются из уст в уста быстро и далеко. Последствия этого «крестового похода» были губительными для Кремля, потому что германская пропаганда не ограничивалась простыми заявлениями. Немедленно, как и было запланировано, следовали действия: офицеры вермахта распределяли заготовленные запасы предметов церковной службы, раздавая одежду, рясы, священные сосуды среди священников и монахов, вышедших из подполья. Там, где церкви стояли закрытыми, их быстро восстанавливали при активном содействии комендатур. Русские люди были счастливы. Если не могли найти священников, немцы приглашали людей духовного звания, возвращавшихся на родину вслед за продвигающейся на восток германской армией. Русские люди заполняли вновь открытые места богослужения, которые были недоступны им более двадцати лет. Не были забыты и жены российских священников, ранее упоминаемые посылки со всякими женскими принадлежностями раздавались из запасов вермахта со словами приветствия от оккупационной армии.

По всей оккупированной России прокатилась волна радости, через много лет прихожане смогли без помех войти в свои церкви. Они снова могли восхвалять Бога прекрасными церковными песнопениями; в таком крупном центре, как Смоленск, был восстановлен собор, оставленный Советами в развалинах, который скоро наполнился волнующими душу звуками византийских песнопений. Германская армия передавала по радио церковно-славянское многоголосие, транслируемое через портативную радиоаппаратуру; я сам слышал эти радиопередачи прямо в столице. Внезапное высвобождение долго скрываемых религиозных чувств наполняло население неописуемой радостью. Богослужения в Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону поощрялись оккупационной армией. На западном фронте, в городах Львов, Луцк, Пинск и Минск, «крестовый поход» имел особый успех. Результат неожиданного освобождения долго скрываемых религиозных чувств был необыкновенным, и это ощущалось далеко за пределами оккупированных территорий. Вся Москва шепталась о свободе богослужений, обретенной под немецкой оккупацией.

В то время как вермахт проходил по России, как горячий нож

сквозь масло, расширяя свой политический «крестовый поход», кремлевские лидеры, охваченные паникой, в спешке покидали столицу. Надо было срочно что-то делать, чтобы противостоять немецкой пропаганде, в то же самое время коммунистические лидеры чувствовали, что они не могут потерять лицо, отказавшись от своей философии материализма. В первый год войны публично не было сделано ничего ни отрицательного, ни положительного; люди выжидали. Кремлевские атеисты были, мягко говоря, в очень затруднительном положении.

До гитлеровского вторжения и всю неделю после него советская пресса еще высмеивала митрополита Сергия Московского[178]. В журнале «Антирелигиозник» открыто оскорбили митрополита Алексия Ленинградского[179], не говоря уже о многих лицах духовного сана, которых регулярно высмеивали в прессе, контролируемой Кремлем. Третье издание антирелигиозного учебника, составленного М. М. Шейнманом из «Союза воинствующих безбожников», было выпущено в свет (в 1960 году он все еще издавался), на прилавки магазинов поступил безбожный календарь под редакцией Д. Е. Михневича. Гитлеровская тактика нанесла кремлевским атеистам удар прямо между глаз, но настоящими рефери в этом бою были не Гитлер и не Сталин. Решившими исход этой битвы были русские люди, чьи религиозные устремления надо было уважать, и никто не знал это лучше, чем Кремль.

Первый шаг Сталина был сугубо негативного характера, тем не менее он означал наступление временных изменений не только на неоккупированной территории России, но и в дальнейшем по всей стране, освобожденной после открытия союзниками второго фронта. Совершенно неожиданно и без единого слова объяснения был внезапно остановлен чудовищный советский антирелигиозный поход, абсолютная тишина скрыла смущение Кремля. На юго-западной границе замешательство было неописуемым. Железнодорожники, работавшие на границе, говорили мне о невероятной ситуации: две недели после вторжения вермахта в Германию еще продолжали идти поезда с продовольствием (согласно торговому соглашению Риббентропа — Молотова)! После того как я наблюдал панику в Москве в октябре 1941 года, о которой никогда не писали в прессе, у меня не было оснований не верить этому.

До середины октября 1941 года иностранные корреспонденты и дипломаты еще не эвакуировались. На одной из пресс-конференций в МИДе случилась забавная ситуация: один наблюдательный иностранный корреспондент, зная о гитлеровском «крестовом походе», заметил внезапное

исчезновение антирелигиозных публикаций. На той пресс-конференции он спросил советского официального представителя: «Господин Лозовский, не скажете ли вы, почему в газетных киосках больше не появляются антирелигиозные публикации?» — «Идет война, — ответил Лозовский, — и поэтому испытывается дефицит в бумаге». Ответ не удовлетворил никого из журналистов, один из них спросил: «Если есть дефицит бумаги, каким образом выходят все другие советские издания?» — «Мы обсудим это в другое время», — ответил Лозовский, заметно смутившись.

За все время войны, до и после того, как советское правительство эвакуировалось в Куйбышев (Самара), все иностранные журналисты, к этому времени тоже эвакуировавшиеся, получали «информацию» из одного и того же официального источника. Что это за источник? Его настоящее имя Соломон Абрамович Дридзо (псевдоним Лозовский), бывший генеральный секретарь Профинтерна. Дридзо оставил кровавый след в Испании, участвуя в войне за установление красного флага на Иберийском полуострове. Это был его самый большой вклад в распространение коммунизма по всему миру, который, к счастью, был остановлен победой генералиссимуса Франко. Пока его не сняли с должности и не арестовали на XIX съезде партии в 1952 году, Дридзо был влиятельным членом ЦИК[180]. Это был человек, чьи фантастические небылицы заполняли колонки иностранных корреспондентов в то время, когда Красная армия отступала. Будучи шефом Совинформбюро, он хорошо знал об успехе «крестового похода» Гитлера.

Когда шли переговоры о ленд-лизе, именно он убедил тогдашнего американского посла в том, что в Советском Союзе все религии мирно сосуществуют, лишь бы они не принимали участия в контрреволюционной деятельности. Его большие успехи на протяжении длительного периода времени были связаны с устранением из местных и иностранных публикаций важной информации об удачах «крестового похода» Гитлера. Изменение религиозной политики Кремля вследствие реакции русского населения на появление духовной свободы следует описать подробнее.

Глава XXV. Уступка религии, сохранившая лицо Кремля

Огромные успехи Германии с открытием русских приходов вкупе с колоссальными военными неудачами Красной армии почти парализовали кремлевских лидеров. Но Сталин и другие «большие шишки» не испытывали угрызений совести и не произносили речей с извинениями или сожалениями по поводу совершенных преступлений; в советских документах нет записей, свидетельствующих о каком-либо официальном раскаянии. Реакция Русской Православной Церкви на «крестовый поход» не отвечала ожиданиям Гитлера, главным образом благодаря патриотической позиции митрополита Сергия, который объединил нацию своим страстным молитвенным обращением в день нападения, призвав к отпору врагу. Весьма вероятно, что на его патриотическую позицию в дальнейшем повлияли решительные уступки Церкви со стороны государства; этот факт вызвал к нему большое уважение многих русских людей. Сталин был так удручен военными неудачами, массовым дезертирством из Красной армии и очевидным банкротством антирелигиозной политики, что за две недели после начала войны не произнес публично ни единого слова. Вся Москва и многие в России отметили это, горько комментируя молчание вождя.

Первым знаком мягкой капитуляции перед нацистской пропагандой было молчаливое закрытие грязной газетенки «Безбожник», через две недели после нападения врага она просто исчезла вместе с другими подобными изданиями. Отвратительные антирелигиозные музеи спешно закрыли; внезапно больше не стало безбожных пьес, фильмов, лекций, съездов и других наглядных примеров подобного сорта — все население заметило и это. Неожиданно появилась странная книга, торопливо изданная в 1942 году под заголовком «Правда о религии в России». В роскошной твердой обложке с золотыми буквами, она произвела настоящую сенсацию среди людей, которым удалось увидеть ее. Благодаря старому другу, полностью доверявшему мне, я увидел первые экземпляры, которые секретно ходили среди небольшого числа читателей.

Зная, что ничто не может быть издано без санкции Кремля, я поискал выходные данные, напечатанные мелким шрифтом. При других обстоятельствах эта книга никогда бы не увидела свет; в выходных данных с датой публикации, размером и качеством бумаги, тиражом я увидел поразительное откровение,

выпустившее кота из мешка: «Выпуск в серии антирелигиозной печати СССР». Более пятисот страниц книги содержали много такой «правды», что книга так и не появилась на прилавках России. Это означало противодействие широкому религиозному наступлению Гитлера. Пятьсот копий из тиража в условиях войны были посланы одному духовному лицу, известному своей горячей дружбой с советскими лидерами. Эта увесистая книга была опубликована под эгидой Московского Патриархата, который в то время еще не был возрожден. Книга начиналась предисловием, подписанным, а может быть, и написанным митрополитом Сергием, в котором, в частности, говорилось: «Эта книга, прежде всего, представляет собой ответ на фашистский „крестовый поход“, предпринятый ради „освобождения“ нашего народа и нашей Православной Церкви от большевиков». Вся книга пытается доказать, что Русская Православная Церковь вовсе не нуждается в освобождении.

Я слышал, что книга от корки до корки была переведена на английский язык, затем — на французский. Попытки заполучить ее в Америку не удались, и одно это было большой победой правды над ложью. Когда мне показали это поразительное издание, я быстро пролистал его и восхитился не столько содержанием, сколько тем, что там было четыре или пять страниц молитв на церковно-славянском языке, а слово Бог в тексте напечатано с заглавной буквы. Я спросил моего русского друга, как произошло, что эту книгу позволили напечатать. Славный человек нагнулся к моему уху и, прикрыв рот, произнес: «Это был не вопрос разрешения, а указ Кремля». Он посоветовал мне почитать эту книгу и добавил, что я найду там много интересного. Я, конечно, не стал делать вид, что видел то, что написано мелким шрифтом. Через четыре дня мой друг появился в крайнем возбуждении и попросил меня немедленно вернуть книгу, так как в ней содержатся технические ошибки.

Главный редактор, Николай Ярушевич, тот самый, который в 1956 году был главой православной делегации в США, отозвал первый тираж с текстом, напечатанным мелким шрифтом. Книга была не единственной печатной реакцией на «крестовый поход» Гитлера. Газета «Правда», орган Коммунистической партии, известная своими антирелигиозными публикациями, внезапно прекратила печатать такие статьи; вместо этого начались жалобы на разрушение вермахтом наших святынь. Русские, хорошо знавшие о таком двуличии, были возмущены. Из другого сообщения в советской прессе стало известно, что главный редактор вышеупомянутой книги был выбран в Комиссию по расследованию разрушений немцами храмов во время войны. У

москвичей это назначение вызвало только презрительный комментарий.

Советская пресса сделала все, чтобы стало известно о назначении капелланов в польские дивизии, сформированные на территории России после нападения на Советский Союз. Это событие побудило журналистов в Вашингтоне обратиться к президенту Рузвельту с вопросом о религиозной свободе в СССР. К сожалению, президент поддержал престиж Советов, ответив, что религиозные гарантии в Конституции СССР аналогичны гарантиям Конституции США. Это злосчастное президентское заявление было сразу подхвачено Лозовским-Дридзо и использовано для пропаганды по всей России, что просто шокировало население. Единственной объединяющей силой, по-настоящему сплотившей нацию в высшем патриотическом порыве, была Церковь, возглавляемая митрополитом Сергием. Сталин на протяжении восемнадцати лет противился назначению Сергия патриархом. Престол после патриарха Тихона, умершего в 1925 году, оставался вакантным до 1943 года.

До нападения на Советский Союз коммунисты всего мира называли Вторую мировую войну буржуазно-имперским конфликтом. Но когда жертвой нацистов стал Советский Союз, внесший свой вклад в ее начало пактом Молотова — Риббентропа, война в России стала носить патриотический и национальный характер. Кремль вынужден был забыть об интернационализме, «распустив» в 1943 году Коминтерн. Кремлевским лидерам не следовало бы толковать о таких вещах как родина, национальная опасность, угроза Матери-России. Подобная терминология была чужда марксистскому словарю, слова Кремля, призывающие к национальному единству, звучали фальшиво и лицемерно. Требовалась моральная сила, достойная уважения и облеченная духовным авторитетом, Россия нуждалась в патриархе, готовом принять на себя роль духовного лидера. Кремль чувствовал, что необходим живой символ, который сумел бы сплотить нацию для сопротивления и борьбы с врагом. Для этого Сталину и другим лидерам, все еще сгорающим от стыда, но не от угрызений совести, требовалось время.

В сентябре 1943 года «Правда» объявила, что три оставшихся русских митрополита — Сергий, Алексий и Николай[181], редактор вышеупомянутой книги, «попросили» о встрече со Сталиным, чтобы испросить его разрешения на созыв Собора Русской Православной Церкви для выбора патриарха. «Правда» информировала своих читателей, что Сталин не возражает против такого проекта, добавив, что предварительные переговоры проведены в самой сердечной обстановке. Спустя несколько дней

«Правда» сообщила, что патриархом «всея Руси» избран митрополит Сергий (Страгородский). Пусть читатель судит сам, ходили митрополиты в Кремль по собственному желанию или были вызваны туда по приказу. Теперь у России был патриарх, получивший свободу и власть делать то, чего ждет от него Кремль. Он и делал это до своей смерти в мае 1944 года, собирая огромные суммы в рублях на военные нужды.

Когда подошло время избрать его преемника, Кремль просто нажал на тайные пружины и придал избирательному собранию такую представительность, какой не было со времен революции. Поразительные результаты гитлеровского «крестового похода» были получены только из-за сложившихся обстоятельств военного времени. Стало настоятельно необходимо «доказать» миру, что редкие сообщения об арестах митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, священников, дьяконов и монахов — всего лишь злобная клевета на советский режим. Дрожащих церковных владык, все еще действующих в Советской России во время «крестового похода» Гитлера, можно было пересчитать по пальцам обеих рук. И это жалкое количество православных иерархов было неприлично малым для проведения выборов преемника патриарха Сергия.

Для исправления этой неприемлемой ситуации Кремль решился на исключительные секретные меры. Среди духовных лиц, арестованных до 1941 года, некоторые, вероятно, были еще живы. Кто они? Где находятся? Сколько их? Захотят ли приехать в Москву помочь возрождению почти уничтоженной Церкви? Согласится ли епископ, найденный в каком-нибудь концентрационном лагере, снова возглавить свою епархию? Этими вопросами задавались члены Политбюро вместе со Сталиным, наблюдая успехи «крестового похода» и последовавшего за ними отпадения от Московской Патриархии некоторых православных иерархов в оккупированных зонах. НКВД концентрировал все усилия для ликвидации духовенства на протяжении двадцати пяти лет, и теперь люди Берии при участии Хрущева собрались на секретное заседание, понимая, что сами попались в ловушку собственных деяний. Не Сталин ли сказал, что основная проблема с духовенством состоит в том, что оно не полностью уничтожено? Теперь их целью было по возможности вернуть обратно то, что они сами проделали с такой бесчеловечной тщательностью.

Берия, человек, обвиненный Хрущевым на XX съезде партии в непростительном «нарушении норм», организовал охоту на людей, противоположную той, какую вел по поручению Кремля, пока не напал враг. Специальные отряды НКВД были выделены

для того, чтобы «прочесать» двести пятьдесят-триста концентрационных лагерей по всему Советскому Союзу в поисках пока еще живых церковных иерархов и сделать им интересное предложение.

Те же самые исполнители, которые долгими неделями «вытягивали» у своих жертв сфабрикованные «признания», теперь собирались просить их вернуться в Москву и другие места России. Любой ценой должен быть собран кворум для выбора митрополита Алексия. Православным священникам, еле-еле выживающим в лагерях НКВД и ссылках, обещали предоставить квартиру, еду, одежду, автомобиль, телефонное обслуживание, гражданские права, освобождение от немыслимых налогов.

Соблазнительные предложения хорошего медицинского ухода, считавшегося обычным в нормальных цивилизованных странах, не смогли поколебать волю этих мучеников за религиозную веру. А так как они были осуждены в атмосфере ненависти ко Христу, все они теперь хотели, чтобы их оставили спокойно умирать. Ясно понимая хитрость кремлевского проекта, большая часть священников отказывались участвовать в планах, задуманных богоненавистниками. Тем временем шла лихорадочная подготовка к выборам преемника патриарха Сергия, назначенным на 1945 год. Самое главное было создать представительный кворум из необходимого числа иерархов; НКВД делал все возможное, чтобы добиться этого. Христианские, мусульманские, иудейские священнослужители за рубежом очень переживали за судьбу своих коллег в России, необходимо было быстро организовать религиозный фронт.

В 1917 году церковный Собор, избравший патриарха Тихона без какой-либо помощи Советов, насчитывал 564 делегата, среди которых было 286 священников из шестидесяти шести епархий. Через двадцать шесть лет, несмотря на огромные усилия Кремля, удалось собрать только тридцать делегатов. Эти цифры — самый лучший комментарий к ситуации, близкой к агонии, в которой находилась Церковь после гонений, продолжавшихся четверть века. Один из священников, согласившихся приехать в Москву, умер прямо на заседании Собора; говорили, что он внезапно изменил свое мнение, поняв, что представляет собой этот план. Во время заседания второго Собора, проходившего под эгидой Советов на окраине Москвы, в Сокольниках, Русской Православной Церкви было «разрешено» пригласить коллег из балканских и ближневосточных церквей. Московские отели освободили от русских гостей для визитеров в рясах, чье появление на улицах столицы напоминало о старых временах. Жители не верили своим глазам, глядя на священнослужителей в

религиозных одеждах. «Давным-давно мы не видели такого», — повторяли они, снимая шапки, целуя руки приехавших священников и прося у них благословения.

Результаты «крестового похода» Гитлера превзошли все ожидания, но не оправдали надежд фюрера. Чтобы произвести впечатление на приезжих иерархов, которых возили в лимузинах, вызывая сдавленный смех толпы, совершенно неожиданно был дан концерт духовной музыки, более того, в прессе сообщалось об этом как об обычном событии. Ничего подобного не случалось за все двенадцать лет моего пребывания в России, а старые москвичи не могли припомнить, когда был последний такой концерт. До последнего времени существовал полный запрет на духовную музыку, за исключением Реквиема Моцарта или Верди, исполнявшегося один раз в год в Московской консерватории. Несмотря на отступление в начале войны, советским лидерам удалось извлечь выгоду из уступок Церкви.

Кремлевские вожди быстро осознали огромную политическую выгоду при такой возможности распространить влияние коммунизма на Балканах и Ближнем Востоке. С этой целью в то самое время, когда Сталин «распустил» Коминтерн, было ловко задумано панславянское движение. Совершенно безобидный с виду, этот план должен был привлечь братьев-славян, близких к Матери-России по обычаям, традициям, фольклору и языку. А влияние возрожденного православия в самой России стало бы в этом плане направляющим клином по типу «услуга за услугу». Старой идее «Москва — третий Рим» кремлевские лидеры придали энергичный импульс, держа в руках нити этого фантастического спектакля марионеток.

Это оживило дремлющее славянофильство, приверженцы которого ликовали при мысли, что им предстоит увидеть свои мечты воплощенными. За церковными иерархами, участвующими в этом плане, довольно неловко прятался Кремль, и было горько видеть, как теряли иллюзии добрые души россиян, когда начали проступать реальные мотивы Кремля. Советы считали, что новому патриарху «всея Руси» не подобает жить в двух комнатах обычного деревянного дома. Патриарх Сергий из своего скромного жилища был приглашен в гости к кремлевским атеистам. В его распоряжение была предоставлена полностью обставленная бывшая резиденция германского посла, находившаяся в доме № 5 в Чистом переулке, — самый удивительный результат «крестового похода».

Иностранным корреспондентам, конечно, дали об этом знать, чтобы они могли сообщить о комфортабельном местожительстве патриарха и опровергли «клевету» о плохом обращении с

российским духовенством. С этого времени чиновники «Интуриста», ВОКСа и МИДа не упускали возможности устроить визит иностранных гостей к главе возрожденной Русской Православной Церкви. Иногда я был гостем прежнего владельца этого дома и снова вошел сюда после изменений, чтобы выразить соболезнования по случаю смерти патриарха Сергия, последовавшей в 1944 году. Несмотря на все материальные блага, дарованные русским священникам, не было принято ни одного указа для признания Церкви на самом высоком уровне.

В 1943 году в «Правде» вышел указ, объявляющий о создании государственной комиссии[182], которая должна будет упорядочивать дела Русской Православной Церкви, требующие государственной поддержки. В этом документе не было упоминания о других религиях. Это был первый официальный акт Кремля, дающий Церкви юридическое «право», в то же время оставляя нетронутыми 78 статей религиозного законодательства, принятого в 1918 и 1929 годах. Это был в скрытом виде ответ Кремля на заявление вермахта, процитированное выше. Председателем государственной комиссии был назначен профессиональный атеист Г. Г. Карпов, который два года назад был заменен В. А. Куроедовым. После интервью с Карповым иностранный корреспондент записал однажды, что советские чиновники провели работу по «ликвидации перекосов в отношениях между Церковью и государством». Нелепое зрелище — видеть признанного атеиста, произносящего на торжественном церковном собрании речь от имени государства.

Создание государственной комиссии для управления делами Русской Православной Церкви было историческим событием, хотя и не аннулировавшим теоретически обусловленную статью об отделении Церкви от государства. Однако религиозным учреждениям не было возвращено ни право собственности, ни право признания церкви как юридического лица. Между тем другие вероисповедания остались как бы подвешенными в воздухе, поскольку не было принято никаких положений относительно удовлетворения их нужд. Теоретически советский закон устанавливает, что все религии равны, — так сказано в законе. Но в Советском Союзе закон и его исполнение — две разные вещи.

Наконец, 1 июля 1944 года «Правда» опубликовала следующее долгожданное сообщение: «По постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР при Совнаркоме СССР организован Совет по делам религиозных культов для осуществления связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: армяно-

григорианской, старообрядческой, католической, греко-католической, лютеранской церквей; мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий и сектантских организаций по вопросам этих культов, требующим разрешения Правительства СССР. Председателем Совета по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР назначен тов. Полянский И. В.».

Простое перечисление лютеран, католиков, иудеев, мусульман и представителей другой веры никоим образом не означает, что тысячи разрушенных и закрытых мест их богослужения теперь будут восстановлены. Почти все протестантские церкви, закрытые до указа 1944 года, оставались закрытыми по всей России, кроме нескольких церквей в Москве, которые вернули к жизни только вследствие «крестового похода» Гитлера. Но упоминание Католической Церкви не означало, что три ее епархии с многочисленными церквями, духовными лицами, семинариями и многим другим были восстановлены. То же относится к мусульманской вере и иудаизму. Более того, тот факт, что «Обновленческая», или «Живая православная церковь», известная также как «Красная церковь», не была упомянута в этом документе, не следует понимать так, что ее больше не существовало. Во время Второй мировой войны, в отличие от политики «разделяй и властвуй» 1923 года, Кремль поощрял отступничество от этой фракции, так как ему было необходимо создать свой религиозный фронт.

В то время как у царя Николая II был всего один главный поверенный по делам всех религиозных культов[183], Советы, открыто признавая, что Церковь полностью отделена от государства, имеют двух главных поверенных. К списку кремлевских мер, направленных против «крестового похода» Гитлера, стоит добавить разрешение Московскому Патриархату выпускать ежемесячный журнал. К моменту германского вторжения все религиозные публикации в Советском Союзе, включая ежемесячный журнал «Баптист» на русском языке, были запрещены. Некогда влиятельное издание Православного Синода было сокращено до четырехстраничного календаря богослужений. И даже он был унесен мощными волнами преследований, пронесшимися по всей Святой Руси.

С самого начала новый журнал патриархии был задуман в основном как инструмент политической пропаганды. Престиж Русской Православной Церкви был восстановлен ее же врагом и использован для расширения влияния Кремля на международной арене. В изощренно написанных статьях на прекрасном церковном языке провозглашалось братство славянских народов,

обеспечивая распространение журнала среди русских сообществ, разбросанных по всему миру. Фамилии, появляющиеся в списке авторов, не обязательно говорили об истинной ответственности за публикуемые статьи, как, например, в ранее упоминаемой фантастической книге «Правда о религии в России». Начиная с 1943 года Русская Православная Церковь становится все более и более раболепной и мало соответствующей ее основным задачам.

Таким образом, на искусственно возрожденную Церковь государство наложило строго контролируемые ограничения. Это замечание не относится к истинно верующим с их врожденной духовной энергией и несокрушимой христианской силой. Теперь полностью зависело от советских атеистов, как, когда и по каким поводам будет применяться советское религиозное законодательство. В ответ на «крестовый поход» Гитлера Кремль вернул к жизни религию и в то же самое время поставил ее под государственный контроль.

В предыдущей главе в связи с российско-польскими отношениями было упомянуто о геноциде. Наверное, имеет смысл развить эту тему в следующей главе.

Глава XXVI. Советский геноцид и странное заблуждение США

Сразу же после падения Польши войска НКВД — НКГБ, занявшие полстраны по взаимному соглашению с нацистами, приступили к созданию популяционного «вакуума» со своей стороны искусственной границы, отделяющей их от Германии. Более чем полутора миллионам поляков, проживающим на этой территории, было дано сорок восемь часов на сборы и приказано прибыть в определенные пункты для отправления в Россию, за Урал, в грузовых поездах. Многим из них выдали советские паспорта, датированные задним числом, которые я видел собственными глазами. В документах они фигурировали как политически интернированные лица, или «беженцы», виновные только в том, что были поляками. Тех же, кто отказывался ехать, приговаривали к двум годам заключения.

Вдоль всей пограничной линии на полосе шириной тридцать километров целых два года до германского нашествия Советы строили военные сооружения в ожидании нападения немцев. Войска НКГБ расставили караулы, прожекторы, натянули колючую проволоку, завели сторожевых собак. На территории Польши, контролируемой Советами, все действующие и находящиеся в запасе офицеры расформированной польской армии были схвачены, за исключением тех, кому удалось бежать в Румынию. К ним присоединили несколько тысяч влиятельных поляков из духовенства, врачей, учителей, юристов, и всех разместили в два изолированных концлагеря. Такова предыстория того, что позже стало именоваться бойней в Катынском лесу. Это хладнокровное массовое убийство уже было совершено, когда Сталин во время войны сказал иностранным журналистам, что хотел бы видеть Польшу сильной и независимой. В то время никто, кроме самих Советов, не знал об этом коллективном убийстве.

Но, как только Гитлер напал на Советский Союз, Кремль почувствовал необходимость установить дипломатические отношения с польским правительством в изгнании, в Лондоне. Первым посланником Польши в Москве был достопочтенный Станислав Кот, с которым я познакомился достаточно хорошо. Его первым делом по приезде в Москву был поиск арестованных офицеров польской армии. Он интересовался их судьбой не только как официальный представитель страны, но и в интересах генерала Владислава Андерса, которого только что выпустили из

застенков НКВД, что по соседству с церковью Святого Людовика. При отступлении Советской армии с угрожающей скоростью увеличивалось число дезертиров, за все время войны составившее 2,5 миллиона человек. А генералу Андерсу нужны были офицеры для командования семью дивизиями, набираемыми на российской территории, польские офицеры были срочно нужны.

Посол Кот снова и снова встречался с сотрудниками МИД и с генералом Антоновым, начальником связи в Красной армии. Во время первой встречи со Сталиным по этой проблеме диктатор сказал польскому послу, что таких офицеров нет в советских концлагерях. Каждый раз, когда поднимался этот вопрос, Сталин, Антонов или Молотов отвечали, что этих людей, должно быть, освободили, так как их нет в списках лагерей военнопленных или в списках лагерей для интернированных и беженцев, организованных НКВД — НКГБ. Это исчезновение офицеров было необъяснимым. Посол говорил мне о своей убежденности в том, что несколько тысяч человек не могут раствориться в воздухе после того, как они находились под усиленной охраной знаменитых органов госбезопасности.

Посол никогда не прекращал подавать требования по их поиску, его настойчивость была настолько упорной, что лично Сталин оказался в затруднительном положении на переговорах с ним. На одной из встреч, происходившей в Кремле, Сталин был так раздражен и даже смущен вопросами польского посла, что притворился, будто он звонит по телефону, выражая удивление, что эта проблема еще не решена, и требуя, чтобы ей было уделено особое внимание. Молодой польский офицер майор Ян Чапский получил разрешение на поездку по неоккупированной части России для поиска исчезнувших людей. Эта тактика аналогична поведению Советов в 1960 году, когда над международными водами ими был сбит американский самолет, а они сами немедленно приняли участие в его «поисках». Проводя расследование в Сибири, майор Чапский доложил, что он близок к получению убедительной информации, но таинственный звонок из штаб-квартиры НКВД положил конец его переговорам.

Вопрос о пропаже людей так и остался тайной, а Советы утверждали, что сделали все, что было в их власти, чтобы определить их местонахождение. Кремль рекомендовал, чтобы пропавших офицеров искали среди поляков, освобожденных из лагерей и интернированных для формирования дивизий Андерса. В первое воскресенье после освобождения генерал Андерс и десяток других польских офицеров, бывших одновременно с ним в заключении, пришли на Мессу в церковь Святого Людовика вместе со всеми сотрудниками польского посольства. Среди них

был офицер-некатолик, и он был настолько счастлив, освободившись из ада НКВД, что все полтора часа службы пролежал, вытянувшись на полу, вниз лицом в центральном проходе напротив пресвитерия. Его руки были раскинуты в виде креста — так он совершал безмолвный акт благодарности Богу. Генерал Андерс и другие военные подвергались жестокому обращению, их неделями допрашивали и били резиновыми шлангами. Эти польские офицеры были единственными освобожденными в Москве после восстановления дипломатических отношений.

А тем временем вермахт продвигался в глубь России. В апреле 1943 года доктор Геббельс, рейхсминистр информации[184], вызвал сенсацию, объявив, что германские оккупационные войска обнаружили массовые захоронения в Катынском лесу недалеко от Смоленска. Было раскопано несколько тысяч тел, сложенных как дрова, большинство из них были одеты в польскую военную форму. Новости, переданные по берлинскому радио, стали мировой сенсацией и, естественно, заинтересовали польское посольство в Москве, возглавляемое к этому времени послом Тадеушем Ромером. Геббельс призвал к расследованию Международный Красный Крест вместе с участниками невоюющих наций для беспристрастного установления виновников этого ужасного преступления. В каждом теле было два пулевых отверстия: одно — проникающее, у основания черепа, другое — выходное, на лбу. Все были уничтожены одним и тем же способом.

В это время польским министром информации в Лондоне был бывший посол Станислав Кот, который исчерпал все возможности в поисках пропавших офицеров. А так как поляки прислушались к сообщению Геббельса — кто бы упрекнул их в этом, — Молотов почувствовал себя оскорбленным. Испугавшись ужасной правды, обнаруженной расследованиями немцев, Советы обвинили поляков в сговоре с врагом и снова разорвали с ними дипломатические отношения. Посол Ромер прислуживал мне всю Страстную неделю у алтаря. Было неопровержимо установлено, что польских офицеров и некоторое количество гражданских лиц уничтожили в то время, когда они находились под арестом НКВД. Американский офицер из лагеря военнопленных присутствовал при германском расследовании и подтвердил факты письменным свидетельством. Позже было доказано, что Пентагон хорошо знал о вине Советов в этом массовом убийстве, а выдвинутое «объяснение» сокрытия этой информации состояло в том, что ее обнародование могло подорвать престиж «союзника» и тем самым помешать ходу войны.

После открытия второго фронта британско-американскими силами Красная армия вновь заняла район Катыни и устроила грандиозный спектакль собственного «расследования». Чтобы засвидетельствовать эту тщательно подготовленную демонстрацию, были приглашены англо-американские журналисты, базирующиеся в Москве, которых должны были доставить туда на автомобиле. Прослышав об этой поездке, присоединиться к ней выразила желание одна журналистка, представляющая Бюро военной информации США. Поскольку к ней хорошо относились в советских «верхах», экспедиция и «расследование» были мгновенно остановлены, и Советы изменили свои планы изнурительной поездки на автомобиле в край, разоренный войной. В группу вошли еще два человека: та американская журналистка и официальное лицо из посольства США. В распоряжение гостей, которые должны будут засвидетельствовать доказательства, угодные Кремлю, был предоставлен специальный поезд с хорошо оснащенным вагоном-рестораном.

Но все обернулось так, что ни один американский корреспондент не подтвердил вину немцев, как ни пытались ее установить Советы при участии нескольких знаменитых врачей. «Спектакль» был слишком далек от очевидных фактов. В одной могиле находилось несколько тысяч тел, немцы совершенно случайно обнаружили это спрятанное кладбище, на которое указали местные крестьяне. Несколько жителей осторожно намекнули, что будет, если копнуть в этом месте, — так было раскрыто это невероятное преступление. Большинство журналистов воспроизвели своими словами абсолютно фантастические сводки Совинформбюро под руководством С. А. Лозовского. А тот факт, что они присутствовали на спектакле, поставленном Советами, придавал правдоподобие их донесениям. Многие из этих корреспондентов в частной беседе говорили, что никто из них не верил в то, что пытались доказать Советы, — в вину немцев. К сожалению, в двух донесениях, по отдельности отправленных в Вашингтон, «спектаклю» Советов придали серьезную достоверность те два человека, для которых был спешно организован поезд со всеми удобствами.

В 1952 году специальная комиссия Конгресса США провела исчерпывающее расследование массовых казней в Катынском лесу с помощью свидетелей, дававших показания под присягой. Некоторых из них вызвали издалека, и они были вынуждены скрывать свою личность. Вследствие моих дружеских отношений с польскими послами Котом и Ромером меня тоже пригласили в комиссию. Комиссией было точно установлено, что

систематические убийства одного за другим всех жертв были совершены рядом с местом их захоронения в то время, когда эта область еще находилась под контролем Советов, до прихода туда немцев. Факты свидетельствовали, что казни совершались отрядами НКВД, вероятно, в последний момент перед эвакуацией вследствие быстрого наступления германских войск.

Вывод № 1 доклада Палаты № 2505 от 22 декабря 1952 года: «В представленном заключительном докладе в Палату представителей Комиссия пришла к выводу, что в те дни, незадолго до окончания Второй мировой войны, к сожалению, в правительстве и военных кругах существовало странное заблуждение, что военная необходимость требует принести в жертву лояльность союзников и наши принципы для того, чтобы удержать Советскую Россию от сепаратного мира с нацистами… Также верно и то, что и до 1942 года кремлевские правители дали достаточно оснований рассматривать их как советских империалистов, мостивших дорогу к завоеванию мира. В результате катастрофической неспособности распознать признаки опасности, уже существовавшие в то время, и вследствие политики удовлетворения кремлевских лидеров наше правительство невольно укрепило их положение и внесло свой вклад в ситуацию, которая выросла в угрозу Соединенным Штатам и всему свободному миру».

На слушании отчета специальная комиссия сообщила под присягой, что текст послания в Госдепартамент о согласии с утверждением Советов о вине Германии в Катынском деле был написан вопреки личным убеждениям и совести двух персон из посольства США, которые присоединились к поездке в Катынь. Во время Нюрнбергского процесса над немецкими военными преступниками вопрос на эту тему был задан фельдмаршалом Германом Герингом. Он встал и спросил, располагает ли Трибунал документами о казнях в Катынском лесу. Получив положительный ответ, он удовлетворенно кивнул и сел на место. При упоминании на суде о массовых расстрелах в Катыни руководитель советской делегации встал с угрозой покинуть зал в полном составе со своей группой в том случае, если на обсуждение Трибунала будет вынесена катынская расправа.

Насколько я знаю, проблема расследования советских военных преступлений, включая массовые убийства на Украине, в Виннице, даже никогда не ставилась из-за глубокого уважения к нашим «доблестным союзникам». Когда для участия в Нюрнбергском процессе были назначены советские юристы, многие москвичи говорили мне: «Почему им позволено обвинять немцев в военных преступлениях? Вина немцев меньше вины

нашего НКВД». Несмотря на то, что на Нюрнбергском процессе не рассматривались преступления НКВД, наши военные представители, присутствующие на этих слушаниях, имели полную информацию о преступлениях НКВД, рядом с представителями которого они сидели на суде.

Теперь, когда я описал эти поразительные эпизоды войны, читатель может спросить, что же происходило со мной все это время. Советы, безусловно, не оставили меня в покое, как будет явствовать из последующих глав.

Глава XXVII. Транспорт НКВД для меня и моей собаки

Мои жилищные условия во время войны были более суровыми, чем у других иностранцев. Благодаря моим контактам с русским населением, а также с дипломатами разных национальностей, особенно в последние месяцы, предшествующие войне, я знал, что грядут катаклизмы вселенских размеров. Простые граждане ни на секунду не поверили в искренность российско-немецкого пакта 1939 года. Все время медового месяца между Москвой и Берлином на границе наблюдалось большое перемещение войск. Родители солдат, служивших в этих войсках, знали об этом, хотя в прессе об этом не было ни слова. Иностранные дипломаты из «стран оси» время от времени намекали на это, было нетрудно предположить, что готовится настоящая война. Советы торопились строить фортификационные сооружения на польской территории, освобожденной от гражданского населения, на всю мощь работали военные заводы, хотя их продукция накапливалась уже более двадцати лет.

Поскольку к этому времени кроме меня на всю Россию был лишь еще один католический священник, в Ленинграде, я счел необходимым и разумным поставить в известность Ватикан о том, что, что бы ни случилось, я готов, с Божией помощью, остаться на своем посту. В ответ я получил от Святого Отца теплое письмо с одобрением и благословением для моей широко разбросанной паствы и для меня самого. Папский престол выразил удовлетворение, узнав, что церковь Святого Людовика останется открытой и со священником и что для верующих будут продолжаться богослужения. После пяти «ограблений», последнее из которых произошло незадолго до начала войны, полученное сообщение укрепило меня в намерении остаться на посту и наполнило большой внутренней радостью.

Циркулярное письмо от американского консульства, разосланное после нападения Германии, строго предписывало всем гражданам США, не имеющим веских причин оставаться в СССР, немедленно собираться домой. Это была разумная мера, и скоро жены сотрудников посольства и женщины, работающие в посольстве, покинули страну. Я принял во внимание этот совет, но поставил в известность посольство, что из-за отсутствия другого священника, который мог бы сменить меня, я решил остаться. Мои русские прихожане с облегчением восприняли

известие, что я не покину их. Службы в церкви Святого Людовика продолжались, и я по-прежнему оставался гостем посольства Франции. Но через неделю после нападения на Россию правительство Виши объявило о разрыве дипломатических отношений.

В течение часа здание, в котором я жил, было окружено людьми в штатском из НКВД и оказалось отрезанным от мира. Перестали работать телефон и почтовая служба. Все автомобили посольства были перемещены внутрь двора. Один раз в день автомобиль с водителем и сопровождающим мог отправиться с «эскортом» в центр за продуктами. Французские граждане могли входить на территорию посольства (на самом деле многих просто забирали из их жилищ и привозили в посольство под «охраной»), но уехать никому не разрешалось.

Я предвидел эту ситуацию и заранее перенес некоторые необходимые вещи из квартиры военного атташе США, который эвакуировался из города вместе со своим британским коллегой. Мой автомобиль, который я купил сам, имел французский техпаспорт и был зарегистрирован на французское посольство. На всякий случай я вывел его из-за ограды посольства и поставил на улице рядом с церковью Иоанна Воина напротив посольства, прежде чем ворота оказались закрыты. Мои действия с автомобилем видел милиционер и показал жестом, чтобы я поставил машину обратно, но я не собирался этого делать. Я закрыл машину и не обратил внимания на офицера, который заметил, как я вернулся в посольство. Это был мой последний выход из посольства за последующие три дня.

Запрет покидать посольство относился и ко мне, хотя я был американским гражданином. В своем простодушии я думал, что меня выручит кто-нибудь из посольства США, но ошибался. Возможно, они не знали, что я не могу никуда двигаться. В конце концов меня при странных обстоятельствах выручил бельгийский инженер, который пришел по своим делам, также был задержан, но все-таки был освобожден. Я полагал, что именно он рассказал американцам о моем бедственном положении, несколькими днями ранее я сказал послу США о надвигающихся событиях, сообщив, что могу оказаться отрезанным от мира.

Ровно в полночь третьего дня четырехцилиндровый М-1 с двумя сотрудниками НКВД остановился у ворот, и мне сообщили, что со мной хотят поговорить. Едва ли кто-нибудь мог спокойно уснуть с тех пор, как французское посольство оказалось переполненным своими гражданами. Все питались на общей кухне вместе с постоянными обитателями посольства, которые отдавали на кухню все свои запасы. Как известно, французов не

бывает много, когда надо готовить еду, поэтому все были счастливы и сообща готовили разные блюда. Во время этого ночного визита я прогуливался во дворе вместе с моим добрым другом Жаном Пайяром, ныне — французским послом в отставке, обсуждая стремительно развивающиеся события.

Город был в полной темноте, а я пошел к воротам, чтобы узнать, чего они хотят от меня. Делегация из двух сотрудников НКВД сообщила, что меня отвезут, куда я скажу, но было одно условие, сказали они: если я уеду, мне не позволят вернуться. Я согласился, но сказал, что мне надо взять с собой Пакса, мою семилетнюю немецкую овчарку. Они сначала отказались, но затем согласились, когда я сказал, что собака их не тронет, пока я рядом. Я собрал свои вещи, взял Пакса и пошел попрощаться с послом Гастоном Бержери, который просил меня, чтобы я уговорил посольство США взять под защиту французское посольство. И случилось так, что американский католический капеллан и его собака бесплатно проехались на машине НКВД, но не на Лубянку! Мы съехали с холма, пересекли Крымский мост и оказались на правой стороне Москвы-реки по дороге в квартиру, от которой у меня был ключ. В полной темноте был не только город, но и квартира, в которой отключили электричество. В домкоме этого многоэтажного дома мне объяснили, что света нет потому, что в мое отсутствие чья-то домработница что-то стирала здесь и оставила гореть свет вопреки военной экономии.

А так как я был полностью отрезан от мира целых три дня, то думал, как бы сообщить кому-нибудь, что я еще жив и нахожусь в городе. С помощью огонька зажигалки я нашел телефон и позвонил Генри Кассиди из Ассошиэйтед Пресс. Никто не спал в те дни, когда самолеты Люфтваффе бомбили столицу. Место, в котором я временно разместился, находилось недалеко от железнодорожного моста через Москву-реку, и над нами часто летали вражеские бомбардировщики. На следующее утро мое настроение улучшилось, когда я обнаружил, что перенесенные сюда вещи оказались нетронутыми. Я хотел быстрее вернуться в церковь, где огнем зениток в нескольких местах была пробита крыша и взрывной волной выбито несколько окон. Достать стекла было невозможно ни за какую цену, а так как бомбардировки продолжались, я стал ломать голову, как сделать хотя бы временный ремонт. И внезапно представилось решение, не требовавшее денег.

Муж одной из моих русских прихожанок работал на дровяном складе, который по приказу Мосгорисполкома должен был быть уничтожен или ликвидирован как-то иначе вследствие быстрого продвижения немцев. Добрая женщина сказала: если я смогу

достать транспорт, на складе мне отдадут все, что я хочу. Я так и сделал, взяв свой «рено», который я освободил из французского посольства. Я поехал в указанное место, представился управляющему, который меня уже ждал и встретил дружеской улыбкой. Мне дали столько листов трехслойной фанеры, сколько я смог увезти на крыше моего автомобиля. Я уехал благодарный и счастливый при мысли, что наши «отремонтированные» окна удержат тепло и предохранят от дождя. Благодаря столяру посольства США Джону Лейно, еще одному верному другу, у меня появились гвозди нужного размера, и я сразу же начал пилить листы на квадраты и прибивать их к окнам церкви.

В это время НКВД не пришел ко мне проверять источник происхождения материалов, меня оставили в покое. Они были заняты гораздо более важным делом — сбором своих многочисленных документов для срочной эвакуации. Оригиналы материалов судебных заседаний Верховного суда и приговоров троек находились в зданиях, окружающих церковь Святого Людовика, и все дни официальной эвакуации тайная полиция заполняла своими документами грузовик за грузовиком. Всех еще не расстрелянных политических заключенных заранее депортировали в отдаленные места.

В посольствах, миссиях и официальных зданиях в целях экономии периодически отключали электричество. В церкви Святого Людовика его не было совсем. Чтобы читать Мессу, я переносил рефлектор от фары моего автомобиля, подключал к нему батарейку и подвешивал над дарохранительницей на главном алтаре. К этому времени я уже не боялся «ограблений» и осквернения церкви. Но, как мы увидим позже, меня не вычеркнули из списков особого внимания органов. С первых же недель войны была введена строгая система распределения продовольствия: насколько я знаю, каждый иностранец в столице имел продуктовую карточку, соответствующую его статусу. От людей, работающих в Центральном бюро по распределению продовольствия, я знал, что было несколько десятков градаций.

Самая большая норма выдачи полагалась дипломатическим представителям и иностранным корреспондентам. Японцы, американцы, англичане и другие — все иностранцы, кроме меня, покупали нормированные продукты и одежду в специальных магазинах, предназначенных для держателей таких карточек. У меня карточки не было, и я подал прошение на ее получение. Власти игнорировали мое прошение до приезда нового посла Соединенных Штатов, который в отличие от своего предшественника понимал, что я тоже должен питаться, как и другие человеческие существа. Между тем я разработал план, как

раздобыть овощи и картошку не только для себя, но и для моих больных и престарелых прихожан-«иждивенцев». Этой категории граждан полагалось всего лишь 200 граммов хлеба в день.

Я сел за мою пишущую портативную машинку «Корона-Смит» и напечатал заказ на закупку нескольких тонн овощной продукции, адресованный на Московский овощной комбинат. Я сам подписал его, но у меня не было ни печати, ни штампа, ни другой формы официального признания. Я понимал, что рискую получить категорический отказ, но я также знал, что любой документ, аккуратно напечатанный на пишущей машинке на бумаге большого размера, привлечет внимание и вызовет уважение. Я напечатал письмо на большом листе белой бумаги на имя главного начальника. К моей подписи я добавил целый ряд аббревиатур, обозначающих просто, что я являюсь настоятелем московской церкви Святого Людовика и капелланом американских католиков посольства США. Все эти сокращения выглядели загадочными и представляли некоторый вызов. Но все, что там было написано, было правдой. Я нашел конверт впечатляющего размера и доставил письмо лично в контору на третий этаж комиссариата, расположенного на улице Кирова недалеко от того места, где несколько лет назад я получил особое разрешение пересечь улицу, предъявив обычную визитную карточку на английском языке.

А сейчас в заявлении на русском языке я просил одну тонну картофеля, по полтонны моркови и капусты и немного других овощей. Я надел свой лучший костюм с белым церковным воротничком и поехал в комиссариат, думая, что меня не пустят из-за отсутствия пропуска. Как ни странно, охранник пропустил меня, поняв, что у меня встреча с главным начальником. Меня провели к нему в кабинет без очереди, не спрашивая удостоверения личности, я просто показал одну из тех самых визитных карточек. Кажется, это произвело мистическое впечатление на славного человека средних лет, одетого в военную форму с майорскими знаками отличия, принявшего меня в своем кабинете. Он предложил мне сесть и, взяв письмо, стал знакомиться с его содержанием, а я думал о впечатлении, которое произведет на него моя необычная просьба. Офицер прочитал мое обращение, посмотрел на последовательность аббревиатур, поднял на меня глаза и сказал одно слово: «Хорошо». Затем он вызвал секретаря в военной форме и велел ему переписать мою просьбу на официальный бланк заказа. Потом подписал его, поставил круглую печать и протянул мне с самыми лучшими пожеланиями!

Я почти не верил своим глазам. Мне не было задано ни

одного вопроса, и весь визит длился не больше десяти минут. А у меня в руках был драгоценный приказ, разрешающий мне выезжать из города и получать продовольствие на одном колхозном складе. Кроме того, я мог покупать все по более низким ценам, чем в государственных магазинах, и я не должен был стоять в очередях! Благодаря Американской военной миссии у меня теперь был грузовик «форд» с русским водителем. На следующий день нам не удалось отовариться по указанному адресу, но нас направили в другое место за несколько километров от города, где уже ближе к ночи мы загрузили две тонны продовольствия. Я наградил моих помощников сигаретами, которые мне дали мои иностранные прихожане. С того времени каждое утро я отправлялся в церковь нагруженный продовольственными сумками для прихожан или завозил их нуждающимся.

После моего освобождения из французского посольства я встретился с американским послом, передав ему просьбу французов о защите их интересов, но получил отказ. Скоро я узнал, что правительство Турции согласилось представлять интересы Франции. Естественно, мне пришлось ближе познакомиться с представителями турецкого посольства. Посол Хайдар Актай очень любезно принял меня, когда я позвонил ему, чтобы поставить в известность о некоторых обстоятельствах, которые ему следовало знать. В то же самое время я передал ему список моих вещей, в том числе библиотеки редких книг. Все это я оставил на прежнем месте жительства, где на письменном столе в моем кабинете стоял американский флажок. Довольно длительное время я, американский гражданин, должен был жить под непосредственной защитой турецкого посольства.

Вскоре я узнал, что американский посол сообщил в Вашингтон о том, что я живу в квартире военного атташе США, находящегося в эвакуации. На приеме в Спасо-Хаусе по случаю Дня независимости 4 июля ко мне подошли два секретаря посольства и передали от имени посла, стоявшего неподалеку, что мне следует освободить квартиру, которую я только что занял. Не предлагая ничего взамен, мне намекнули, чтобы я сам искал себе жилье. Меня сильно смущала мысль оказаться на улице в суровое военное время. Персонал американского посольства был сокращен до минимума, и поэтому освободилось много квартир в здании на Моховой. Даже в Спасо-Хаусе, куда меня прежде приглашали жить, было много свободных комнат, и я бы согласился занять хотя бы комнату прислуги в подвале.

Я сам подошел к послу, чтобы узнать о возможности пожить какое-то время в любом закутке здания посольства США.

Раздраженным тоном в присутствии других гостей посол просто бросил мне «Нет!» и не стал далее со мной разговаривать. В конце концов моя жилищная проблема была решена, когда эвакуировались четыре молодых американских холостяка Их квартира находилась в Борисоглебском переулке, где сначала жил наш первый военный атташе, посольский грузовик перевез мои вещи на новое место. Мне повезло, так как в день моего переезда на мост напротив моего бывшего жилища упала бомба, выбив в доме стекла, перекосив дверные проемы и оконные переплеты. Тем временем турки помогали мне в моих скромных нуждах. Посол Актай сообщал мне о положении французов, все еще отрезанных от мира, от него я узнал и дату их отъезда. Вместе с послом Акта-ем и иранским послом, чьих дочерей я венчал, я поехал на Курский вокзал, чтобы поблагодарить моих французских друзей за их многолетнюю помощь.

Накануне их отъезда произошла ужасная трагедия. Две дамы, жены французских дипломатов, ехали по железной дороге в Иран во время разрыва дипломатических отношений между Виши и Москвой. Их обеих прямо в поезде арестовали агенты НКВД и доставили под конвоем в столицу, их личные вещи тщательно досматривали. Один из агентов решил взять что-то из этих вещей, сказав, что это подойдет его жене. Одна из дам от этой реплики впала в состояние аффекта и потеряла рассудок, в ночь перед запланированной эвакуацией она выпрыгнула с третьего этажа дома, переломав все кости. Два месяца она провела в московской больнице и умерла, не приходя в сознание. А так как она была моей прихожанкой, я попытался прийти к ней, но меня не пустили. Потом я совершил ее отпевание и погребение, а ее муж прибыл в сопровождении конвоя НКВД.

Через день после этого в Москву прибыл, по пути в Тегеран, французский доминиканец отец Мишель Флоран, который публично заявлял в Ленинграде о своей поддержке генерала де Голля. Во всем Советском Союзе церковь Святого Людовика осталась единственной католической церковью, где совершались богослужения. Были противоположные утверждения, которые делали безответственные люди — либо жертвы пропаганды, либо те, кто не понимал реальной ситуации. Бесполезно ожидать понимания от тех, кто объявил себя врагами Бога, но я верил, что посольство единственной страны, подписавшей религиозный протокол с СССР, должно соблюдать принципы, содержащиеся в нем. О том, как я был не прав, читатель узнает из следующей главы.

Глава XXVIII. «Собирайтесь в отпуск, отец Браун!»

В обычные времена люди уделяют мало внимания тайнам жизни и смерти, но во время войны, когда в вечность внезапно уходят сотни тысяч, это внимание пробуждается. Из-за частых внезапных бомбардировок эти понятия стали реальными для очень многих; и вдали от линии фронта эпидемии, недоедание, голод, неизлечимые болезни вызывали многочисленные смерти. Люди, никогда не видевшие войны вблизи, не наблюдавшие ее опустошительных смертей, думают о похоронах как о пышной и торжественной церемонии. В условиях войны с ее обнаженной реальностью все по-другому: в это время очень частыми были вызовы на погребения, которые совершались очень быстро, поскольку тела просто собирали в открытые грузовики и хоронили без гробов. Я бывал на различных кладбищах, но чаще всего в семьях, лишившихся своих близких, когда поездка за город стала невозможной.

А в церковь Святого Людовика приходили отцы и матери, сообщая, что их сыновья погибли на фронте, и просили отслужить заупокойную Мессу. У этих отважных людей был тот, кому они могли доверить свое горе и скорбь. У одних сыновья были в армии в то время, когда кто-то из членов семьи был в застенках НКВД. Стоит ли удивляться, что многие отказывались идти воевать? Может ли человек, если у него есть сердце, понять, почему было так много дезертиров и людей, сдавшихся в плен без боя? Я посещал военные госпитали, куда меня приглашали друзья серьезно больных или тяжело раненных солдат, принося им утешение, которого жаждали их души, — примирение с Богом. Мне никогда не разрешали посещать лагеря военнопленных, но я видел нескольких солдат, призванных в армию с «аннексированных» территорий.

Неожиданно я был вызван к послу США, к тому самому, с которым я обсуждал свои налоговые проблемы. Начиная с июня 1941 года он обычно покидал свой кабинет в Спасо-Хаусе после полудня, уезжая за город во время бомбежек Люфтваффе. Американцы имели свое бомбоубежище и могли оставаться там со своим постельным бельем и теплыми одеялами. Меня тоже известили о загородном бомбоубежище, но я решил, что это слишком далеко от церкви Святого Людовика, которую я должен открывать каждое утро.

В этот день после обеда я появился в Спасо-Хаусе и быстро

поднялся в овальную комнату, в которой меня ждал посол. Он приветствовал меня словами: «Собирайтесь в отпуск, отец Браун!» Сказав это, он стал потирать руки с особым удовольствием, которого я вовсе не разделял. Мне показалось, что его слова звучали фальшиво. Увидев мое сильное удивление, он спросил: «Вы не хотите ехать домой?» Я сказал: «Господин посол, я не просил отправлять меня домой». Наоборот, я просил известить посольство, что остаюсь, считая, что последняя католическая церковь должна быть открыта для богослужений, и объяснил, что не могу повесить на двери церкви Святого Людовика объявление: «Закрыто на неопределенный срок. Приходите после войны».

Посол прочитал мне текст расшифрованной телеграммы, которую он только что получил из Госдепартамента, о том, что после консультации с высокими церковными властями на мой отъезд главой американского викариата ассумпционистов в Нью-Йорке выделена тысяча долларов. Послание, датированное 10 июля 1941 года, посол посчитал завершением дискуссии по этому поводу. Я смотрел на это по-другому и сказал: «Господин посол, в этом послании требуется кое-что прояснить. Я повторяю, что не могу оставить мой приход и мою паству. Я никуда не поеду». Мое желание остаться рассердило его. «Отец Браун, в этом послании нечего прояснять. Вы уезжаете, и точка». Встреча закончилась тем, что я повторил, что никуда не поеду, и ушел.

С тяжелым сердцем я вернулся в мое временное жилище рядом с железнодорожным мостом через Москву-реку. Я считал необходимым срочно связаться непосредственно с главой викариата. После молитвы и размышлений я встал на колени и написал текст срочной телеграммы. В ней я сообщил, что знаю о решении возвратить меня на родину, что готов немедленно выполнить этот приказ, если он исходит непосредственно от него и подтвержден Ватиканом, который я ранее известил о моей решимости остаться. Я добавил, что здоровье мое отменно и с Божьей помощью могу продолжать свою работу. Я пошел на центральный телеграф и лично отправил это сообщение, которое стоило целое состояние, но это была гарантия его доставки, а на карту была поставлена деятельность единственной церкви, зависящей от моего присутствия в ней.

А в американском посольстве уже распространились слухи о моем отъезде. Когда я выходил после встречи с послом, секретарь посольства сказал мне: «Здравствуйте, отец Браун, я слышал, вы собираетесь домой». Я попросил его перестать говорить об этом и поверить слухам только в том случае, если я сам скажу, что еду домой. Он был недоволен моим ответом, но ни слова не сказал об интригах, о которых я узнал намного позже. Однако у меня были

серьезные причины подозревать: что-то в корне неправильное скрывалось за планами отправить меня домой, и это была чья-то нехорошая игра. При таком отношении посла я считал бесполезным консультироваться с кем-либо из американского посольства.

Ни минуты не колеблясь, я подавил свою национальную гордость и попросил встречи с британским послом, который немедленно принял меня. Я объяснил ему, что у меня есть веские причины считать, что мой посол замыслил избавиться от меня. И я прошу через лондонский МИД послать телеграмму британскому представителю в Ватикане с просьбой известить Святого Отца, что в моем желании остаться на своем посту ничего не изменилось. Британский посол ответил: «Отец Браун, мы думаем, что вы правы, желая остаться в церкви при данных обстоятельствах». Мне было приятно слышать эти ободряющие слова сочувствия и понимания; меня уверили, что они сделают все возможное, чтобы исполнить мою просьбу.

Через сорок восемь часов после отправления телеграммы главе викариата я получил ответ, отменяющий приказ об отзыве. Я вознес благодарственную молитву, а разговоры в посольстве о моем отъезде домой полностью прекратились. Через несколько дней я получил от посла записку, написанную от руки, в которой он поздравлял меня с тем, что я остаюсь. Он добавил, что идея отправить меня домой была проявлением заботы о состоянии моего здоровья, правда в записке не говорилось, кому принадлежала эта идея. В разгар этой волнующей интриги на лестнице здания на Моховой меня повстречал сотрудник посольства США. Убедившись, что нас никто не слышит, он сказал, взяв меня под руку: «Отец, вы знаете, некоторые считают, что вы тронулись умом».

Славный человек объяснил, что, просматривая кодированные посольские донесения в Вашингтон, он напал на одно, где говорилось, что я выжил из ума! Так прояснилась тайна моего внезапного отзыва… Преемник посла, которого ввели в курс этого неприятного дела, посоветовал, чтобы я написал в Вашингтон и потребовал копию того донесения. Новый посол сказал, что, если я получу его, я смогу дать ход делу, если захочу. Как и посоветовали, я написал письмо госсекретарю и передал его надежным способом. Но ни ответа, ни даже подтверждения получения моего письма я так и не получил.

Во время моего пребывания в Москве приехал инспектор Госдепартамента и захотел встретиться со мной. Не говоря о получении моего письма, он спросил: «Отец Браун, вы не собираетесь поднимать вопрос о вашем отзыве?» Я ответил, что,

поскольку идет война, не время требовать извинений. «Вы должны понять, — продолжал инспектор, — что, когда мы получаем донесение от одного из наших послов, мы должны отнестись к нему со всей серьезностью». Я не сказал, что у Госдепартамента были другие возможности установить, потерял я рассудок или нет, я просто сказал, что со мной сыграли злую шутку.

В тот день, когда я вывел свой «рено» из французского посольства незадолго до того, как его отрезали от мира, милиционер отметил это. Конечно, я понимал, что в конце концов мой автомобиль конфискуют; МИД уже послал своих водителей перевезти все французские автомобили с территории посольства. Все машины были конфискованы, но пока не было попыток сделать это с моим «рено». И я встревожился, когда в Москве началась массовая замена автомобильных номеров. По правилам для получения новых номеров мне следовало бы пойти в Бюробин, но для меня это означало отправиться прямо в пасть льва. Вместо этого я пошел в Мостехпром, нашел там начальника и просто сказал, что хочу выполнить все, чего требуют новые правила, за что меня там похвалили.

Одна из девушек-секретарей, проверив документы, заметала, что автомобиль иностранный, и посоветовала обратиться в Бюробин. Но начальник, добрый офицер, сказал, что по этим делам Бюробин все равно обращается к ним в Мостехпром. И это спасло меня. Он спросил, нужен ли мне дипломатический номер, я ответил, что у меня действительно всегда был именно такой номер. К моему огромному облегчению, все было сделано довольно быстро. Надо сказать, что у меня никогда не было проблем с небольшими русскими начальниками, если только на них не давили высшие советские власти.

И конечно, Советы все-таки проявили интерес к моему автомобилю! Ко мне послали двух офицеров таможни в форме, которые подробно допросили меня о моем «рено». Я был готов к их визиту, хотя и не подал виду. В ожидании подобного поворота событий я отправился в турецкое посольство и попросил у них документ, удостоверяющий, что автомобиль находится в моей собственности. В этом не сомневался никто из московских иностранцев, кроме секретаря посольства США. Он известил всех, может быть, и с добрыми намерениями: «Отец Браун прибрал к рукам автомобиль французского посольства».

С документом, полученным в посольстве Турции, я поспешил в Главное таможенное управление, где за пять минут в моем паспорте США мне поставили штамп о том, что автомобиль был ввезен без пошлины. Теперь я был готов к беседе со всеми

офицерами таможни по поводу моего автомобиля, включая и налоговые проблемы в этой связи. Эти офицеры еще не знали о том, что их начальник поставил штамп о беспошлинном ввозе, объяснили, что их послал Бюробин и они должны задать мне несколько вопросов. Они также заявили, что у них приказ опечатать мой автомобиль. Я встретил их не только очень вежливо, но показал им «состав преступления», помог прочитать километраж пробега автомобиля и поставить пломбы на автомобиль, то есть окрутить бечевками ручку передней двери машины, педали и спидометр и закрепить концы веревки свинцовой печатью.

Закончив операцию, я отвел их в мой кабинет, чтобы им было удобнее задавать вопросы. Мне предъявили два экземпляра официальных таможенных бланков. Имя, фамилия, профессия, марка автомобиля, номер двигателя, где куплен, через какую границу ввезен в страну и так далее. Напомню, что автомобиль был ввезен без пошлины, зарегистрирован в посольстве Франции и оплачен мною, а пункт, по которому они хотели обвинить меня, — это, вероятно, либо неоплата пошлины, либо, еще хуже, ввоз обманным путем. Когда я ответил на все вопросы, они попросили подписать документ. Я отказался, вызвав недоумение обоих агентов.

До этого момента мы беседовали в обычном тоне, теперь же я выразил раздражение и недоумение, показав им паспорт США, заявление об освобождении от налогов и исправленный техпаспорт автомобиля. Я спросил их, какие могут быть проблемы, если все документы в порядке. Я не только отказался подписывать бланки, но выразил энергичный протест, потребовав соединить меня с их начальником. Бедные таможенники оказались в затруднительном положении. Они взяли с собой опись моих документов и оставили неподписанные бланки; на следующий день они снова явились, чтобы принести извинения и снять пломбы с автомобиля, и по причине волнения у них это получилось недостаточно быстро. Планы Бюробина либо конфисковать мой автомобиль, либо поймать меня на мошенничестве с треском провалились.

Но Советы отомстили мне, надолго отказавшись выдавать мне норму бензина, у них ведь было еще достаточно «струн на арфе мелких неприятностей», как выразился тогдашний посол США.

Глава XXIX. Кремль меня просит

Благодаря — опять же — посольству Турции я получил из МИДа разрешение посетить мою бывшую квартиру в резиденции посла Франции, где уже не осталось никого из персонала, чтобы забрать часть моих вещей и перевезти их в Борисоглебский переулок, где я с риском для жизни прожил все время бомбардировок.

14 октября 1941 года, когда немецкая армия приближалась к Москве, мне позвонили из посольства США и велели упаковать вещи в две сумки и присоединиться к группе, которая собирается в Спасо-Хаусе для эвакуации в Куйбышев. Я пошел без сумок попрощаться с моими соотечественниками и пожелать им счастливого пути. На вопрос посла, где мои сумки, я ответил, что по-прежнему не хочу покидать свой приход. Он попросил меня написать заявление о моих намерениях, добавив, что не знает, как прореагируют на это Советы. Я напечатал и подписал все, что он просил, но заметил, что у Советов сейчас много других проблем. От людей я уже знал, что солдат Красной армии заставляют идти в бой под дулами пулеметов, направленных им в спину заградительными отрядами НКВД — НКГБ.

Поезд из пяти вагонов с отправляющимися в эвакуацию ушел из Москвы той же снежной ночью, и, возможно, поэтому его не бомбили. Я молил Бога сохранить их от всех бед. О панике в столице, продолжавшейся три дня, в прессе не было ни одной строчки, все иностранные корреспонденты тоже уехали в Куйбышев. Та первая военная зима была ужасно холодной, она остановила наступление вермахта в пятнадцати километрах от столицы. В 1812 году, сто двадцать девять лет назад, армию Наполеона также поймал в ловушку генерал Мороз. Я утверждаю, что значительная часть населения города надеялась избавиться от ненавистного режима. На единственной проходимой дороге, ведущей из города, убегающих комиссаров, не успевших вовремя покинуть город, разъяренная толпа жителей забила до смерти. Холод был такой, что в нашем доме замерзала вода, лопались трубы, и приходилось приносить воду в ведрах с улицы.

В апреле следующего года в Москву прибыла миссия «Свободной Франции». Ее руководитель уговаривал меня вернуться в мое прежнее жилище, но зловоние, распространявшееся по всей округе вследствие отсутствия гигиенических условий и накопившихся отходов во дворах, вынудило меня отказаться от этой мысли. У американцев не нашлось комнаты для меня, а британцы любезно приютили меня

в особняке, в котором раньше жили мои дорогие друзья миссис и мистер Гарри Бостоk, мои прежние прихожане. Позже, когда в столицу стали частично возвращаться сотрудники дипломатического корпуса, пришлось освободить место в этом гостеприимном доме для законных обитателей.

С согласия турецкого посольства, все еще соблюдающего французские интересы, и при поддержке главы миссии Франции, настоящего советофила, я загрузил грузовик своими вещами и взял курс на французское посольство. Его охранял помощник дворецкого, на которого мне указали как на добровольного агента НКВД. Я выбрал квартиру в пристройке, отделенной от основного здания, так как ее было легче обогревать и там стояла самодельная печка из кирпичей и глины с трубой, выводившейся в окно. Так жили многие москвичи, в жилых домах практически не было центрального отопления. Я сам покупал дрова, которые сам же колол и пилил. Один раз мне помогли два красивых молодых человека, молодые летчики, которые были по ошибке откомандированы в Москву. Ожидая приказа о переводе в другое место, они жили в «Метрополе», где отбивались от нескольких «Мат Хари», которые набросились на них по приказу НКВД.

После оплаты и получения талона на несколько кубических метров дров я все еще не мог получить их, так как необходимо было еще проставить на документы печать официальной организации. А так как советский закон запрещал мне, служителю культа, иметь такую печать, я обратился в американское посольство, где получил отказ. Спешу заметить, что многое изменилось в лучшую сторону с тех пор, как послом США стал адмирал Уильям Х. Стэндли. Тогда мне наконец-то поставили печать, я добыл рабочую одежду и грузовик и отправился за дровами вдоль берега реки при двадцатипятиградусном морозе. Чтобы ускорить погрузку, я привез с собой два фунта сахара, который я купил у эвакуированных сотрудников посольства США. Когда заведующий складом увидел это, он сказал, что с таким пакетом в следующий раз можно загрузить целый грузовик дров без всякого разрешения! Таким же образом делалось многое. Я, конечно, не мог согласиться на такое предложение.

В то время когда я жил в пристройке, приехал новый посол. Но прежде, чем, к огромной радости многих, адмирал Стэндли вступил в должность, Бюробин снова выказал мне свое недружелюбное внимание. В это время секретаря американского посольства вынудили сказать мне, что, если меня принимали как гостя в посольстве Франции, пока оно было в Москве, вряд ли Советы будут терпеть это, когда хозяев больше нет здесь! Он

добавил, что Советы хотели использовать это помещение для военного госпиталя (чисто надуманный предлог). И он строго порекомендовал мне покинуть это место, так как я мешаю Советам реализовать их проект.

Я пришел в замешательство, увидев, как американское официальное лицо выступает посредником в таком вопросе, хотя и знает, что французы хотели, чтобы я оставался там, так как правительство Виши через посольство Турции продолжало оплачивать аренду всей территории. Я знал об этом потому, что турки всегда сообщали мне, когда производилась оплата. Мне так и хотелось спросить секретаря, не принят ли он на работу в Кремль в качестве советника. Но вместо этого я ответил, что немедленно освобожу квартиру, если советское правительство вернет мне дом священника церкви Святого Людовика, конфискованный ЧК в 1921 году и ныне занятый НКВД. Это был тот самый сотрудник, который отказался поставить печать на разрешении на покупку дров и распространял слухи о том, что «я прибрал к рукам французский автомобиль». Я не знаю, передал ли он мой ответ в Бюробин так же скоро, как передал мне их сообщение, но я отказался сдвинуться с места.

И тогда наши «доблестные союзники» наказали меня, отключив мне воду, газ, электричество, отопление, телефон, а также отказали в бензине для автомобиля. Я влачил жалкое существование до тех пор, пока не приехал новый американский посол! который понимал, увидев мое положение, что мне, как и всем людям, тоже нужно как-то справляться с холодом и голодом. К моменту разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией было две категории французов в Москве: персонал посольства, который был репатриирован, кроме жертвы упоминавшейся трагедии, и французские граждане, оставшиеся в стране после революции. Последние были депортированы, в основном в Челябинск, и жили в ужасных условиях, считаясь политически интернированными. Я считал своим долгом сообщить об этом вновь прибывшему французскому посланнику. Меня уверили, что им будет уделено особое внимание, а на самом деле в течение четырех лет треть этих людей погибла.

С самого начала мои отношения с посланником были достаточно дружескими, несмотря на то что он был антиамериканистом и антиклерикалом, но эти особенности скрывались под внешней вежливостью и обходительностью. Однажды он пригласил меня на ланч в гостиницу «Националь», где гостем был и советский писатель Илья Эренбург. Вскоре я понял истинную причину приглашения. Меня как католического священника попросили написать текст воззвания к бойцам

католической словацкой дивизии, сражавшейся с Красной армией на юге Украины, призывая их сложить оружие и прекратить борьбу с братьями-славянами. Сделав это предложение, Эренбург чувствовал себя неловко, оказавшись посредником между Кремлем и мной. Но он сломал лед недоверия, сказав, что советское правительство не всегда правильно действовало в отношении меня. Ото ли не высшая степень недосказанности!

Он объяснил, что ситуация на фронте становится критической, ожидается крупное наступление немцев. А словаки причиняют множество проблем, и, возможно, воззвание, если оно тронет их разум и сердца, позволит вывести их из войны. Они пытались, сказал Оренбург, написать воззвание сами, но оно получилось пустым звуком, и не мог бы я согласиться сделать это для них. Более чем кто-либо из иностранцев я знал, что Советы, в отличие от простых русских людей, никогда не были нашими союзниками и никогда ими не будут! В невероятном искаженном восприятии некоторых моих соотечественников в Москве я представал человеком антисоветских (в смысле — антирусских) убеждений. Поскольку я не раз говорил высокопоставленным американским чиновникам, имевшим право знать реальное положение, что Советы никак не являются нашими союзниками, меня просто записали в противники военных действий. В этой связи у меня были неприятности, хотя это было совершенно несправедливым обвинением.

Немного поразмыслив, я сообщил Эренбургу, что согласен написать это воззвание при условии, что мой текст не будет подвергнут дополнениям и исправлениям. Это условие было принято в присутствии французского посланника, организовавшего нашу встречу. Вскоре я представил двухстраничный текст, основная мысль которого базировалась на том, что нацисты в специфической форме продолжают «Культуркампф»[185] Бисмарка. В письме не было низкопоклонства перед Сталиным и восхваления советских идеалов. Я проверил великолепно сделанный перевод с французского на словацкий, одобрил и подписал, как мы и договорились с Эренбургом.

Воззвание передавалось через фронтовые громкоговорители и разбрасывалось с самолетов над территорией, занятой словаками и немцами. Когда мне в конце концов передали отпечатанные копии воззвания, я был настолько занят борьбой за выживание и за то, чтобы приход оставался открытым для богослужения, что я прочитал его только через несколько дней. И с грустью обнаружил, что одобренный мною текст был изменен, но под ним стояла моя подпись! Я немедленно написал Эренбургу письмо

протеста, но он мне, естественно, не ответил. Копия моего протеста, отправленная французскому посланнику, вызвала его протест, и с того момента между мной и французским посланником установились не слишком дружественные отношения.

Его просоветские настроения были настолько явными, что однажды он попросил меня разрешить установить кинокамеру в последней католической церкви России, чтобы записать прекрасное богослужение с многоголосным хором, который нам иногда удавалось приглашать. И хотя посланник ничего не сказал мне прямо, этот фильм был бы показан по всему миру при поддержке ВОКСа, Союзкино и даже Отдела культурных связей МИДа как доказательство свободы католической религии в СССР. И это в стране, в которой из восьмисот священников остался только один! Я, естественно, отказался участвовать в таком обмане, чем вызвал к себе еще более недружелюбное отношение. Это еще больше осложнило мои проблемы, так как вскоре турки должны были передать «Свободной Франции» здание и защиту интересов посольства.

Французская церковь Божией Матери в Ленинграде осталась без священника, но была открыта благодаря смотрительнице, объявившей себя сторонницей де Голля. Славная женщина и другие прихожане требовали, чтобы им предоставили священника для совершения Месс, исповедей и крещений. Несколько раз они писали мне, умоляя приехать к ним. Я стал готовиться к путешествию, заполнял бланки и анкеты, получал заверенные требования в миссии «Свободной Франции». Это была целая операция, так как и Москва, и Ленинград были на осадном военном положении. Я объездил несколько московских контор прежде, чем добился необходимого разрешения покинуть столицу и ехать в Ленинград. Положение там было настолько ужасным, что, как говорили, несколько русских женщин съели собственных детей. Умерших членов семей прятали в уборных и держали при температуре ниже нуля для того, чтобы пользоваться их продовольственными карточками.

Наконец я получил в горисполкоме необходимое разрешение, у меня было все: официальные печати, штампы и одобрения. Я собрал сумку, паспорт, разрешение на постоянное проживание, но вдруг раздался таинственный звонок из НКВД, меня предупредили, что все мои пропуски, автомобильные права и прочее были аннулированы. Я не мог противостоять такому административному препятствию и просто оставил мысль о поездке. Теперь мое время и энергия были направлены на увеличившийся поток русских прихожан, более свободно

приходящих в церковь Святого Людовика благодаря «крестовому походу» Гитлера. Я продолжал жить во французском посольстве.

Открытие второго фронта англо-американскими войсками в Африке, Италии, Франции, Бельгии и, наконец, в Германии вынудило вермахт уйти из России для защиты фатерлянда. Последующие события вызвали приезд в Москву генерала де Голля для ведения переговоров между Кремлем и миссией «Свободной Франции». В следующей главе будут описаны любопытные последствия приезда де Голля в церковь Святого Людовика.

Глава XXX. Генерал де Голль посещает церковь Святого Людовика

Чтобы покончить с враждебностью в отношениях между Францией и СССР, генерал де Голль, возглавлявший французское временное правительство со штаб-квартирой в Касабланке, готовился к историческому визиту в Москву. Будучи настоятелем французской церкви Святого Людовика, я поехал на Курский вокзал приветствовать генерала, приезжающего в сопровождении министра иностранных дел Жоржа Бидо и пятнадцати официальных лиц. Среди них я был счастлив снова увидеть моего доброго друга Жана Лалуа, бывшего секретаря посольства в Москве, прекрасно знавшего русский язык.

Зная, что генерал — воцерковленный католик, в воскресный день его пребывания в Москве мы приготовились с честью принять его в церкви Святого Людовика как главу государства. На возвышении, покрытом ковром, напротив алтарной абсиды поставили кресло, с правой стороны установили кресло для господина Бидо, а слева для французского посланника. Заалтарный образ главного алтаря был украшен французским триколором. Мы приготовили лучшие из оставшихся одежд для торжественной службы и договорились с хором об исполнении песнопений торжественной Мессы. Кроме проповеди, вдохновленной библейскими чтениями первого воскресенья Адвента[186], нашей церкви, много раз подвергавшейся «ограблениям», больше нечего было предложить.

Демонстрируя свое щедрое гостеприимство, МИД предложил генералу гостевой дом, напичканный подслушивающими устройствами. Он вежливо отклонил предложение, ответив, что, поскольку у Франции есть в городе посольство, он намеревается остановиться в нем. К этому времени я вернулся в свое прежнее жилище, спальня де Голля находилась прямо над моей. В церкви все было вычищено, а и без того всегда чистое алтарное покрывало было заменено на новое, нам даже удалось по случаю раздобыть несколько живых цветов. Мы думали, что полностью готовы к приему, но оказалось, что Кремль так не считал. По-видимому, МИД хотел, чтобы гость получил самое благоприятное впечатление от посещения церкви Святого Людовика.

Надо предполагать, что Советы не хотели, чтобы генерал заметил какие-нибудь следы предыдущих опустошений. И накануне утреннего приезда знаменитого генерала развернулась кипучая деятельность. Без единого слова, знака или просьбы с

моей стороны, со стороны попечительского совета или «французской миссии» в церкви спешно появились три бригады: плотников, слесарей и электриков. И хотя мы обычно были лишены электричества, в тот день его подключили, более того, из опасения, что наш дореволюционный подземный питающий кабель выйдет из строя, целая команда техников протянула к церкви воздушную линию. Советы считали, что должно быть много света, чтобы генерал мог читать свой молитвенник!

В церкви много лет работал старый бойлер, который неоднократно ремонтировался, но вырабатывал достаточно тепла, чтобы не дать нам всем замерзнуть. Он шипел, пищал, свистел, издавал другие шумы, не оставляя сомнений в том, что срок его службы подходит к концу, но мы не имели возможности заменить его только потому, что государство не хотело, чтобы у нас появился новый обогреватель. Чем более некомфортно и холодно было в церкви, тем считалось лучше для того, чтобы отбить охоту прихожан посещать богослужения. Но теперь все внезапно изменилось. Кремль хотел, чтобы де Голль, его свита и масса людей, пришедших в тот день в церковь, не испытывали ни малейшего дискомфорта. По этой причине вечером пришли люди и хорошо поработали с нашей печкой. Наложив многочисленные заплаты и затычки в стенах и истратив большую часть запаса наших дров, они так нагрели церковь, что в ней стало вполне комфортно.

Надо сказать, что на следующий год вследствие религиозного наступления Гитлера на оккупированной территории нам не только позволили, но нас даже поддержали в покупке нового обогревателя. А тогда аварийная команда за государственный счет дежурила целую ночь, раздувая пар и останавливая протечки из разрывов по всей поверхности нашей агонизирующей машины. Еще более захватывающим было прибытие огромного количества пиломатериалов, разгруженных перед церковью всего за три часа до торжественной Мессы. Они были предназначены для постройки новой ограды вдоль портика здания. Другие рабочие убирали обшивные доски, которыми мы прикрыли дыру в дубовой панели центральной двери во время пятого «ограбления». В большой спешке производилось устранение всех видимых следов осквернения, пережитых церковью Святого Людовика.

Генерал прибыл ровно в десять часов утра. Тотчас же исчезли плотники со своими инструментами, нигде не было видно остатков обшивных досок. Фасад церкви был вычищен и выглядел опрятно с новой оградой. В гораздо меньшем масштабе и с другой целью, но Советы сделали для церкви то же, что и для одного из зданий Лубянки, — за одну ночь устранили следы разрушения от

бомбы, взорвавшейся в мирное время. Как и предписывалось по ритуалу в подобных случаях, одетый в альбу, столу и ризу, я вышел в центральный проход, чтобы приветствовать главу государства, предложить ему освященной воды и возглавить процессию на вход.

Пилоты эскадрильи «Нормандия» рассаживали прибывших в определенном порядке; торжественная Месса проходила при необычном стечении народа. После чтения Евангелия генералу было предложено поцеловать Миссал, проповедь читалась, конечно, на французском языке. Вся церемония проходила в спокойной благочестивой атмосфере, не нарушаемая криками, обычно сопровождаемыми службу. На следующее утро внешняя электропроводка была снята и электричество снова отключено. Мы продолжали латать наш паровой нагреватель, но ограду разрешили оставить! После этой исторической церемонии в посольстве Франции был дан прием в честь генерала: пригласили почти всех, кроме меня. Первый раз за одиннадцать лет моего пребывания в России меня исключили из списка приглашенных. Я остался в церкви, принимая обычных посетителей в ризнице. Приехав в посольство, я заперся в моей квартире и принялся приводить в порядок церковный архив. Перед самым началом приема ко мне в дверь постучал один из дворецких, сказав, что лично генерал просит меня присоединиться к гостям в зале.

Де Голль проявил любезность и внимание, заметив, что меня нет в зале, и обратил внимание посланника на этот факт. Тот выразил удивление, утверждая, что мое имя присутствовало в списке приглашенных гостей. Генерал де Голль выказал мне еще большее уважение, приказав, чтобы шампанское не разносили до тех пор, пока я не появлюсь среди гостей. Я поднялся наверх, чтобы засвидетельствовать мое почтение высокому гостю, который проявил большой интерес к положению дел в Москве и изъявил желание побеседовать со мной. Он задал мне важные и глубокие вопросы. Я был счастлив, что мой опыт проживания в этой стране мог ему пригодиться. Но только мы начали говорить, как появился работник французской миссии и умышленно встал между нами, очевидно, чтобы помешать нашей беседе. Министр иностранных дел также хотел поговорить со мной, но ему не дали возможности.

Подобные случаи встречались не один раз. Например, когда в 1943 году Москву посетил государственный секретарь США. Я отправился в Спасо-Хаус выразить ему почтение и свои наилучшие пожелания, но мне ответили, что госсекретарь нездоров и не может встретиться со мной. В посольстве я сообщил, что, если госсекретарь захочет увидеть меня, я почту за

честь. И чтобы не было накладок, я сообщил, когда бываю занят в церкви, ведь я не мог в ожидании возможного приглашения закрыть церковь. В последующие дни в посольстве мне сказали, что госсекретарь хотел меня видеть, но меня не было! Неужели мне не могли позвонить или послать за мной домой? Но факт состоял в том, что госсекретарь приехал и уехал, а я так и не повидал его.

То же самое произошло, когда в Москву приехал Дуайт Эйзенхауэр. По-моему, на встречу с главнокомандующим объединенными силами были приглашены все американцы, жившие тогда в столице, кроме американского католического капеллана. Я никогда не рассказывал об этих случаях и сейчас пишу об этом не из чувства горечи и ущемленного самолюбия. Я просто привожу еще один пример странного военного психоза США, о котором я упомянул ранее, рассказывая о побоище в Катынском лесу. Обычно люди не возражают, чтобы им сообщили о пожаре в их доме. Именно об этом я и хотел сказать людям, на которых возложена ответственность за безопасность нашей страны.

Невероятный парадокс состоял в том, что, пока я находился в России, у НКВД было непоколебимое убеждение, будто я связан с военной, экономической, общественной и другими разведками США! Такова была советская оценка моей религиозной деятельности, которая связывала меня с отважными и многострадальными русскими людьми. Некоторые американские официальные лица считали, что после роспуска Коминтерна можно было больше не опасаться за распространение лидерства Кремля на весь мир. Однако исчезновение Коминтерна не означало, что захватническая политика коммунизма перестала отравлять мир псевдофилософией материалистического учения.

За год до роспуска Коминтерна в Москву с кратким визитом приехал влиятельный представитель президента в ранге чрезвычайного посла. В то время товары по ленд-лизу в невероятном количестве наводнили страну, по этому случаю советская пресса открыто восхваляла президента Рузвельта и его миссию в Москве. Однако на закрытых заседаниях эту же самую миссию тайно называли американскими шпионами, сующими нос во внутренние дела Советского Союза. Русские, вынужденные присутствовать на этих закрытых заседаниях, рассказывали мне о том, что советские лидеры действительно думают о США. Они испытывали стыд, но считали своим долгом поставить меня в известность.

Директор ФБР Эдгар Гувер с убийственной ясностью писал о сомнительных делах этих «мастеров обмана». Книга генерала

Джона Дина «Странный альянс» проливает свет на то, как неслыханно вели себя в то время наши «доблестные союзники».

Благодаря моему особому положению я был в курсе того, чего никто не знал, но меня лишили возможности рассказать об этом тем, кто должен был остановить интриги, связанные с распространением коммунизма по всему миру. Однако эта ситуация, умело скрываемая под маской внешних приличий, объясняет определенную реакцию на «судебный процесс», в котором я в последний год моего пребывания в Москве был вынужден участвовать в качестве обвиняемого. Этот случай заслуживает внимания.

Глава XXXI. Я предстаю перед судом в качестве обвиняемого

Из всех «милостей», оказанных мне советской властью, самой эффектной было мое появление в суде по надуманному обвинению о нападении. Самым неприятным было не только то, что лживое обвинение было предъявлено публично, но и то, что вера, которую я представляю, была подвергнута осмеянию и оскорблениям. Также очень неприятно было видеть, что некоторые официальные лица из моих соотечественников поверили обвинению, хотя могли бы предотвратить этот подстроенный позор. Вне зависимости от наличия дипломатического иммунитета сфальсифицированное обвинение остается преступлением. В жизни бывают ситуации, когда человек должен встать на ту сторону, за которой правда, и со всей энергией присоединиться к кому-то, потому что на карту поставлена его честь. Не могу сказать, что я заметил эти моральные качества у людей, чей долг был защищать меня. Или они хотели убрать меня с дороги?

В октябре 1944 года, когда зима уже сковала землю, я все еще жил один в здании посольства Франции. Для защиты от холода я купил дрова, сам пилил и колол их, затратив на это немало сил. Дворник, о котором давно ходили неприятные слухи, тайком пользовался моими дровами, хотя у него было больше возможностей, чем у меня, раздобыть свои собственные через Бюробин. Я закрывал на это глаза и ничего не говорил ему по этому поводу.

Бывая в русских избах при вызовах к больным, я видел, как умирающие люди лежат в кроватях при минусовой температуре, не имея для обогрева ни одного полена. Поэтому я обычно возил с собой пару связок дров из своего запаса, привязывая к машине и складывая их рядом с ней для следующей поездки. Дрова при необходимости распределялись между нуждающимися, подобно тому как это было в вышеописанном случае с приобретением овощей.

Потом начались мелкие неприятности, явно рассчитанные на то, чтобы портить мне жизнь. Например, если я уходил из посольства в необычное для меня время, то, возвращаясь, видел на воротах засов и не мог докричаться, чтобы меня впустили. Невзирая на приличия, я был вынужден перелезать через забор. В моей квартире в главном здании были три внутренние двери, выходившие на задний двор. Внезапно без всякого

предупреждения я обнаружил эти двери заколоченными. С разрешения посольства Турции я пользовался зарядным устройством для моего аккумулятора. И однажды его просто забрали.

А тем временем тот парень продолжал обеспечивать себя моими дровами. Я не придавал этому большого значения, пока однажды не обнаружил, что исчезли две связки дров, приготовленные накануне. Но, чтобы не вызывать проблем, я ничего не сказал. На следующий день повторилось то же самое. Провокации повторялись до тех пор, пока это не стало невыносимым для меня. В этом месте только один человек мог совершить все эти участившиеся безобразия. В одно октябрьское утро я встретил этого человека на лестнице здания, в которое уже начал вселяться посол Франции. Рассерженный и раздраженный, я спросил его, кто взял две связки дров, лежащих у моего автомобиля. Он признался. В результате ссоры я пригрозил расправиться с ним, если это будет повторяться. При этих словах я поднес к его носу кулак, но не ударил его; последний раз я дрался в детстве. Этот тип пробормотал что-то о том, что ему приказывали.

Я сожалею, что не сдержал эмоции и гнев. При мысли о том, что он является человеком НКВД, а посол имеет склонности к «советофильству», у меня возникло предчувствие надвигающейся неприятности. Но я не представлял, чем все это обернется. Вскоре я получил по почте повестку в суд, в которой сообщалось, что я должен заранее прийти в юридическое бюро, где мне скажут, какие мне предъявлены обвинения. И я понял, что колеса советского правосудия крутятся в мою сторону, и это плохой знак.

Я пошел в указанную контору и обнаружил, что на меня завели невероятное, фантастическое дело. Оно состояло из четырех листов на пишущей машинке. Один был из суда, в котором описывалось дело, во втором его детали, заключение рентгеновского снимка и показание, подписанное истцом. Медицинский «документ» удостоверял, что после тщательного обследования обнаружено, что нос истца найден опухшим, что может быть только результатом удара! Я попросил разрешение сделать копию этого дела и все думал, чем же оно может закончиться для меня. Обвинение в оскорблении действием было подкреплено рентгеновским снимком. Все дело было сфабриковано, но явная очевидность этого не имела значения.

Формально меня обвиняли в оскорблении действием, к которому добавили угрозу телесного повреждения. Я действительно угрожал, но неправда была в том, что я ударил его. Обвинение было полностью сфабриковано специально для

того, чтобы повредить моей репутации. Я обратился к советнику посольства США, чтобы попросить его остановить этот позор. Однако мне ответили, что, поскольку у меня нет дипломатического иммунитета, я должен пройти через судебные испытания. Затем было отмечено, что дело может быть остановлено, если я пообещаю уехать из страны!

Бежать означало бы для меня признать свою вину. Я сказал, что ни при каких обстоятельствах не сделаю этого. «В таком случае, отец Браун, вам придется держать ответ». Я сказал, что готов пройти через все, тогда чиновник спросил меня, что же все-таки случилось. Я рассказал ему все подробности, что ссора произошла после нескольких провокаций и что я действительно угрожал тому типу. Кажется, советник не поверил тому, что я рассказал. Он спросил, возьму ли я адвоката, на что я ответил, что буду сам защищать себя в суде на русском языке, так как не хочу придавать делу большее значение, чем оно заслуживает. Явно поверив в мою виновность, советник пригласил в посольство США советского адвоката, чтобы выяснить, каким будет приговор в случае признания моей вины. Это привело меня в депрессию, так как получалось, что он не поверил моим словам. Я был убежден, что меня никак не могут признать виновным в поступке, которого я не совершал. Вместо пожелания удачи мне посоветовали не подавать апелляцию, если приговор будет незначительным! Единственным полезным советом от посольства США была рекомендация читать защитную речь по бумаге, а не полагаться на память.

Тем временем антиамериканский и антиклерикальный посол ни разу не поговорил со мной и не вызвал меня, чтобы выслушать мою версию дела. У меня тоже не было ни малейшего желания встречаться с ним, так как дошло до того, что, сбросив маску обычной вежливости, он сказал мне в лицо, что меня не следовало вообще посылать в Россию. Сразу же после моего разговора с советником посольства США я отправился домой и написал открытое письмо на английском и французском языках. Я лично доставил эти письма в посольства США и Франции, отправив копии своим многочисленным друзьям из дипломатического корпуса и иностранным журналистам.

В письме я заявлял, что обвинения в оскорблении действием полностью сфабрикованы и я готов предстать перед советским судом. Я добавил, что готов встретиться с любыми свидетелями, если они не были подвергнуты моральному и физическому запугиванию. Я был очень хорошо знаком с методами НКВД, поэтому посчитал необходимым вставить этот пункт. Когда я доставил свое письмо в посольство Франции, реакция была не

слишком дружественной. Мне было сказано, что я не вправе обвинять советское правительство, однако я хорошо знал, какими методами тайная полиция добивалась показаний, признаний и лживых обвинений. Тем временем я узнал, что некто был назван единственным свидетелем истца. Этот человек до суда вызывался в НКВД пять раз, где его научили, что надо говорить. Я опасался, что этого свидетеля заставят говорить неправду.

Дата судебного заседания была назначена лишь через несколько месяцев. Эта задержка была связана с визитом де Голля в Москву. Мое открытое письмо вызвало некоторое волнение в колонии иностранцев, и это тоже послужило причиной задержки. Но теперь дата была определена, к я, римско-католический священник, должен был появиться в суде в качестве обвиняемого! У меня не было свидетелей, в суд меня привезли на машине посольства США. Как только я вышел из автомобиля, ко мне подошла женщина и спросила, не я ли преподобный отец Браун. Она попросила меня не заходить в здание, так как судья «болен». Я продолжал идти по направлению к суду, несмотря на то что она пыталась воспрепятствовать мне, продолжая снова и снова повторять, что судья «болен».

Уже в коридоре здания суда я увидел служащего Красной армии, который спросил, в чем дело. Я объяснил, что назначено судебное разбирательство моего дела, и если судья болен, то мне должны выдать бумагу о том, что я явился в назначенное время. Адъютант приказал женщине выдать мне такую бумагу. Я сам продиктовал ей текст и заставил поставить печать и написать свое имя на обычном листе бумаги вместо бланка. Долго ничего не было слышно об этом деле. Затем судья неожиданно выздоровел, и дело закрутилось. У них было достаточно времени, чтобы «подготовить» свидетеля. В этот раз я был вызван в другой суд, в зале присутствовало много иностранцев. Судьей была женщина, и по обеим сторонам от нее сидели двое мужчин, которые явно не знали существа дела, судя по их подремыванию на протяжении всего процесса.

Среди иностранцев, присутствующих на суде, был один секретарь посольства США и двое из французского посольства. Мне было зачитано обвинение, истец повторил текст показаний против меня. Были упомянуты, но не представлены рентгеновские снимки, безусловно, изготовленные в НКВД. Мне предоставили слово, и я спокойно зачитал свою защитную речь, категорически отрицая обвинения в оскорблении действием. Я сказал, что действительно угрожал истцу в случае повторения провокаций, однако под присягой заявил, что не наносил ударов. Там же в суде я заставил истца признаться, что провокации были

результатом приказов, полученных им от «господина министра». Затем вызвали свидетельницу, но, чтобы мое присутствие не «запугало» ее, меня попросили подождать в коридоре, где я покурил, слегка сняв нервное напряжение.

Когда судья спросила свидетельницу: «Вы видели, как отец Браун ударил истца?» — та, много раз наставляемая НКВД, нашла достаточно смелости сказать правду: «Нет, я не видела, что-бы он ударил его». Когда я вернулся на свое место, суд удалился на совещание, которое продлилось около двадцати минут. Главное обвинение было опровергнуто. Все встали для провозглашения приговора — «виновен» с присуждением штрафа в размере 100 рублей! Покидая здание суда, секретарь посольства США спросил: «Отец Браун, вы не собираетесь подавать апелляцию?» Я ничего не ответил, так как сильно сомневался в беспристрастности судебной процедуры, в которой человек признается виновным, несмотря на то что показание свидетеля опровергает заявление истца!

Для меня было облегчением, что «суд» был уже позади, но мне не нравилось считаться правонарушителем, тем более что я заслужил по этому поводу упоминания в советской прессе! У меня было пять дней для подачи апелляции. В посольстве США мне дважды дали понять, чтобы я не делал этого. До того как истекли пять дней, я обратился с письмом в посольство США, вложив в него 100 рублей и попросив, чтобы мой штраф был заплачен через МИД. Я попросил также подать протест от моего имени против ведения судебного процесса, проходившего в присутствии чиновника посольства США. Это письмо я доставил лично. Через несколько дней советник посольства спросил меня, получил ли я письмо от них, добавив, что одно письмо, предназначенное мне, таинственным образом исчезло из посольства.

Я ответил, что письма не получал, но жду ответа на то, которое сам принес в посольство. К этому времени прошло пять дней. Вскоре после этого конверт с письмом, подписанным советником, я обнаружил в почтовом ящике на Борисоглебском. На нем не было марки, но стояла печать и дата советской почты. В нем сообщалось, что протест невозможно предъявить, пока я не исчерпаю все возможности советских законов. И это после того, как посольство США не советовало мне подавать апелляцию! Это письмо, очевидно, было перехвачено в стенах посольства, прочитано тайной полицией, а затем доставлено по почте.

Тем временем меня вызвали в посольство для разговора с одним из многочисленных секретарей посольства. Входя в его кабинет, я увидел, что он держит мое письмо со ста рублями. Он

спросил: «Кто принес письмо?» Я ответил, что принес лично и зарегистрировал в канцелярии посольства. Он сказал: «Заберите обратно, мы не можем принять его». Я отказался забрать письмо, заявив, что оставляю его в делах как доказательство большой помощи, оказываемой американскому гражданину, оказавшемуся в беде. Чтобы не нарушать закон, я заплатил штраф сам и сделал еще кое-что: на русском языке я написал два прошения — в суд и в адвокатскую коллегию — с просьбой продлить срок подачи апелляции и назначить еще одно слушание. Мне быстро ответили, что апелляционный суд готов пересмотреть мое дело в конце августа.

Я тотчас же сообщил об этом советнику США, доставив письмо лично. Он положил письмо в карман пальто, так как собирался уходить, когда я вошел. На второе заседание суда я пошел один. Судья, уже другая дама, выслушала мою просьбу и постановила убрать и приговор, и само судебное дело из архива документов. Через пару дней мне выдали копию оправдательного заключения с печатью и маркой. Узнав об этом, советник посольства написал мне красивое письмо с поздравлениями, сказав, что не знал о моем втором судебном процессе. Посол США отказался встретиться со мной, объяснив отказ тем, что советник рассказал ему об инсценированном процессе, позже при встрече он выразил свою радость по поводу успешного окончания судебного дела.

Поздравительные письма приходили из разных посольств, кроме того, в котором я жил. Новый посол Франции письменно заверил меня, что никто из сотрудников посольства не поверил ни единому слову обвинения против меня. Я объяснил ему, что еще до начала «суда» надеялся, что посольство Франции сделает все возможное, чтобы предотвратить позорный процесс. Когда я уверил его, что само дело было спровоцировано его предшественником, он выразил сожаление, что был не в силах остановить это. Когда это неприятное дело наконец прояснилось, тот, кто подписал показания против меня, признался своим близким, что никогда бы не сделал этого, если бы его не подталкивал к этому работодатель. Об остальном позаботился НКВД. Это был горестный опыт и столь серьезное испытание, что мне пришлось на время прервать исполнение моих обязанностей в церкви Святого Людовика.

После моего возвращения на родину пресса писала, что я решительно отказывался обсуждать эту тему с журналистами. Полушутя-полусерьезно один из них спросил меня: «И все-таки, отец Браун, скажите честно, неужели вы действительно не стукнули того типа?» Нет, здесь я честно рассказал все, как дело

было. Стоит отметить, что скорее всего существовала некоторая связь между этим инцидентом и странным военным психозом, о котором я упоминал. Трудно объяснить определенную официальную позицию по отношению к моей персоне, не принимая это во внимание. К этому времени я, можно сказать, сражался на два фронта. Приближалось «счастливое завершение» моего двенадцатилетнего пастырского служения в прекрасной стране замечательных людей. Я не предполагал оставлять их по собственному желанию.

В конечном итоге у меня были причины думать, что исходным побудительным моментом моего отъезда из России послужил приказ от самого Сталина. По информации, дошедшей до меня, я не без гордости считаю себя чем-то вроде «приложения» к Ялтинской конференции. Постараюсь прояснить это в следующей главе.

Глава XXXII. Встреча после Ялтинской конференции

Имея подробные сведения, которые я получил из несоветских источников, о хорошо финансируемом плане Гитлера по использованию религиозного вопроса в России, было любопытно проследить реакцию Кремля. Эта реакция нарастала сначала на неоккупированной части России и затем повсеместно после открытия второго фронта. А щупальцы поначалу остановленного коммунистического продвижения по миру снова опутали мировые столицы, используя Крест как пробивную силу. И хотя об этом не говорилось в информационных коммюнике Лозовского, предоставляемых иностранным журналистам, первоначальные успехи объединенного религиозного фронта белградского Синода[187], созданного Гитлером[188], были впечатляющими и продуктивными.

Было также правдой и то, что православные иерархи, особенно на Украине, в Белоруссии, Малороссии и в республиках Балтии, переходили на сторону немецких оккупантов. Этот факт сильно озаботил поспешно восстановленную Московскую Патриархию. В нескольких выпусках журнала Патриархии описывалось, как эти духовные лица один за другим приходили к бывшей резиденции германского посла, теперь же резиденции патриарха. Описывалось, как они становились на колени, получали епитимью и вновь принимались в Церковь, которая была восстановлена отчасти благодаря их отступничеству, за которое теперь они были наказаны! Как это ни парадоксально, но такое действительно происходило.

О чем не писал Лозовский, так это о том, каким образом происходила реабилитация. Когда немецкая армия ушла из России, чтобы сражаться на территории Германии, первыми в освобожденных областях появились не солдаты Красной армии, а наводящие ужас отряды НКГБ. Эти ненавистные силы тайной полиции выселяли жителей, сотрудничавших с оккупационными войсками. Они арестовывали также священников, воспользовавшихся успехами «крестового похода», однако с ними обходились осторожно, хотя и решительно давая понять, чей хлеб они едят. Благодаря такому скрытому влиянию была более или менее восстановлена Русская Православная Церковь и уничтожен по заказу Кремля объединенный религиозный фронт белградского Синода.

Внезапно Московская Патриархия при поддержке Кремля

стала организовывать для церковных иерархов неслыханные прежде поездки за границу. Этого не случалось со времени пришествия советской власти. В списке посещаемых городов были Париж, Лондон, Белград, Бухарест, Нью-Йорк и другие американские города. Один православный церковный деятель из Москвы обратился за американской визой, его просьба поддерживалась атеистами из советского посольства в Вашингтоне. Ввиду сомнительной характеристики претендента в визе ему было отказано, но через несколько лет при тех же данных ему выдали визу. Это была еще одна победа, но не Церкви, а режима, использующего ее для своих политических целей. Два года назад на официальных слушаниях в Вашингтоне тот человек под присягой был признан агентом МВД.

Заинтересованность Кремля в благосостоянии и общем благополучии православных священников не была ограничена рамками СССР. Полностью пренебрегая советскими законами, СССР по тайным каналам субсидировал русские монастыри и религиозные сообщества на Святой земле. Более того, в Кабуле местная советская миссия наводнила дипломатический корпус «культурными бюллетенями», в пламенных выражениях описывающими благожелательность Кремля по отношению к Православной Церкви.

В Париже митрополит Евлогий, много лет проживающий в эмиграции, поначалу поверил этому движению. Скорее всего он поддался патриотическим чувствам, как и многие русские эмигранты, читавшие о военных победах СССР. В самой России практически не упоминалось о военной помощи союзников и товарах по ленд-лизу, наводнивших Советский Союз в то время, как Сталин и Кремль опустошили страну, готовясь к войне на протяжении двадцати лет. Когда митрополит Евлогий увидел «серп и молот» за кремлевской реабилитацией Церкви, он произнес два многозначительных слова: «Меня обманули».

Читателю важно понять, что в это время политика Кремля была направлена на то, чтобы убедить внешний мир, что для возрождения Церкви вовсе не было нужды в «крестовом походе» и все разговоры о религиозных репрессиях, арестах духовенства, закрытии церквей, высылке прихожан были вымыслом и антисоветской пропагандой. Если иностранцам требовалась надежная информация, они должны были получать ее у эмиссаров, одетых в церковную одежду, посланных Кремлем через Московский Патриархат, чтобы убедить их в этом. Это легко было «доказать» благодаря многочисленным делегациям советских церковных деятелей, в которые входили в том числе и не православные, но и не католические священники,

путешествующие за границей с неограниченными денежными счетами.

Упоминавшаяся выше книга «Правда о религии в России» является образцом такой пропаганды, предназначенной для корреспондентов Ассошиэйтед Пресс. Чем объясняется это сотрудничество с ложью: легковерием, некомпетентностью или тем самым необъяснимым военным психозом? Пусть об этом судит читатель. Но факт остается фактом: для распространения многих фальшивок по всему миру использовался огромный аппарат иностранной прессы. Выше моего понимания остается участие моих соотечественников во всемирном наступлении кремлевского надувательства. Я бы хотел помочь читателю понять, что заставляло определенные круги США идти в ногу с новой религиозной политикой Кремля.

В апреле 1945 года Вторая мировая война близилась к своему концу. Япония через Кремль, не находившийся с ней в состоянии войны, обратилась с просьбой о капитуляции и мире, но Сталин не хотел, чтобы Япония капитулировала без участия СССР в этом конфликте. Сейчас уже известно, что США согласились на это и даже пригласили Россию к участию вопреки советам некоторых военных авторитетов. Фактически Советский Союз объявил Японии войну и «воевал» пять с половиной дней в то время, когда она была уже полностью подавлена армиями Британии и США. Почему Советам было позволено вступить в войну и воспользоваться ее результатами?

Этот феномен не ограничивался соображениями чисто военного характера, хотя и возник благодаря этому странному альянсу. Последствия его мы видели также и в сфере религии. Я рассказываю только то, что сам видел и слышал по поводу необъяснимого психоза, охватившего даже миссию, с которой я был связан. Я столкнулся с этим непосредственно в Спасо-Хаусе, где четырьмя годами раньше мне предложили поехать отдохнуть домой. После Ялтинской конференции все члены делегации США уехали из Крыма прямо домой, за исключением двух человек: посла и личного представителя президента Рузвельта.

В честь его появления в советской столице был дан прием, на который был приглашен и я. Насколько я знаю, никто не знал о полномочиях этого человека. Какую роль он играл в Ялте? Что он делал в Москве? Должен ли он был выполнить особую миссию? Эти вопросы обсуждались в американской колонии, но ответов никто не знал. Казалось, что его основной деятельностью были встречи с многочисленными православными иерархами, которых Кремль осыпал благодеяниями, неслыханными привилегиями и другими знаками особого внимания.

Теперь резиденция патриарха была роскошно обставлена в частном особняке бывшего посла Германии с палисадником и парком. В здании внезапно появились облаченные в рясы священники, заменившие собой дворецких и лакеев в ливреях. По стенам были развешаны портреты бывших патриархов, вестибюль украшали восьмиконечные византийские кресты и различные религиозные символы. Вновь избранный патриарх Сергий только что переехал сюда из своего бревенчатого дома[189]. Но навряд ли иностранцы, которых сюда возили, умели читать между строк. Все побуждало думать, что так было всегда. И вот в такой обстановке американский VIP-визитер, прибывший из Ялты, имел через переводчика встречу с патриархом. На американского чиновника произвело большое впечатление такое благополучное положение религии.

Похожие встречи проходили в менее роскошных, но не менее убедительных обстоятельствах с участием одобренных Кремлем руководителей церквей, мечетей и синагог, восстановленных в Москве с поразительной скоростью. Каждый из них восхвалял и льстил Сталину на страницах газет, внезапно предоставленных для подобных заявлений. А тот факт, что Сталин письменно пожаловался, что не удалось полностью ликвидировать духовенство, был полностью забыт. Один известный иерарх написал прокламацию, в которой он назвал красного диктатора «Богоизбранным» лидером, идущим навстречу победе! Русские прихожане, комментируя такой полный разворот Кремля, говорили: «Видно теперь, что им Бог нужен».

Американский посланник был также принят кремлевским религиозным инспектором православных церквей Г. Г. Карповым и не православных — И. В. Полянским. Полученная им информация была очень впечатляющей, как и хотел Кремль. Визитер посещал религиозные церемонии в некоторых оставшихся открытыми церквях, заполненных толпами верующих. Ему ничего не говорили об огромном количестве закрытых церквей. Все антирелигиозные музеи были закрыты. Он не знал, что церкви, которые сейчас называются «соборами», стали ими только недавно[190], так как настоящие соборы были взорваны Советами в мирное время! Он слушал хоры, видел изумительно расшитые одежды духовенства и приходил в экстатический восторг!

Американский визитер был приведен в нужную кондицию вследствие того, что увидел и услышал через переводчика. Но в Москве был еще один священник — единственный в своем роде на всю страну, — который не был приглашен на те встречи, и это был я. И хотя посланник посетил церковь Святого Людовика, он

пришел в нее не для того, чтобы поговорить со мной. Но я получил приглашение встретиться с ним в Спасо-Хаусе. На той встрече, продлившейся два часа, больше никого не было. Я не знаю, что ему рассказали обо мне и был ли он предупрежден о моей «предубежденности» против режима. Имел ли он намерение убедиться в моем психическом состоянии? Или ему нужны были объективные выводы о реальной религиозной ситуации, исходящие от того, кто ничего не скрывал, но многое знал?

Я, конечно, не задавал ему этих вопросов, и моя беседа с ним велась в направлении, заданном им самим. В самом начале он сказал, что в Ялте лично Сталин попросил президента Рузвельта о моем отзыве из страны. По его словам, президент ответил на это: «Отец Браун находится в России и останется в России». Почему он сказал мне это? Может быть, сообщение факта, что мое имя было упомянуто двумя выдающимися людьми, было своего рода доверием? Мой собеседник поспешил объяснить, что реакция президента Рузвельта на требование Сталина была определенно негативной. Он уверил, что я могу не волноваться за продолжение моего священнического долга. Он спросил мое мнение об общей ситуации с религией.

Я кратко изложил ему мои взгляды на резко изменившуюся, но хитро рассчитанную новую религиозную политику Кремля. Я настаивал на том печальном факте, что вера вообще и православная религия в частности до нашествия вермахта находилась в состоянии агонии. Я подчеркнул, что Церковь и верующие в высшей степени нуждались в освобождении от религиозных притеснений до начала Второй мировой войны. Все, что я говорил, было полной противоположностью тому, что посланник услышал из уст внезапно освобожденных и ставших необычайно влиятельными представителей всех религий, кроме католической.

То, что я говорил, ему было неприятно слышать. Разве я мог быть прав, единственный, кто говорил такие вещи? У меня создалось впечатление, что посланец Белого дома не хотел слышать правду. Ему не хотелось разрушать прекрасные впечатления, полученные в Москве, которые он собирался везти домой. Что касается состояния католичества, мне было больно сообщить ему о практически полном его уничтожении. Три большие епархии были полностью разрушены, во всей России не осталось ни одного епископа, ни одного священника, ни одной семинарии для обучения духовных лиц. После того как я представил ему печальную, но правдивую картину, я вовсе не удивился, когда он спросил меня: «На что вы жалуетесь? Ведь ваша церковь работает?»

А то, что церковь Святого Людовика осталась единственной во всей стране из 1500 церквей латинского обряда, не произвело на него никакого впечатления. По возвращении в США он может доложить, что в России действуют католические церкви. Заявление будет правдивым и особенно ценным, поскольку исходит от свидетеля, видевшего все своими глазами. Похожее заявление было сделано Лозовским во время переговоров о ленд-лизе с миссией Бивербука — Гарримана в сентябре 1941 года. Единственным, чего США добились от СССР в вопросе религии, было заявление, опубликованное Лозовским, представившее названия вероисповеданий, существующих в Советском Союзе. Четыре года спустя нельзя было отрицать, что фантастический взлет престижа СССР в конце войны внес свой вклад в сотрудничество с Большой Ложью.

Сам я противодействовал такой политике, особенно в то время, когда огромная помощь капиталистического Запада спасла советский социализм от развала. Наша беседа была дружеской, но закончилась в довольно прохладной обстановке. Я не мог согласиться с полуправдой и откровенной ложью, которую провозглашали все представители духовенства, лишь повторяющие по кремлевской указке все то, что было напечатано в книге «Правда о религии в России». Я никогда не сомневался в том, что Сталин хотел выпроводить меня из страны. Я был также убежден, что некоторые люди в Москве и Вашингтоне испытывали по разным причинам подобные чувства. Когда я говорил ответственным официальным лицам не то, что говорили все, я противостоял политике, которую называли по-разному. Некоторые — благодушием, другие — умиротворением, а недавно появился новый эвфемизм — «сдерживание».

Какими же были выводы после той беседы? Я никогда не видел копию пересказа или официального донесения, удостоверяющего, что я лишился рассудка. Я не знаю, Сталин ли настоял на моей высылке из страны? Или мой отъезд явился результатом определенного влияния и интриг? Это так и осталось неизвестным. Однако через одиннадцать месяцев после Ялтинской конференции я вернулся на родину. Об обстоятельствах моей высылки, происходивших в тяжелой атмосфере морального давления и интриг НКВД, читатель узнает из предпоследней главы.

Глава XXXIII. Не надо лететь на этом самолете!

Тот факт, что я остался один не только в советской столице, но и во всей стране, вызывал озабоченность моих религиозных начальников. До войны парижская провинция ассумпционистов неоднократно пыталась прислать в Москву своего человека. Он должен был заменить епископа Пия Эжена Неве, француза по национальности, в качестве настоятеля церкви Святого Людовика Французского. Епископу, уехавшему во Францию в 1936 году по состоянию здоровья, не то чтобы было отказано в обратной визе, ему ее просто не дали. Это было сделано в нарушение МИДом официального обещания, данного до его отъезда. Все усилия Франции оказались безуспешными.

Шел одиннадцатый год моего пребывания в стране, девять из которых я провел в одиночестве, выполняя свой долг. Я был одинок в то время, как еще один французский ассумпционист был недалеко, а я не знал об этом. Это был брат Юдикаэль Николя, арестованный в Одессе, где он во время румынской оккупации начал возрождать один из наших бывших приходов. В тот момент он был узником НКВД, ожидавшим исполнения своего приговора: восемь лет каторги, которые он частично провел в одном из ужасных лагерей Воркуты. Он находился в заключении буквально через улицу, напротив церкви Святого Людовика, погибающий вместе с миллионами россиян в застенках тайной полиции.

Вместе с ним я учился в Лувене, но мы не видели друг друга с начала 30-х годов. Когда я узнал о его аресте, то обратился с просьбой о вмешательстве к французскому посланнику, а позже к послу Франции, но ни он, ни его преемник не добились результатов. Отец Фома, как он был известен, пережил свои восемь лет страданий и три года назад был репатриирован. О своей жизни в советском концлагере он написал со священническим смирением в книге «Одиннадцать лет в советском раю». Рекомендую эту книгу всем, кто хочет знать неприкрытую правду о том, как жили тогда в Советском Союзе двадцать миллионов россиян.

Мой провинциальный викарий в Нью-Йорке написал мне, что планирует прислать мне ассистента. Я был счастлив при мысли, что будет с кем разделить тяготы жизни, что он будет делать то, что я делал для епископа Пия Неве, — его общество будет мне утешением. Я надеялся на благотворные преобразования в моем служении и активизацию жизни прихода. Но мои мечты о

совместном служении не сбылись при получении известия о том, что посол США в Москве вел переговоры о визе для американского ассумпциониста не как моего ассистента, а как преемника; узнав об этом, я вспомнил о встрече с посланником президента. Так вместе сложились кусочки паззла, связанные с высылкой меня из страны.

Было очевидно, что мои руководители-ассумпционисты не хотели, чтобы я уезжал. Но они столкнулись со свершившимся фактом и были бессильны противодействовать посольству США в Москве, которое договаривалось о въездной визе для другого священника при условии, что он заменит меня. Тем временем я получил письмо от провинциального викария, отзывавшего меня в США в силу вышеупомянутых обстоятельств и сообщавшего о предстоящем приезде отца Джорджа А. Лабержа[191]. Я продолжал свою службу в церкви Святого Людовика, навещал больных, отпевал умерших, крестил младенцев, выслушивал исповеди и принимал русских людей, приходивших ко мне в ризницу.

Уже несколько месяцев, как мой «рено» вышел из строя из-за сгоревшего подшипника. Я пользовался бывшим в употреблении маслом, полученным по ленд-лизу, которое продавали после использования на военном заводе. Мой двигатель не перенес его, и я был вынужден пользоваться обычными средствами транспорта для поездок в церковь и по вызовам, которых становилось все больше и больше. И хотя Джек Морган предложил мне свой автомобиль, я старался не пользоваться им. Я ездил трамваями, автобусами, метро и ходил пешком с моей черной кожаной сумкой. Часто в ней были лекарства, полученные от доброго капитана Фредерика Ланга (сейчас он контр-адмирал) для моих больных прихожан. В то время требовался рецепт от «профессора медицины» даже для покупки двух таблеток аспирина сомнительной химической чистоты и лечебного эффекта.

В конце октября 1945 года пришла телеграмма, сообщающая о предстоящем приезде моего преемника. Джек Морган заехал за мной, и мы отправились в аэропорт встречать нового американского капеллана. Вскоре после его приезда посол США Уильям Гарриман пригласил нас обоих на ланч в Спасо-Хаус. Во время приема посол спросил меня, скоро ли я уеду домой. Ввиду того, что мое разрешение на проживание было действительно до 6 июня следующего года, я не чувствовал настоятельной необходимости уезжать немедленно, как, видимо, того хотел посол. На мое замечание, что я могу оставаться до назначенной даты, он ответил: «Этого нет в соглашении». Мне пришлось объяснить, что я должен ввести отца Лабержа в курс дел в церкви и ознакомить его с особой миссией, которая будет ему поручена.

Было согласовано, что я останусь на неопределенное время, за которое я подготовлюсь к отъезду в США. Первым делом я заполнил анкеты для получения выездной визы, как и следовало ожидать, с этим не было никаких проблем. По определенным личным причинам я попросил, чтобы моя виза начала действовать с 24 декабря. Вскоре я получил мой американский паспорт, проштампованный советской выездной визой, действительной для проезда через любую западную границу. В то время можно было лететь только через «Интурист» самолетами «Совфлота». Ни один иностранный коммерческий самолет не летал над СССР, Советы имели монополию на все пассажирские рейсы. В особых случаях пролет разрешался самолетам Британии, Франции или США, если на борту находился посол или другая высокопоставленная персона.

Что же до меня, мои русские знакомые, прошедшие через НКВД, много раз предупреждали меня, что когда их расспрашивали обо мне, то им говорили, что я не выберусь живым из страны. Я слишком много знал и слишком много видел. Во время одного из таких допросов одна девушка сказала офицеру, ведущему расследование: «Он американский гражданин и может выехать из страны когда захочет». Офицер ответил, усмехнувшись: «Мы терпеливы. Рано или поздно мы доберемся до него». Другую женщину арестовали второй раз и поместили в одиночную камеру Лубянки только потому, что нашли у нее Священное Писание. Ее увидели в церкви Святого Людовика и обвинили в передаче мне экономической информации для спецслужб США. Я проходил по их ведомству как профессиональный шпион. Женщине сказали, что они никогда не позволят мне благополучно уехать, что у них на меня заведено большое дело и мне не удастся выскользнуть из их рук.

Русский подросток, помогавший мне в церкви Святого Людовика, несмотря на мой совет этого не делать, тоже имел серьезные проблемы с НКВД. Его не могли арестовать по возрасту, но два агента НКВД отправились в его школу, чтобы «потолковать с ним». Они не возражали, чтобы он посещал церковь при условии, что он будет доносить на меня, информируя о том, кто приходит ко мне в ризницу и о чем я говорю с ними. Они говорили ему, что если он любит свою страну, то не может отказаться от секретной службы. Ему тоже сказали, что я профессиональный шпион на службе правительства США. Мальчик чистосердечно обо всем рассказал мне. Когда он вырос, он пошел служить в армию. Интересно, что в конце службы он поправлял здоровье в госпитале Ливадийского дворца, где позже проходила Ялтинская конференция.

Тем временем, готовясь к отъезду, я хотел провести еще одно Рождество с моей паствой. Была середина ноября, и я надеялся, что кто-нибудь из моих иностранных прихожан будет мне попутчиком по дороге домой. У меня было непреодолимое предчувствие угрожающей мне опасности, и я был наслышан о многих «несчастных случаях» со смертельным исходом, происходивших с людьми, которые мешали или слишком много знали. Например, маршал Сикорский[192] погиб в авиационной катастрофе, как и генерал Леклерк[193]; генерал Паттон[194] был сбит насмерть грузовиком. Все эти военные люди продвигали идею о том, что коммунизм должен быть остановлен. Бывший офицер армии США говорил мне, что задолго до своей гибели генерал Паттон сказал, выступая перед солдатами Третьей армии: «Мы справились с коричневорубашечниками национал-социализма и чернорубашечниками фашизма. Теперь надо, чтобы исчезли рубашки третьего цвета в Москве». После этого при странных обстоятельствах с ним произошел несчастный случай.

Во время всех этих событий ко мне в квартиру однажды вбежала девушка и, запыхавшись, проговорила: «Отец Браун, не надо лететь на этом самолете!» Произнеся эти слова, она убежала. Однако я пока не покупал билетов на самолет и даже не знал, когда точно буду улетать. Девушка знала это, и ее предостережение означало, что следует вообще воздержаться от рейса на каком-либо самолете. Этого было достаточно, так как ее близким другом был офицер НКВД. не бросился с этой вестью в посольство США и никому не рассказал об этом предупреждении. У меня не было никаких доказательств, не более чем тогда, когда мой новый «рено» был разбит машиной НКВД, а милиция сказала, что такого автомобиля вообще не существует.

Ситуация не способствовала душевному спокойствию, тем более что я знал о намерениях НКВД в отношении меня. Я усердно молился и надеялся, что произойдет что-нибудь, что позволит мне улететь на самолете, который не будет под контролем НКВД. Если бы я даже только намекнул, что я могу погибнуть при крушении самолета, несмотря на то что на борту будут многие другие люди, меня сочли бы ненормальным; преобладающий в то время общий психоз настроил и меня на подобный лад.

Мои молитвы были услышаны, и в конце декабря в Москве Молотов созвал конференцию «Большой тройки» с участием Англии, США и СССР. На нее прибывали на собственных самолетах премьер-министр Великобритании Эрнст Бевин[195] и госсекретарь США Джеймс Бирнс. И мне представился счастливый случай, мне обещали рассмотреть вопрос о том, чтобы взять меня

на борт самолета госсекретаря Бирнса. Накануне Рождества в Спасо-Хаусе состоялся прием, на котором присутствовали брат Лаберж и я. Мы пришли поздравить посла Гарримана и поприветствовать наших американских соотечественников. И мне снова повезло, так как представилась возможность поговорить один на один с мисс Кэтлин Гарриман, дочерью посла.

Я просто сказал ей, что мой единственный шанс покинуть страну живым — это лететь на самолете вместе с секретарем Бирнсом и его сотрудниками. Не сможет ли она уговорить своего отца сделать мне это одолжение? Кэтлин обещала сделать все, что может. На следующий день было Рождество, очень напряженный день в церкви. Я плохо спал из-за всех моих проблем. Днем мне удалось позвонить по телефону мисс Гарриман и спросить, есть ли новости для меня; она уверила, что занимается этим делом. Это успокоило меня, и я поспал несколько часов перед тем, как ехать на метро в церковь.

В 8:55 утра я покинул исповедальню и направился в ризницу, чтобы подготовиться к девятичасовой Мессе. Раздался стук в дверь, и показалось улыбающееся лицо: «С Рождеством, отец Браун. Завтра вы уезжаете вместе с нами!» Это был полковник Келли, военный помощник госсекретаря. Я тоже поздравил его, пожал руку и продолжил облачаться, чтобы выйти к алтарю и начать служить первую из трех рождественских Месс. После чтения рождественского отрывка из Евангелия я попрощался с моими прихожанами и с русскими верующими. С этого времени моя ситуация начала меняться: я получил спасающий жизнь рождественский подарок, хотя мое сердце наполнялось сожалением, что я покидаю свою паству. Я мысленно благодарил Господа за его доброту. Мысленно я благодарил Бога, что больше мне не надо опасаться за свою безопасность, хотя я еще не выскользнул из лап НКВД.

Днем того же рождественского дня меня посетил капитан Клет Китинг, командир корабля C-54 Skymaster, прилетевший из Вашингтона со своей командой. Очень приятно было услышать от него: «С Рождеством, отец Браун, я слышал, что вы собираетесь домой вместе с нами. У вас есть багаж?» У меня был сундук еще со времен моей учебы в колледже, второй сундук с книгами, моя русско-английская пишущая машинка «Смит-Корона» и чемодан. Я объяснил, что не собирался брать в самолет весь этот багаж, его можно отправить морем; с собой я мог бы взять самые необходимые вещи. Капитан Китинг сразу ответил: «Вы достойно прожили здесь много времени, и мы хотим помочь вам». Меня только попросили написать мою фамилию на багаже, который забрали в тот же день.

Затем капитан спросил: «Ваш паспорт готов?» Он взял его, сказав: «Мы положим его вместе с нашими официальными паспортами и посмотрим, что будет». Конференция еще продолжалась, но отъезд был назначен на 8:30 следующего утра. Предполагалось, что я не буду ложиться, буду наготове в ожидании звонка из посольства США и что за мной пришлют машину. В 4:30 утра мне сказали, что я могу немного поспать, но из предосторожности не должен выходить из дома. Утром 27 декабря советник посольства передал, что за мной заедут в 7:30. Отпевание в церкви помешало отцу Лабержу проводить меня в аэропорт. Я попрощался с ним дома, дал моей верной экономке последнее благословение, потрепал моего верного пса Пакса и пошел к ожидающему меня автомобилю.

Все последние дни, с того момента, как я начал собирать вещи, Пакс чувствовал, что происходит что-то особенное. В то утро моего отъезда первый раз за семь лет он не пошел провожать меня до дверей. Если бы я знал, что он ненадолго переживет меня, я бы, конечно, взял его с собой. В аэропорту госсекретаря Бирнса провожала длинная вереница сотрудников МИДа и иностранных дипломатов. Будучи его гостем, я тоже был вынужден идти вместе с ним, пожимать руки и со всеми прощаться. Последними, с кем я говорил на российской земле, были Вячеслав Молотов и Яков Малик[196].

Через несколько минут после заданного времени вылета мы уже были в воздухе. В проходе рядом с моим местом специально выделили место для моего тяжелого багажа. Я был в надежных руках, во время всего путешествия секретарь Бирнс оказывал мне постоянное внимание. Спустя годы он писал, что «тайно вывез» меня из Советского Союза. Через несколько часов самолет приземлился в Неаполе. Благополучно выбравшись из СССР, я намеревался дальше лететь самостоятельно, чтобы не вмешиваться в планы госсекретаря. Но мой любезный хозяин и слышать не хотел об этом: «Отец Браун, мы летим прямо домой, и вы останетесь с нами до самого Вашингтона».

Длительный полет облегчали промежуточные остановки в Касабланке, в Африке, на Азорских островах и Ньюфаундленде. 29 декабря мы благополучно приземлились в столице, и я первый раз за много лет ступил на родную землю. Меня встречали мой самый близкий друг Майкл Фрэнсис Дойл из Филадельфии и отец Эме Дешам из Колледжа Успения. Мой старший брат Альфред, недавно вернувшийся после службы в Военно-морском флоте США, по ошибке поехал в аэропорт Нью-Йорка.

Для встречи в столице госсекретаря Бирнса собрались представители прессы. Один из корреспондентов сразу же

предложил мне соблазнительный контракт за «историю» на три журнальных статьи, другой уже протянул для подписи договор с не менее лестным предложением. Во время моего первого обеда в США поступило третье — описать все, что происходило со мной. Я отклонил все, абсолютно убежденный в том, что несколько сенсационных статей не решат основной задачи. Я уверен, что если бы я не уехал из страны таким способом, то меня уже давно не было бы в живых. И я не рассказал бы всего, что запомнил из двенадцати лет, прожитых мною в России.

Глава XXXIV. Эпилог

Было установлено, что СССР нарушил более пятидесяти договоров, заключенных только с Соединенными Штатами. В 1933 году Максим Литвинов официально обещал президенту Рузвельту при подписании договора, что советское правительство не допустит в своей стране существования организаций, целью которых является свержение правительства США. В июле 1935 года посол США Буллит официально заявил протест против созыва в Москве Седьмого Всемирного конгресса Коминтерна, на котором среди прочих обсуждался вопрос смещения правительства США. Советский МИД отклонил ноту под тем предлогом, что он не контролирует работу Коминтерна. Во время Второй мировой войны Кремль распустил Коминтерн, чтобы добиться увеличения поставок по ленд-лизу и усыпить бдительность союзников. Едва ли в то время кто-нибудь заметил, что заявление о роспуске Коминтерна было подписано в СССР теми же, кто прежде заявлял, что не контролирует его!

Комментаторы и специалисты по новостям из СССР в 1960 году называли Совещание коммунистических партий, состоявшееся в Москве, либо конференцией на высшем уровне, либо идеологическими советско-китайскими переговорами. На самом деле московская встреча, проходившая за закрытыми дверями, была в действительности Восьмым конгрессом Коминтерна, который состоялся после встречи в ноябре 1957 года по случаю 40-й годовщины революции. Встреча 1960 года по своим целям была аналогична той, которая состоялась в 1935 году. Тогда Коммунистический интернационал существовал де-факто и де-юре, а в 1960 году «ликвидированный» де-юре Коминтерн все еще продолжал действовать де-факто. В 1935 году на съезде присутствовало 65 из 67 компартий, а в 1960 году в дискуссиях участвовала 81 из 87 партий. В 1935 году конгресс длился двадцать семь дней, а в 1960-м — еще на три недели дольше.

Сталин ликвидировал фиктивную сторону старого Коминтерна, то есть его название, штаб-квартиру, президиум и исполнительный комитет, но реальная деятельность руководства, выполняющего приказы из Москвы, осталась неизменной. Бывший президиум и секретариат Коминтерна в настоящее время действуют через иностранное бюро Центрального комитета Коммунистической партии. Эти сравнения и наблюдения показывают, что кремлевская ложь продолжает распространяться по всему миру.

Из всего вышесказанного должно быть ясно, что коммунизм не должен рассматриваться лишь как экономическая формация или социально-политическая система. Он разъедает основы человеческого общества, навязывая свое материалистическое видение жизни, правления и человеческих судеб, глядя на все, не отрывая глаз от земли и материальных вещей. Духовное зло коммунизма как социального учения, отрицающего Бога и постоянно сражающегося против религиозных устремлений человечества, должно быть уже очевидным для всех думающих людей. Терроризм мысли, сердца и души глубоко порабощает людей, против чьих религиозных убеждений с дьявольским упорством сплачивают ряды советские атеисты.

Послесловие

27 декабря 1945 года отец Леопольд Браун, передав дела новому настоятелю, выехал из Советского Союза, вернувшись в США глубоко изменившимся человеком. Борец по природе, теперь он таял, как свеча, подожженная с обоих концов. Только через два года он оправился от московских испытаний и смог вернуться к священническому служению: его берегли, не поручали дел, требовавших много сил. Похоже, вся его жизненная энергия ушла на эти двенадцать лет, проведенных в Москве в качестве капеллана американского посольства и настоятеля церкви Святого Людовика, и до самой смерти его преследовали воспоминания о страшных годах сталинизма. Он написал мемуары, свидетельствуя в них об ужасах коммунизма. 18 июля 1964 года этот исповедник веры скончался.

* * *

26 октября 1945 года в Москву прибыл священник-ассумпционист Джордж Антонио Лаберж[197], американец французского происхождения, став настоятелем церкви Святого Людовика Французского. С победоносным окончанием войны у верующих появились надежды на смягчение религиозной политики властей. Весной 1946 года в церкви Святого Людовика Французского прошло первое послевоенное празднование Пасхи, и Алиса Отт написала об этом епископу Пию Неве: «*В Пасху 1946 года, впервые с 1923 года, мы звонили в колокола. Это было удивительно для всех. Многие плакали. С тех пор мы расплачиваемся за это каждое воскресенье*»[198]. Расплата за «дерзость» была тяжелой, об этом Алиса Отт позднее писала уже из лагеря: «*Когда я приходила во французскую церковь, то меня ежедневно встречали двое мужчин, которые расхаживали по двору и ко мне обращались со следующими словами: „Мы скоро закроем твою церковь, а тебя арестуем“*».

Весной 1946 года «железный занавес» задернулся окончательно, и в стране началась новая истерия шпиономании. США превратились в главного врага, так что с первых же дней пастырского служения отца Антуана чекисты собирали компромат о его «*антисоветской деятельности*». Об этом регулярно информировали те же «добровольные помощники» в доме и в церкви, правда, «господина профессора» уже не было, его отправили в лагерь. Горничная отца Антуана показала, что

знает его как «*антисоветски настроенного человека*», что «*ему не нравится советский строй, что советская власть содержит в тюрьмах много народа, пострадавшего от большевиков*», что, показав на здание НКВД на Лубянке, он заявил — «*здесь томятся жертвы большевиков, нужно за них помолиться*». И они в церкви молились за этих жертв. На другом допросе она показала, что летом 1946 года отец Антуан Лаберж в присутствии нескольких французов, приехавших в СССР и посетивших его квартиру, «*интересовался экономическим положением населения в Советской стране, получаемой заработной платой рабочих, существующими нормами продуктов и ценами на них*».

Далее она утверждала, что мать и дочь Отт постоянно посещали Лабержа, и он как-то сказал ей, что Алиса Отт «*очень наблюдательна и осторожна, усиленно наблюдает за всеми лицами, присутствовавшими во французской церкви, и докладывает ему о появлении в церкви агентов НКВД*». Относительно поведения в церкви этих агентов Алиса Отт написала подробно уже из лагеря: «*Они проходили в середину церкви, выбирали скамьи возле прохода, садились и вели наблюдение за интересующими их лицами. Эти люди часто поворачивали головы по сторонам, иногда сидели на скамье, закинув ногу на ногу, и разговаривали, и делали это часто в те моменты, когда нужно было стоять на коленях, — этим самым выдавая себя. Особенно хорошо это наблюдалось сверху, где был хор и где мы с дочерью пели*».

Уборщица церкви Святого Людовика привела на допросе слова Алисы Отт, сказанные ею после воскресной Мессы: «*Сегодня очень грязно, здесь было много народа и среди них много агентов НКВД, которые всегда бывают в церкви, когда ее посещают иностранцы*». Студентка Института иностранных языков подтвердила позднее на следствии, что она «*на протяжении ряда лет поддерживала преступную связь с разведчиком Лабержем, посещала его квартиру и передавала ему клеветническую и шпионскую информацию о Советском Союзе*». Учительница русского языка утверждала, что по своим взглядам Лаберж «*антисоветски настроенный человек*», что он постоянно занимается «*шпионской работой и во время уроков русского языка выпытывал различные сведения о советской действительности, а также интересовался, в каком объеме преподается военное дело в институтах*». Мало этого, она даже заявила, что отец Лаберж, разъезжая по городу в своей машине, «*ведет личное наблюдение за интересующими его объектами*».

О том, что отец Антуан продолжает помогать монахиням из Малоярославской общины, стало известно от «свидетеля»,

который сообщил, что тот «*очень интересовался подробностями содержания осужденных сестер-доминиканок*»[199], кроме того, постоянно интересовался жизнью сестер-доминиканок и в случае их отсутствия на праздничных службах передавал через знакомых, чтобы они «*посетили костел в определенное время*». Постоянная материальная помощь сестрам-монахиням позднее в «Обвинительном заключении» по их групповому делу была представлена по-другому: «*По заданию Лабержа среди населения проводили антисоветскую агитацию, собирали и передавали сведения шпионского характера, за что получали денежное вознаграждение*».

Позднее сестра-монахиня Антонина Кузнецова вынуждена была подтвердить, что письма заключенных сестер из лагерей и ссылок, которые, на ее взгляд, «*представляли наибольший интерес*», она давала читать отцу Антуану (а ранее отцу Брауну). В материалах следствия это признание превращалось в показание якобы «свидетеля», что обвиняемая Кузнецова «*поддерживала преступную связь с настоятелем костела в Москве*» Антуаном Лабержем, причем эта «связь» была представлена следствием как «*шпионская деятельность в пользу Ватикана*».

Священническая служба отца Антуана становилась практически невозможной: открытое наблюдение за всеми его встречами, постоянные провокации со стороны властей ясно давали понять, что вопрос высылки его из страны практически решен. Следствие уже готовило «*Справки на Лабержа Антонио, 1905 года рождения, француза, члена ордена ассумпционистов, подданного США, бывшего священника американского посольства в Москве*»[200]. В первой «*Справке по архивному делу № 39967*» значилось: «*Лаберж имеет постоянный контакт с советскими гражданами, от которых получает информацию*». Далее утверждалось, что в своей деятельности он «*имеет большой успех, и Ватикан остается довольным полученными сведениями*». Во второй «*Справке по архивному делу № 301019*» значилось: «*По материалам дела Лаберж с момента вступления в 1946 году в обязанности настоятеля польского костела стал проводить антисоветскую разведывательную деятельность, привлекая к этому католиков из числа советских граждан. Общаясь с советскими гражданами, Лаберж обрабатывал их в антисоветском духе и, как правило, интересовался кругом вопросов, далеко выходящим за рамки религиозных тем*». Результатом этого компромата стал вынужденный выезд священника Джорджа Антуана Лабержа из Советского Союза весной 1947 года.

* * *

Священник-ассумпционист Жан Тома[201] прибыл в Москву 23 мая 1947 года. Работы в церкви Святого Людовика Французского настоятелю хватало, а помощников практически не осталось: к этому времени были арестованы многие прихожане. Власти начали процесс «вывода» прихода из-под покровительства французского посольства, которым храм пользовался с 20-х годов. 6 декабря 1947 года была арестована староста церкви Алиса Бенедиктовна Отт, после увода из квартиры матери в тот же день была арестована и дочь, Алиса Альбертовна Отт. Оправдались слова Алисы Отт, переданные епископу Пию Неве: «Мы не живем, мы сгораем»[202]. Следствие велось под непосредственным руководством министра НКГБ Абакумова, с ним Алиса Отт встретится на одном из допросов и напишет об этом из лагеря: «*Он тоже стал требовать от меня признания в шпионстве в пользу Ватикана, Франции и Америки. Не добившись, стал угрожать, что арестует мою дочь. Я тряслась за свою дочь, но и не верила в такую жестокость*»[203]. Мать не подозревала, что дочь Алиса была арестована в тот же день. Дни и ночи шли допросы: сначала во внутренней тюрьме на Лубянке, позднее — в Лефортовской тюрьме, где было больше возможностей для «экспериментов» над заключенными, так что следствие по делу затянулось до августа 1948 года. Страшным кошмаром для Алисы Отт и ее дочери стал «конвейер» допросов с 28 по 31 марта: с 12 часов ночи до 6 часов утра и вновь с 12 часов дня до 17 часов вечера.

Серьезные показания против матери и дочери Отт дали многие «свидетели»: бывшая домработница, девушка-прихожанка, по заданию чекистов встречавшаяся с секретарем военного атташе Франции; вывезенный для допросов из лагеря «господин профессор»; досрочно освобожденная прихожанка, бывшая сексоткой, но расшифровавшая себя в начале войны и осужденная за это в лагерь. Многие из «свидетельниц» позднее, в 1948 году, будут арестованы по стандартному обвинению в шпионаже и отправлены в лагерь. Но сейчас они свидетельствовали. Например, полуграмотная домработница, понимавшая лишь русский язык, подписала «свои показания» о разговорах в доме на французском языке.

Именно в отношении Алисы Отт и ее дочери «господин профессор», привезенный из лагеря, отличился особо необузданной фантазией в своих «свидетельских» показаниях: «*Отношения с Отт у меня были весьма сердечны. Впоследствии у нас были личные симпатии, и наши взаимоотношения приобрели*

романтический характер. Она приглашала меня бывать чаще в церкви, справлялась о моем здоровье, устраивала мне свидания с Брауном вне очереди». Когда Алисе Отт прочли эти показания на очной ставке, она так прокомментировала свои «близкие» отношения с ним: «*Я с ним никогда не была знакома. Человек был отталкивающий, липкий, заискивающий. Ко мне подходил как к заведующей, когда спешил, чтобы я попросила священника принять его без очереди*».

Позднее, на допросах в 1956 году показания сексота значительно отличались от прежних, «свидетельских» и помогают понять, в каком направлении велось следствие после войны в отношении Алисы Отт: «*От органов НКВД я имел задание давать информацию и в отношении Отт, которая, по данным НКВД, якобы являлась агентом Неве по сбору шпионских сведений*». Следователи ее отношение к советской власти и «шпионскую работу» в пользу Ватикана связали с гибелью в лагере ее мужа, Альберта Отта, сведения о смерти которого она получила как раз во время войны. Именно это подчеркивал в своих показаниях сексот: «*После потери мужа Отт еще больше возненавидела советский строй, и эта ненависть вдохновляет ее на антисоветскую работу*».

Одна из выдумок сексота, по-видимому, особо заинтересовала следствие, так что показание было даже подчеркнуто в протоколе допроса и использовано в «Обвинительном заключении»: «*Отт я знаю как озлобленного человека. Она предпочитала германский порядок Советскому правительству, о чем несколько раз говорила мне лично*». В мае 1948 года обвиняемой Алисе Отт прочли эти показания, и она гордо ответила на эту мерзость следователю: «*Я — француженка. Уже третья война, как большая часть мужчин в моей семье убита и искалечена немцами». «Я желала только одного и с самого начала войны верила в это — победу Советской Армии*».

Молодая сексотка заявила, что летом 1947 года она присутствовала при разговоре отца Жана Тома и Алисы Отт и что последняя «*вводила Тома в курс советской жизни, при этом высказывала разные клеветнические вещи*». А студентка исторического факультета МГУ, также работавшая на чекистов, показала, что в декабре 1945 года в связи с отъездом отца Леопольда Брауна из Советского Союза она «*была передана на связь американскому разведчику Лабержу, а потом и Тома, по заданию которого продолжала вести разведывательную работу против Советского Союза*». Так что на настоятеля церкви Святого Людовика, отца Жана Тома компромат уже собирался, хотя он об этом и не подозревал.

15 марта 1948 года следователю пришлось срочно прервать допрос Алисы Отт, дочери заведующей церкви Святого Людовика. На полях протокола причину отсутствия подписи допрашиваемой он пояснил «*странным поведением обвиняемой: бессвязными речами и разговором с погибшим ранее отцом*». До этого Алиса Отт отказывалась подписывать обвинения, несмотря на угрозы и издевательства, помещение в ледяной карцер и неоднократные инсценировки расстрела. Возможно, начало психического заболевания было связано с обвинениями, подписанными сексотом, «*в интимных связях ее со священниками*», непереносимыми для глубоко верующей католички, либо инсценировками расстрела. 29 марта 1948 года обвиняемая Алиса Альбертовна Отт была направлена на экспертизу в Институт судебной психиатрии. Заключение медицинской комиссии института гласило о «*душевном заболевании в форме шизофрении*» и о необходимости направления ее на принудительное лечение в психиатрическую спецбольницу МВД.

Несмотря на постоянное давление, угрозы ареста дочери, конвейер допросов и неоднократные помещения в карцер за отказ от сотрудничества со следствием, Алиса Бенедиктовна Отт не подписала предъявленного ей обвинения в шпионаже. Позднее, из лагеря она в одном из заявлений объяснила это так: «*Я не могла фальшивым признанием быть причиной ареста и несчастья сотни людей, которых я встречала за столько лет работы в церкви и во французском посольстве*». 28 августа 1948 года Алиса Отт, женщина-инвалид шестидесяти двух лет, была приговорена к 15 годам лагерей. И хотя следствие настаивало на отправке ее в особый каторжный лагерь, она попала сначала в общий, а позднее — в инвалидный лагерь, где и встретилась с прихожанками, подписавшими против нее все обвинения на следствии и также отправленными в лагерь «за шпионаж».

* * *

После ареста старосты церкви Алисы Отт с дочерью и других прихожан новая приходская «двадцатка» в основном состояла из одних иностранцев, чего и добивались власти. 23 мая 1950 года, несмотря на дипломатические усилия, церковь Святого Людовика у посольства Франции отняли. Переговоры французского посольства с МИДом СССР ни к чему не привели, протестовать было бесполезно: церковь, настоятель которой и «двадцатка» приходской общины — иностранцы, представлялась властям просто аномалией, и формально это противоречило закону. Отец

Жан Тома попытался собрать новую «двадцатку» приходской общины из представителей дипломатического корпуса, но власти не признали ее, требуя собрать «двадцатку» советских граждан.

Затем была организована новая «двадцатка» приходской общины, в нее вошли «проверенные» прихожане. Именно ей и была передана церковь Святого Людовика Французского, новых хозяев, естественно, не устраивал настоятель-иностранец, им вменялось в обязанность просить назначения в приход нового настоятеля, но только у епископа, проживающего на территории страны. Они обратились к архиепископу Рижскому, и с его помощью в храм был приглашен новый священник. У отца Жана Тома отобрали ключи от церкви и исповедальни. 25 августа 1950 года он совершил последнюю торжественную французскую Мессу, а 28 августа он покинул Москву.

С этого момента в храме богослужения проводили советские священники, направляемые в Москву архиепископом Рижским. Прихожане в основном были католики польского происхождения, которых в Москве было более двадцати тысяч. Храм был всегда открыт для богослужений, он являлся витриной, демонстрируя иностранцам — дипломатам и туристам — религиозную свободу в СССР, распространяющуюся и на католиков.

Приложение I. Биографические справки упоминаемых лиц, подвергшихся репрессиям

АБРИКОСОВ Владимир Владимирович, родился в 1880 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Во время поездок по Европе приблизился к католичеству, стал изучать богословие. В 1909 — принял католичество, в 1913 — вступил в новициат терциариев-доминиканцев, обеты принес в Риме. 31 мая 1917 — рукоположен в священника восточного обряда, 5 апреля 1918 — назначен настоятелем прихода русских католиков, духовник монашеской общины. 17 августа 1922 — арестован в Москве и приговорен к ВМН. В сентябре приговор заменен на бессрочную высылку за границу, и 29 сентября выехал из России. В декабре он прибыл в Рим как представитель экзарха русских католиков и передал Папской Комиссии «Pro Russia» сведения об осужденных в России католических священниках и мирянах. Назначен Ватиканом прокуратором экзарха, в 1924 — выехал в Париж, организовал Комитет русских католиков. 22 июля 1966 — скончался в Париже.

АБРИКОСОВА Анна (Екатерина) Ивановна, родилась в 1882 в Москве. Через девять дней после рождения осталась полной сиротой; воспитывалась с братьями в семье дяди. В 1903 — окончила Гартонский колледж Кембриджского университета, в 1903 — вернулась в Россию. Вышла замуж за Владимира Абрикосова. 20 декабря 1908 — перешла в католичество в Париже; в 1910 — вернулась с ним в Москву. В 1913 — принята в новициат Третьего ордена Св. Доминика под именем Екатерина. 19 февраля 1921 — после рукоположения мужа на их квартире основана женская община сестер-терциарок ордена Св. Доминика; вскоре стала игуменьей общины. Весной 1923 — после высылки мужа за границу возглавила общину русских католиков. В ночь с 12 на 13 ноября 1923 — арестована «как руководительница Московской контрреволюционной организации». 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Екатеринбургский, позднее — в Тобольский и Ярославский политизоляторы. В мае 1932 — вывезена в Бутырскую тюремную больницу для проведения операции. 9 августа 1932 — освобождена досрочно с запретом проживания на 3 года (-12). Проживала в Костроме, приезжала в Москву для консультаций с врачом, посещала богослужения в церкви Святого Людовика

Французского и исповедовалась. 5 августа 1933 — арестована в Костроме, вывезена в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Ярославский политизолятор. В июне 1936 — переведена в Бутырскую больницу. 23 июля скончалась, тело кремировано 27 июля.

АВГЛО Петр Иосифович, родился в 1861 в Ковенской губ. Окончил духовную семинарию, в 1887 — рукоположен. Служил в приходе в Двинске, с 1888 — в Мстиславле, с 1896 — в Смоленске, с 1921 — в Петрограде и окрестностях. В 1923 — арестован, оправдан судом и освобожден. С 1924 — настоятель прихода в Витебске, в 1927 — провел в тюрьме 6,5 месяца. Настоятель прихода в Могилеве. 13 июня 1937 — арестован. 25 августа приговорен к ВМН, 27 августа скончался.

АКУЛОВ Игорь (Епифаний) Александрович, родился в 1897 в Корчевском уезде Тверской губ. В 1918 — окончил реальное училище, работал конторщиком на Николаевской железной дороге. С июня 1919 — служил в Красной армии. В январе 1920 — после демобилизации вернулся в Петроград и открыл мелочную лавку, но вскоре оставил торговлю. С 1920 — послушник в Александро-Невской Лавре, с апреля 1920 по август 1922 — учился в Богословском институте. 2 июля 1921 — пострижен в мантию с именем Епифаний. После встреч с католиками восточного обряда и знакомства с экзархом Леонидом Федоровым перешел в католичество. Летом 1922 — рукоположен в священника восточного обряда; с августа служил викарием в церкви Сошествия Св. Духа. В мае 1923 — арестован, через месяц освобожден. 29 ноября 1923 — арестован по групповому делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюремного заключения и отправлен в Александровский изолятор под Иркутском. В 1927 — досрочно освобожден и выслан в Назимовский район Сибири. В 1933 — освобожден из ссылки, с июля служил в католических церквях Ленинграда. В апреле 1935 — арестован, но вскоре освобожден. 26 июля 1937 — вновь арестован за «антисоветскую деятельность по указанию польского консульства и Ватикана». 25 августа 1937 — приговорен к ВМН и 27 августа расстрелян.

АЛЕКСАНДРОВ Николай Николаевич, родился в 1884 в Москве. Окончил Московское техническое училище, с 1912 — работал инженером-технологом в фирме «Сименс-Шуккерт» в Германии, там же принял католичество. С июля 1913 — работал в городской управе Москвы, с 1914 — заведовал трамвайными мастерскими, с 1917 — работал инженером Главтопа. Вступил в Абрикосовскую общину католиков восточного обряда, помогал

настоятелю прихода Владимиру Абрикосову. В 1918 — арестован «по делу белогвардейской организации», 27 декабря освобожден. Принял монашеский постриг с именем Петр. В августе 1921 — рукоположен в священники восточного обряда, позднее — заместитель экзарха русских католиков. С сентября 1922 — возглавил приход русских католиков в Москве. В ночь с 12 на 13 ноября 1923 — арестован по групповому делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюремного заключения и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, с лета 1925 — работал инженером эксплуатационно-коммерческого отдела, позднее — помощник заведующего электростанцией. Переведен в Белбалтлаг, в 1934 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Дмитрове Московской области, работал инженером Управления «Москва — Волгострой». В 1935 — арестован, 29 декабря приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 29 мая 1936 — скончался в центральном лазарете в Кремле на Соловках.

БАУМТРОГ Августин Иванович, родился в 1883 в Ровненском уезде Самарской губ. В 1907 — окончил Саратовскую духовную семинарию, в 1909 — рукоположен. В 1911 — окончил университет в Инсбруке, с 1911 — служил викарием прихода в Саратове, с 1912 — ректор духовной семинарии, с 1914 — настоятель прихода на Кавказе. С 1917 — администратор прихода в Ровненском деканате. В августе 1919 — после разгрома восстания немцев-колонистов Поволжья перешел на нелегальное положение. В 1922 — вернулся в Саратов, настоятель прихода в Астрахани. 23 мая 1926 — назначен Апостольским администратором для католиков Поволжья. 13 августа 1930 — арестован по групповому делу немецкого католического духовенства. 20 апреля 1931 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Покровский лагерь, затем — в Соловецкий лагерь особого назначения. В марте 1937 — скончался.

БЛЕХМАН Болеслав Константинович, родился в 1876 в Сувалковской губ. В 1899 — окончил гимназию, в 1903 — Житомирскую духовную семинарию, в 1903 — рукоположен. Учился в духовной академии, с 1905 — законоучитель учебных заведений в Житомире, с 1906 — администратор прихода Ковельского деканата, с 1909 — законоучитель школ в Луцке, с 1914 — администратор прихода в селе Мотовиловка Киевского деканата, с 1916 — военный капеллан в Киеве, викарий прихода Св. Николая и законоучитель средних учебных заведений, преподавал также в нелегальной школе для польской молодежи, с 1917 — настоятель приходов в Ирпене, с 1920 — прихода в

Бышеве, в 1923 — в селе Крымок Киевской области, позднее — декан в Радомышле. С 1927 — викарий прихода в Киеве, проводил также богослужения в греко-католической церкви; Апостольский администратор Житомирской епархии. 29 августа 1933 — арестован как «участник контрреволюционной организации». 24 февраля 1934 — приговорен к 3 годам ИТЛ, в июне отправлен в Карлаг. 29 мая 1936 — освобожден и выслан в Орджоникидзе. 2 декабря 1936 — арестован, 2 ноября 1937 — приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества и отправлен в лагерь.

БУДКЕВИЧ Константин Ромуальд Юлианович, родился в 1867 в Зубрах Двинской губ. С 1882 — учился в прогимназии в Кельцах, с 1883 — в классической гимназии в Люблине. В 1889— окончил духовную семинарию в Петербурге, в 1893 — духовную академию со степенью магистра богословия. 26 сентября 1893 — рукоположен; викарий и законоучитель в приходе Св. Троицы в Пскове, с 1896 — законоучитель мужской и женской гимназий в Витебске, с 1903 — викарий, с января 1904 — вице-настоятель, с сентября 1905 — настоятель храма Святой Екатерины Александрийской в Санкт-Петербурге. С апреля 1908 — декан Петербургский, с июня 1910 — почетный каноник Могилевской архиепархии; с 1918 — прелат и генеральный викарий. Выдающийся организатор и общественный деятель; благодаря его помощи более двух тысяч молодых людей получили образование; опекун нескольких приютов. В 1914 — заместитель, затем председатель Польского общества помощи жертвам войны; с 1917 — руководитель Польского гражданского комитета, помогавшего беженцам-полякам. В 1922 — профессор подпольной духовной семинарии в Петрограде. В феврале 1922 — совершил тайную передачу ценностей собора Св. Екатерины в представительство Польши; вел в Москве переговоры с советскими властями о создании условий существования Католической Церкви в СССР. 10 марта 1923 — арестован по групповому делу католиков, обвинялся «в шпионаже в пользу другого государства, в контрреволюционной деятельности и создании с этой целью организации». 21-26 марта 1923 — на открытом судебном процессе в Москве приговорен к ВМН. В ночь с 31 марта на 1 апреля 1923 — расстрелян в подвалах Лубянки.

ВОРОНИН Иосиф Янович, родился в 1882 в Подольской губ. После окончания гимназии год учился в Киевском университете. Окончил Житомирскую духовную семинарию, в 1907 — рукоположен. Два года проучился в университете в Инсбруке (Австрия), с 1909 — служил в селе Гнивань-Витава, с 1910 — викарий кафедрального собора в Житомире. С 1915 — служил в

разных приходах, с 1918 — настоятель приходов Киевского деканата, с 1920 — Ушомирского деканата, с 1922 — администратор приходов в селе Ходорки и поселке Брусилов, с 1925 — обслуживал многие приходы Ушомирского деканата. 29 августа 1933 — арестован по групповому делу католического духовенства. 24 февраля 1934 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. 4 декабря 1936 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Севастополе, затем — в Керчи. 30 сентября 1937 — пришло его последнее письмо о его тяжелой болезни, 28 июня 1938 — получена информация о его аресте и осуждении.

ГАЧЕНБЮЛЛЕР (Хаценбюллер) Михаэль, родился в 1878 в Одесской губ. Окончил духовную семинарию, в 1904 — рукоположен. Служил викарием прихода в селе Костгейм, с мая 1905 — администратором прихода в селе Карлсруэ, с 1909 — в селе Зульц под Херсоном, с 1926 — настоятелем прихода в селе Эйхвальд под Одессой, в 1930-х — в Мариуполе. В октябре 1937 — арестован и скончался в тюрьме во время следствия (точная дата смерти неизвестна).

ГОРОДЕЦ Вера (Стефания) Львовна, родилась в 1893 в Киеве. Получила высшее образование. Проживала в Москве, давала частные уроки. Перешла в католичество, вступила в Абрикосовскую общину сестер-доминиканок, где пострижена в монахини под именем Стефания. 10 марта 1924 — арестована в Москве по групповому делу русских католиков и помещена в Бутырскую тюрьму. 19 мая приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в деревню под Тобольском. 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Ромнах Полтавской области, с 1928 — в Костроме, с 1930 — в Одессе, с 1932 — в Краснодаре, с 1933 — в Ставрополье. В 1933 — арестована по групповому делу русских католиков, но вскоре освобождена «за отсутствием доказательств». С 1934 — проживала в Тамбове. В январе 1935 — арестована, но 19 ноября оправдана судом и 27 ноября освобождена. Проживала в Малоярославце, во время войны попала в оккупацию, в сентябре 1942 — после освобождения от немцев арестована, приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в село Ново-Шульба Семипалатинской области. В сентябре 1947 — освобождена, вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу католиков, 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в инвалидном доме в Ухте. В 1956 — освобождена, выехала в Москву, вела домашнее хозяйство. 25 мая 1974 — скончалась в Москве.

ДЕЙБНЕР Иоанн Александрович, родился в 1873 в Санкт-Петербурге в семье генерал-майора. Окончил Императорское училище правоведения, служил чиновником саратовского губернского ведомства. В 1899 — тайно перешел в католичество. В начале 1900-х — возглавил земскую управу в Тюменском уезде Тобольской губ., затем переехал в Санкт-Петербург. В 1903 — тайно рукоположен в священника восточного обряда, с 1907 — открыто служил в храме Святой Екатерины Александрийской, с 1911 — в домашней церкви, с июля 1912 — ее настоятель; с 30 сентября 1912 — настоятель прихода русских католиков Сошествия Святого Духа. С 1918 — работал в Госбанке; с августа 1920 — викарий храма Святой Екатерины Александрийской. 3 марта 1923 — арестован, вскоре освобожден. 17 ноября 1923 — арестован по групповому делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюремного заключения и отправлен в Суздальский политизолятор, в июле 1930 — переведен в Ярославский. В октябре 1932 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). Поселился в Весьегонске Тверской области, 12 ноября 1936 — убит там бандитом.

ДИЛУРГЯН Карапет, родился в 1861. Священник Армянской Католической Церкви; с 1916 — окормлял армяно-католиков в Москве, позднее находился в Краснодаре. С 1931 — преемник викария Апостольского администратора для армяно-католиков СССР. В июне 1936 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Кировск. После возвращения из ссылки официальное служение продолжать не смог.

ЕМЕЛЬЯНОВ Петр (Потапий) Андреевич, родился в 1884 в Уфимской губ. в старообрядческой семье. После присоединения к РПЦ послушник Почаевской Лавры, с 1908 — призван в армию, вскоре уволен по состоянию здоровья, вернулся в монастырь. Пострижен в мантию под именем Потапий; направлен на пастырские курсы в Житомире, в 1911 — рукоположен во иеромонаха. Самостоятельно пришел к убеждению о соединении с Католической Церковью. С 1914 — служил в Свято-Покровском монастыре, с марта 1917 — служил настоятелем церкви в селе Нижняя Богдановка под Луганском. Часто проповедовал прихожанам о роли Папского служения, усердным служением и проповедями объединил и убедил прихожан присоединиться к Риму. 29 июня 1918 — экзарх Леонид Федоров воссоединил его с Католической Церковью; после возвращения лишь часть прихожан пошла за ним. В 1918 и 1919 — не раз арестовывался белыми, немцами, украинцами, большевиками, позднее освобождался. 27 января 1927 — вновь арестован и отправлен в Луганскую тюрьму. 12 сентября 1927 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в

Соловецкий лагерь особого назначения. 24 марта 1928 — получил дополнение к приговору: «амнистии не применять»; в июне 1929 — переведен с католическими священниками на остров Анзер. 5 июля 1932 — арестован по групповому делу. В ноябре 1933 — переведен в Белбалтлаг. 4 августа 1936 — освобожден из лагеря и отправлен в ссылку на станцию Подвойцы Мурманской железной дороги. 14 августа 1936 — скончался там.

ЕНТКЕВИЧ Галина Фадеевна, родилась в 1896 в Витебской губ. Окончила естественное отделение Высших женских курсов. Проживала в Москве, работала учительницей в школе. Пострижена в монахини под именем Роза Сердца Марии. В ноябре 1921 — вступила в общину сестер-доминиканок, переводила и распространяла богословские труды. 26 ноября 1923 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам тюремного заключения и отправлена в Иркутский изолятор. В июне 1929 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Колпашево Нарымского края. 30 апреля 1932 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). С августа проживала в Рыбинске, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована. 19 ноября в Воронеже прошел закрытый судебный процесс, на котором была оправдана и 27 ноября освобождена из тюрьмы. С октября 1936 — проживала в Малоярославце. Осенью 1942 — выехала в село Ново-Шульба Семипалатинской области к высланной сестре-монахине. 11 февраля 1944 — скончалась там.

КАППЕС Алоизий Николаевич, родился в 1885 в Поволжье. Окончил Саратовскую духовную семинарию, в 1909 — рукоположен. С 1911 — настоятель прихода в Мариенберге, с 1914 — в Мариенфельде, в 1922 — выехал в Германию для сбора средств. С 1924 — настоятель прихода в Иозефстале. Вновь выезжал за границу для сбора средств. С 1928 — служил в приходе Камышина. В январе 1930 — с началом массовых арестов перешел на нелегальное положение. 14 июля 1930 — арестован в Харькове по групповому делу немецкого католического духовенства. 20 апреля 1931 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1937 — переведен на тюремный режим. 14 октября 1937 — приговорен к ВМН и 1 ноября расстрелян.

КАПТЕРЕВ Павел Николаевич, родился в 1889 в Сергиевом Посаде Московской губ. В 1911 — окончил биологический, в 1913 — исторический факультет Московского университета. Преподавал в частной гимназии, после 1917 — в школах. Магистр философии, профессор университета, член Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, один из создателей музея на ее

территории. В ночь с 18 на 19 февраля 1920 — арестован как «участник Тактического центра» и заключен в Бутырскую тюрьму. Приговорен к 3 годам концлагеря. По ходатайству юридического отдела Московского Политического Красного Креста позднее освобожден. Преподаватель физики и приват-доцент Всесоюзной академии легкой промышленности. В 1933 — арестован по делу «контрреволюционной националистической фашистской организации, именовавшей себя „Партия Возрождения России“». 26 июля 1933 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Сибирь. Занимался в ссылке изучением вечной мерзлоты. В 1936 — освобожден с ограничением проживания (-6). Проживал в Иваново, преподавал в Педагогическом институте. Кандидат биологических и доктор географических наук, профессор. 10 июля 1955 — скончался.

КАПТЕРЕВ Сергей Николаевич, родился в 1895 в Сергиевом Посаде Московской губ. В 1917 — окончил исторический факультет Московского университета, историк, лингвист, преподавал историю во 2-й школе 2-й ступени в Сергиевом Посаде, в 1930-х — преподаватель-доцент немецкого языка в Московском Ветеринарном институте. В 1933 — арестован по делу «контрреволюционной националистической фашистской организации, именовавшей себя „Партия Возрождения России“». 26 июля приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В середине 1950-х — освобожден из заключения.

КЛОЧКОВ Сергей. Проживал в Макеевке Донецкой области, помощник в доме священника Э. Неве, с 1926 — священника Д. Майяна. Осенью 1928 — арестован по обвинению в шпионаже, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

КОМАРОВСКАЯ Мария (Магдалина) Григорьевна, родилась в 1898 в Могилеве. Имела неоконченное высшее образование. Проживала в Москве, работала учительницей в средней школе. Вступила в Абрикосовскую общину сестер-доминиканок, пострижена в мантию под именем Магдалина. 13 ноября 1923 — арестована в Москве по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в село Самарово Тобольской области, в июне 1925 — переведена в село Обдорск, зарабатывала стиркой белья, в июне 1926 — возвращена в село Самарово.

9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Ромнах Полтавской области, в 1928 — переехала в Смоленск, в 1929 — в Саратов, с июля 1930 — вновь в Смоленск.

10 апреля 1931 — арестована. 28 октября 1931 —

приговорена к ограничению проживания на 3 года (-6). Проживала в Саратове, позднее переехала в Краснодар. В 1934 — арестована по групповому делу русских католиков, вывезена в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму. 29 января 1934 — скончалась во время следствия в тюрьме.

КРЫЛЕВСКАЯ Раиса (Маргарита) Ивановна, родилась в 1896 во Владимире. Окончила епархиальное училище, в 1914 — на фронте сестрой милосердия. С 1917 — проживала в Москве, из православия перешла в католичество; вступила в Абрикосовскую общину сестер-доминиканок; пострижена в мантию под именем Маргарита Венгерская. 30 января 1924 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Тобольский край. 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Осталась в Тобольске, помогала передачами А. И. Абрикосовой; в 1930 — выехала в Кострому. 8 октября 1933 — арестована и привлечена к следствию по групповому делу русских католиков. 19 февраля 1934 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в лагерь в Коми. В октябре 1943 — освобождена и выслана в Казахстан. Весной 1947 — освобождена, выехала в Малоярославец, затем в Калугу. 30 ноября 1948 — арестована по обвинению «в шпионской деятельности в пользу Ватикана». 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг; в 1954 — переведена в Карлаг. 10 октября 1955 — освобождена досрочно как инвалид. Проживала в Калуге, в 1964 — скончалась.

КРУШЕЛЬНИЦКАЯ Камилла Николаевна, родилась в 1892 в Барановичах. Окончила Московский университет. Проживала в Москве, работала в учреждении, поддерживала отношения с настоятельницей общины сестер-доминиканок А. И. Абрикосовой, с которой проходили встречи с молодежью на ее квартире. Духовником ее был епископ Пий Неве. 28 июля 1933 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 февраля 1934 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1937 — переведена на тюремный режим. 9 октября 1937 — приговорена к ВМН, 27 октября расстреляна в урочище Сандормох.

КРУШИНСКИЙ Иосиф Петрович, родился в 1865. Окончил Саратовскую духовную семинарию, 5 февраля 1889 — рукоположен. Служил настоятелем и деканом в селе Ровное в Поволжье, затем — настоятелем прихода в селе Мариенталь. Историк, изданы его статьи по истории Поволжья, материалы о деятельности иезуитского ордена там. Генеральный викарий Тираспольской епархии, профессор и ректор Саратовской духовной семинарии, преподавал там нравственное и пастырское

богословие, каноническое и гражданское право, литургику и латинский язык. С 1903 — прелат и официал Тираспольской консистории. С 1922 — настоятель прихода в селе Карлсруэ под Одессой, администратор южной части епархии. В 1932 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Алма-Атинскую область. Тайно вел пастырскую деятельность. В 1935 — арестован и привлечен к следствию по групповому делу католического духовенства на юге Украины. 28 апреля 1935 — приговорен к 10 годам ИТЛ; в сентябре приговор заменен на увеличение срока ссылки на 3 года. Оставлен в Алма-Атинской области, в начале 1937 — переведен в поселок Талгар под Алма-Атой, работал пастухом. 31 июля 1940 — скончался в ссылке. Похоронен в Алма-Ате своим другом, священником Рафаилом Лораном.

КУЗНЕЦОВА Валентина (Антонина) Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию в Москве. Перешла в католичество; вступила в Абрикосовскую общину сестер-доминиканок, пострижена в монахини под именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в село Инкино Нарымского края. 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Костроме, с 1930 — в Одессе, затем в Краснодаре и Ставрополе; с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована, 19 ноября оправдана по суду и 26 ноября освобождена. Проживала в Малоярославце. В 1941 — арестована как «участница антисоветской группы католичек-доминиканок», приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1945 — освобождена, вернулась в Малоярославец, с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована по групповому делу католиков, 29 октября приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Ангарлаг. 14 июня 1956 — освобождена досрочно, поселилась в поселке Лесной под Калининградом, в 1958 — переехала в Вильнюс к сестрам-монахиням. 9 октября 1989 — скончалась.

КУЧИНСКИЙ Александр Семенович, родился в 1862 в Сувалках. Окончил духовную семинарию, в 1895 — рукоположен. В 1923 — арестован и отправлен в ссылку. В 1926 — освобожден, служил в костеле Житомира. В 1929 — арестован и выслан на 3 года. В 1931 — после освобождения поселился в Курске. В 1932 — арестован и выслан на 3 года. В 1935 — после освобождения поселился в Орле. 20 августа 1937 — арестован, 3 января 1938 — приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

ЛУПИНОВИЧ Карл-Александр Карлович, родился в 1891 в селе Докшицы Минской губ. Окончил духовные семинарию и

академию в Санкт-Петербурге, в 1915 — рукоположен. В 1919 — во время Гражданской войны арестован в Минске как заложник, но вскоре освобожден по обмену на коммунистов. С 1922 — настоятель прихода в селе Речицы, с 1924 — настоятель церкви Святых Апостолов Петра и Павла в Москве, с 1926 — Генеральный викарий Московской администратуры. 20 февраля 1929 — арестован по подозрению «в шпионаже и участии в контрреволюционной организации», но вскоре освобожден. 18 февраля 1931 — арестован по групповому делу католического духовенства и мирян. 18 ноября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Казахстан. В декабре 1933 — арестован в ссылке и этапирован в Минск для привлечения к следствию по групповому делу католического духовенства и мирян. 29 марта 1934 — приговорен к 3 годам ссылки в «отдаленные места» и возвращен в Казахстан.

В июне 1936 — вновь арестован, 9 января 1937 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. В начале декабря 1937 — переведен на тюремный режим, 11 декабря приговорен к ВМН и расстрелян.

МАЛЕЦКИЙ Антоний Иосифович, родился в 1861 в Санкт-Петербурге. Учился в немецкой гимназии Анен-Шуле, потом — в частной гимназии. Обучался в военном училище, но не окончил его. В 1879 — поступил в духовную семинарию, в 1884 — после окончания рукоположен и назначен викарием кафедрального собора в Минске. Этому воспротивились царские власти, с 1884 — викарий прихода Св. Антония в Витебске; с 1885 — служил в кафедральном соборе Минска, с 1886 — его настоятель. В 1886 — арестован и как «ослушник правительства и порочный ксендз» отправлен в ссылку в Сибирь. В Смоленске ссылка была заменена на пребывание в течение трех лет в монастыре в Аглоне (Латвия); с 1887 — викарий прихода Святого Станислава в Санкт-Петербурге, с 1897 — викарий прихода Святой Екатерины. До осени 1918 — заведующий частными учебными заведениями поляков, живущих в Петербурге, почетный каноник. С 1919 — настоятель часовни Непорочного Сердца Марии; с 1921 по 1923 — ректор подпольной духовной семинарии. В марте 1923 — арестован по групповому делу католического духовенства, 26 марта приговорен к 3 годам тюремного заключения. Содержался в Лефортовской и Сокольнической тюрьмах в Москве, перенес инфаркт. В январе 1925 — освобожден, вернулся в Ленинград, стал настоятелем церкви Святой Екатерины Александрийской и генеральным викарием Могилевской епархии. 13 августа 1926 — тайно хиротонисан во епископа, назначен администратором Ленинграда. 5 мая 1927 — арестован, ГПУ принудило его выехать

в Вятку; 13 мая тайно выехал в Архангельск. 16 июня его возвращение в Ленинград было торжественно отмечено в храме Святой Екатерины. Впоследствии неоднократно подвергался обыскам и шантажу. 9 февраля 1929 — тайно хиротонисал во епископы отца Теофилиса Матуляниса. 20 ноября 1930 — арестован по обвинению «в нелегальных связях с высшими духовными сановниками, проживающими за границей», 21 ноября приговорен к 3 годам ссылки в Восточно-Сибирский край и отправлен в поселок Дубинине под Братском. 27 февраля 1934 — освобожден, 6 марта привезен в Ленинград для излечения, 28 апреля прибыл в Варшаву, где был помещен в госпиталь сестер-монахинь. 17 января 1935 — скончался, похоронен в кафедральном соборе Св. Яна в Варшаве, в 1961 — его прах перезахоронен на кладбище Повонзки.

ОТТ Альберт Альбертович, родился в 1880-х в Москве. Получил высшее образование, преподавал и был заведующим кафедрой в институте. В 1937 — арестован, приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1939 — скончался в лагерном лазарете.

ОТТ Алиса Альбертовна, родилась в 1912 в Москве. Получила домашнее образование. Работала во французском посольстве, прихожанка церкви Святого Людовика Французского, помогала старосте А. Б. Отт, пела также в хоре. Летом 1941 — арестована в Москве, но благодаря вмешательству священника Леопольда Брауна вскоре освобождена. 6 декабря 1947 — арестована по групповому делу, в июле 1948 — следствие по делу было прекращено в связи с психическим заболеванием; отправлена в спецбольницу МВД на принудительное лечение. В 1960 — освобождена из больницы, выехала с матерью во Францию. Проживала в Париже; 5 июля 1962 — награждена медалью «За Церковь и Понтифика». 9 февраля 1991 — скончалась.

ОТТ Алиса Бенедиктовна, родилась в 1886 в Москве. С 1894 — отправлена родителями во Францию на воспитание в монастырь Лам-де-Назарет в Лионе, получила там высшее образование. В 1903 — вернулась в Москву, в 1907 — вышла замуж за Альберта Отта, в семье — дочь Алиса; занималась домашним хозяйством и воспитанием дочери. С 1920 — возглавила «двадцатку» приходского совета и стала старостой церкви Святого Людовика Французского; с 1926 — работала в консульском отделе французского посольства. С 1941 — после разрыва дипломатических отношений с правительством Виши работала заведующей хозяйством в английском посольстве, с марта 1947 — вернулась на работу в консульский отдел французского посольства. 6 декабря 1947 — арестована по

групповому делу. 28 августа 1948 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Дубравлаг; в 1951 — переведена в Темлаг; в 1954 — в инвалидный лагерь на станции Потьма. В 1956 — освобождена из лагеря досрочно и отправлена в ссылку в Красноярский край. В 1958 — освобождена из ссылки и вывезена в Москву. В 1960 — выехала с дочерью во Францию; проживала в Париже. 5 июля 1962 — награждена медалью «За Церковь и Понтифика». 5 мая 1969 — скончалась.

ПАНКЕВИЧ Станислава Станиславовна. Получила начальное образование. Проживала в Макеевке Донецкой области, работала экономкой у священника Э. Неве, с 1926 — у священника Д. Майяна. 26 марта 1928 — арестована, 3 января 1929 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения. 22 июля 1932 — переведена в Ленинградскую тюрьму. 27 мая 1933 — приговорена к одному году штрафного изолятора и отправлена в Свирьлаг.

ПРОПИШИН Рувим Наумович, родился в 1912 в Мариуполе. Получил среднее образование. Летом 1933 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки на Урал. 29 апреля 1934 — отправлен в ссылку в Саратовскую область. 19 августа 1936 — освобожден.

РЕМОВ Николай (Варфоломей) Федорович, родился в 1888 в Москве. Принял монашеский постриг с именем Варфоломей, рукоположен в иеромонаха; посвящен в сан епископа, позднее — архиепископа. В 1920-х — настоятель Высоко-Петровского монастыря, профессор духовной академии в Москве (знаток древних языков: иврита, греческого, латыни; владел современными европейскими языками). 6 сентября 1920 — арестован в Москве по обвинению «в контрреволюционной агитации». 5 января 1921 — приговорен к 5 годам ИТЛ; 28 февраля заключение в лагерь заменено по состоянию здоровья на условное наказание. После закрытия монастыря организовал при церкви Рождества Богородицы в Путинках нелегальный монастырь. В 1928 — вновь арестован в Москве, через месяц освобожден под подписку. В 1932 — тайно перешел в католичество, с согласия Папы Пия XI официально оставался в РПЦ; организовал тайную монашескую общину русских католиков; по рекомендации епископа Пия Неве назначен Ватиканом викарным епископом для католиков восточного обряда. 21 февраля 1935 — арестован по групповому делу духовенства и мирян. 17 июня 1935 — приговорен к ВМН и расстрелян. Власти не выдали его тело родной сестре, заявив, что оно было кремировано; его прах также отказались выдать сестре.

РОЗЕНБАХ Яков Иосифович, родился в 1885 в Саратовской

губ. Окончил духовную семинарию, учился в академии, в 1909 — рукоположен. С 1912 — служил в Екатеринославском деканате, с 1928 — настоятель прихода в селе Каменское. 12 октября 1929 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. В ноябре 1933 — освобожден, проживал в Курске. 6 декабря 1937 — арестован, 2 января 1938 — приговорен к ВМН, 10 апреля расстрелян.

РОШКЕВИЧ Болеслав Станиславович, родился в 1884 во Влодаве (Польша). Окончил Житомирскую духовную семинарию, в 1907 — рукоположен. С 1910 — викарий прихода в Бердичеве, с 1913 — администратор прихода в селе Вахновка Балтского деканата, с 1920 — в селе Старая Сенява, позднее — в Новоконстантинове, в 1930-х — в селе Чечельник Винницкой области. Осенью 1935 — арестован, 4 декабря приговорен к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на три года и в декабре 1936 — отправлен в Белбалтлаг (станция Кузема Кировской ж. д.). В апреле 1937 — в Польский Красный Крест пришло его последнее письмо, в мае 1937 — скончался в лагере.

СЛОСКАН Болеслав Бернардович, родился в 1893 в Луцинском уезде Витебской губ. Учился в городской школе в Резекне, потом частным образом в Речице, в 1911 — сдал экзамен на ученика фармацевта. В 1916 — окончил духовную семинарию, 21 января 1917 — рукоположен. До 1918 — учился в духовной академии до ее закрытия. С июня 1919 — викарий храма Святой Екатерины в Петрограде, с 1920 — одновременно настоятель храма в Шлиссельбурге, обслуживал также приходы в Кронштадте и Петрозаводске, с марта 1923 — настоятель прихода Святого Станислава, с июня 1924 — викарий храма Святых Апостолов Петра и Павла в Москве; с сентября служил в приходе Святой Барбары в Витебске, с конца 1925 — в приходе Святой Екатерины в Ленинграде. 4 мая 1926 — тайно хиротонисан во епископа, с 12 августа — Апостольский администратор Могилева, потом и Минска, 14 сентября принял Могилевскую епархию, 10 мая 1927 — принял Минскую епархию. 17 сентября 1927 — арестован в Могилеве, ходатайства об освобождении были направлены в различные инстанции от групп католиков из Ленинграда, Москвы и Витебска. 13 января 1928 — приговорен к 3 годам ИТЛ без применения амнистии и 13 февраля отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 3 октября 1930 — освобожден и выехал в Могилев. Там вскоре вновь был арестован и отправлен на 3 года в ссылку в Западную Сибирь. 8 ноября 1931 — переведен в Енисейск, затем в Туруханск за полярный круг. 16 января 1932 — высылка в Восточную Сибирь была заменена «на высылку из пределов СССР». 22 января выехал в Латвию, затем в

Рим для встречи с Папой Пием XI. С 1933 — ректор Рижской духовной семинарии. В 1941 — арестован гестапо и вывезен в концлагерь в Германии, в 1945 — освобожден и остался в Германии, проживал в Айхштетте, потом в Лоре, с 1947 — в Брюсселе, с 1951 — в Лувене. С 1952 — визитатор для русских и белорусских католиков в эмиграции, позднее опекал также латышей и эстонцев. 18 апреля 1981 — скончался в Бельгии.

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович, родился в 1885 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1916 — литератор и научный работник, преподаватель университета. Учился в православной духовной академии в Москве, в 1916 — рукоположен, с 1919 — служил в церкви в Саратовской области. В 1920 — принят в лоно Католической Церкви; сомнения в правильности выбора привели к тому, что в 1922 — вернулся в православие. В 1923 — после бесед с экзархом русских католиков Леонидом Федоровым вновь перешел в католичество. Занимался также и литературным творчеством. С 1926 — вице-экзарх русских католиков, служил без официальной регистрации, часто тайно на частных квартирах. 15 февраля 1931 — арестован по групповому делу русских католиков. 18 августа приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на высылку в Казахстан. 7 октября направлен на принудительное лечение в психбольницу, 23 октября выдан родственникам. 2 марта 1942 — скончался в Казани.

ТРАЧИНСКИЙ Антоний Михайлович, родился в 1893 в Волынской губ. Окончил духовную семинарию, в 1915 — рукоположен. Служил в Новгород-Волынском деканате, с 1920 — администратор и законоучитель в приходе Звенигородского деканата, с 1923 — временно служил в Новгород-Волынском деканате.

4 декабря 1923 — арестован, 25 декабря освобожден. В 1925 — арестован, приговорен к 7 месяцам принудительных работ. В 1926 — арестован и выслан на 2 года в Северный край, после освобождения вернулся в приход. 7 мая 1928 — арестован, приговорен к 6 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. В феврале 1932 — арестован в лагере, приговорен к новым 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В марте 1934 — освобожден из лагеря с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживал в Воронеже, служил в церкви. 21 августа 1937 — арестован. 3 ноября приговорен к ВМН, 9 ноября расстрелян.

ФЕДОРОВ Леонид Иванович, родился в 1879 в Санкт-Петербурге. Окончил гимназию, учился в духовной семинарии. Заинтересовался католичеством, выехал во Львов, затем в Рим, 31 июля 1902 — воссоединился с Католической Церковью. В 1907 —

окончил Папскую иезуитскую коллегию в Ананьи, позднее учился в Коллегии при Конгрегации распространения веры. Окончил университет во Фрайбурге. Вернулся во Львов, с 1909 — ректор и профессор в духовной семинарии ордена студи-тов, выехал в Стамбул. 25 марта 1911 — рукоположен, с 1912 — в монастыре студитов в Боснии как монах Леонтий. В 1914 — вернулся в Петроград, выслан царскими властями в Тобольск. В 1917 — освобожден, вернулся в Петроград, служил настоятелем церкви русских католиков Сошествия Св. Духа, руководил также монашеской общиной. С февраля 1921 — экзарх русских католиков. 21 октября 1922 — арестован, освобожден в тот же день. 23 февраля 1923 — арестован по групповому делу католического духовенства, 26 марта приговорен к 10 годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Лефортовской и Сокольнической тюрьмах Москвы. 26 апреля 1926 — освобожден досрочно с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Калуге. 10 августа 1926 — арестован в Могилеве, 18 сентября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 13 августа 1929 — освобожден и выслан в Архангельскую область. В начале 1931 — арестован, шесть месяцев провел в Архангельской тюрьме, осенью освобожден из тюрьмы и выслан на 3 года в Котлас. В конце 1933 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12). С января 1934 — поселился в Вятке, 7 марта 1934 — скончался там.

ФИЦНЕР Ольга Геннадиевна, родилась в 1885 году в Касимове. Получила среднее образование. Проживала в Москве, была служащей в учреждении. В декабре 1932 — приняла католичество в церкви Святого Людовика Французского. 15 января 1934 — арестована по групповому делу русских католиков, 19 февраля приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг. 2 декабря 1937 — освобождена и отправлена на 3 года в ссылку в Адыгейскую АССР. 20 февраля 1940 — арестована, 17 августа приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. 30 марта 1950 — освобождена и выслана на 3 года в Новосибирскую область.

ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович, родился в 1882 в Евлахе Елизаветпольской губ. С 1900 по 1904 — учился на физико-математическом факультете Московского университета, параллельно работал в физической лаборатории. В 1908 — окончил Московскую духовную академию. С 1908 — преподавал на кафедре истории философии Московской духовной академии; в 1911 — рукоположен в сан диакона; с 1912 — редактировал журнал «Богословский вестник». Профессор богословия. С 1918 — работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины

Троице-Сергиевой Лавры. В 1920 — работал на заводе «Карболит». С 1921 — профессор Высших художественных мастерских, с 1922 — участник Комиссии ГОЭЛРО, научный сотрудник Всесоюзного электротехнического института; действительный член Центрального электротехнического совета Главэлектро, с 1925 — работал также в лаборатории испытаний электротехнических материалов в ГЭЭИ. 21 мая 1928 — арестован как «участник контрреволюционной группировки церковников», 8 июня приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Нижний Новгород. Работал там в радиотехнической лаборатории; весной 1929 — после отмены приговора и по ходатайству Помполита возвращен в Москву, работал в ГЭЭИ; с 1930 — помощник директора по научной части Всесоюзного электротехнического института, научный руководитель отдела материаловедения. 25 февраля 1933 — арестован по делу «контрреволюционной националистической фашистской организации, именовавшей себя „Партия Возрождения России“». 26 июля 1933 — приговорен к 10 годам ИТЛ. Отправлен в лагерь в Сибири (Сковородино), работал на мерзлотной станции, позднее переведен в Соловецкий лагерь особого назначения, работал на обработке водорослей для добывания йода. 25 ноября 1937 — приговорен к ВМН. 8 декабря 1937 — расстрелян.

ФРИЗОН Александр Иванович, родился в 1875 в Бадене Одесской губ. Учился в духовной семинарии, позднее окончил Немецкую коллегию при Григорианском университете в Риме со степенью доктора философии. Вернулся в Россию, 22 ноября 1901 — рукоположен. Занимался научной работой, с 1902 — настоятель храма Пресвятой Девы Марии в Керчи, позднее служил в Симферополе, с января 1905 — викарий собора в Саратове, с июля — капеллан епископа, с августа — секретарь епископской курии. В 1904 — доктор богословия, с 1905 — профессор духовной семинарии в Саратове, с 1910 — ее ректор. С 1919 — настоятель храма Успения Пресвятой Девы Марии в Симферополе, опекал также приход в Керчи, позднее декан Симферопольский. В 1923 — арестован, через шесть месяцев освобожден. В 1925 — вновь под судом, по кассационной жалобе освобожден. В 1926 — назначен Апостольским администратором южной части Тираспольской епархии. 10 мая 1926 — тайно хиротонисан во епископа. 1 мая 1927 — запрещен выезд из Симферополя. 1 августа 1929— арестован, через месяц освобожден. В конце 1929 — вновь арестован, в конце 1930 — освобожден. Продолжал служить в приходе Симферополя и области. С 1932 — выезжал для богослужений в Керчь. 15 октября 1935 — арестован по групповому делу католического духовенства

и мирян. 17 сентября 1936 — приговорен к ВМН. 20 июня 1937 — расстрелян.

ЦАКУЛЬ Михаил Христофорович, родился в 1885 в Ревеле. Окончил духовную семинарию, в 1908 — рукоположен. С 1908— викарий прихода в Гомеле, с 1910 — в селе Рудня-Шлягино, с 1912 — настоятель прихода в Симбирске, во время Первой мировой войны организовал помощь беженцам-полякам. Служил в храме Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве, с 1919 — его настоятель; после закрытия храма служил в приходе Святых Апостолов Петра и Павла. 26 марта 1924 — арестован по обвинению в шпионаже, 3 апреля освобожден под подписку о невыезде. 14 февраля 1927 — вновь арестован в Москве, но через 3 часа освобожден под подписку о невыезде. 12 февраля 1929 — арестован по обвинению «в шпионаже и создании контрреволюционной организации», 3 мая 1929 — освобожден из тюрьмы под подписку. 13 апреля 1931 — арестован по групповому делу духовенства и мирян. 18 ноября 1931 — приговорен к высылке из Москвы с ограничением проживания на 3 года (-12). Проживал в Тамбове, в декабре 1933 — освобожден с разрешением вернуться в Москву и правом на служение в церкви Святых Апостолов Петра и Павла. 3 мая 1937 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. Позднее в лагере арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

ЦЕПЛЯК Ян Гиацинтович, родился в 1857 в Домброве-Гурниче. Воспитывался бабушкой и родственником-священником. Окончил гимназию в Кельце, в 1878 — духовную семинарию в Санкт-Петербурге, в 1882 — духовную академию со степенью магистра богословия; 15 августа 1881 — рукоположен. С 1882 — преподаватель и законоучитель духовной академии; позднее — доктор богословия, преподавал в академии. С 1900 — каноник, служил капелланом в часовне при приюте; с 16 апреля 1908 — викарный епископ Могилевской архиепархии. 7 декабря 1908 — хиротонисан во епископа. С 6 августа 1914 — капитульный администратор архиепархии, основал ряд благотворительных организаций. С декабря 1919 — как генеральный викарий управлял архиепархией, возглавил Католическую Церковь в России; с марта 1919 — титулярный архиепископ Ахридский. Активно противостоял национализации церковных зданий и политике передачи церквей в руки приходских комитетов, боролся против изъятия из церквей предметов религиозного культа. 2 апреля 1920 — во время польско-советской войны арестован, но вскоре освобожден. В декабре 1922 — вновь арестован, позднее овобожден.

10 марта 1923 — арестован в Москве, 21-26 марта 1923 — на

открытом судебном процессе приговорен к смертной казни. 29 марта расстрел заменен на 10 лет тюремного заключения. Отправлен в Бутырскую тюрьму, 9 апреля 1924 — освобожден и выехал в Польшу. Потом отправился в Рим, позднее посетил польские приходы в США. 14 декабря 1925 — назначен Виленским митрополитом. 17 марта (по другим сведениям — 17 февраля) 1926 — скончался в США. Его тело было перевезено в Польшу и захоронено в Виленском кафедральном соборе.

ХМЕЛЕВА Вера Александровна, родилась в 1891 в Вологодской губ. Окончила Московский университет. Проживала в Москве, работала в музее. Перешла в католичество, вступила в общину монахинь-доминиканок, пострижена в монахини под именем Мария Роза Лимская, позднее стала наставницей постулантоk и послушниц. 13 ноября 1923 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Тобольский край. В 1926 — вышла замуж, нарушив монашеский обет, родила дочь (вскоре трагически погиб ее муж). 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6), с 1929 — разрешено свободное проживание. Вернулась в Москву. 9 октября 1933 — арестована по групповому делу, 10 января 1934 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Нижегородскую область. 29 апреля освобождена досрочно с разрешением свободного проживания. Вернулась в Москву, в 1944 — выехала в Казахстан. С 1956 — проживала в Москве, в 1965 — скончалась.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Окончила гимназию в Москве, училась в консерватории по классу фортепиано. Летом 1923 — перешла в восточный обряд, вступила в Абрикосовскую общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в село Обдорск Нарымского края; работала машинисткой в конторе. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — принесла вечные обеты с именем Филомена. С осени 1930 — выехала в Одессу, затем переехала в Смоленск; с 1931 — в Москву, работала машинисткой в банке; в марте 1933 — выехала в Рязань. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг. 2 февраля 1935 — переведена в Ухтпечлаг, в 1938 — в Воркутлаг. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, в 1943 — переехала в Уральск, а в марте 1947 — выехала в Малоярославец

и Калугу. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу русских католиков. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее переведена в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно и выехала в местечко Майшогала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее проживала в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась там.

Приложение II. Биографические справки упоминаемых лиц, высланных из Советского Союза

АМУДРЮ Морис-Мария-Феликс (Иоанн) Станиславович, родился в 1878 в Доле провинции Юра (Франция). Получил высшее духовное образование в Иерусалиме, доктор богословия. Вступил в орден Св. Доминика под именем Иоанн, в сентябре 1901 — рукоположен. Профессор апологетики в Иерусалиме, с 1902 — профессор университета в Оттаве (Канада); позднее находился в монастыре в Монреале. В октябре 1907 — вернулся во Францию, в ноябре выехал в Санкт-Петербург, с 1908 — настоятель храма Французской Божией Матери, преподавал французский язык в духовной семинарии. С марта 1923 — заведующий церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, с 1926 — и храма Святых Апостолов Петра и Павла в Колпино, с 1929 — обслуживал также большую часть приходов Ленинграда и пригородов. 30 апреля 1935 — хиротонисан во епископа, назначен Апостольским администратором Ленинграда. 14 августа 1935 — выслан во Францию, в феврале 1936 — принят Пием XI, передал ему подробный отчет о положении Католической Церкви в СССР. С августа 1935 — духовник у сестер-доминиканок в Шато-Тьери, с 1936 — в монастыре в Пенсне, позднее — в доме Святого Августина в Онзене, с 1959 — в доме престарелых в Руане. 12 октября 1961 — скончался.

БРАУН Леопольд, родился в 1903 в Нью-Бедфорде (США). Окончил университет и духовную школу в Лувене (Бельгия). Вступил в Конгрегацию ассумпционистов, пострижен в монашество, занимался миссионерской деятельностью в Мексике, Индии и Китае. 5 июня 1932 — рукоположен в сан римско-католического священника. 1 марта 1934 — прибыл в Москву в качестве капеллана американского посольства, был помощником епископа Пия Неве, с июня 1936 — настоятель церкви Святого Людовика Французского. 27 декабря 1945 — выслан из страны «за разведывательную деятельность против Советского Союза и сбор клеветнической информации о советской действительности». 18 июля 1964 — скончался в США.

ВИДАЛЬ Жан-Мари. С 11 января 1913 — настоятель церкви Святого Людовика Французского. В 1921 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, через три месяца освобожден и демонстративно выслан из СССР. Впоследствии служил в Риме

церковным консультантом посольства Франции при Святейшем Престоле и оказывал значительную помощь в доставке корреспонденции из России от епископа Пия Эжена Неве через дипломатическую почту.

ЛАБЕРЖ Джордж Антуан, родился в 1905 во Франции, гражданин США. Римско-католический священник-ассумпционист. 26 октября 1945 — прибыл в СССР, с декабря служил настоятелем церкви Святого Людовика Французского. В апреле 1947 — выслан из СССР.

МАЙЯН Давид. Француз, послушник-ассумпционист, служил в Турецкой и Болгарской миссиях. После объявления войны союзникам царем Фердинандом Саксен-Кобургом выслан из страны в Россию. С 6 октября 1917 — стал помощником священника Э. Неве в Макеевке. 10 ноября 1926 — рукоположен в церкви Святого Людовика в Москве с правом совершать только Святую Мессу. Служил в приходе Макеевки. Преследовался властями, в апреле 1927 — запрещен в совершении богослужений как иностранец. После вмешательства и протеста посла Франции на какое-то время был оставлен в покое, впоследствии запрещен в совершении богослужений. В 1929 — верующие окончательно перестали приходить на службы. Здоровье священника пошатнулось, он вернулся в Москву и 7 октября 1929 — выехал из Советского Союза. 9 апреля 1932 — скончался в доме для пребывающих на покое ассумпционистов в Ментоне.

НЕВЕ Эжен (Пий), родился в 1877 в Жьене (Франция). Окончил Орлеанскую духовную академию. В 1895 — вступил в Конгрегацию ассумпционистов, 8 декабря пострижен в мантию с именем Пий. 18 марта 1905 — рукоположен. С ноября 1906 — капеллан в приюте для девочек в Санкт-Петербурге, с 1907 — настоятель прихода в Макеевке Донецкой губ. 21 апреля 1926 — тайно возведен в сан епископа, служил в церкви Святого Людовика Французского в Москве, глава Католической Церкви всех обрядов в Советской России, с 1932 — проживал в посольстве Франции. 31 июля 1936 — выехал на лечение во Францию, въездной визы на возвращение в СССР не получил. 17 октября 1946 — скончался во Франции.

ТОМА Жан де Мата, родился в 1894 в Экивелли (Франция). Служил в армии, с 1914 — во время Первой мировой войны четыре года провел на фронте. После демобилизации изучал философию в Тэнтеньи и Лувене. В июне 1929 — рукоположен. Служил в приходе в Белграде. В 1941 — арестован гестапо, в июне 1942 — освобожден, вернулся во Францию. Занимался восстановлением святого грота в Лурде. С апреля 1947 — настоятель церкви Святого Людовика в Москве. 25 августа 1950

— отслужил последнюю Мессу. Вернулся во Францию, встречался с Папой Римским, посетил с миссией Бельгию, Испанию, Португалию. С 1951 — служил в Лурде, 7 ноября 1976 — скончался там.

ФЛОРАН Кловис-Франсуа (Мишель), родился в 1902 в Лилле (Франция). В 1918 — окончил частную школу святого Иосифа, в 1929— философский факультет Католического университета Лилля. 29 мая 1926 — рукоположен в священники в ордене Проповедников (доминиканцев), приняв монашеское имя — Мишель. 9 января 1935 — прибыл в Ленинград для помощи отцу Иоанну Амудрю, викарий прихода Французской Божией Матери, с августа 1935 — настоятель и глава Апостольской администратуры, обслуживал практически все католические церкви. 27 июля 1941 — выдворен из СССР. Прибыл через Тегеран в Бейрут, некоторое время работал в Библейской школе в Иерусалиме. Затем присоединился к генералу де Голлю. Работал на патриотической радиостанции в Алжире, вещавшей на Францию. В 1943 — перебрался в Лондон, по 1944 — ведущий программы «Говорит Католическая Франция» на лондонском радио. Участник высадки союзников, был ранен, затем вел католические программы для Польши на латинском языке. 25 апреля 1995 — скончался в Дижоне.

Иллюстрации

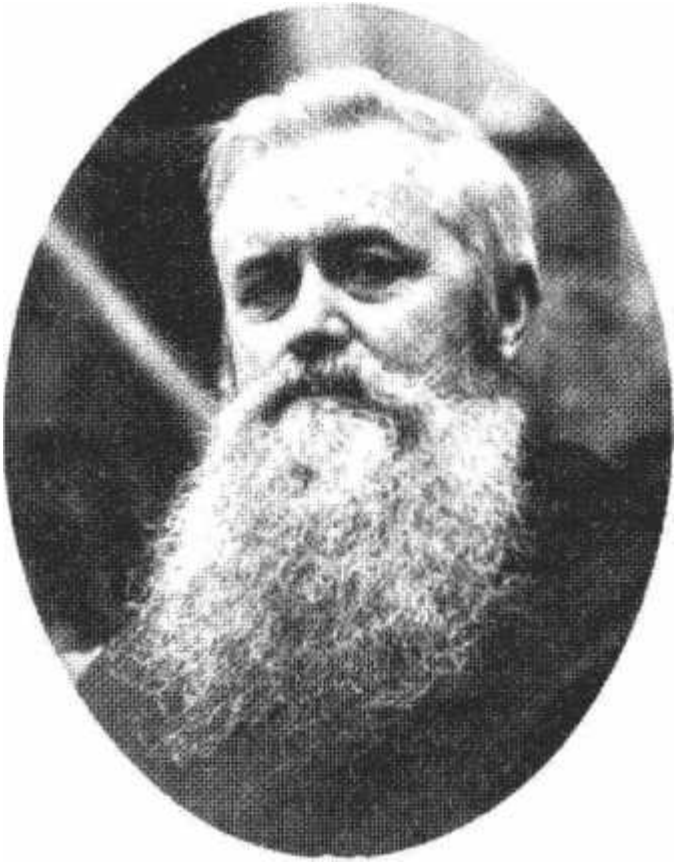
Священник Эжен Неве. 1920-е.

Епископ Пий (Эжен) Неве, настоятель церкви Святого Людовика с 1926 по 1936.

Єпископ Пий (Эжен) Неве. 1940-е.

Джорж Антуан Лаберж, викарий церкви Святого Людовика с

1945 по 1947.



Жан де Мата Тома, настоятель церкви Святого Людовика с 1945 по 1949.

Алиса Бенедиктовна Отт. 1910-е.

Алиса Бенедиктовна Отт (тюремная фотография). 1947.

Алиса Альбертовна Отт (тюремная фотография). 1947.

Леопольд Браун, настоятель церкви Святого Людовика с 1935 по 1945.

Церковь Святого Людовика Французского. 1930-е.

Главный алтарь церкви Святого Людовика. 1930-е.

Антирелигиозный плакат «Папа на страже».

Антирелигиозный плакат «Пролетарии! Срывайте подготовку войны!» (карикатура на Папу Римского как союзника нацистской Германии).

Церковь Святого Людовика Французского. 2010-е.

Главный алтарь церкви Святого Людовика. 2010-е.

Алтарь левого нефа: в центре — статуя Святого Людовика, слева — статуя Святого Бернарда Клервосского, справа — статуя Святого Франциска Сальского.

Алтарь правого нефа посвящен Пресвятой Богородице: в центре — статуя Девы Марии Лурдской.

notes

Примечания

1

В следственном деле А. Б. Отт он значится как Иосиф Видаль. Справка о нем приведена в Приложении II.

2

Здесь и далее из: Костел Святого Людовика Французского (Москва). По материалам В. Пономарева и А. Крысова. — wiki-linki.ru > Page/653558…

3

Справка о ней приведена в Приложении I.

4

С июня 1919 года находились в Бутырской тюрьме: Д. Беро, К. Боаселье, Г. Бодло, Л. Болье, Э. Бондон, А. Виалле, Л. Гибер, Р. Дюмон, Л. Дюфе, Ж. Лагранж, А. Лелян, В. Параф, Ш. Перродэн, Э. Россе, Д. Ферро, А. Шарпантье.

5

Француженки, арестованные в качестве заложниц, находились в Бутырской тюрьме и в Андроньевском концлагере: Клотильда Бембар, Мария Бессеа, Луиза Бод, Жанна Грандт, Анастасия Дюмон, Изабель Карлье, Генриетта Россиньоль.

Эта дата считается официальной датой начала красного террора.

7

Студент Петроградского политехнического института, поэт Леонид Каннегисер, по собственному признанию, решил отомстить М. С. Урицкому за смерть своего друга, офицера Перельцвейга.

Справка о нем приведена в Приложении II.

9

Вернувшись во Францию, Жан-Мари Видаль написал воспоминания о тех первых годах «царства зверя», опубликовав свой дневник, где были описаны день за днем все события этих ужасных лет.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Справка о ней приведена в Приложении II.

12

Письмо Л. И. Федорова к А. И. Абрикосовой от 28 декабря 1922 года // Архив Медонского центра русских исследований. Ф. 19. Д. 6. С. 1.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Справка о нем приведена в Приложении I.

15

Здесь и далее: Бронислав Чаплицкий О. Константин Будкевич (1867–1923). С. 186–187.

Таким образом, было продемонстрировано великодушие советского правительства: сын крестьянина был помилован, а сын дворянина — расстрелян.

17

Василий, диакон ЧСВ. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. М., 1992. С. 143.

Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С. 165.

Справка о нем приведена в Приложении I.

20

Здесь и далее: Следственное дело А. И. Абрикосовой и др. 1924 // Центральный архив ФСБ РФ.

Справки о них приведены в Приложении I.

Николай Александров, Иоанн Дейбнер, Епифаний Акулов.

Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С. 174.

24

26 марта 1924 года был арестован Михаил Цакуль, настоятель собора Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. Ему было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Польши, но 3 апреля он был освобожден под подписку о невыезде, 6 декабря дело прекращено «за отсутствием состава преступления».

25

Они возобновились 28 октября 1924 года, а торговые отношения — с 1920 года.

26

При выдаче визы в посольстве СССР в Париже ему это не запретили.

27

29 марта 1926 года в Риме он был рукоположен во епископа, чтобы самому совершить в России тайные епископские хиротонии.

Справка о нем приведена в Приложении II.

29

Отцу Эжену всегда было непонятно, почему в католических церквях России пастыри обращаются к верующим с проповедями не на русском языке.

В католичество его принял экзарх русских католиков, отец Леонид Федоров. Справка о нем приведена в Приложении I.

31

Следственное дело П. А. Емельянова // Архив ЦГАОО Украины.

Wenger A. Rome et Moscou. 1900–1950. Paris, 1987. C. 128.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 119–120, 123, 126.

Включающего кроме Москвы и области с паствой не менее 45 тысяч католиков также приходы десяти областей: Владимирской, Калужской, Костромской, Нижне-Новгородской, Рыбинской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской — с паствой не менее 6500 католиков.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Принял это назначение после освобождения из тюрьмы в январе 1926 года. Справка о нем приведена в Приложении I.

С 1930 года стал президентом Комиссии.

39

Следственное дело М. М. Цакуля // Центральный архив ФСБ РФ.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 159, 166–167.

41

Администратора французского прихода в Москве.

42

Следственное дело П. А. Емельянова // Архив ЦГАОО Украины.

Справка о нем приведена в Приложении I.

44

Здесь и далее: Следственное дело М. Цакуль // Центральный архив ФСБ РФ.

Справка о нем приведена в Приложении I.

46

Инженер Франсуа Пари дружил с ассумпционистами и мечтал о священстве.

Антоний Малецкий, Болеслав Слоскан, Александр Фризон.

Здесь и далее: Следственное дело П. А. Емельянова // Архив ЦГАОО Украины.

49

Отец Потапий отвез епископу Александру Фризону пакет, данный ему Пием Неве.

Справка о нем приведена в Приложении II.

Wenger A. Указ. соч. С. 293.

52

С/с — секретный сотрудник.

53

Смета расходов на работу ГПУ среди религиозных группировок на первое полугодие 1928 года// Архив ЦГАОО Украины.

54

Назначен 23 мая 1926 года. Справка о нем приведена в Приложении I.

Здесь и далее: Следственное дело А. И. Баумтрога и др. // Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 45, 165.

Справка о нем приведена в Приложении I.

59

Следственное дело С. М. Соловьева // Центральный архив ФСБ РФ.

60

«Иосифовцы» — сторонники митрополита Иосифа (Петровых), выступившего против Декларации митрополита Сергия (Страгородского).

61

Здесь и далее: Следственное дело С. М. Соловьева и других // Там же.

Справка о нем приведена в Приложении I.

63

Материалы дела и слова, сказанные отцом Сергием после освобождения его родным: «Я всех предал», — говорят о душевном сломе с первых же допросов.

Wenger A. Указ. соч. С. 5.

65

Здесь и далее из: Следственное дело М. Цакуля // Центральный архив ФСБ РФ.

Следственное дело А. И. Абрикосовой и др. 1934 // Центральный архив ФСБ РФ.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 265.

Справка о ней приведена в Приложении I.

Здесь и далее: Следственное дело А. И. Абрикосовой и др. 1934 // Центральный архив ФСБ РФ.

Справка о ней приведена в Приложении I.

Справка о ней приведена в Приложении I.

Справка о ней приведена в Приложении I.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Справка о ней приведена в Приложении I.

Справка о ней приведена в Приложении I.

Анна Ивановна Абрикосова вынуждена была подписать показания, написанные следователем: «Моя конкретная антисоветская работа с молодежью заключалась: в ведении организованной работы и создании организации: в ведении контрреволюционной пропагандистской работы среди молодежи; в ведении вербовочной работы в контрреволюционной организации. Конкретной работы члены этой молодежной группы не вели, так как были мной привлечены к работе незадолго до моего ареста».

Эти показания ничем не грозили Бердяеву, в 1923 году он был выслан из России.

Справки о них приведены в Приложении I.

Справки о них приведены в Приложении I.

Wenger A. Указ. соч. С. 230.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 336, 367.

82

Участник Собора в 1917 году, вытянувший при жеребьевке записку с именем патриарха Тихона.

Справка о нем приведена в Приложении II.

Здесь и далее: Следственное дело В. Ремова // Центральный архив ФСБ РФ.

Справка о нем приведена в Приложении I.

Заранее оговаривалось, что кандидат и архиереи — это бывшие заключенные.

Wenger A. Указ. соч. С. 313.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 375–379.

Справки о них приведены в Приложении I.

90

Материальная помощь епископа своей пастве является законным действием во взаимоотношениях между ним, священниками и верующими у католиков.

Wenger A. Указ. соч. С. 468.

92

Здесь и далее из: Следственное дело А. Б. Отт // Центральный архив ФСБ РФ.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 431, 266.

Справка о нем приведена в Приложении II.

Позднее в лагере он был арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

Справка о нем приведена в Приложении II.

Wenger A. Указ. соч. С. 339.

Здесь и далее: Следственное дело А. Б. Отт // Центральный архив ФСБ РФ.

Здесь и далее: Wenger A. Указ. соч. С. 419.

100

Здесь и далее: Следственное дело А. Б. Отт // Центральный архив ФСБ РФ.

Wenger A. Указ. соч. С. 410.

102

Здесь и далее: Следственное дело А, Б. Отт // Центральный архив ФСБ РФ.

103

Дальнейшие события, касающиеся судьбы следующих настоятелей церкви Святого Людовика Французского в Москве, изложены после воспоминаний отца Леопольда Брауна — в Послесловии.

Под редакцией Гэри М. Гамбурга. Напечатанный вариант мемуаров, подготовленный Леопольдом Брауном для публикации в 1961 году, незадолго до его смертельной болезни, так и не опубликованный и обнаруженный исследователем Гэри М. Гамбургом в архивах ассумпционистов в Брайтоне, назывался «12 лет в России, которые надо помнить».

Это было, конечно, одним из самых лучших проявлений искусства «слепого» полета, какое я когда-либо видел. Я счастлив отдать скромную запоздалую дань холодному разуму и техническому умению представителей наших Воздушных Сил.

Надо помнить, что начиная с 1961 года новости из Советского Союза проходили с более деликатно выраженным давлением, чем при прежних методах цензуры.

107

О необходимых предварительных мероприятиях позаботился наш местный викарий, отец Армане. В этом ему содействовал Его честь Джеймс А. Фарлей, министр почты, а также сотрудники офиса Гоуланда Шоу, возглавлявшего в то время Восточный отдел Госдепартамента.

108

Случайно самое первое слово, которое я научился склонять, было слово *кит*. Оно имело более чем один смысл, чтобы я постепенно понял важность назначения, которое было на меня возложено, — во всех смыслах слова это был *кит* опыта.

109

Между прочим, Олег Трояновский, тот, который так умело сглаживал грубости отнюдь не дипломатических выпадов Н. С. Хрущева во время его визита в США в 1959 году, был сыном уже почившего первого советского посла в этой стране. Стоит сказать, что русская речь Хрущева была переведена не очень точно, как и его неистовые выражения в Париже в мае 1960 года.

110

Американские фермеры, посетившие СССР летом 1955 года, тоже обратили внимание на неправильное использование и злоупотребление ручным трудом в советском сельском хозяйстве.

111

Одному моряку из группы, направляющейся в Москву, так понравилось это пальто, что как-то вечером он попросил разрешения надеть его, чтобы «выйти и произвести фурор».

112

Многие девушки из «Интуриста» занимались в Шанхае непыльной работой по изучению английского языка.

113

Бревиарий — часослов, священнический молитвенник. — *Прим. сост.*

114

Капиталистический принцип Р. Т. Барнума нашел полезное применение в умах внешне суровых, но охочих до золота комиссаров.

115

Я приехал в Москву помогать епископу Пию Эжену Неве, служившему также и капелланом американских католиков. В течение долгого времени он работал один, ему нужны были помощь и сотрудничество.

Те же методы использовались и в трагических случаях, происшедших с кардиналами Йожефом Миндсенти и Алоизием Степинацем, а также с пятнадцатью протестантскими священниками в Болгарии несколько лет назад.

117

Но я не только сдержал обещание бриться, но и в конце концов вернулся с резко выраженной сосудистой недостаточностью.

Закон остается в силе до сегодняшнего дня, но с 1943–1944 годов контроль за его исполнением находится в руках двух специальных комиссий, созданных, как ни странно, в результате нападения Гитлера во время Второй мировой войны.

Проходили годы, новые лица появлялись и исчезали в колонии иностранцев, на более или менее длительный срок оставались инженеры в области производства стали, алюминия, резины, электроэнергии. Эти люди вносили огромный вклад в грандиозные проекты индустриализации, которые без них потерпели бы неудачу.

Возможно, это была психологическая рефлексия в результате комплекса вины Кремля? Даю право читателю самому выяснить это после прочтения моих записей.

121

Кольцо «Б» называется Садовое кольцо; кольцо «А» — это Бульварное кольцо. — *Прим. сост.*

122

Имеется в виду священник Иосиф Видаль, после трехмесячного тюремного заключения в 1921 году высланный из России. — *Прим. сост.*

123

Священник Пий Эжен Неве служил в Макеевке Донецкой области, весной 1926 года прибыл в Москву и 1 апреля был тайно посвящен в епископа. — *Прим. сост.*

124

Кроме церкви Святого Людовика Французского оставалась открытой для богослужения церковь Лурдской Божией Матери в Ленинграде. — *Прим. сост.*

125

Священники Морис Жан-Батист Амудрю и Мишель Флоран, 30 апреля 1935 года Морис Амудрю тайно рукоположен во епископа епископом Неве. — *Прим. сост.*

Епископ Пий Эжен Неве. — *Прим. сост.*

127

Мишель Флоран служил в церкви Лурдской Божией Матери. — *Прим. сост.*

На набережной Орсе находится МИД Франции. — *Прим. сост.*

129

Патриарх Тихон (Белавин) в 1922 году был арестован, но вскоре был освобожден из заключения и год содержался под строгим домашним арестом. 25 марта 1925 года, в праздник Благовещения, он скончался в лечебнице Бакуниных на Остоженке. По официальным данным, он скончался от сердечной недостаточности, хотя существует версия о его отравлении на приеме в Кремле. — *Прим. сост.*

130

Условное наименование границы, инициированной во время советско-польской войны 1920 года лордом Керзоном (МИД Великобритании). — *Прим. сост.*

131

Литвинов Максим Максимович, с 1930 по 1939 — народный комиссар по иностранным делам СССР. — *Прим. сост.*

132

20 апреля 1931 — римско-католические священники Августин Баумтрог, Петр Вейгель, Алоизий Каппес, Иосиф Пауль, Франц Рау, Петр Ридель, Мартын Фикс и Андрей Шенбергер были приговорены к высшей мере наказания с заменой на 10 лет лагерей и отправлены в Соловецкий лагерь особого назначения. Все они вместе с другими католическими священниками будут расстреляны осенью 1937 года (Августин Баумтрог скончался там в марте 1937 года). — *Прим. сост.*

133

М. И. Калинин был председателем Президиума Верховного Совета СССР. — *Прим. сост.*

134

Леопольд Браун ошибается; церкви были открыты по инициативе самих верующих, поддержанной немецкой военной и гражданской администрацией. Гитлер был поставлен перед фактом и почел за лучшее не препятствовать. — *Прим. сост.*

135

Справка о нем приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

136

Справка на Антония Трачинского приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

Справка о нем приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

138

Справка о Якове Розенбахе приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

139

Справка о Иосифе Крушинском приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

140

Справка на Карапета Дилургяна приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

141

Справка о Михаиле Хаценбюллере приведена в Приложении I (как о Михаиле Гаченбюллере). — *Прим. сост.*

142

Справка о Болеславе Рошкевиче приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

143

Речь идет об Антонии Трачинском, упоминавшемся ранее. — *Прим. сост.*

144

Имеется в виду лютеранская церковь Святых Апостолов Петра и Павла, закрыта в 1937 году и превращена в склад, в 1958 — в ней устроен бассейн. — *Прим. сост.*

145

В 1959 году в зале Чайковского был установлен новый, электрический орган чешского производства. — *Прим. сост.*

146

А также церковь Лурдской Божией Матери в Ленинграде. — *Прим. сост.*

147

На традиционной латинской Мессе чтение апостольского послания происходит с правой стороны алтаря, а Евангелия — с левой. Соответственно, стороны называются стороной Послания и стороной Евангелия. — *Прим. сост.*

История ВКП(б). С. 311.

149

Арестованные в первые дни после убийства Кирова ленинградцы были расстреляны; в марте — апреле 1935 — свыше десяти тысяч жителей Ленинграда, так называемых «бывших», были высланы с семьями в отдаленные районы Казахстана; малая часть семей отправлена в Куйбышев, Уфу, Саратов и т. д. — *Прим. сост.*

150

Позднее там судили пилота самолета У-2.

151

Речь идет об Альберте Альбертовиче Отте, муже Алисы Бенедиктовны Отт, старосты прихода Святого Людовика Французского в Москве, погибшем в лагере в 1939 году. Справка о нем приведена в Приложении I. — *Прим. сост.*

Например, в конце 1930-х Л. Берией для «показухи» было освобождено немного заключенных, несправедливо обвиненных во времена «нарушений», допущенных при Ежове. — *Прим. сост.*

153

Имеются в виду заградительные отряды сотрудников НКВД, находящихся за дивизиями Красной армии и расстреливающих отступавших во время боя красноармейцев из пулеметов. — *Прим. сост.*

Здесь, по-видимому, автор перепутал республики. Дальневосточная республика, провозглашенная на территории Забайкалья и российского Дальнего Востока 6 апреля 1920 года, официально независимое и демократическое государство с капиталистическим укладом в экономике, просуществовала только до 1922 года и в состав СССР не входила. Возможно, автор имел в виду историю создания в марте 1940 года Карело-Финской ССР, вошедшей шестнадцатой республикой в состав СССР, но в 1956 году реорганизованной в Карельскую АССР. — *Прим. сост.*

155

Главный предмет богослужебного облачения католического священника; то же, что епитрахиль в византийской церковной традиции. — *Прим. сост.*

Об этом вспоминали сестры-монахини Абрикосовской доминиканской общины, прошедшие лагеря и ссылки. — *Прим. сост.*

157

Сосуд для хранения гостий, облаток, используемых для причащения. — *Прим. сост.*

Ярославский Е.М. Антирелигиозное пособие. М., 1941. С. 467.

159

Уильям Максуэлл Эйткен Бивербрук, с 1943 по 1945 год был лордом-хранителем печати Соединенного Королевства, одновременно исполняя должность администратора поставок по ленд-лизу. — *Прим. сост.*

Отдел государственных издательств. — *Прим. сост.*

161

Государственное антирелигиозное издательство. — *Прим. сост.*

Коллаборационистский режим во Франции, сотрудничавший с немецкими оккупантами с 1940 по 1944 год. — *Прим. сост.*

Народный комиссариат здравоохранения. — *Прим. сост.*

164

Небольшой квадратный плат из белого льняного полотна, используемый при совершении святой Мессы и обряда причащения. — *Прим. сост.*

165

В Католической Церкви считается допустимым, если нет возможности встретить священника в течение месяца, венчаться в присутствии двух свидетелей-католиков или даже без них. — *Прим. сост.*

В обычной ситуации разрешение на брак католика с иноверцем должен давать епископ. — *Прим. сост.*

Народный комиссариат просвещения СССР. — *Прим. сост.*

168

Пятая поправка к Конституции США содержит гарантии надлежащего уголовного процесса, запрет повторного привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение, право не свидетельствовать против себя, гарантии при реквизициях. — *Прим. сост.*

169

Леопольд Браун допускает ошибку: Альфред Розенберг был министром восточных оккупированных территорий, а министром по делам Церкви до декабря 1941 года был Ганс Керрль, после его смерти — статс-секретарь Герман Мус. Однако утверждение об ответственности Розенберга за преследование верующих в Германии действительно справедливо, как одного из основных идеологов нацизма, много сделавшего для борьбы с христианством. — *Прим. сост.*

Митрополит Евлогий (Георгиевский). — *Прим. сост.*

Митрополит Анастасий (Грибановский). — *Прим. сост.*

Архиепископ Серафим (Дулгов). — *Прим. сост.*

Архиепископ Дионисий (Валединский). — *Прим. сост.*

Архиепископ Александр (Немоловский). — *Прим. сост.*

Архиепископ Григорий (Боришкевич). — *Прим. сост.*

Архиепископ Владимир (Тихоницкий). — *Прим. сост.*

177

Полковник Юзеф Бек, министр иностранных дел Польши. — *Прим. сост.*

Митрополит Сергий (Страгородский). — *Прим. сост.*

Митрополит Алексий (Симанский). — *Прим. сост.*

С. А. Дридзо-Лозовский был арестован и расстрелян в 1952 году. — *Прим. сост.*

181

Митрополиты Сергий (Страгородский), Алексий (Симанский) и Николай (Ярушевич). — *Прим. сост.*

182

«Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР» был учрежден 14 сентября 1943 года, в мае 1944 года был создан «Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР». В 1960 году они были объединены в «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», просуществовавший до распада СССР. — *Прим. сост.*

183

Неточность автора. За делами Греко-Российской Православно-Кафолической Церкви наблюдал обер-прокурор Святейшего Синода. Для наблюдения за делами существовал специальный Департамент духовных дел иностранных исповеданий, менявший свое название на протяжении истории. — *Прим. сост.*

184

Пауль Йозеф Геббельс был в то время рейхсминистром народного просвещения и пропаганды. — *Прим сост.*

185

Kulturkampf (*нем.*) — борьба за культуру. Так официально называлась проводимая Бисмарком политика подавления Католической Церкви в Германии. — *Прим. сост.*

Адвент — период ожидания Рождества; соответствует Рождественскому посту в византийской традиции. — *Прим. сост.*

187

Очевидно, имеется в виду Синод РПЦЗ, до осени 1943 года находившийся в Белграде. — *Прим. сост.*

Представляется, однако, что религиозная политика Гитлера на оккупированных территориях была несколько сложнее, чем представляется автору воспоминаний. Хотя невозможно отрицать покровительственного отношения оккупационных властей к воссоздаваемым церковным структурам. — *Прим. сост.*

189

Ялтинская конференция проходила с 4 по 11 февраля 1945 года. Вновь избранный патриарх, упоминаемый автором, — это Алексий I, избранный 4 февраля преемником патриарха Сергия, скончавшегося в мае 1944 года. — *Прим. сост.*

Очевидно, имеются в виду патриарший Богоявленский кафедральный собор в Елохово в Москве и взорванный храм Христа Спасителя. — *Прим. сост.*

Справка о нем приведена в Приложении II.

192

Маршал Владислав Сикорский погиб 4 июля 1943 года. — *Прим. сост.*

193

Генерал Жак Филипп Леклерк погиб 28 ноября 1947 года. — *Прим. сост.*

194

Генерал Джон Смит Паттон погиб 21 декабря 1945 года. — *Прим. сост.*

195

Эрнст Бевин с 1945 по 1951 год был министром иностранных дел Великобритании в правительстве премьер-министра Клемента Эттли. — *Прим. сост.*

196

Яков Малик был представителем СССР в Совете Безопасности ООН с 1946 по 1948 год. — *Прим. сост.*

197

В материалах следствия он упоминается как Антуан Лаберж.

Wenger A. Указ. соч. С. 462.

199

Здесь и далее: Следственное дело А. Кузнецовой и других // Центральный архив ФСБ РФ.

200

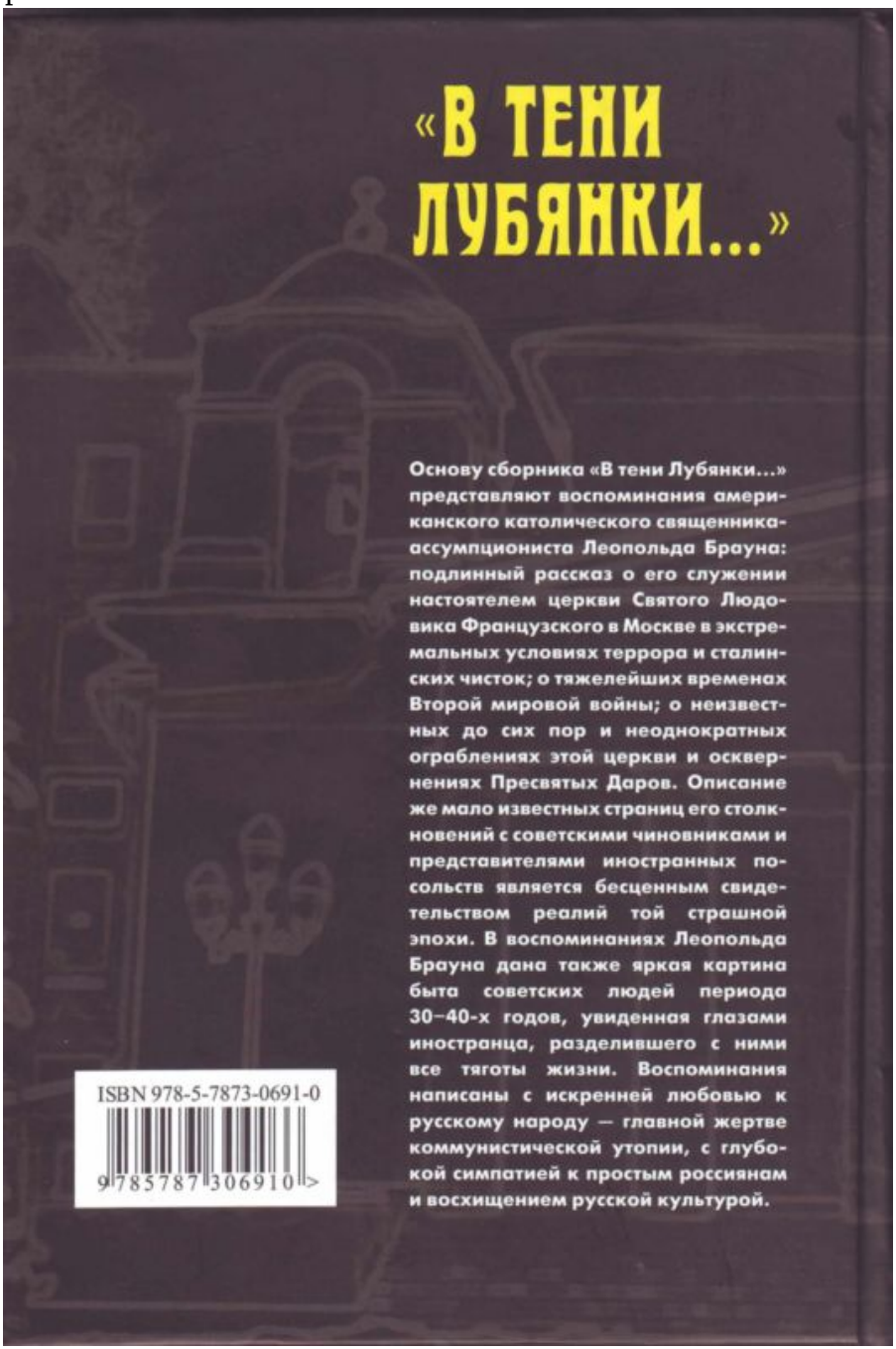
Здесь и далее: Следственное дело А. Б. Отт // Центральный архив ФСБ РФ.

201

Справка о нем приведена в Приложении II.

Wenger A. Указ. соч. С. 462.

Здесь и далее: Следственное дело А. Б. Отт // Центральный архив ФСБ РФ.


«В ТЕНИ ЛУБЯНКИ...»
Основу сборника «В тени Лубянки...» представляют воспоминания американского католического священника-ассумпциониста Леопольда Брауна: подлинный рассказ о его служении настоятелем церкви Святого Людовика Французского в Москве в экстремальных условиях террора и сталинских чисток; о тяжелейших временах Второй мировой войны; о неизвестных до сих пор и неоднократных ограблениях этой церкви и осквернениях Пресвятых Даров. Описание же мало известных страниц его столкновений с советскими чиновниками и представителями иностранных посольств является бесценным свидетельством реалий той страшной эпохи. В воспоминаниях Леопольда Брауна дана также яркая картина быта советских людей периода 30–40-х годов, увиденная глазами иностранца, разделившего с ними все тяготы жизни. Воспоминания написаны с искренней любовью к русскому народу — главной жертве коммунистической утопии, с глубокой симпатией к простым россиянам и восхищением русской культурой.
ISBN 978-5-7873-0691-0
9 785787 306910